

9 ■ 2024

ПОДЪЁМ

Специальный проект журнала «Подъём»:
АННИНСКИЙ МУНИЦИПАЛЬНЫЙ РАЙОН
ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

- Проза и стихотворения авторов из Аннинского муниципального района
- История, культура, мемуары, краеведение
- Картины Александра Курзанова, фотомонтаж

Ежемесячный
литературно-художественный журнал

ПОДЪЁМ

Издается
с января 1931 года

Главный редактор
Иван ЩЁЛОКОВ

Редколлегия:

АВРУТИН А.Ю. (Минск, Беларусь)
АГЕЕВ Б.П. (Курск)
АКАТКИН В.М.
АРШАНСКИЙ В.С. (Мичуринск)
ЕРМАКОВ Д.А. (Вологда)
ЖИХАРЕВ В.И.
ИВАНОВ Г.В. (Москва)
КАН Д.Е. (Оренбург)
КОНДРАТЕНКО А.И. (Орел)
ЛАПИН А.А.
ЛЮТЫЙ В.Д. — заместитель главного редактора
МЕЩЕРЯКОВ Ю.А. (Тамбов)
МИЗГУЛИН Д.А. (Санкт-Петербург)
МОЛЧАНОВ В.Е. (Белгород)
НЕСТРУГИН А.Г.
НОВИЧИХИН Е.Г.
НОВОХАТСКИЙ В.Е. — шеф-редактор (ответственный секретарь)
ПЕРМИНОВ Ю.П. (Омск)
ПОНОМАРЁВ А.А. (Липецк)
ПЫЛЁВ С.П.
СКИФ В.П. (Иркутск)
СЫРНЕВА С.А. (Киров)
СЫЧЁВА Л.А. (Москва)
ШАЦКОВ А.В. (Москва)
ШЕМШУЧЕНКО В.И. (Санкт-Петербург)
ЯКУНИНА Г.П. (Владивосток)

Воронеж

9. 2024

**ОТ ПЕРВОГО
ЛИЦА**

Василий АВДЕЕВ, глава Аннинского муниципального района. **Извечные ценности — земля и люди на ней** 5

ПРОЗА

Валентин ЛЮКОВ. **Песня осени**. Новеллы 15
Семен БОРЗУНОВ. **Не первая атака**. Документальная повесть. (Предисловие Виталия ЖИХАРЕВА) 30
Константин ЛОКОТКОВ. **Астра**. Рассказ 72
Евгений ЗИНКОВ. **Вязанка соломы**. Рассказ 84
Анатолий ТИМАШОВ. **Витькина судьба**. Рассказ 92
Валентин ВАРНАВСКИЙ. **Эля**. Рассказ 102
Анатолий БОЖКО. **Ванятка**. Рассказ 118

ПОЭЗИЯ

Рассветная свежесть любви. Стихи об Анне 10
Сергей ЧЕКМАРЁВ. **Моя простая речь**. Стихи.
(Предисловие Виталия ЖИХАРЕВА) 22
Алексей ПРАСОЛОВ. **Рожденный там, на высоте**.
Стихи. (Предисловие Виталия ЖИХАРЕВА) 64
Валентин ВАРНАВСКИЙ. **Мир, которым я дышу**.
Стихи 81
Екатерина СТРЕЛЬНИКОВА. **Земля босая**. Стихи 86
Александра ВЕРЕТИНА. **Неба лоскут,
еле видимый...** Стихи 96
Крещенский голубь. Общая тетрадь.
Стихи аннинских поэтов 111
Там домик с липой под окном. Общая тетрадь.
Стихи аннинских поэтов 122

ИМЕНА

Евдокия РОСТОПЧИНА. **«Вы вспомните меня...»**
Стихи, написанные в Анне 128
Лидия РОСТОПЧИНА. **Семейная хроника**. Мемуар .. 134
Ирина КАЧУРИНА. **«Здесь рокот сердца
мне слышней...»** (Воронежский край в поэзии
Е.П. Ростопчиной) 141

Анна КОРОЛЬКОВА. **Сказки** 148
Евгений НОВИЧИХИН. **Золотые россыпи
из Старой Тойды**. (Аннинские страницы жизни
А.Н. Корольковой) 166

КРУГ ЖИЗНИ

Виталий ЖИХАРЕВ.
Свет несбывшейся мечты. (Анатолий Карташов из села Садовое был членом первого отряда космонавтов СССР) 188
Страницы прошлого листая.
(Удивительные старинные истории) 208

ИСТОРИЧЕСКИЙ РАКУРС

Лариса КРИГЕР. **Усадьбы Аннинского района** 215

ДАЛЕКОЕ- БЛИЗКОЕ

Владимир НОВОХАТСКИЙ.
Его кистью водила история. (Творческое кредо художника Александра Курзанова) 231
На удивленье городам и весям
(Чем славится земля Аннинская) 234

СУДЬБЫ

Сергей ПОДЛЕСНЫХ. **Курлакский летописец**
(Вспоминая учителя и патриота родного Отечества) 238

ИСТОКИ

Галина ШАТУНОВА. **Родная улица моя.** Очерк 243
Петр БОРЗУНОВ. **Хритоновы и Россия.**
Из записок о крестьянских судьбах 247

ФОТОВЕРНИСАЖ

Здесь приволье роднится с душою. Фотоочерк.
Цветная вкладка

ИСКУССТВО

Лики и лица отчего края. Живопись члена Союза художников СССР/России Александра Курзанова.
Цветная вкладка

На 1 стр. обложки:

Анна с высоты птичьего полета.

Фото с сайта [russiantowns.livejournal.com](http://www.russiantowns.livejournal.com)

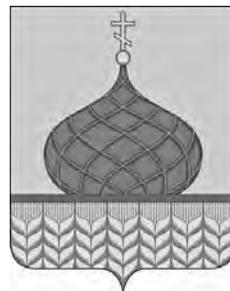
Подписной индекс: Каталог Почта России: ПЗ239.

Сайт и мобильная версия журнала: <http://www.podiemvrn.ru>

***Специальный проект журнала «Подъём»:
Аннинский муниципальный район
Воронежской области***

Выпуск подготовлен
при содействии
администрации Аннинского
муниципального района
с целью поддержки
творчества местных авторов.

Василий Авдеев,
*глава Аннинского
муниципального района*

ИЗВЕЧНЫЕ ЦЕННОСТИ — ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ НА НЕЙ

Течет время и каждого из нас ведет своей жизненной дорогой. Но всегда наше сердце связано с самым заветным местом на земле, где ты родился, вырос, где твой отчий дом, куда хочется вернуться даже из самой красивой и диковинной стороны. Это наша малая родина. Для более чем 36 тысяч человек — это одно из сел Аннинского района Воронежской области. В том числе чуть более 16 тысяч считают таким местом саму Анну. Нашему поселку городского типа, районному центру Анна, в 2024 году исполнилось 326 лет, а Аннинскому району — 96. По меркам истории, кажется, совсем еще юный возраст. Но с другой стороны — вполне солидный, потому что каждодневно был наполнен огромным созидательным трудом аннинцев, которые всегда стремились сделать эту землю богаче и краше.

Наша малая родина — один из чудеснейших уголков Воронежского края. Находится она в самом сердце области. Природа подарила нам гучные черноземы, привольные поля, реки и озера. Через нашу территорию проходят важные транспортные коммуникации, соединяющие ее не только с соседними районами, но и с областями. Анна расположена в 100 километрах к юго-востоку от Воронежа. С областным центром связана железной дорогой и автотрассой. Район граничит на севере с Терновским и Эртильским районами, на востоке — с Грибановским и Новохоперским, на юге — с Таловским и Бобровским, на западе — с Панинским. Территория — 2100 квадратных километров.

Земля Аннинская славится своей незаурядной историей. Издавна, с XVII века, Прибитюжье — долины рек Битюг, Токай, Курлак, Тойда, Анна — заселялось отважными, трудолюбивыми людьми. В XIX и начале XX века на территории района появились первые промышленные предприятия. Счет им открыл сахарный завод в селе Садовом. Возникли конные заводы при поместьях, водяные и ветровые мельницы. Были открыты первые больницы и школы, возводились новые храмы, построена железная дорога от станции Графская до Анны.

В годы первых советских пятилеток многие аннинцы прославились своим ударничеством на всю страну, за что были удостоены самых высоких государственных наград. Особая миссия выпала на долю прифронтовой Анны в период Великой Отечественной войны. На несколько месяцев райцентр стал центром всей Воронежской области — сюда были эвакуированы областные органы государственной власти и управления. Здесь же размещался штаб Воронежского фронта, куда приезжали для разработки планов стратегических операций видные военачальники Г.К. Жуков, А.М. Василевский. Тысячи аннинцев отважно сражались с немецко-фашистскими захватчиками на фронтах, отдавая жизни за Великую Победу, 80-летие которой мы будем отмечать в мае следующего года. Десять уроженцев района стали Героями Советского Союза, двое — полными кавалерами ордена Славы.

В бою и труде, в культуре, науке и просвещении, в спорте и медицине, во многих других сферах прославились аннинцы не только в нашей области, но и в стране. Нынешние поколения достойно продолжают эти традиции. Сегодня своей главной целью мы видим формирование эффективной экономики района и его поселений, обеспечение последовательного развития социальной сферы и повышения уровня и качества жизни населения.

Уже много лет Аннинский район является одним из крупнейших сельхозпроизводителей области. Здесь имеется более 170 тысяч гектаров сельхозугодий, в том числе 139 тысяч гектаров пашни. Мы занимаем в области лидирующие позиции по производству сахарной свеклы, зерна, подсолнечника. Чуть ли не каждый год труженики полей превосходят свои предыдущие рекорды, собирая щедрые урожаи практически всех выращиваемых культур. И достигают этого не за счет расширения площадей, а в результате внедрения современных технологий, повышения культуры земледелия.

Существенный прогресс наблюдается и в животноводческой отрасли. Район входит в тройку лидеров региона по объемам производства молока. Значительная доля в развитии отрасли животноводческой продукции отводится хозяйствам компаний «Молвест», ООО «ЭкоНиваАгро», «АгротехГарант», ЦЧ АПК. Стабильную динамику объемов производства показывают и животноводы хозяйств, работающих без инвесторов, — АО «Путь Ленина», АО «Заря», ООО «Агро-Русь», КХ «Новая Жизнь».

Сельскохозяйственные предприятия и хозяйства района активно пользуются господдержкой в виде субсидий. Сохранение достигнутых темпов производства, надежда на благоприятные погодные условия, достойные цены на продукцию позволяют хозяйствам района получить больше прибыли и увеличить рентабельность производства.

Устойчивое состояние и успешное развитие во многом зависит от инвестиционной активности. За прошлый год на развитие экономики и социальной сферы в районе использовали 2 млрд 326 млн рублей инвестиций в основной капитал. Здесь стабильно работают перерабатывающие предприятия. Например, в августе 2022 года на Аннинском молочном комбинате запустили новую линию по изготовлению творога мощностью 10 тонн в сутки. Эти мощности планируется удвоить. В планах компании «ЭкоНива» также оборудовать участок сушки сыворотки, построить склад, котельную и трансформаторную подстанцию. Реконструкция даст более полусотни новых рабочих мест. Этот этап модернизации позволяет заводу перерабатывать 370 тонн молока в сутки.

В 2019 году построили комбикормовый завод в Николаевке и молочный комплекс в селе Старая Чигла. На достижение стабильных результатов направлено использование производственного потенциала других хозяйств и предприятий района. Ведь стабильная, надежно растущая экономика — это основа для социальных преобразований и для создания комфортных условий жизни в регионе. У нас активно развиваются программы по социальному развитию населенных пунктов. Благоустраиваются территории многоквартирных домов. В Анне в микрорайоне Молодежный установили водонапорную башню. Приобретается коммунальная спецтехника для предприятий водоканала и благоустройства.

В 2023 году за счет ассигнований муниципального дорожного фонда провели ремонт асфальтового покрытия и укладку щебня на дорогах местного значения на сумму 185 млн рублей. По программе инициативного бюджетирования благоустраиваются скверы и парки, капитально ремонтируются мемориалы, создаются общественные пространства, строятся тротуары.

В августе 2019 года в нашем райцентре завершили реконструкцию мемориала, посвященного землякам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. На нее из районного бюджета было выделено 35 миллионов рублей.

По программе «Образ будущего» и благодаря ежегодному получению грантов ТОСами района благоустраиваются детские площадки, досуговые места, дороги, уличные комплексы ГТО и сцены.

В 2022 году закончили строительство современной школы на 400 мест со спортивной и инженерной инфраструктурой в селе Садовое. На возведение нового учебного заведения было выделено 763 млн рублей из областного бюджета. В ней — 28 учебных кабинетов, оснащенных современным оборудованием. На территории есть физкультурно-спортивная зона площадью почти 1,5 гектара со стадионом.

В 2023 году по программе «Комфортная городская среда» проведено благоустройство в Анне общественного пространства по улицам Красноармейская, Ленина, Советская на сумму 61,9 млн рублей. За этими сухими цифрами то, что делает жизнь аннинцев удобнее и привлекательнее. Это — более 3 тысяч метров новых тротуаров, 135 уличных светодиодных и садово-парковых светильников, обустройство детской и спортивной площадок, асфальтирование прилегающей территории. Несомненно, украшают наши улицы повсеместная посадка красивых кустарников, установка удобных лавочек, урн. Завершено также благоустройство улицы Ватутина, где обновили дорожное покрытие, обустроили тротуар и модернизировали уличное освещение.

У себя в районе для создания комфортной среды мы стремимся эффективно использовать все возможности широкого участия в различных целевых программах. И результат налицо.

В 2023 году в рамках программы «Комплексное развитие сельских территорий» обустроили 23 контейнерных площадки на сумму 4,3 млн рублей. Построили автомобильную дорогу в Николаевке протяженностью 6 км с обустройством тротуаров, уличного освещения на сумму 245 млн рублей.

В 2024 году выделили на обустройство парковочной зоны у дома культуры в селе Никольское 1 млн рублей.

В рамках программы по обеспечению доступным жильем молодых специалистов для компании ООО «ЭкоНива Молоко Воронеж» построят 10 жилых домов.

По программе «Энергоэффективность и развитие энергетики» в Николаевском сельском поселении установили 285 светодиодных светильников на сумму 3,5 млн рублей. Освоили субсидии на оплату уличного освещения на сумму 2 млн рублей.

Подготовили проектно-сметную документацию на объект «Строительство канализационных очистных сооружений бытовых сточных вод производительностью 4 тыс. куб/сут с реконструкцией КНС и напорного коллектора в Анне» сметной стоимостью 1 млрд 344 млн рублей.

За счет ассигнований дорожного фонда провели ремонт асфальтового покрытия и укладку щебня на дорогах местного значения на сумму 185 млн рублей протяженностью 32 км.

В рамках программы развития инициативного бюджетирования благоустроили площадь в Садовом и построили тротуар в Нацкеино на сумму 15 млн рублей. Одиннадцать ТОСов реализовали проекты на сумму 6,3 миллиона рублей.

Одним из важнейших направлений в деятельности администрации района всегда было и остается улучшение жилищных условий граждан. В прошлом году ввели в эксплуатацию 7 тыс. 482 кв. метра жилой площади — это 120 процентов к уровню 2022 года.

В рамках государственной программы Воронежской области «Обеспечение качественными жилищно-коммунальными услугами населения Воронежской области» освоены средства при подготовке к отопительному периоду 2023–2024 годов в сумме 17 млн рублей, которые были направлены на ремонт газовых котельных. Закупили коммунальную технику на сумму 11 млн рублей.

Я думаю, что читатели простят мне это перечисление статистических данных. На мой взгляд, они зримо характеризуют наш подход: прочный экономический базис — качественная социальная сфера — комфортная среда обитания. Словом, как говорили в старину: «Будет хлеб — будет и песня». У нас в районе издавна сформировалась особая культурно-творческая атмосфера, в основе которой — почитание традиций и новаторство, поддержка талантов и широкое приобщение людей к культуре. Несмотря на пореформенные сложности, нам удалось сохранить и модернизировать многие дома культуры и сельские клубы. В районе функционируют 30 культурно-досуговых учреждений, в них активно работают 192 клубных формирования, также функционируют 29 библиотек.

Анницы гордятся тем, что на их земле в 1943 году был создан Воронежский русский народный хор. При этом в первом его составе 17 артисток были из села Старая Тойда — из хора народной сказительницы Анны Николаевны Корольковой. Народное творчество и сегодня в почете. В районе действуют самодеятельные коллективы, которым в разные годы было присвоено звание народных: вокальный ансамбль «Аннушка»; хор ветеранов; оркестр русских народных инструментов; духовой оркестр детской школы искусств; эстрадный оркестр детской школы искусств; народный коллектив «Раздолье» Садовского Дома культуры; студия народного танца «ФЕНИКС», которая носит почетное звание образцовой. Эти коллективы не раз становились лауреатами самых престижных конкурсов. Большие возможности реализовать свой творческий потенциал используют местные художники, мастера декоративно-прикладного искусства, работы которых можно увидеть в экспозициях региональных, всероссийских и международных выставок, а также обновленного районного краеведческого музея. Например, Владимиру Ивановичу Шубину —

заведующему художественной мастерской — присвоено звание «Народный мастер Воронежской области». Администрация района всегда стремилась поддержать аннинских поэтов, прозаиков. Регулярно издаются сборники и альманахи их стихотворений и рассказов. В нынешнем номере журнала «Подъём» вы можете познакомиться с творчеством наших литераторов, продолжателей традиций отечественной словесности, ярким представителем которой была известная русская поэтесса, графиня Евдокия Ростопчина. Недавно в Анне нашей знаменитой землячке был установлен памятник.

Быстротечен ход времени. Одно поколение сменяет другое, появляются новые приоритеты в политике, социально-экономическом развитии, но неизменными остаются извечные ценности: земля и люди, работающие на ней, умножающие ее плодородную и духовную силу. И мы всегда будем поддерживать всех, кто свой талант и умение щедро дарит своему родному краю.

Стихи об Анне

РАССВЕТНАЯ СВЕЖЕСТЬ ЛЮБВИ

Осип Мандельштам

ЭТА ОБЛАСТЬ В ТЕМНОВОДЬЕ

Эта область в темноводье —
Хляби хлеба, гроз ведро —
Не дворянское угодье —
Океанское ядро.
Я люблю ее рисунок —
Он на Африку похож.
Дайте свет — прозрачных лунок
На фанере не сочтешь.
— Анна, Россошь и Гремяче, —
Я твержу их имена,
Белизна снегов гагачья
Из вагонного окна.

Я кружил в полях совхозных —
Полон воздуха был рот,
Солнц подсолнечника грозных
Прямо в очи оборот.
Въехал ночью в рукавичный,
Снегом пышущий Тамбов,
Видел Цны — реки обычной —
Белый-белый бел-покров.
Трудодень земли знакомой
Я запомнил навсегда,

Воробьевского райкома
Не забуду никогда.

Где я? Что со мной дурного?
Степь беззимняя гола.
Это мачеха Кольцова,
Шутишь: родина щегла!

Только города немого
В гололедицу обзор,
Только чайника ночного
Сам с собою разговор...
В гуще воздуха степного
Переключка поездов
Да украинская мова
Их растянутых гудков.

Арсений Кузнецов

АННА

Осенним утром даль туманна,
В росе пожухлая трава.
Ах, Анна, Анна, знаешь, Анна,
Ты так любима и желанна,
Что кругом ходит голова!
Ах, Анна, Анна, мой поселок,
Моя любовь и боль моя,
В низинах стройный ряд ветелок,
В них на рассвете ветер звонок,
В садах раскаты соловья.
Я описать тебя не в силе,
Я лишь одно сказать могу:
Милее нет тебя, красивей,
Ты лучший уголок России
На древних склонах к Битюгу.
Ты лучший уголок России.
Твои луга, поля, леса
Обильно росы оросили.
А сколько сини, сколько сини
Хранят твоих озер глаза!
И вся ты встала предо мною
При слове «Родина» в тот час,
Когда пошли на нас войною,
Чтобы рабами сделать нас.
Горжусь нелегкою судьбою
И не солгу, когда скажу:
Не трусил я в порыве боя
И потому перед тобою
Высоко голову держу.
Битюг! И счастье, и горе
Ты разделял со мной, как друг,
Я шел к тебе со спазмой в горле,
С восторгом и обидой горькой, —
Спасибо же тебе, Битюг.
Ты был со мной по-братски ласков,
Любви к тебе не утаю.

Ты слышал мирный рог подпaska,
Красноармеец черпал каской
Струю студеную твою.
Пусть время вертит неустанно
Годов глухие жернова,
Ты мне по-прежнему желанна
В венке лесов, родная Анна,
Моя душа тобой жива.

Павел Кустов

СЕЛЕНЬЕ ТО ЗОВЕТСЯ АННОЙ

Селенье то зовется Анной.
Его обычный облик прост.
Но как душе моей желанны
Дома, стоящие вразброс!

Томимый голодом иль жаждой,
Собравши в горсть остаток сил,
Под эти кровли не однажды
Я знойным летом заходил.

Меня хозяйки угощали,
Хоть я и не был им знаком,
Капустными простыми щами
И пшенной кашей с молоком.

Щеку ладонью подпирая,
Они глядели на меня,
Когда я, крошки подбирая,
Ел, угощенье их ценя.

Я уходил бродить по селам,
Тепло их в сердце унося.
«Спасибо, женщины, за все вам!» —
От всей души произнеся.

Дожди вздымали шлях неровный,
Зловеще ухала гроза.
Но небеса синели, словно
Тех женщин добрые глаза.

Владимир Шуваев

АННА

Красоты стран обетованных
Я вам, земляне, отдаю.
А я люблю родную Анну,
Как любят женщину свою.

Там за калиткой, что прогнулась,
В высоком небе и в крови
Моя страна во мне проснулась
Рассветной свежестью любви.
С тех пор люблю великой мерой
Твои исконные снега,
Твоих берез святую веру,
Мужской характер Битюга.
Здесь замираю у проселка,
Когда, белея на юру,
Твои архангельские села
Любовью дышат по утру...
Любовью аннинской нетленной
Река качает берега,
И входит в душу даль вселенной,
И пахнут лунные стога.
Где край такой найти на свете,
Где, шею вытянув на юг,
Степной колодец на рассвете
Мне душу выплеснет свою!
Мне здесь служилось и любилось —
В краю отцов и матерей,
И здесь судьба моя сложилась
В служенье Родины моей.
В любви к России негасимой
Спасибо, Анна, что верна,
Что лишь с тобой мне жизнь любима
И смерть ни капли не страшна!

Олег Авдеев

АННИНСКИЙ ПАРК

В Аннинском парке каштаны цветут,
Птицы щебечут в листве,
Пух тополиный ложится на пруд,
Стелется вдоль по траве.

Снова зеленый приветливый шум,
Теплого ветра полет,
Сладостных грез и мечтательных дум
Он пробудил хоровод.

Здесь под дубами в прохладной тени
Славно часы проводить.
Эти весенние ясные дни
В песне останутся жить!

Иван Щёлоков

И СНОВА ЗАХОЧЕТСЯ В АННУ

А что если плюнуть на зиму,
На снег, на дорогу в сто верст
И — в Анну, где свет негасимый
Лет давних исходит от звезд?

Попутно для важности пущей
Не плохо б, чтоб вместе с тобой
И Лермонтов ехал, и Пушкин,
И кто-нибудь с ними другой.

Явиться без спроса к графине,
К любимице Ростопчиной...
За встречу — винца из графина,
Из блюдец — отвар травяной.

Сзывать Евдокию Петровну
В столицу или на Кавказ...
Смотреть, как в дыханье неровном
Слезинки сияют у глаз.

От счастья или сожаленья,
От прочих ли женских причин
Прочтет она стихотворенье
В кругу ненаглядных мужчин.

А после вздохнет, чтоб не слышно,
И тихо шепнет про себя:
«Ну как же так можно? Как вышло,
Что мы потеряли себя?»

И будут метельно кружиться
В заснеженном барском саду
Залетные годы, как птицы,
На радость или на беду.

И в этом ушедшем и странном
Явленье припомнится все...
И снова захочется в Анну,
А может, еще и еще.

Валентин Иванович Люков (1930–1977) — советский писатель, сценарист и журналист. Родился в селе Нащеккино Аннинского района. Окончил погранучилище, служил офицером на уссурийской заставе. Учился в Институте кинематографии, работал корреспондентом в газете «Сельская жизнь», в системе Гостелерадио. Жил в Москве, но не порывал связь с малой родиной. Автор многих книг, в их числе — «Дорогу осилит идущий», «Если полюбит земля», «Лесная симфония», «Зарево над юностью» и др.

Валентин Люков

ПЕСНЯ ОСЕНИ

Новеллы

ХЛЕБНЫЙ ДУХ

Мы с отцом сидим у стола, молча наблюдаем за тем, как ловко мать выметывает из печи румяные караваи хлеба и раскладывает их по всей длине широкой судновки. Изба наполняется крупчатым запахом сгоревших на поду капустных листьев и запеченного теста.

Мы оба, отец и я, старательно проглатываем слюну, но матери нет никакого дела до наших вожделенных взглядов. И только потом, когда все ковриги уложены рядком на лавке и протерты сверху промасленной тряпицей, мать поворачивается к нам.

— Ну? — спрашивает она с восторженной гордостью. — Кто третьего дня говорил, что теперь не пекут настоящих хлебов?

Опускаю глаза, потому что говорил это я, когда зашла речь о сельской пекарне. Но разве я мог заподозрить, что первый хлеб из новой муки она испечет сама?..

Мать расстилает по столу хрусткое льняное полотенце и кладет на него еще не остывшую ковригу. Теперь очередь священнодействия за отцом. Он вытирает о край полотенца свои неотдыхающие ладони и бережно разламывает хлеб на три части. Кладет перед нами по увесистой горбушке и первым принимается за свою

долю. Держа горбушку в правой руке, а ладонь левой поставив ниже подбородка, он ест так внимательно и с таким неподдельным аппетитом, будто только что приехал из невесты какого голодного края.

А когда вся коврига съедена и крошки подобраны, отец говорит, глядя мне в глаза:

— Понял, какой у нынешней осени дух?..

СОЛНЦЕ ПОД НОГАМИ

Сразу за пряслами околицы туманится небольшое болото. На его иловатом мелкодонье недовольно шуршит камыш в обиде на октябрь за то, что осень высушила его дудчатые стебли.

Село уже проснулось, и хозяйки принялись за повседневные хлопоты. Из труб над крышами торопливо поднимаются вверх прямые и ровные столбики дыма. Они спешат подпереть отяжелевшие за ночь облака, чтобы не дать им пролиться надоедливим дождем.

Из настезь распахнутых дверей кузницы разносятся звонкие размеренные удары большого молота, и в лад ему ритмично поддакивает подголосок-молоточек. Это кузнец Степан и его сынишка Степка торопятся справиться урочные дела спозаранку, потому что Степке надо еще будет бежать в школу.

Расплескивая небо большими крыльями, над степью долго кружилась журавлиная станица, пока не опустилась близ болота. Птицам очень понравилась музыка кузни. Они протанцевали под ее ритмы какой-то свой ритуальный танец и двинулись к камышам. Белогрудый вожак первым приблизился к воде и вдруг замер...

У самого берега, в лунке от конского копыта, лежало... солнце.

Вожака так смутила неожиданная находка, что он застыл на месте с поднятой для следующего шага ногой.

Подошли другие журавли и окружили его. Несколько долгих минут стояли они в задумчивой неподвижности, следя за тем, как солнце медленно уползает не то под облако, не то под мшистую береговину.

Из кузницы вышли Степан с сыном и с недоумением загляделись на замерших журавлей.

— Чего это они? — спросил Степка.

— Не видишь разве? — отозвался отец. — Дорога им предстоит дальняя, вот они и колдуют.

КАПЛИ СМОЛЫ

Над селом, над притихшей заводью пруда, над чуткой печалью угасших полей далеко разносится перезвон бабьего лета.

Я иду по улице детства и радуюсь, а чему — не могу понять. Может быть, только тому, что я снова здесь, на своей маленькой родине, и знакомый отроду запах капустных кореньев остро щекочет ноздри? Или радостно мне оттого, что сырое лето сменилось, наконец, благодатной погожейстью? Трудно ответить сразу на то, что называется чувством.

И с этой, и с той стороны пруда разместились, как на досужей беседе, свежие сосновые срубы. Подхожу к одному из них. Под ногами весело шуршит ломкая желтая щепка. Но я гляжу вверх. Бревна пригнаны одно к одному привычными к топорщику руками, и пакля, с которой еще не успела осыпаться кострика, вьется ровненьким ручейком.

На гладких состругах блестят проступившие капельки смолы, похожие на застывшие слезинки.

Я долго гляжу на эти пахучие «слезы», но — странно — мне нисколько не грустно. Знать, и у дерева слезы бывают разные.

А разве не так? Разве это не радость — вырасти вдруг стенами, оглядеться по сторонам широкими окнами и увидеть, как в новый дом входит чье-то простое житейское счастье?

НЕЖДАННАЯ ВСТРЕЧА

Повинуясь далекому смутному зову с непонятным предчувствием встречи, неведомо с кем или с чем, выхожу из села. Навстречу скупому солнцу и гулкому простору, навстречу сырým облакам и тревожным запахам палой листвы. Пересекаю широкий, плотно «ухоженный» грузовиками в страду большак и вступаю в луга.

Тут и состоялась она, нежданная, негаданная встреча.

Тень от облака упала прямо передо мной так неожиданно и так густо, что я невольно опустил глаза и посмотрел под ноги. И только теперь я осознанно понял, что повлекло меня в эти уснувшие до весны луга.

Кто же ты, наследник или наследница моего детства, сохранившие эту тропинку? Сын кузнеца, белобрысый Степка, или внучка садовода Антипыча шустроногая Катька? А может быть, вы оба вместе?..

Я вижу себя семилетним русоголовым мальчишкой в посконной рубахе и посконных штанах с большим жестяным бидоном кваса в руке. Распояской, босиком бегу я по едва уловимой глазом тропинке. Влажная трава щедро омывает ступни и щиколотки, приятно холодит сквозь посконь коленки. Солнце еще только поднялось и не успело войти в силу, и весь луг дымится в его лучах, сверкает в бесчисленных миллионах капель росы, переливается сказочными самоцветами медуницы, шалфея, клевера и сотен других цветов, которым в моем тогдашнем понимании и названия-то не было. А над всем этим — запах. Отстойный на ночном лунном хмеле, растревоженный зоревым брожением, ни с чем не сравнимый по остроте и аромату запах покосного луга!

Косари и ночевали в лугах, чтобы зазря не тратить время на ходьбу, а на обязанности детворы лежало снабжение их холодным ржаным квасом. Вот и бегали мы взад-вперед от зари до заката, гордые своей причастностью к важному делу. Впрочем, в те военные годы наше детство не было долгим. В десять лет нам вручали грабли, в одиннадцать — косы, а в двенадцать мы со стариками и бабами вровень отстукивали цепами на току завершающую песнь крестьянской страды.

Грабли, косы, цепы... Их давно уже нет в обиходе. Зато остались густой, пахнувший сторновкой ржаной квас и эта почти незрячая тропинка как живое воспоминание о недавнем лете и о летах, давно минувших.

Тень облака ушла своей бесприютной дорогой. А я стоял еще долго, читая и перечитывая единственную строчку этой тропинки.

ЛЕСНАЯ КРАСАВИЦА

Она стояла одна посреди плоской, как поднос, поляны. На ней было длинное, до земли, вечернее платье из тяжелого хвойного бархата. Заходящее солнце растекалось по ее темным иглам, струясь и переливаясь, как зыбкий бисер.

А вокруг теснились молодые дубки. Они застенчиво шептались о чем-то, но ни один из них не решался сделать хотя бы шаг к середине поляны, туда, где стояла она — елка.

ЖЕЛУДЬ

На большом кленовом листе, почти слившись с ним цветом, лежал желудь. С одного конца скорлупа его лопнула, и бледноватый росток, прошив пергамент листа, ушел в почву.

Мне почудилось в этой прямой тяге к жизни что-то целомудренно-вечное, несокрушимое, что само по себе уже сильнее всех прошедших и будущих бурь и гроз.

Я аккуратно разгреб обожженную октябрём листву и присыпал желудь влажной землей.

Незнакомый друг, если тебе доведется пойти по моим следам, пожалуйста, — будь осторожен!..

ОСЕННИЙ БУКЕТ

К моим ногам летят листья. Ярко-алые, похожие на язычки холодного пламени, бледно-желтые с легкой кофейной дрожью, пепельно-серые и багрянистые, оранжевые и коричневые. У одних в середине еще оставалась грустная зелень, а края были подпалены дыханием осени, другие казались сшитыми тонкими прожилками из множества разноцветных лоскутков.

Октябрь наследил, его привычка.

Я машинально ловлю летящие ко мне листья и машинально разглядываю их.

Листочек с березки. Маленький, гладкий, округлый и трогательный, как ладошка ребенка. И такой же доверчивый и бездумный.

А вот удивительно кроткий, нежный и вместе с тем пронизанный какой-то тайной тревогой, несдержанным беспокойством, почти суевренным страхом неизвестно перед чем цвет осинового листа. Не знаю, почему, но только теперь, сейчас вот, когда я сижу на земле, прислонившись к осине, и чувствую спиной, как тепло и сильно бьются в ней жизненные соки, только теперь я начинаю по-настоящему читать лицо матери, каким оно бывает всякий раз, когда мать собирает меня в дорогу.

Со старого узловатого дуба падает мне на колени широкий, шершавый, шуршащий, как фольга, изборожденный морщинами лист. Я долго и напряженно вглядываюсь в его извилистые росшивы, и вдруг по моей щеке скользит в неумелой ласке большая, натруженная ладонь моего отца.

Я поднимаюсь с земли и долго стою в неподвижности, потеряв нить неведомо откуда нахлынувших мыслей и ощущений. Потом, будто что-то наконец вспомнив, набираю большой букет из самых красивых листьев и с облегченной душой выхожу на опушку.

Осторожно и бережно несу я домой частицу осенней лесной палитры и целое море протяжного, неотразимого и невыразимого словами запаха листопада.

ОЗИМЬЕ

Стою на гребне кургана, гляжу вдаль, на веселую зелень озими, и уже сейчас слышу запах будущего хлеба и хруст его подгорелой на капустном листе корочки.

В стороне, из оврага поднимаются грибники. С лукошками, ведрами, рюкзаками идут они гуськом, след в след, поперек борозд, прямо по озими, по хрупким зеленым. Каждый их шаг болью отдается у меня в сердце, будто идут они не по земле, а по нему, по моему сердцу. Я напрягаю дыхание и кричу им:

— Эй, остановитесь, если вы — люди! Под вашими ногами — жизнь!..

Они машут мне привет руками и идут дальше — гуськом, след в след, прямо по озими, по сгоревшим на поду капустным листьям, по румяным хрустящим корочкам испеченного хлеба и... по моему сердцу.

ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЬ

Матерый лось знал, что последняя песня осеннего леса принадлежит ему, и был готов к этому.

Он вышел на опушку тихим, полным смысла и ожидания утром, когда омытые ночной изморосью солнце едва выглянуло из-за горизонта и еще не успело зажечь дневные свечи спелых кленов.

А когда они вспыхнули, лось горным рывком вскинул горбоносую ветвистую голову, напряг бронзовые мускулы всего прекрасного тела, широко разметанными ноздрями втянул полную грудь воздуха и — затрубил.

Могучий, рокочущий рев взлетел туго натянутой струной над притихшим, настороженным лесом, над изумленными лугами, над звучной печалью далеких и близких деревень.

Грозная лавина звуков вылилась криком глубоко раненной души молодого сильного зверя, тоской и болью по безвременно ушедшему лету.

Но было в этом крике и нечто другое: буйство нерастраченных сил и страстей, жажда жизни, готовность к жестокой борьбе с надвигающимися невзгодами, уверенность в неперемнной победе.

Солнце поднялось уже высоко, а лось все стоял на опушке, изящным силуэтом вписанный в строгую раму леса, и трубил в небо, бросая вызов всем и всему живущему на земле и самому небу.

Наконец он ушел, а подхваченная стоголосым эхом его трубная песня победы неслась по лесным чащобам и балкам в дали осени — сквозь ветер, сквозь облака, сквозь беззвучную капель переспелых кленов.

ПЕСНЯ ОСЕНИ

Золотая середина осени. Тихие пустынные дни, немного холодные ранним утром, когда изумрудом и хризолитом блестит роса в косых лучах ослабевшего солнца; приветливо-теплые в полдень, обласканные еще не злым ветром, распахнутые настезь для взора и грустно-туманные вечером, овеванные кроткой, слегка розоватой закатной синью. Как хороши они, эти дни, когда еще по-летнему высокое небо сверкает чарующей синевой, и на фоне этой едва приглушенной синевы причудливым бронзовым узором сквозят поредевшие пуши молодого леса. Воздух легкий, чист и стеклянно-прозрачен. Четко выступают степные холмистые дали. И

оттуда, из-за холмов, с каждым днем все глуше и печальней доносится призывное ауканье лета. Но никто не откликается на его зов, не подает ответного голоса, и теперь уж ни у кого нет сомнения, что лето окончательно заблудилось в волнистых холмах.

Опустели пашни. Ушли с полей трактора. Лишь почерневшие от забот грачи уныло бродят вдоль глубоких борозд, не думая о чистоте своих смолевых поддевок. Поредели сады. Освобожденные от тяжести плодов деревья стоят вольготно, расправив каждую веточку, какие-то непривычно легкие и голенастые, будто сразу выросшие. В затухающей жухлой зелени листвы мелькнет кое-где случайно позабытое яблоко, вызывая удивление перезрелой янтарной прозрачностью, и тут же с влажным рассыпчатым шмяком упадет наземь. Над садами висит острый застойный запах аниса, поздних цветов и влажной земли. Нынче не только ветру везде просторно. По своим и чужим огородам, наслаждаясь неожиданно обретенной свободой, безнаказанно бродят однолетошные телята, наедают бока сочными капустными кочерыжками и бросовой свеклой. Октябрь торопится. Разжигает холодные, бездымные пожары в лесах, особенно ярко горят на возвышениях клены и долго еще будут пылать, не сгорая до конца, пока не подуют сырые ноябрьские ветры. Тогда сорвутся с родимых веток их семена, снабженные загодя маленькими пропеллерами, разнесутся по белу свету, и там, где они упадут, с наступлением весны появятся хрупкие побеги сотен новых жизней. Но это будет. А пока стоят светлые, просторные осенние дни. Лето будто собрало за своими курганами остатки солнца и щедро выплеснуло их на улицы деревни. Выйдешь на крыльцо и невольно залюбуешься пестрой погожестью. Глаза покалывает запоздалая зелень травы под нижним венцом избы. Сверкают разноцветьем чешуйчатые шиферные крыши. В конце улицы висит легкая дымка. Беззвучно летят кудельки паутины — это отправились в далекое путешествие беспокойные странники пауки бокоходы и тенетники. Дышится легко, свободно, всей грудью. Как славно в такую пору в лугах, в поле, в лесу!..

Осень. До чего ж она разнолика и многокрасочна на необъятных пространствах нашей земли! Где-то давно отгорела страда, а где-то еще догорает. Где-то на юге с теплыми морскими лагунами ласково шепчутся пальмы и лотосы, а где-то на севере шумят первые не окрепшие метели. И все это она, осень нашей земли. Но все-таки нигде она не имеет такой щедрой на краски и настроение, такой волнующей палитры, не вызывает такой нахлыни чувств, как в средней полосе, издавна покоряя души и воображение художников и поэтов.

Смотришь на бескрайнее, с каждым днем густеющее марево полей, и невольно начинает думать так же широко и просторно. Обо всем, что увидено, сделано и пережито, и всюду видишь заботливую и рачительную руку человека. Нашего человека, жизнелюбца и труженика. Человека, который мало говорит в силу природной своей застенчивости, но много делает такого, что всегда было загадкой в русском характере для стороннего наблюдателя. Человека, который неугомонно ищет, дерзает и неизменно добивается победы. Человека, который всегда в пути.

Он трудится всю жизнь, не прося ни почестей, ни наград, никогда не думая об этом. Он не совершает подвигов. Он просто живет на земле и для земли. Пашет, сеет, сажает деревья, чтоб всегда колосилась на зоревом ветру пшеница, чтоб в каждом доме не угасал запах свежего хлеба, чтоб всегда тепло, по-весеннему шумели сады, чтобы просторнее и веселее жилось людям в новых домах.

Да, он не ищет наград и почестей, а если, случается, они сами находят его, что ж? — он заслужил и это...

Отдыхает многожильная труженица-земля. Лицо ее в эти дни торжественно-покойно, взгляд немного выгоревших глаз задумчиво-кроток и чутко-печален. Это — лицо женщины, умудренной жизнью, прошедшей через множество испытаний и нелегкую, но необходимую школу познания.

Порой ей грезится весна — неугомонная юность с присущей ей первозданной девичьей непосредственностью, целомудренной стыдливостью перед собственным расцветшим очарованием в лазурном зеркале майского неба и заманчиво влекущей робостью перед неожиданно пробудившимся, неизведанным чувством материнства.

Порой она видит себя в счастливую пору летней спелости, полной мерой вкусившей взаимную любовь, пережившей ее терпкую радость и сладкую боль, и трепетное биение зародившейся в ней самой новой жизни.

И это ничего, что летние дни устали от солнца и синего ветра и что теперь даже в небе — осень: вон как отчетливо в безлунные, ясные ночи проступает след Млечного первопутка. И не беда, что птицы отпевают ей прощальные песни. Они ведь улетают за новыми песнями и, как наберут их вдосталь, снова вернулся. И пусть на слегка привянувшем ее лице стало больше морщинок. Пусть. Это морщины заботливой матери, которая наработалась в страду до усталости, зато теперь пришел и ее черед отдохнуть. И ничего, что побаливает натруженная спина, а в руках загостились ломота, это все обмоется, схлынет, хоть и не разом, зато большая и дружная ее семья — с хлебом!

Она твердо знает, что вернутся весной птицы и, кроме новых песен, принесут ей новое счастье.

Недаром на пороге ее необъятного дома так ярко сверкает в ночи чеканного золота лунная подкова...

Всякий раз, когда я возвращаюсь домой, я вспоминаю о далеких краях, где почти круглый год цветут лотосы и гордые пальмы и кипарисы подпирают вершинами высокое, звонко-лазурное небо, где волшебным сверкают бахромистые шлейфы полярного сияния, где неумолчно бьют в скалы моря и океаны.

А когда я еду опять туда, в эти далекие страны, мне будут грезиться эти вот неприхотливые степные холмы, эти вспаханные поля с падающей на них грустной журавлиной валторной, эти золотые певучие переделки.

И все это вместе есть моя Родина!

Сергей Чекмарёв

МОЯ ПРОСТАЯ РЕЧЬ

КОМАНДИР АЗБУКИ

На литературной карте Аннинского района «флажком» следует обозначить село Сабуровка. Здесь отметился советский поэт Сергей Чекмарев. По рождению он москвич. С ранних лет увлекся стихотворчеством. Став юношей, вел заветные поэтические тетрадки. Собирался учиться на инженера в столице, но не получилось. В 1929-м приехал в Воронеж и поступил на животноводческий факультет сельскохозяйственного института. А в феврале-марте 1930-го студент Чекмарев был мобилизован в Сабуровку на борьбу с неграмотностью.

Известно, что большевикам досталась Россия отсталая: из 100 мужчин 78 не умели читать и писать, среди женщин неграмотных было еще больше — 89 процентов. Это противоречило целям политического пробуждения народных масс и затрудняло строительство социализма. В 1928 году по инициативе ЦК ВЛКСМ начался всесоюзный культпоход — всенародное движение за грамотность. Сергей Чекмарев стал одним из добровольцев-культурармейцев этого движения.

«Сто семьдесят дворов построились шеренгой в один ряд, встречая меня, командира азбуки. Вьюга молодецкато прокричала свое приветствие. Так я приступил к исполнению своих обязанностей, — восторженно писал студент о Сабуровке родителям в Москву. — Среди необозримого снега и неба, в двенадцати верстах от районного центра, высятся кирпичные избы и возвышаются трубы. Трубы не трубят, они дымят...»

Чекмарев оставил нам бесценные для районного краеведения и в целом местной истории свидетельства о том времени и о себе: «Мне предстояло обучать две группы: группу неграмотных (двадцать три человека) и группу малограмотных (сорок пять человек). Обе группы занимались уже по два месяца. Кроме того, под моим наблюдением были ликпункты в Мосоловке, Андреевке, Мальцевском и Апраксинском совхозах.

Первым моим недоуменным вопросом было: что делали до меня предыдущие «ликвидаторы»? Первая группа, как я уже сказал, занималась два месяца. Однако читает она на восьмой странице букваря, и читает так: «пыашу пыар — пашу пар». Если же слово новое, то его прочитает никто не в состоянии. Вторая группа (малограмотных) читала недурно, но зато страдала другим недостатком: не понимала того, что читает.

Первую группу я решительно согнал с букварей и посадил на разрезную азбу-

Сергей Чекмарёв

ку. Она стала хорошо складывать слова. Буквари же мы использовали для хорошего чтения и чтения тех фраз, которые мы могли складывать по разрезной азбуке.

Со второй группой я пошел дальше и начал приучать ее к сознательному чтению. После каждой статьи обязательно вопросы, повторение, пересказ и т.д. Таким образом, мы прошли темы: ликвидация неграмотности, пятилетка и колхозное строительство».

Пребывание культурмейца Чекмарева в Сабуровке совпало с масштабной работой по коллективизации на селе. Он стал активным бойцом и на этом фронте.

«Вот о колхозном строительстве, — затронул Сергей важную тему в очередном письме. — Как в Сабуровке обстояло дело с колхозами? Еще до моего приезда здесь была некая бригада, которая, пользуясь недопустимыми способами, добилась стопроцентной коллективизации. Как только бригада уехала, сейчас же посыпались заявления о выходе из колхоза. Мы объявили недействительной прежнюю запись и начали в колхоз записывать снова. О неправильных действиях бригады говорили мы на собраниях, в стенгазете. Мы ходили по дворам и по часу, по два беседовали с крестьянами. К моему отъезду вновь записалось в колхоз сорок пять дворов.

Еще что: поставили мы три спектакля. Выпустили два номера стенгазеты. В первом номере были статьи: “О бригаде”, о кулаке, зарезавшем теленка, о комсомольце, ходившем на крещение за святой водой. Стенгазета пользовалась большим успехом. Вскоре после выхода на одном из собраний ее сорвали со стены и изорвали. Второй номер был посвящен исключительно строительству колхозов. Была большая статья “Что говорят о колхозе”, разоблачавшая вражеские слухи и сплетни. Когда я уезжал, стенгазета была еще цела.

Вот и все. Да, как я там устроился? Очень хорошо. Жил, как в сказке, у старика со старухой. Ел блины, пил молоко...»

В том же тридцатом году Чекмарев вернулся в Москву — животноводческий факультет в Воронежском СХИ упразднили. Но студентом он остался, перевелся в Московский мясомолочный институт. Здесь не только осваивает профессию зоотехника, но и активно участвует в общественной жизни — работает в научном кружке, выпускает институтскую многотиражку, руководит комсомольским политкружком. Лишь самые близкие друзья и особенно девушка Тоня знают, что Сергей пишет хорошие стихи, которые пока не спешит публиковать в серьезных газетах и журналах.

По окончании вуза Чекмарев распределяется по собственному желанию в самую глушь из предложенных мест — в отсталый башкирский совхоз. В его блокноте появляются такие строки:

Ну что же... и здесь неплохо
По жилам струится труд.
И если велит эпоха,
Я буду работать тут.

Напор, с которым взялся за дело художавый московский очкарик, удивлял местных. Через год он уже старший зоотехник, уважаемый в округе специалист, активист башкирской комсомолии.

Однако жизнь его оказалась короткой: 11 мая 1933 года по дороге в отдаленный аул на вакцинацию телят Сергею надо было переправляться через бушующую горную речку. Телега перевернулась, и он утонул.

Почти через четверть века после этой трагедии были случайно обнаружены рукописи Чекмарева — несколько тетрадок со стихами. После их публикации в столичном «Новом мире» в 1956 году к нему пришла посмертная, но громкая поэтическая слава. Константин Федин назвал Чекмарева одним «из самых ярких сыновей нашего Отечества. Это поэт, каких немного сейчас, и какие нам нужны дозареза». А Владимир Чивилихин пожелал включить в школьные программы по литературе прекрасные стихи этого автора, «обладающие огромной моральной чистотой, непосредственностью, запалом», которые «подымут еще не одну душу, помогут выработать правильный взгляд на жизнь».

В конце 1959 года издательство «Молодая гвардия» выдвинуло книгу Сергея Чекмарева «Стихи, письма, дневники» на соискание Ленинской премии. В следующем, 1960-м, лауреатами назвали таких мастеров Слова, с которыми состязаться покойному Чекмареву со 184-страничной книжицей сил не хватило: Ленинскую премию дали поэтам Максиму Рыльскому и Мирзо Турсун-заде за сборники стихотворений и поэм, Михаилу Шолохову за роман «Поднятая целина» и группе из двенадцати высокопоставленных авторов за книгу «Лицом к лицу с Америкой. Рассказ о поездке Н. С. Хрущева в США».

Но повезло Сергею Ивановичу в 1975-м. Его память почтили премией Ленинского комсомола «за произведения, воспитывающие подрастающее поколение в духе высокой гражданственности и любви к Родине».

Есть предположение, что стихотворение «Деревня», вошедшее в число таких духоподъемных произведений, поэт написал под сабуровскими впечатлениями:

Пылают печи
Борьбы горячей,
Но, сдвинув плечи,
Деревня плачет:
— Была без ситца,
Была босою,
Но жаль проститься
Мне с косою.
Менять ли росы
На гуды города?
Ах, косы, косы,
Девичья гордость!..
Глаза не мучай,
Не плачь, деревня,
Еще ведь лучше
Цветут деревья.
Взгляни косыми,
Поправь косынку,
Взамен косы мы
Дадим косилку.
Взамен коняги
Дадим мы трактор,

Начнут овраги
Дымиться травкой.
Стань на пригорье,
Надень передник,
Мы перегоним
Самых передних.
Так бей же метко,
Иди же ходко,
Пятилетка —
Четырехгодка!

Исследованием воронежского и конкретно аннинского этапов жизни Сергея Чекмарева в разное время занимались журналист и писатель Виталий Жихарев (в семидесятые годы встречался с сабуровскими старожилками, запрашивал документы из ряда архивов), собственный корреспондент газеты «Коммуны» Виктор Дьяченко (искал адреса квартир, которые студент снимал в Воронеже) и ряд других авторов. К сожалению, нового практически не обнаружилось в первую очередь потому, что во время войны погибли архивы сельхозинститута и учреждений города.

Виталий ЖИХАРЕВ

* * *

Я скажу тебе «прощай»
Вместо «до свидания».
Только ты не обращай
На меня внимания.
Ты засмейся и тряхни
Головой беспечною:
«Ведь нельзя же в наши дни
Жить любовью вечною».
Зачем, зачем блестит слеза
И губы желчью полнятся?
Мои же серые глаза
Недолго будут помниться.
Ведь мой же профиль не прямой
И губы цвета камеди,
Они забудутся тобой,
Они уйдут из памяти...

* * *

Гляди: уже по Лиственной,
Где институт мясной,
Тревожною, таинственной
Повеяло весной.

Уже ручьи забулькали
По всей аллее сплошь.
Отправишься за булками —
Не вытащишь калош.

Ворвался ветер в форточку
С заоблачных высот,
И умывает мордочку
На крыше серый кот.

Но виснет сердце гирею,
Лежит на сердце тень:
В далекую Башкирию
Я еду через день.

Средь гула, среди дыма я
Забудусь ли в тоске?
Но ты, моя любимая,
Останешься в Москве.

В Москве, где все закружено,
Где звон, где шум, где гуд,
В Москве, где шелк, где кружево,
В Москве, где столько губ,

Где все огнями залито,
Где окна жгут, манят,
Ты позабудешь за лето
Мой исподлобья взгляд.

В Москве, где зори молоды,
Где столько лиц и встреч,
Забудешь очень скоро ты
Мою простую речь.

В Москве, где взгляды — омуты,
Где жизнь кипит, как кровь,
Другому ты, другому ты
Отдашь свою любовь.

Средь топота овечьего,
Среди сосновых смол,
Однажды, синим вечером,
Я получу письмо.

И строчки жгут больней огня:
«Сереженька, прощай!
Не мучь меня, забудь меня,
Не плакать обещай».

Пускай тоской и пламенем
Пахнет от этих строк,
Но с выраженьем каменным
Я буду сух и строг.

Я высунусь на улицу
И погляжу вперед.

Грустится ль мне, тоскуется ль —
Никто не разберет.

Рукою не усталую
Придвину микроскоп.
К холодному металлу я
Прижму горячий лоб.

«Она была б жена твоя,
И вот ее уж нет.
Так, сердце, рвись же надвое,
Пылай, жестокий бред...»

В АНАТОМИЧЕСКОМ КАБИНЕТЕ

Вниманием дышат лица...
Раскрыты веером уши...
Здесь молодежь толпится
Около теплой туши.
У края стоит с ланцетом
Бровар¹, слова бросая:
«Мускулюс массетер...
Внутренняя косая...»
Бродит, волокна сминая,
Рук его отпечаток.
«Вот здесь — спинная,
А вот — край зубчатой...»
Но из всех объяснений
Я только одно лишь понял,
Одно лишь мне стало яснее,
Что лучшая девушка — Тоня.
Что бродит по комнате мука,
Что сердце стучит у Тони
Таким серебристым звуком
В таком мелодичном тоне.
И когда мы вышли на воздух
И ночь зацвела голубая,
Это небо, рябое в звездах,
Так хорошо улыбалось.
Колючая вьюга снега
Так бушевала чудесно
И шорох такой шел с неба,
Что в сердце слагалась песня.
Даже луне стало грустно,
Плывущей в лиловом блеске,
Что в небе ужасно пусто
И ей целоваться не с кем.

¹ Преподаватель анатомии.

* * *

Ты говоришь: «Всему конец!
Забудь, уйди, не надо злиться».
И взгляд твой, серый, как свинец,
В мои глаза не хочет влиться.
И я гляжу в твои глаза
И наклоняюсь ниже, ниже...
Тех дней уж не вернуть назад,
Тех поцелуев с губ не выжечь.
Но этот лоб и прядь волос,
Все это — смех, и жест, и брови, —
Оно с душой моей сжилось,
Оно впиталось в плазму крови.
И каждый вечер, в поздний час,
Любовь приходит, как удушье.
Но у тебя в пещерах глаз
Ложится тигром равнодушие.
В улыбке, в линии плеча,
Как лунный свет, скользит усталость.
И мне теперь одна печаль,
Одна тоска теперь осталась...

* * *

Когда я беру твою руку,
Руки ты не отнимаешь,
Но в глазах твоих видится мука,
Такая печаль немая!..
И в жилках руки капризных
Я слышу тоски трепетанье.
Он здесь еще, этот призрак,
Над нами его дыханье!
И я своею рукою
Коснуться тебя не смею,
Я только смотрю с тоскою,
Я только сижу и краснею.

* * *

Я был как пораженный громом,
Не мог дыханье перевести.
Я покраснел, я стал багровым,
Когда услышал эту весть.
Так беспокойно, так тревожно
По коридорам я бродил.
И если б это было можно,
Я сам бы за тебя родил.
Как на душе темно и зыбко,
Как мысли гаснут на лету!..

Тяни, тяни мелодью, скрипка,
Но только выбери не ту.
Ты о любви довольно пела,
Теперь о том ты простони,
Как в муках бьется чье-то тело
На льду колючей простыни,
Как сведены в страданье брови,
Как тяжек груз горячих век —
И как рождается из крови
Комочком синим человек.

* * *

Ну, как тут не думать
о девчонке,
Как коротать одинокие
ночки,
Когда деревья распускают
печенки —
Или, как их правильно,
почки?

* * *

Пушистый снег,
Пушистый снег,
Пушистый снег валится,
Несутся сани, как во сне,
И все в глазах двоится.
Вот сосенки,
Вот сосенки,
Вот сосенки направо,
А ты грустишь о Тосеньке...
Какой чудак ты, право!
А ну пугни,
А ну пугни,
А ну пугни Гнедуху!
Пониже голову пригни,
Помчимся что есть духу.
Ведь хорошо,
Ведь хорошо,
Ведь хорошо в снегу быть —
Осыпал белый порошок
Твои глаза и губы.
На сердце снег,
На сердце снег,
На сердце снег садится.
Храни в груди веселый смех,
Он в жизни пригодится!

Семен Михайлович Борзунов (1919–2020). Родился в селе Студеное Аннинского района Воронежской области. Работал с детства. После школы-семилетки стал литсотрудником районной газеты. В РККА с 1939 года. Участник Великой Отечественной войны. Служил в разных газетах военкором. Награжден многими боевыми орденами и медалями. Полковник. Писатель, публицист, общественный деятель. Работал заместителем главного редактора журнала «Знамя» и «Роман-газеты». Автор многих книг прозы и публицистики. Заслуженный работник культуры РФ. Член Союза писателей СССР/России.

Семен Борзунов

НЕ ПЕРВАЯ АТАКА

Документальная повесть

ВСЕГДА НА ЛИНИИ ОГНЯ

Известный военный журналист и писатель Семен Борзунов родом из Студеного. Здесь была только начальная школа, семилетка — в Нашекино, в пяти километрах. Два года ждал, когда старшему брату справят новую одежку и обувь, а обноски достанутся ему, Семену. Одногодки ходили в седьмой, когда он пришел в пятый. Учился хорошо, и его в школе оставили пионервожатым.

Первым делом Семен завел в школе стенгазету, подобрал актив. О боевой стенновке узнали в райнаробразе, попросили рассказать о ней в районной газете. Как-то в школу заглянул гость из райцентра. Им был редактор районной газеты «Коллективный труд» Киселев. Приехав в село по своим делам, Феофан Евдокимович счел нужным лично познакомиться с активным селькором Борзуновым. А после беседы пригласил на работу в редакцию корреспондентом.

В 1939-м послали корреспондента Борзунова в Воронеж на областной слет передовиков печати. Там его заметил редактор газеты «Коммуна» Петр Трофимович Загоруйко. Сказал, что если будет случай, позовет постажироваться. Случай выпал: осенью большую группу районных редакторов и заместителей редакторов собрали на практику в «Коммуну». По каким-то причинам Киселев поехать в Воронеж не смог, практиковаться послали Семена.

— Загорулько собрал нас, практикантов, у себя в кабинете, — рассказывал Семен Михайлович. — Он представил сотрудников, которых определил нашими кураторами. Я попал к заместителю Загорулько — Федору Шаталову. Такой серьезный, очень умный человек. Мне было интересно присутствовать на «коммуновских» летучках, читать письма в редакцию. Помнится, при «Коммуне» было что-то вроде литературного клуба, где по вторникам кучковалась пишущая городская богема, — там читали стихи и прозу, жарко обсуждали произведения. Запомнил писателя по фамилии Петров, он вроде как старшим был у них. Однажды сходил на встречу писателя Михаила Сергеевко с призывниками, написал короткую заметочку об этом мероприятии, проходившем в клубе завода имени Коминтерна.

Борзунову тогда шел двадцать первый год. Самая пора служить действительную. Загорулько намекнул, что готов помочь с отсрочкой, если Семен пожелает работать в «Коммуне». Комсомолец Борзунов заявил, что любит свое дело и намерен посвятить будущее журналистской работе. Но еще больше, гораздо больше, он хотел бы стать военным и служить Родине.

Новый 1940 год Семен Борзунов встретил в шинели. Он стал курсантом военно-политического училища. «Время пробежало быстро, и вот мы, молодые офицеры-политработники, в новенькой красиво пригнанной форме, с двумя кубиками в петлицах и окаймленной золотом звездой на рукаве, разъехались по гарнизонам страны. Я получил назначение на должность политрука роты танкового соединения в Борислав», — написал Семен Борзунов в автобиографической книге «И будто сызнанова живу».

Борислав — это закарпатский городок у границы с Польшей. Прозорливый командир 32-й тяжелой танковой дивизии по фамилии Пушкин в нарушение запрета 20 июня 1941-го под предлогом учебной тревоги вывел полки на полевые учения. Это спасло дивизию от пол-

ного разгрома уже в первое утро войны. На третий день отчаянного сопротивления корявый осколок мины угодил Семену в голову, но кость, слава Богу, не пробил до конца. Отказавшегося от госпитализации политрука отправили к месту дислокации двух походно-полиграфических автофургонов. Там уже хлопотали редактор и два литсотрудника, налаживая под бомбежкой выпуск дивизионной газеты «Красноармейское слово». Так наш земляк стал военным корреспондентом — сначала дивизионной, потом армейской и фронтовой газет.

Семен Михайлович сохранил блокноты того огненного времени. Часть их опубликовал. Записи пестрят фамилиями солдат и офицеров, отважно сражавшихся с врагом и ставших героями очерков и корреспонденций. Приходилось участвовать в боях и самому журналисту.

Дело было при форсировании Днепра на киевском направлении. Передовому подразделению — усиленной роте гвардейцев-добровольцев — предстояло перед рассветом скрытно переправиться на лодках и подручных средствах через реку, на том берегу захватить плацдарм и любой ценой удержать его до прибытия основных сил. С десантом напросился Борзунов. Его отговаривали: вы, дескать, человек больше штабной, а на прорыв идут бойцы бывалые, пропахшие порохом, в основном из разведчиков. Но Борзунов настоял.

Едва гвардейцы доплыли до середины Днепра, как противоположный берег ожил. В предрасветное небо взвились осветительные ракеты, немцы открыли плотный огонь из пулеметов. С нашей стороны ударила по ним артиллерия.

Не все воины доплыли до цели. Среди погибших мог оказаться и военкор, абсолютно не умеющий плавать: лодку, где он находился, перевернула вздыбленная взрывом волна, и только случайно подвернувшаяся по руку доска помогла удержаться на плаву. Передовая группа все же сумела зацепиться за краешек земли. Используя складки мест-

ности и воронки от снарядов, пулеметчики оборудовали гнезда и вступили в бой, давая высадиться остальным группам.

Когда рассвело, немцы поняли, что плацдарм захватили не более сотни русских. Одна за другой последовали вражеские атаки. Погиб старший лейтенант, командир роты. Действуя согласно боевому уставу, капитан Борзунов принял командование на себя.

В отчете для газеты 1-го Украинского фронта «За честь Родины» военкор Борзунов описал тот жестокий бой, подчеркнул особое мужество разведчиков комсомольцев Николая Петухова, Ивана Семенова, Василия Сысолятина и Василия Иванова. Публикация произвела впечатление на командующего фронтом генерала армии Ватутина. Он вызвал к себе редактора Жукова и Борзунова и поручил подготовить обращение от имени Военсовета фронта в адрес героев и опубликовать в газете. Вскоре те четверо стали Героями Советского Союза.

На каких только фронтах не побывал военный корреспондент Семен Борзунов! Писал о героях битвы за Москву, о защитниках и освободителях Воронежа, Сталинграда и Ленинграда. На Эльбе встречался с союзниками. Был в Берлине, Вене и Праге. Правдист Герой Советского Союза Сергей Борзенко с гордостью отзывался о нем, своим фронтовым другом: «О, это интересный человек! Его хорошо знали и высоко ценили прославленные военачальники... Борзунов был самым оперативным работником газеты. Редактор посылал его на наиболее горячие участки. Писал Семен Михайлович легко и быстро, и мы, его товарищи по перу, многому у него научились».

После Победы Борзунов продолжил службу в Вене в качестве ответственного секретаря газеты Центральной группы войск. Сотрудником здесь был Михаил Алексеев, будущий большой прозаик, автор книг «Хлеб — имя существительное», «Вишневый омут», «Солдаты», «Ивушка неплакучая». А кор-

ректором одно время служил сержант Егор Исаев, будущий большой поэт, лауреат Ленинской премии и Герой Социалистического Труда.

Семен Михайлович знался с самыми выдающимися советскими полководцами — Рокоссовским, Коневым, Бирюзовым, Буденным, Чуйковым, Малиновским, Баграмяном, Якубовским, Язовым. И, конечно, с Жуковым — сам Маршал Победы подарил Борзунову гармошку!

После учебы в Военно-политической академии Семен Михайлович был назначен ответственным редактором журнала «Блокнот агитатора» — это печатное издание Главного политического управления Советской Армии и Военно-морского флота. В 1960 году его направили в Военное издательство Министерства обороны СССР. Здесь он сначала служил главным редактором редакции художественной литературы, а потом заместителем главного редактора Воениздата.

В 1979 году наш земляк, имея за плечами сорок лет календарной службы в армии, ушел в отставку в звании полковника. Но работать, уже на гражданке, продолжил — в качестве заместителя главных редакторов поочередно литературно-художественного журнала «Знамя» и народного журнала «Роман-газета». Даже и в преклонном возрасте не сидел сложа руки — был руководителем пресс-группы Комитета памяти Г.К. Жукова и Межрегионального общественного фонда «Выдающиеся полководцы и флотоводцы Великой Отечественной войны».

Семена Михайловича называют в десятке наиболее известных корреспондентов Великой Отечественной войны. Его ратные труды на журналистском поприще отмечены шестью орденами и двадцатью медалями. Многие ведущие советские писатели благодарны Борзунову за редакторское сопровождение их книг и журнальных публикаций. А если иметь в виду тот факт, что и сам Борзунов преуспел на писательской

ниве, то и огромная армия читателей признательна ему за книги, в которых он правдиво и честно рассказал о «роковых сороковых». Из-под его пера вышло почти тридцать документально-художественных книг. Наиболее известными являются «Берег левый, берег правый», «Ради нескольких строчек», «На линии огня», «С пером и автоматом», «Подвиг, отлитый в строки», «Знамя над городом», «Всегда в боях», «Всего одна жизнь», «В огне облака», «У родного порога», «Романтика героизма», «Верный сын России. Маршал Жуков», «Маршал Конев», «Комбриг Александр Головачев». Последняя книга вышла в 2011 году, это сборник статей, очерков и воспоминаний «И будто сызнова живу».

Произведения Заслуженного работника культуры Российской Федерации С.М. Борзунова отмечены мно-

гими престижными литературными премиями — имени Д. Фурманова, А. Фадеева, К. Симонова, В. Пикуля, журналов «Огонек» и «Знамя», премией Министерства обороны СССР, всероссийскими литературными премиями «Сталинград» и «Прохоровское поле».

Семен Михайлович поддерживал связи с редакциями Аннинской районной газеты и редакцией областной газеты «Коммуна», присылал для публикации свои статьи и очерки. Запомнились его рассказы о встречах с маршалом Жуковым, беседы с его дочерьми Эрой и Эллой, мать которых, Александра Диевна (в девичестве Зуйкова), является уроженкой села Анна.

Умер ветеран советской журналистики и литературы на 102-м году жизни.

Виталий ЖИХАРЕВ

I

Солнце уже высоко поднялось над дымным горизонтом, когда Сергей Деревянкин, голодный, измученный и грязный, вернулся из полка, который с тяжелейшими боями форсировал Дон и занял плацдарм на его западном берегу. Надо бы хоть немного поспать, поесть, обсохнуть, успокоиться... Надо! Даже солдаты, участвовавшие в штурме вражеских позиций, после боя приводят себя в порядок, отдыхают. А он так не может. Никак, ни при каких условиях. Журналистский долг требует, чтобы обо всем увиденном и пережитом было сегодня же напечатано в газете. Вся дивизия должна узнать о событиях, происшедших ночью, о наиболее отличившихся солдатах и командирах. О новой победе советского оружия.

Сергей сам это прекрасно понимает. А тут еще редактор стоит над душой, вопрошающе смотрит на него: газету давно пора запускать в печать, а полоса, оставленная для очерка Деревянкина, пуста. Никто, кроме тебя, не напишет.

Ждет машинистка, ждут наборщики, печатники, экспедитор, работники полевой почты...

Ждут тысячи читателей. А ты медлишь...

Деревянкин с трудом разомкнул веки, тяжело опустился на пенек.

Ноги гудят, стучит в висках. Голова словно чугунная. Надо заставить себя вспомнить... От начала и до конца. Со всеми подробностями. Во всех деталях. Вспомнить и написать. Надо, надо!

Деревянкин встряхивает головой, прижимает ладони к вискам. Напрягает память, и перед его мысленным взором оживают картины вчерашнего дня...

II

— Батальон, смирно! — громко скомандовал старший лейтенант. Подчеркнуто четко повернулся направо, стараясь не показать, как болит раненая нога, ступая особенно четко, строевым шагом подошел к командиру полка Казакевичу, комиссару Мурадян.

Утреннее донское солнце скользнуло по истрепанным, но до блеска начищенным сапогам комбата. Он резко вскинул руку к выцветшей, лихо надвинутой на бровь пилотке:

— Товарищ подполковник, батальон по вашему приказанию построен! Докладывает командир батальона старший лейтенант Даниелян.

— Здравствуйте, товарищи!

— Здравия желаем, товарищ подполковник!

— Вольно!

— Вольно! — обернувшись к поредевшему в недавних боях батальону, по-мальчишески звонко крикнул комбат.

Сам он еще некоторое время оставался в положении «смирно», внимательно и строго глядя на бойцов, на командира роты лейтенанта Антопова, на взводного младшего лейтенанта Германа, на отличившихся в контратаке рядовых Захарина, Бениашвили, Черновола. И они, уловив нечто чрезвычайное и в голосе комбата, и в его блестящих глазах, еще больше подтянулись. И хотя батальон не сдвинулся с места, он стал как бы плотнее, будто и погибшие и раненые заняли свои места в строю, приготовились слушать приказ.

— Товарищи бойцы!

Командир полка начал тепло, задушевно, ощутив слитность бойцов и офицеров, братство, которое исключает строгую официальность. И уж совсем доверительно тихо сказал:

— Дорогие друзья!

Помолчал, справляясь с волнением.

— В недавнем бою вы доказали, что ваш батальон стоит целого полка. Ни один раненый, ни один убитый не упал лицом на восток. Только на запад! Вы смогли выдержать то, чего не смог вынести металл. Броня плавилась, а вы стояли. И наш фланг устоял, потому что ваше мужество было беспримерным. Многие отличившиеся представлены к наградам. Но вы все как один заслуживаете самой высокой похвалы и высокого доверия. Спасибо вам от лица командования!

Подполковник сделал паузу. Вытер платком вспотевшее лицо. Поправил рукой спадавшую на лоб прядь. Ему предстояло довести до бойцов смысл приказа Верховного Главнокомандующего от 28 июля 1942 года. Об этом документе в полку никто, кроме него, пока не знал.

— Но враг еще силен, — продолжал командир полка. — Он прорвался к Северному Кавказу, рвется к Сталинграду, на Кубань... Отступить некуда. Отступить дальше — значит, погибнуть. Ни шагу назад! Таков призыв Родины.

Корреспонденту дивизионной газеты «Красноармейское слово» поллитруку Сергею Деревянкину показалось, что подполковник посмотрел на него. И будто угадав мысли Деревянкина, командир полка продолжал:

— Еще не смолкли выстрелы, а ваши подвиги уже вошли в историю: листки нашей дивизионной газеты будут в грядущем перечитываться, как страницы летописи. Еще раз сердечное вам спасибо! Обнимаю вас, обнимаю и эту придонскую землю, истерзанную, измученную, окровавленную.

Родина и партия могут положиться на нас. Они доверили вашему батальону первым начать форсирование Дона, стать первыми в грядущем всеобщем наступлении, которое будет, клянусь вам своей честью, будет! К этому мы должны быть готовы каждый день и каждый час...

Подполковник уступил место комиссару.

— Партия бросила клич: «Ни шагу назад!» — начал батальонный комиссар Мурадян. — Как ни старался враг, наши бойцы не сдали своих позиций. Близок день, когда прозвучит призыв: «Вперед!». И от того, как будут действовать наши передовые подразделения, зависит исход будущих операций. Форсировать Дон — трудная задача. Нужна группа добровольцев, чтобы провести разведку боем. Я верю, что первыми будут коммунисты и комсомольцы. Требуются не только отличные солдаты, но и отличные пловцы и даже альпинисты. Вон гора Меловая, — он указал рукой вдаль, — которую мы должны будем взять, закрепить на ней и, господствуя над окружающей местностью, огнем прикрывать переправу. Добровольцы, два шага вперед!

Когда командир роты связи старший лейтенант Горохов шагнул вперед, он увидел, что слева и справа решительно вышли из строя Антопов, Герман, Захарин, Черновол, Бениашвили, работник дивизионной газеты Сергей Деревянкин... «Вот тебе и газетчик, интеллигенция, так сказать. Мне-то это положено по долгу службы: кто же первый протянет связь, если не мои хлопцы...»

Ефим Антопов, командир девятой стрелковой роты, повел глазами, прикинул: человек сорок, не меньше...

А солдаты все выходили и выходили.

Отобрали девятерых лучших. Отобрали, учитывая все: характер, выносливость, умение плавать, преодолевать естественные преграды. Комиссар Мурадян Виктор Асланович заметил, что в первой штурмовой группе оказались и русские, и украинцы, и армянин, и грузин, и татарин... А почему не видно среди добровольцев Чолпонбая Тулебердиева? Уж не ранен ли? Славный парень. Хороший очерк о нем написал Деревянкин...

И когда батальону уже скомандовали разойтись, комиссар увидел Чолпонбая. Раскрасневшийся, бежал он к командиру отделения сержанту Захарину.

— Товарищ сержант, разрешите обратиться к командиру взвода, — прозвучал его голос. Узкие брови сошлись на переносице.

— Разрешаю, — удивленно отозвался Захарин.

Еще больше удивились, когда услышали:

— Товарищ младший лейтенант, разрешите обратиться к командиру роты!

В больших, чуть печальных глазах Германа вспыхнула недоуменная усмешка.

— Обращайтесь.

К командиру роты Чолпонбай подошел строевым шагом.

— Товарищ лейтенант, разрешите обратиться к командиру батальона. Антопов любил Чолпонбая за храбрость. Серьезно спросил:

— Очень нужно?

— Очень!

— Обращайтесь.

От командира батальона Тулебердиев направился к комиссару полка.

— Товарищ батальонный комиссар! За что так обижать?

— Кого, товарищ Тулебердиев? Кто вас обидел?
 — Я же после смены спал: на посту ночью стоял. А меня не предупредили. В строю не был, когда вы говорили...
 — О чем?
 — О добровольцах, товарищ батальонный комиссар!
 — Поздно, Тулебердиев. Уже отобрали.
 — Потому к вам и обращаюсь, товарищ батальонный комиссар. Несправедливо это. Неправильно. Я клятву давал!
 — Нужны пловцы.
 — Я плаваю хорошо! — не задумываясь, похвалился Чолпонбай. Заговорил торопливо: — А по горам ходить я в Тянь-Шане натренировался. Поверьте, очень прошу. Или если мне еще комсомольского билета не выдали, то и доверить нельзя?
 Чолпонбай действовал наверняка: только вчера его приняли в комсомол. Это решило исход дела.
 — Хорошо, я поговорю с командиром полка, — пообещал комиссар.

III

Ночью, перед рассветом, в районе Селявного группа под командованием старшего лейтенанта Горохова бесшумно и быстро должна была переправиться через Дон.

Дзоты и бронеколпаки, множество траншей и окопов, ряды колючей проволоки, минные поля и организованная система огня — все это ждало их на том берегу...

Наша разведка нащупала наиболее уязвимое место на самом, казалось бы, неприступном участке — у Меловой горы. Против нее на восточном берегу, скрытно перегруппировав свои силы под носом у противника, сосредоточилась наша стрелковая дивизия. Штурмовые подразделения предполагалось переправить через Дон вслед за разведгруппой, составленной из добровольцев.

Пока артиллеристы засекали и уточняли огневые точки противника, группа Горохова скрытно изготовилась к переправе. Раздобыли, спустили на воду и замаскировали рыбацкие лодки. Соорудили плотки из подручных материалов, из плащ-палаток, набитых сеном. Они помогли удержаться на воде бойцу, на них можно было положить оружие и боеприпасы.

Горохов и вся его группа тщательно изучали место высадки, метр за метром прощупывали подступы к Меловой горе. Не отрываясь от бинокля, глядел за Дон и Чолпонбай. Его острые глаза сузились, он мысленно уже был на том берегу. Затаился в пойме, переждал. Начал взбираться на гору. Нащупал ногой выбоину, подтянулся, ухватившись за куст. Встал на камень... Переполз в сторону, наискосок, огляделся. Дзот справа, в расщелине замаскирован. В бинокль разглядел холмик свежей земли, покрытый жухлой травой. Вокруг никакого движения, берег словно вымер. Не дураки же немцы, чтобы обнаруживать свои дзоты...

Горохов именно эту тропку, этот дзот наметил Чолпонбаю. Но вдруг там, за каменистым уступом, может оказаться еще один дзот? В бинокль не разглядишь. Веки дрожат от напряжения. Чудится: синеватый дымок вьется там. И птицы ни разу не сели около этого камня. Не там ли замаскирован второй дзот, который отсечным огнем может преградить путь?

Рядом с Чолпонбаем наблюдает за противником Сергей Деревянкин.

Старается держаться как можно беззаботнее. Ничем не выдать то, что мучает его вот уже несколько дней. Нельзя это выдать до времени. Так будет лучше Чолпонбаю...

Губы пересохли, странное оцепенение сковало тело. Солнце зашло за Меловую гору, теперь она казалась черной.

Деревянкин с трудом подавил вздох.

— Переживаете, что вас не пустили? Не в первой группе, так в третьей будете. Все равно дальше вместе пойдем...

— М-да, — неопределенно протянул Сергей.

— Ничего, друг, там, — Тулебердиев указал рукой за реку, — встретимся. Вместе будем, да?

— Да, — повторил Деревянкин, отводя взгляд от внимательных глаз Чолпонбая.

Когда Сергей писал очерк о Тулебердиеве, он многое узнал о его жизни. Рано умер отец Чолпонбая, всю заботу о семье взял на себя Токош, старший брат. Заменял Чолпонбаю отца. Воспитывал его, защищал, кормил, ухаживал, когда тот болел. Разница в возрасте была небольшая, всего несколько лет. Но младший брат не только любил старшего, а преклонялся перед ним, считая его, как и многие в ауле, человеком особенным, рожденным для большой и славной жизни. Об уме Токоша, о его честности и справедливости шла добрая молва. Даже пожилые не считали для себя зазорным посоветоваться с ним...

Сергей завязал переписку с Токошем. Тот воевал на другом фронте и очень беспокоился о брате, просил приглаждать за ним. Открыл его тайну: Чолпонбай с детства мечтал о подвиге.

А несколько дней назад из воинской части, от командира роты, пришло письмо на имя Сергея. «Товарищ политрук, обращаемся к вам как к другу рядового Токоша Тулебердиева и его брата Чолпонбая. В бою под Ржевом рядовой Токош Тулебердиев до конца выполнил свой долг солдата. Из противотанкового ружья он уничтожил два танка противника. Раненый, не оставил поля боя, левой рукой продолжал бросать гранаты. Пал смертью храбрых. Мы нашли в его вещмешке письма и ваш адрес. Просим обо всем сообщить его брату. На родину Т. Тулебердиева мы послали письмо с указанием места захоронения. Скорбим вместе с вами. Мы отомстим врагу за нашего общего друга. Ст. л-т Кругов».

Сергей помнил наизусть это короткое письмо. Сейчас, лежа в окопе и наблюдая за Чолпонбаем, он пропустил мимо ушей его слова: «Что-то брат не пишет... То через день, а то... Уж не случилось ли с ним чего?»

Сергей часто приходил «в гости» к другу. Сегодняшнее посещение не могло насторожить Чоке. Показать письмо лучше после броска через Дон. Завтра, наверно, Сергей в штабе слышал... А какое, собственно, право он имеет скрывать? Право друга, оберегающего... От чего? От правды, хотя бы и страшной?

— У вас есть какая-то тайна? — неожиданно спросил Чолпонбай.

— С чего ты взял?

— Просто никогда вас таким не видел, — он отложил бинокль в сторону.

— Каким?

— Темным, как туча, — и Чолпонбай, по-детски заслоняя глаза ладонью, показал, как темна туча.

— Тебе просто показалось.

— Вы уже несколько дней такой... Будто потеряли близкого челове-

ка. Чувствую, что у вас сердце болит. Вон даже губы пересохли. Почему со мной не поделитесь? Беда, если ее разделить с другом, вдвое меньше будет. А может быть, я чем-нибудь и помочь могу?

Сергей чувствовал, как с каждым словом друга горло его сдавливают невидимая рука. Силился улыбнуться, но губы не слушались.

— Почему мне сказать не можете? С девушкой, с Ниной, может, что случилось?

Сергей беспомощно развел руками.

На противоположной стороне раздался оружейный выстрел. Дрогнула земля от разрыва. Чолпонбай поднял к глазам бинокль, оба замолкли, глядя за реку.

IV

Удивительна судьба военного журналиста! Сколько нового, значительного видишь каждый день! Столько судеб людских познаешь на фронтовом пути, что собственные переживания, собственная жизнь вроде бы и не в счет. Вроде и не живешь ты сам, занятый чужими делами. Да разве чужие они, эти жизни и судьбы? Видать, не зря говорят, что у журналиста не одна жизнь — десятки, сотни. Рассказать интересно о человеке возможно только тогда, когда переживешь сам, прочувствуешь то, что пережил и прочувствовал он. Каждый новый очерк — чья-то жизнь, которая стала частью твоей собственной жизни. Твоим поступком, твоим подвигом.

Правду в народе говорят: порою встреча становится судьбой. Конечно, как ее понимать, судьбу. Прошлой зимой Сергей спешил в штаб стрелкового полка. На еще не наезженной, но уже перекопанной бомбами проселочной дороге встретились ему молодые солдаты. Они только что прибыли из запасной кавалерийской дивизии. Все в новеньких шинелях, держатся молодцами. Сергей представил завтрашний день этих веселых молоденьких ребят...

По всегдашней своей привычке торопиться куда-то он, увязая в снегу, по обочине обгонял строй. Больно споткнулся обо что-то под снегом, едва удержался на ногах, сконфуженно оглянулся...

На него с удивительно добрым участием смотрели ясные, черные глаза. Сергей невольно задержал взгляд на этом не по возрасту мудром и добром лице. Только это лицо в тот миг видел Сергей, будто и не было вокруг никого больше.

Позже встретил этого парня в штабе полка. И подивился опять глазам — мудрым, излучающим доброту и покой.

У Сергея было задание написать об отличившихся бойцах второго батальона, который только что выбил немцев из небольшой деревеньки. Уточнив туда путь, заторопился, чтобы засветло успеть дойти до места недавнего боя. Шел и все вспоминал широкоскулое бронзовое лицо, ясные черные глаза человека, знавшего, ради чего он покинул родной очаг, надел солдатскую шинель, пересек огромные, невиданные доселе пространства...

Давно ли и сам он, Сергей, был таким же молодеватым и юным? Учился в военно-политическом училище в Житомире. Бережно хранил номера «Пионерской правды» (центральная пресса!), где были помещены две его заметки и двенадцатистрочное стихотворение о Пушкине. А потом с двумя кубарями в петлицах был политруком разведроты в танко-

вой дивизии, отрабатывал учебные «бои» на тактических учениях в районе Перемышля. Восторженно читал ночами Пушкина — и в ту ночь, когда началась война. И в один день все было отброшено за какой-то далекий неодолимый барьер — бедное, босоное и голодное детство, радостная работа в районной, затем в областной газете, куда его пригласили как проявившего способности селькора. И тем ясней встали в памяти слова редактора районной газеты Феофана Евдокимовича Козырева: «Как ты похож на отца, Сережа!» Козырев знал отца, воевал вместе с ним. В первую империалистическую отец заслужил «Георгия». После Октябрьской революции сразу вступил в ряды молодой Красной Армии, стал советским командиром. В боях против Деникина под Воронежем был тяжело ранен и вскоре умер, не успев получить награды за храбрость — уже от Советского правительства...

Сергей шел по вечерющему молчаливому лесу, удивляясь тишине и тому, что не попадалось никого навстречу. И все острее чувствовал тревогу, подстерегающую его беду. Может быть, потому и не сразу вошел в деревню, начинавшуюся за лесом, а предусмотрительно остановился на опушке, долго всматривался в пустынную улицу.

Осторожно, от дерева к дереву, стал приближаться к деревне, уже успокаиваясь и поругивая себя — если не за трусоватость, то уж, во всяком случае, за то, что поддался необъяснимому чувству.

И тут, когда он совсем успокоился и быстрым своим шагом приблизился к крайней избе, в сгущающихся сумерках увидел у четвертого с краю дома немецкую грузовую машину с откинутым задним бортом и гитлеровцев — живых и дюжих. Они передавали из рук в руки какие-то ящики и весело переговаривались.

Сергей опрометью кинулся к лесу...

А тем временем командир полка отдал распоряжение отправить в эту деревеньку бойцов нового пополнения, среди которых находился и Чолпонбай Тулебердиев, тот молодой киргиз, который так запомнился Сергею.

Доклад Деревянкина заставил командира полка отменить свое приказание. Обидно, конечно, было, что немцам удалось вновь потеснить второй батальон, но война есть война...

Вскоре Чолпонбай Тулебердиев стал другом Сергея Деревянкина, привязался к политруку, как брат. Ему первому рассказал о любимой своей девушке Гюльнар, о брате Токоше, дал его адрес: на войне все может случиться. Сергей затеял переписку с Токошем, не дожидаясь случая.

Чолпонбай и Сергей долго молча смотрели на правый берег. Внимательно смотрел Чолпонбай, а Сергей все пытался представить себе, как воспримет его друг известие о гибели брата. Приходила и другая мысль: «А если в бою случится со мной беда? Нет, это нужно сделать не откладывая...»

Не в одной уже атаке побывал вместе с Чолпонбаем. А эта вот самая трудная — беззвучная атака чужой беды, ставшей своей бедою...

А жизнь есть жизнь. Небо, река, лозняки, рыбный запах воды, чебреца... Запах земли в окопе... Чем укрепить друга для новых атак, для завтрашней? Как помочь ему победить горе?

Сергей смотрел на реку.

Медленно поворачиваясь, окатываемая набегающими мелкими волнами, проплыла обугленная оконная рама. Рядом, то прижимаясь, то

отставая, плыл обломок наличника. Потом показалось дерево. Ближе, ближе. Береза, вырванная с корнем. Недавним разрывом снаряда или бомбы. На корнях еще держатся комочки земли...

Чуть слышно шумят камыши. Машут прощально березе, клонятся, сиюсь удержат ее за ветви, за распластанные по воде пряди листвы, за корни, похожие на судорожно скрюченные пальцы. Уцепиться, удержать, вернуть к жизни... Вернуть недавнее былое, покой Дона... Сейчас, в августе сорок второго, этот покой неправдоподобно далек. И шорох камыша исполнен жалобы, упрека, тревоги перед новой артиллерийской конадой...

А когда-то его шум был музыкой — мелодичной, задушевной. Деревенским ребятам камыш знаком с детства. Каждой весной, бродя вдоль заросших берегов речушки, Сергей вместе с толпой босоногих друзей наблюдал, как острыми белесыми стрелочками всходит он из воды. С каждым днем все заметнее, выше, зеленее. Потом раздваивается, выпускает острые, как лезвия ножниц, листья. К середине лета его стройные гибкие стебли достигают человеческого роста, начинают «колоситься», цвести, в зной склоняясь к воде, будто желая напиться. А осенью, в конце уборочной кампании, ребята жали серпами его пожелтевшие, звенящие, как железо, стебли. Вытаскивали на берег, укладывали в тачанки и возили по домам для хозяйственных нужд. Одни покрывали им хаты, другие утепляли коровники, третьи скармливали зимой скоту, если случалась бескормица. А сами мальчишки мастерили из него «водяные насосы» и разного рода дудочки, пицалки, на которых, как на свирелях, вытягивали незатейливые мелодии. Вечерами эти самодельные духовые инструменты присоединялись к голосистой уличной гармонике, гитаре, балалайке...

Береза замерла перед окопом, развернулась, будто пытаясь выпростать листву из воды, дернулась, выронила из пальцев-корней комочек земли. Послышался легкий всплеск, Чолпонбай словно очнулся от дремоты, опустил на колени бинокль.

— Такой цвет у березы, как у снегов на наших горах...

Отодвинул назад автомат, будто оружие мешало ему в этот миг увидеть белые горы, мирную Киргизию, свой аул, лица милых, родных людей...

Сергей как бы невзначай тронул локоть друга.

— Увидишь еще свои горы...

Августовская земля еще не остыла, небо безмятежно лучилось, сверкало прозрачной лазурью. Никак не верилось в этот миг, что на этой земле, под этим небом грохочут орудия, движутся танки, проносятся вражеские самолеты, что гитлеровцы рвутся к Волге, к Кавказу, к сердцу Родины — Москве...

Чтобы вернуться к действительности, Деревянкин перевел взгляд на вырванную березу — черно-белые штрихи ее коры слились с блеском волн, вся река представилась березовым лесом, лесом его детства...

Он протер глаза, потрянул головой.

— А у нас леса...

Перед ним встал могучий сосновый бор с уходящими в небо стройными колоннами, и снова веселая березовая роща, просторная, излучающая радостный свет, потом мшистый, задумчивый ельник, кряжистые дубы-великаны, нежная, всегда нарядная — весной в белых цветах, осенью алеющая тяжелыми гроздьями ягод — рябина... У леса много лиц и одна

душа, он добр к человеку, облегчает и украшает его жизнь. Сейчас и лес в страшной беде, его кромсают бомбы, снаряды, пули, беспощадно губят пожары... Бывало, не дожدهшься воскресенья. С утра — в лес! Дышать его чистым, прохладным воздухом, зачарованно слушать успокаивающий, уносящий в мечты мирный шелест листвы, разноголосое щебетание птиц...

Лес всегда верно служил человеку. Вот и сейчас, сколько у него «профессий»? Укрывать людей от вражеского глаза, от бомбардировок, артиллерийских и минометных обстрелов, от зимней стужи и яростных осенних дождей. Согревать солдат в надежных землянках, преграждать путь врагу завалами. Лес — верный союзник народных мстителей — партизан. Они чувствуют себя в нем как дома, враги же боятся углубляться в леса, где из-за каждого дерева, из-за каждого куста их подстерегает смерть...

Деревянкин неловко повернулся в тесном окопе, задел Чолпонбая. Тот опустил бинокль, взгляды их встретились.

— Все-таки странные у вас глаза, товарищ политрук. То стальные, то темные, а сейчас светлые-светлые! Вы ведь не боитесь, я знаю. Скажите, что с вами?

— Талантливый ты, Чоке! Русский язык как освоил. Прямо поэт! — отшутился Сергей. Пряча взгляд, достал блокнот, стал что-то записывать в него.

Чолпонбай уважительно следил за быстрой рукой Сергея, за карандашом, который точно петлял по невидимой под снегом тропинке, оставляя за собою замысловатый след.

Странное дело: сколько уж рассказал Чолпонбай о себе, а сам ни о чем не расспрашивал Сергея. Не то чтобы стеснялся, но как-то всегда получалось, что говорил он, а Сергей слушал. Чолпонбай точным взглядом охотника и следопыта еще тогда, на зимней дороге, сразу увидел в незнакомом политруке внимательного к другим человека. Журналист умел слушать людей. Мог бы и просто заглянуть в окоп, узнать фамилию, звание отличившегося солдата... Ведь заметки в дивизионной газете очень короткие. А политрук ел с солдатами из одного котелка, хоть вот с ним, с Чолпонбаем, ходил в атаки, дважды выручил его... А после горячего боя, когда все отдыхали, писал, бежал передать заметку в редакцию и снова возвращался на передовую. Когда говорили о трудностях на войне, Чолпонбай всегда вспоминал политрука Деревянкина, и все во взводе с ним соглашались. Чолпонбай рассказал, что Деревянкин был ранен на второй день войны, что нет человека добрей и внимательнее его.

Вот и сейчас что-то пишет. Чолпонбаю очень хочется поговорить с ним.

— Скажите, а Дон — большой?

— Почти две тысячи километров.

Чолпонбай всматривается в медленно текущую реку.

— Знаете, Сергей, на заре мне кажется, что река вся красная, что не вода, а кровь течет в ней...

— Да, много горя видел Тихий Дон, много крови... Здесь в гражданскую и мой отец погиб где-то под Касторной...

Оба смотрят на Дон. На медленно текущую воду, как и на огонь, можно смотреть бесконечно. Сергей думает об отце. Даже хорошей фотографии его не осталось. Была желтая, выгоревшая от времени, на которой едва и просматривались черты лица. Мама хранила ее бережно, временами доставала, долго вглядывалась — она-то видела родного человека, вела

с ним нескончаемый разговор. Тяжело было ей, одной с двумя маленькими детьми, накормить их, одеть-обуть надо. С рассвета до позднего вечера на ногах...

Вышла замуж второй раз. Прошли годы. Стало в семье семеро детей. Достатка, конечно же, не прибавилось. Вспомнилось Сергею, как в школу ходил: зимой — в обносках, а чуть снег стаивал — босиком.

Но жажда знаний, таившаяся в сердцах неграмотных прадедов и дедов, наполняла Сережу, бурлила в нем, будила потребность узнать жизнь глубже. Однажды поразился созвучию стиха, затих в изумлении перед волшебством преобразования обыкновенных слов в музыку. Повторял недавно прочитанные стихи и не заметил, как произнес свои строчки...

Потом два года не учился, не в чем было ходить в пятый класс: семилетка в соседнем селе, в пяти километрах. Если бы не учитель... Наведался однажды к матери:

— Анна Николаевна, надо Сереже учиться! Способный мальчик, обязательно надо...

— Сама вижу, что надо, да только ничего поделывать не могу... — горестно ответила мать.

Все же они с отчимом как-то обернулись, дали закончить ему семилетку. Мать гордилась, когда слышала о сыне:

— Башковитый парень растет. Смотри, чуть не до первых петухов над книжками сидит!

Сидел. Старался отблагодарить мать, ничем не огорчить ее. И в чужие сады лазить за антоновкой перестал, как ни заманивали мальчишки...

Деревянкин очнулся. Ощутимо запахло яблоками.

— Антоновка! Надо же, о чем вспомнил...

— Яблоки такие! Знаю, — сразу отозвался Чолпонбай. — Токош их очень любит... — Узкие глаза его мечтательно сощурились.

Он тоже мысленно только что побывал в детстве.

Медлителен, почти недвижим Дон, глубока вода в нем. Тихо и мягко бьет волной о берег. А Чолпонбай видит горную речку, себя и товарищей. Они возьтятся, стараясь положить друг друга на лопатки. Вдруг Ашимбек неловко рванулся, не удержался, покатился по склону вниз. Река подхватила его, понесла к водопаду. Ашимбек уцепился за камень, все радостно закричал. Однако радоваться было рано. Мощный поток снова подхватил растерявшегося парнишку. Вдруг все увидели, как Чолпонбай тоже ринулся вниз, в бурлящую стремнину. И хотя плавать почти не умел, расшибая до крови колени и локти, успел перед самым водопадом подхватить обессилевшего Ашимбека. Успел, сумел! Захлебываясь желтой пеной, забившей рот... Потом ребята только его и выбирали командиром, когда играли в войну с басмачами...

Пену бешеной горной речонки часто вспоминал потом. Она срывалась с губ мчащегося коня, когда на скачках в районном центре он, безусый юнец, оставлял позади себя прославленных джигитов. Подобно пене курчавилась отара овец: он пас их каждое лето во время каникул вместе с братом Токошем высоко в горах, у застывших снегов, где расстелены яркие ковры альпийских лугов...

А когда отец, бывало, заводил песню, рассказывал о тяжком бремени байской власти, давившей дехкан, тогда и раздолье и богатство родного колхоза виделись особенно четко, и хотелось сделать что-то такое, чтобы всем вокруг стало хорошо от того, что есть на свете он — Чолпонбай...

Белизной горных снегов отливали глаза сокола. Вот Чолпонбай садит-

ся на коня, берет сокола на плечо. И пружинят поля, горы, летят навстречу краски родной земли, сливаясь в радугу счастья, а он — молодой охотник — чувствует, что и сам, как сокол, на плече земли, вот-вот взлетит. А сокол срывался с его плеча, догонял птицу, подлетал под нее, подталкивал, как бы подпирал на миг, потом выныривал вверх и, ударяя под левое крыло, всаживал отлетный коготь и мгновенно распарывал птицу...

А охота на волков... Не думал, что так скоро придется целиться в другого врага, более хищного, чем волк. Вслед за старшим братом Токошем ушел на фронт и он, Чолпонбай, стал воином Страны Советов, общился к могучему братству, радовался новым друзьям. Они согревали его, вдохновляли, окрыляли, делали стойким, смелым, мужественным.

V

Тишина... Такая обманчивая тишина, какая может быть только на фронте, на переднем крае. И вдруг разом, будто навывлет, прошла ее, прожгла пулеметная очередь.

А помнишь, Чолпонбай, июль 1942 года?

Тогда, превращая день в ночь, а ночь в день, целую неделю потрясал землю и реку огненный смерч. Винтовочные и автоматные очереди тонули в пулеметной пальбе, а непрерывный стук фашистских пулеметов захлебывался в вое артиллерийской канонады.

И так день и ночь, ночь и день.

Всю неделю.

Целую бесконечную неделю.

Реку располосовывали трассы пуль, кромсали мины и снаряды. На землю страшно было смотреть. Вся изъязвленная воронками, запыленная, обожженная, растерзанная, она стонала, но, как родная мать, щедро давала приют бойцам стрелковой дивизии. И когда гитлеровцы бросались на восточный, казавшийся им мертвым, берег Дона, он оживал, чтобы смертью отплатить врагу за смерть наших солдат, за муки самой земли.

Так было до тех пор, пока немцы не выдохлись и не решили переключиться на укрепление «своего», западного берега. Вершины и склоны меловых гор, точно стесанных, круто обрывающихся к реке, быстро усеялись огневыми точками, как крысиными норами.

Наша сторона за это время накопила достаточно сил для броска через Дон. И на острие клинка, который должен был первым вонзиться во вражеский узел обороны, на самом острие, здесь, южнее Воронежа, в районе сел Урыв и Селявное, оказался 636-й стрелковый полк, а в нем — девятая рота.

В девятой роте служил Чолпонбай Тулебердиев. Как-то в один из предгрозовых дней, когда начало темнеть и кто-то из бойцов, глядя на противоположный берег, вздохнул: «Сильны волки! Ох, сильны», — Чолпонбай сказал:

— Мне политрук Деревянкин дал как-то русские народные сказки почитать. В часы затишья это очень душу успокаивает.

— Чолпонбай, и нам он приносит газеты и книги. Не новость это.

— Я не о новости, о старом хочу сказать. Слово маленькое, как муравей, но ведь и муравей на себе прет гору. Вот послушайте сказку.

— Чересчур издали ты начал, Чолпонбай!

— Только не придирайтесь к мелочам, если я что не так передам. Мысль — главное.

— Ну давай, давай! — оживились бойцы.

— Вот ты сказал, что они волки, — рука Чолпонбай коротким рывком указала на правый берег. — Правильно, волки. Так слушайте. Пришел однажды фазан к замерзшей реке напиться. Нашел прорубь. Начал пить, а крылья ко льду примерзли.

«Какой лед сильный!» — крикнул фазан.

А лед отвечает: «Дождь сильнее: когда он приходит — я таю».

А дождь ему: «Земля сильнее: она меня всасывает».

Тут земля вступила в спор: «Лес сильнее: он защищает меня от зноя и помогает сохранять влагу, корнями мою силу пьет».

Лес не согласился: «Огонь сильнее: как пройдет пламенем, так от меня одни головешки останутся».

Услышал огонь эти слова и говорит: «Ветер сильнее, он меня может погасить».

Ветер вздохнул: «Я и лед могу гнать по реке, и песок тучей мести, и деревья с корнями выворачивать, и пожар погашу, а вот с маленькой травинкой мне не справиться. Травка против урагана устоит. Ей хоть бы что! Она сильней!»

Трава только головкой покачала: «Вот придет баран и съест меня. Баран всех сильней».

А баран с горя чуть рога в землю не воткнул: «Смеетесь надо мной. Волк покажется — и нет меня. Волк всех сильней».

Тут вылез из своего логова серый волчище и только хвостом махнул: «Есть сила посильней моей: она и фазана поймает, и лед растопит, и дождя не боится, и землю переиначит, и лес захочет — срубит, захочет — посадит, и огонь захочет — разожжет, захочет — погасит, и ветер себе подчиняет, и травку скосит, и шашлык из баранины сделает, и с меня, волка, шкуру сдерет. Эта сила — человек. Выходит, человек всех сильней. Это я вам авторитетно заявляю...»

Бойцы сворачивали козьи ножки, собираясь закуривать и ожидая, к чему же клонит рассказчик. А его умные, в этот миг чуть лукавые глаза ярче заблестели. Он помедлил и снова коротким рывком указал на совсем уже потемневший вражеский берег:

— Вот там волки, а мы люди, и мы — сильнее их. Сильней, потому что они, звери, чужое терзают, а мы, люди, свое защищаем. Слышали, как палат из дзота? Беспокоятся, боятся. Нужда их заставляет через голову кувыркаться. Страх им житья не дает. Страх за награбленное и загубленное.

Зашуршали шаги, и в окоп спрыгнул политрук Деревянкин.

— Ну, здесь надежные люди! — окинул он взглядом бойцов, каждого из которых знал не только в лицо, но и по тому тяжкому пути, который прошли вместе. — Надежнее людей нет. Одно слово — фронтовики!

— Да, пролетевший ветер лучше ненадежного человека, — ответил за всех Чолпонбай, принимая из рук политрука свежий номер «дивизионки».

Он кивком головы пригласил всех послушать и впервые подумал о том, что политрук всегда точно описывает события, потому что сам участвует в них. Хотя и не обязан лезть в каждую заваруху. Он правдиво пишет обо всех, ни разу не обмолвившись о цене каждого добытого им слова. А о нем самом, Сергее Деревянкине, ничего не пишется, словно его звание политрука и журналиста — броня от пуль, от осколков и даже от усталости, словно он неуязвим и пули облетают его. Не оттого ли он столько раз разминулся со смертью, что каждый раз думал о других?

Чтобы рассказать о каждом так, как было на самом деле, без выдумки и без прикрас.

Старики-киргизы на горных пастбищах толкуют: «Прошлого не вернешь, умершего не оживишь». А правильно ли это — о прошлом? Можно и прошлое оживить, оно стоит перед тобой сейчас, когда держишь в руках газету, видишь былое так, точно все это происходит сию минуту. Это сейчас вроде спится, так глубоко спится после ночного перехода под проливным дождем, после непрерывных артолетов. И в сон врывается низкий гул моторов и крики:

— Тревога!

— Десант!

— Немцы!

Все стремительно вскакивают. Хватают оружие, занимают удобные позиции...

Какое слепящее солнце! Каждая росинка, как маленькое солнце, на ослепительно ярких листьях сверкает, режет глаза. Над деревьями мягкие дымки, как взрывы. Вспыхивают раскрывающиеся парашюты, а вдаль уносятся чужие тяжелые транспортные самолеты. Вон на повороте солнце выхватило крест на фюзеляже. Взгляд останавливается на фигурках, все укрупняющихся по мере приближения к земле. Видно, как один из парашютистов подтягивает стропы и быстрее других опускается на поляну...

Все это длится несколько мгновений. Кто-то сует Чолпонбаю винтовку. Это Сергей — сам он с СВТ, полуавтоматической.

— К поляне! — приказывает он, и солдаты, ведя огонь на бегу в стреляющих в них с воздуха парашютистов, бросаются к поляне.

— Отрезать подход к селу, взять в кольцо лес!

Это уже голос командира.

Тридцать? Сорок? Шестьдесят? Сколько же их, черт возьми, этих парашютистов?

Все потемнело вокруг. Небо — черное, без облаков, без солнца. Небо стреляет... В ответ стреляет земля. Пулемет пытается достать десантников в воздухе. Два наших танка разворачиваются, мчатся к лесу. Все приведено в движение. Все стреляет, грохочет, гудит...

Немецкие парашютисты действуют слаженно, бьют точно, маневрируют стропами и, приземлившись, тут же кидаются в бой. Рослые, плечистые, как на подбор, они смелы и стремительны: видать, прошли большую школу, имеют богатый опыт разбоя. Не успевают прикоснуться к земле, как уже сбрасывают парашютные лямки и выстраиваются в цепи. Рассредоточиваются вдоль опушки. Укрываясь за деревьями, ведут огонь.

Раскинув руки, зашпатель и упал взводный. Около тебя падает, как срубленный, твой земляк. Падают замертво другие.

Пуля срезала ветку — тонкий пруттик, от которого ты, словно предчувствуя беду, только что отодвинулся самую малость. Подбородок обожгло пламя, и тут же ствол ближнего деревца расщепила разрывная пуля. Вжимаешься, втискиваешься в землю, в какую-то выбоину, будто вращаешь в нее. А руки не слушаются, винтовка дрожит...

Но рядом тщательно целится и, не торопясь, стреляет политрук Дервянкин. Стреляет и не промахивается.

Чоке, Чоке! Возьми себя в руки! Прикажи рукам сжать винтовку, прикажи глазам прицелиться. Рядом с тобой Сергей! Что подумает он, если увидит, как тебя сковал страх? Ты охотник, лучший в ауле стрелок!

Чоке взглянул вперед. Руки направили винтовку, глаз нащупал прорезь прицела, мушку, врага... Целься, целься, плавно дави на спусковой крючок. Ведь ты столько бывал на охоте, столько стрелял, лучше всех поражал цели. И в запасной кавдивизии был лучшим стрелком...

Здоровенный детина, без пилотки, с засученными рукавами, тот самый, в которого целился Чолпонбай, заметил опасность, молниеносно скинул автомат. Миг... Пуля Сергея Деревянкина оказалась быстрее.

Еще один, за широким пнем. Ну! Есть! Раньше, чем успел подумать Чолпонбай, палец его нажал на спусковой крючок, и враг остался лежать на земле.

Теперь вперед! Не дать парашютистам вырваться из сужающегося кольца. К первой группе десантников примкнула вторая, остатки третьей. Они залегли, образовали круговую оборону.

Танкисты пока бездействовали: гитлеровцы переметнулись в чащобу, недоступную для танков. Но вскоре их выкурили оттуда, и теперь все должен решить ближний бой.

Ближний! Штыковой!

Чолпонбай увидел, как Деревянкин быстро примкнул ножевой штык, плоское лезвие остро блеснуло, две капли росы упали на основание штыка, слились в одну, растеклись, горя в лучах раннего летнего солнца. Да, было солнце, земля, лес, какая-то птаха, певшая несмотря ни на что. Была жизнь. Через несколько секунд придется оторваться от земли, и тогда...

Сергей неожиданно чихнул раз и другой. Чолпонбай оглянулся, улышал, как он сквозь зубы процедил:

— Простыл под дождем...

— В атаку! В штыки! Ура!

— У-р-ра! — прокатилось по рядам.

Еще не смолкли первые крики, а Чолпонбай уже хотел оторваться от земли. Хотел... Но тяжесть, страшная, смертная, которой не испытывал никогда, придавила его, приплюснула к глинистой выбоине. Было трудно, когда он, спасая товарища, сам сорвался и едва выбрался из горной речонки, уже кинувшей его к водопаду. Было трудно во время скачек выжимать из себя и коня последние силы. Трудно было и в школе на экзаменах. Но все это было ничтожной тяжестью перед грузом земли. Казалось, надо оторвать не себя от земли, а землю, всю землю оттолкнуть от себя.

Он глянул на Сергея: лицо с острым, выдвинутым подбородком казалось каменным, застывшим. Жили только глаза, не синие и добрые, а стальные, летящие к цели, вобравшие в себя и напряжение боя, и ненависть, и солдатскую решимость.

— Ур-ра-а! — закричал политрук и, пригнувшись, вынося вперед штык, кинулся к лесу, вперед.

Перед глазами Чолпонбая промелькнула его планшетка. И точно невидимая струна натянулась и вырвала его из выбоины. Обгоняя Сергея, почти не пригибаясь, он побежал навстречу горячему ветру, пулям, наперекор смерти...

Немцы попятиться. Попытались уйти в лес, но поняли: они в кольце! В мгновение скрестились штыки, приклады.

Чоке поскользнулся, упал. Сейчас всадит в него штык вон тот, слева. Замахнулся. Но рядом оказался Сергей. Это прибавило сил Чоке. Он вскочил, и они двое, не сговариваясь, стали прикрывать друг друга.

Бой был скоротечным. Вот уже стихли выстрелы, солдаты устало

вытирали пот. Пленных гитлеровцев собрали на опушке. Рослые, сытые атлеты, они нагло смотрят, нагло отвечают.

— Вы в плену! Ведите себя, как положено! — одергивает их кто-то.

— Это вы у нас в плену! — по-русски отвечает немец-лейтенант. — Вы в кольце! Ваша песенка спета!

Наглости их нет предела: война только начинается. «Погодите, скоро вы не так запоете!» — думают наши солдаты.

VI

— О чем мечтаешь, Чолпонбай? — лейтенант Герман неслышно появился у окопа, опытный разведчик.

— О прошлом подумал: сколько жеребенок ни бегай, скакуном не станет, — Чолпонбай горько усмехнулся, вспоминая бой с десантниками.

— Вырастет и станет скакуном, — серьезно возразил взводный, сразу поняв иносказание.

В том бою взводный был справа, заменил убитого пулеметчика, действовал неподалеку от Чолпонбая и Деревянкина. Это он крикнул первым: «Ура!» Первым и поднялся на правом фланге. Да, надежные люди...

— Да, товарищ лейтенант, правильные слова вы сказали: вырастет. Только хочется, чтобы поскорее...

— Много значит слово, — откликнулся подошедший Сергей Деревянкин. — Как это говорится: у мысли нет дна, у слова — предела.

Чолпонбай, довольный, улыбнулся. Приятно, что его друг запомнил киргизскую поговорку, которую раз на политбеседе обронил он, Чолпонбай.

— Товарищ политрук, вы к нашему командиру роты не собираетесь? — спросил взводный.

— Уже побывал. Мы тут с Чолпонбаем потолкуем.

Они опять остались вдвоем. Гибкая ветка лозы над окопом, жужжание осенних мух. Солнце перевалило за полдень, пригревает...

Из котелка Чолпонбая подзаправились пшеничным концентратом. Поблагодарив друга, Сергей вытер ложку, спрятал за голенище, сдвинул на колено планшет. Вытащил треугольник письма, развернул, пробежал глазами. Начал читать со второй страницы, про себя. «...Сережа, я часто вспоминаю нашу довоенную жизнь и тебя. Война разметала нас по разным фронтам. Но и вдалеке я ни на минуту не забываю о тебе. Каждый раз, когда в госпиталь прибывают раненые, кажется — ты среди них. Недавно в шестой палате лежал у нас подполковник Козырев, наш земляк, редактор районной газеты. Вот как тесен мир. Оказывается, Козырев с твоим отцом в одном отделении служил и в Первую мировую войну, и в гражданскую. Восхищался он его выдержкой, неутомимостью. Говорил, что ты похож на отца — копия. Выходит, ты зря жаловался, что не сохранилась фотография. Возьми зеркало и увидишь его. Много говорили с ним о твоих первых шагах газетчика. Вспомнил он, как однажды ты положил ему на стол шесть вариантов заметки о весеннем севе. Потом хорошо так посмотрел на меня и говорит: „Повезло вам с Сережей. Если пощадит его пуля, то настоящим журналистом будет!“

Вот, дорогой мой товарищ политрук, смотри, чтобы тебя пуля пощадил, чтобы ты настоящим журналистом стал. А кем, кстати, собирается быть твой друг Чолпонбай? Что, если попрошу у него

адрес Гульнар? Мне хочется переписываться с нею. Кончится война, соберемся вчетвером...

Я часто вижу тебя во сне. Ты с большим-большим, почему-то не заточенным карандашом, пытаешься написать что-то на узком листке картона, а карандаш не пишет. Ты говоришь мне: „Это пока не ладится, а вообще он хороший. После войны я напишу им книгу...“

Ну, милый, мне пора на дежурство. Надеваю халат, смотрюсь в зеркальце — твой подарок, — мысленно целую тебя и бегу в палату.
Твоя Н.

26 июля 1942 г.»

Пока Деревянкин перечитывал письмо, Чолпонбай вертел в руках газету. Едва Сергей оторвал глаза от листка, вздохнул:

— Хорошая жена — половина счастья.

И пояснил:

— Хорошая жена и дурного мужа сделает мужчиной, а дурная и хорошего превратит в дурного. Так старики у нас говорят. Я о своей Гульнар много думаю. Она мне такой незащитной кажется, словно пули и осколки, летящие в нас, могут задеть и ее... Странное чувство, правда?

— Я понимаю тебя, — Сергей протянул письмо другу.

Чолпонбай читал внимательно, лицо его светлело. Он заулыбался, точно живой девичий голос услышал.

— Спасибо ей! После такого письма вы мне еще ближе стали, и Гульнар дороже... А некоторые говорят, что нет любви... Не верю я им!

— А ты веришь в любовь с первого взгляда?

— Да... Только чересчур яркое быстро линяет, чересчур горячее быстро остывает, чересчур жаркое быстро затухает. А у нас с Гульнар как-то постепенно было, приглядывались... Потом поняли: жить друг без друга не сможем. Только бы с ней ничего не случилось. Глаза закрою, и вот она — в тюбетейке, черными косами ветер играет, глаза счастливые. Гульнар, Гульнар...

Он даже привстал, крепко сбитый, мускулистый, широкогрудый, загорелый. И неожиданно смутился.

— Знаете, Сергей, когда мы в запасном кавалерийском полку учились рубить лозу на скаку, мне жалко ее было, лозу. Точно я чувствовал, как ей больно. Наверно, и правда всему живому больно, когда его давят, бьют, рубят. Лоза тоже, наверно, чувствует. Ее жалко, а этих волков, — его глаза потемнели, он кулаком погрозил тому берегу, — этих не жалко! Помните сказку, кто самый сильный? Человек. Только надо быть человеком. Правда?

— Очень правильно говоришь, — в задумчивости проговорил Сергей.

— Всю жизнь я стремился стать настоящим человеком. И когда в запасном учились рубить клинком, в седле подхватывать со снега оброненную вещь, стрелять учились на полном скаку... А погода была! Как будто кто по ушам крапивой хлестал. Порой ноги стремени не чувствовали. Вот, глянь на снимок, — он протянул фотокарточку, — одни скулы остались...

— Не жаловался?

— Я? — обиделся Чолпонбай. — Я перед Гульнар краснеть не собираюсь за службу. Нет! А еще потом... «Пеший по-конному» называлось. По глубокому снегу не очень разбежишься. А стремительные перебежки делать надо? Надо! И делали! И по-пластунски, и в штыковую учились хо-

дить. Получалось, постепенно стало получаться... Вы уж не сердитесь за тот штыковой...

Сергей сделал вид, что не понял.

— Спасибо, что выручили, если бы не вы...

— Знаешь, хватит! — вспыхнул Сергей. — Что, и говорить больше не о чем? Еле к тебе выбрался, а ты тут... Скоро поплывем на тот берег. Я попросился, чтобы взяли в первую штурмовую...

— Вот был бы с нами мой брат. Говорят, я хорошо по горам умею лазить, а он куда лучше. Знаешь, сильный какой! Какой смелый! Самые дорогие мне Токош и Гюльнар...

Он присел около Сергея, взял в руки «Красноармейское слово», начал вслух читать:

— «Началось наступление главных сил группы армий „А“ противника на Кавказском направлении. Сосредоточив на захваченных плацдармах на левом берегу Дона в районах Константиновской — Николаевской два танковых корпуса, противник повел наступление на Сальск. Войска Южного фронта оказались вынужденными вести ожесточенные и неравные бои с наступающим врагом. Создалась реальная угроза прорыва противника на Кавказ...»

«...Германское верховное командование перебросило основные силы авиации, действовавшей в Северной Африке, на советско-германский фронт».

«...Продолжались напряженные оборонительные бои советских войск с наступающим противником на всем Южном направлении: в районе Воронежа, в большой излучине Дона и в Луганске».

«...Президиум Верховного Совета СССР принял Указ „Об изменении ст. ст. 1 и 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 года „О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время“».

«...Объединенный Путивльский партизанский отряд под командованием С. А. Ковпака во взаимодействии с партизанскими отрядами под командованием А. Н. Сабурова нанес удар по гарнизонам противника в селах Старая и Новая Гута, Голубовка и других в Сумской области. Партизаны разгромили батальон противника, истребив 200 его солдат и офицеров, захватив 11 станковых и ручных пулеметов, 6 минометов и много патронов».

Потом взглядев Чолпонбая остановился на известии о том, что «несколько вражеских лазутчиков обезврежены...»

Поднял глаза на Сергея. Деревянкин понимающе кивнул.

Месяц назад, когда Деревянкин, вооружившись наушниками, бумагой и карандашом, начал по рации принимать последнюю сводку Совинформбюро, Чолпонбай, посланный в редакцию с заметкой командира роты связи старшего лейтенанта Горохова, заметил вдали, у больших стогов, световые сигналы. В мутной предвечерней полумгле с четкой последовательностью дважды коротко вспыхнул свет. Затем вспышки повторились — короткие чередовались с длинными. Сперва подумалось, что кто-то закуривает. Но стало тревожно. Столько спичек на фронте никто тратить не станет. Если же искры высекали кресалом, то опять не похоже. Неужели лазутчики? Значит, не зря предупреждал взводный... И Сергей говорил, что, наверно, неспроста при позавчерашней бомбежке фугаска угодила в редакционную машину...

И, подтверждая опасения, снова — две короткие вспышки, потом три длинные. Точка, потом — тире...

Чолпонбай стремительно влетел в машину.

Полиtruk Деревянкин сидел с наушниками около рации, напряженно подавшись вперед, стараясь лучше расслышать. Простым карандашом, крупным быстрым почерком писал, повторяя вслух: «...бои шли южнее Воронежа. Несмотря на ожесточенные атаки, врагу не удалось продвинуться...»

Чолпонбай заскользил острым взглядом по быстро бегущим строчкам, названиям населенных пунктов, цифрам сбитых фашистских самолетов, в глазах замелькали истерзанные взрывами дороги, пылающие деревни, горестно торчащие остовы печей; кружилась воронье, и густая черная сажа хлопьями садилась на лица убитых...

— Товарищ политрук! — решил переперить Чолпонбай. — Лазутчики, мне кажется! Там, где стога...

Деревянкин мгновенно сбросил наушники, сунул в карман листок с недописанной сводкой, крикнул шофера Кравцова, еще одного бойца, и они — Чолпонбай, Кравцов, Алексей Бандура и Сергей Деревянкин — кинулись к далекому стогу, откуда опять раз за разом вспыхивали сигналы.

«Так вот почему так быстро налетели бомбардировщики, едва мы расположились на стоянке. Нас выслеживают... Уже потеряли одну редакционную машину», — соображал на бегу Сергей. Чтобы скрытно приблизиться к стогам, поползли по-пластунски. Приблизившись метров на семьдесят, снова увидели, как засветился фонарь. Чолпонбай не выдержал, выстрелил. Фонарь погас. В то же мгновение раздалась автоматная очередь. С Сергея сбило пилотку. Он наклонился за ней, и это спасло его: над головой снова пропели пули.

Все четверо припали к земле, закричали:

— Бросай оружие!

— Сдавайся!

От стога стали бить еще ожесточенней.

Деревянкин боялся, как бы, воспользовавшись темнотой, лазутчики не скрылись, и приказал окружить стог.

— Бросай оружие!

— Сдавайся!

В ответ грохнула граната.

— Чоке! — позвал Сергей. Тот не расслышал. Деревянкин подполз ближе:

— Попробуй подобраться со стороны бурьяна. Мы с Бандурой отвлечем огонь на себя. Надо поджечь стог. Иначе их не взять.

На вершине стога мелькнула тень. Чолпонбай выстрелил. Послышалась немецкая ругань, что-то тяжелое глухо ударилось о землю. Тут же резанула очередь.

Чолпонбай быстро пополз к бурьяну. Сергей ждал в тревоге. Только сейчас Деревянкин впервые со всей ясностью осознал, какое место в его жизни занял Чолпонбай. Друг? Да, друг. Брат? Да, брат. Младший. И он отвечает за него. Перед своей совестью. Сколько вложено в эту дружбу, сколько уже боев связало ее! Сам не подозревал в себе такой щедрости чувства. И ясно как представляешь и его Гюльнар, и Токоша, и снежные горы, и коня, сокола... Всю Киргизию... То, что принадлежит другу, принадлежит и тебе. Это твоя Гюльнар, твой брат Токош, твои родные, твои горы, твой конь, твой сокол. И боль, опасность, подстерегающая друга, теперь — твоя боль, твоя опасность...

Чоке уполз к стогу, его уже не видно.

Трассирующая пуля прочертила огненную линию от стога к тому месту, где должен сейчас быть Чоке... Одна... Вторая... Чоке замер. Или убит? Чоке! Чоке!..

Слышен шорох. Если заметили, не подпустят...

— Сдавайся! — Деревянкин уже не раздумывал, лишь бы отвлечь на себя огонь, вскочил, выстрелил два раза.

Прозвучал ответный выстрел. Как огнем обожгло правое бедро.

— Сдавайся! Второе отделение, зайти справа! Первое отделение, залечь у сарая! Третье отделение — за мной! — громко и четко отдавал команды Сергей.

А сам тем временем зигзагами бежал к стогу. Падал, отползал в сторону, мгновенно вскакивал и снова делал короткую перебежку.

По нему стреляли: пули со свистом пролетали над головой.

— Взять живыми! — командовал Деревянкин.

Он уже подбегал к стогу. Больше всего боялся за Чолпонбая, отвлекал внимание на себя. Но вот огонек мелькнул у основания стога, пламя стало быстро карабкаться вверх. Сергей понял: Чоке жив! Огонь уже подобрался к вершине.

Оттуда вниз метнулась фигура.

Едва незнакомец коснулся земли, его сбили с ног.

Сергей кинулся к месту схватки. Чоке ловко скрутил лазутчика, вывернул ему руки, не давая дотянуться до ножа.

Деревянкин на бегу перезаряжал пистолет: кончились патроны. Неожиданно споткнулся о тело одного из диверсантов: тот был убит в перестрелке. Вскочив на ноги, увидел, что лазутчик вырвался из рук Чоке, выхватил нож. Сергей бросился вперед, схватил у запястья руку лазутчика. Тот с силой вырвал ее, и нож вошел бы в грудь Сергея, если бы не подоспел Чоке.

Пойманного связали ремнем.

— А, мать вашу... — на чистейшем русском языке выругался тот.

В свете пылавшего сена разглядели крестьянскую одежду, загрубевшие черные ладони. На безымянном пальце правой руки блеснуло серебряное кольцо.

— Так ты?.. — Сергей не мог выговорить «русский». За многие дни войны, за долгие тяжкие дни отступления он впервые своими глазами увидел предателя. Рослый, с выпуклой грудью, с выпученными глазами, остроносый и тонкогубый, лазутчик со страхом смотрел на Деревянкина.

Сергей задохнулся от злобы.

— Как ты мог пойти против своих, сволочь?

Тот в ответ лишь оскалился.

— Идем! — подтолкнули его.

Чоке шел с автоматом наготове справа. Предатель повернул голову и точно укололся о ненавидящий острый взгляд бойца-киргиза.

Пламя взметнулось высоко над стогом, ярко озаряя идущих. Во взгляде Чоке, в его сощуренных глазах предатель прочел себе приговор.

В штаб батальона его повел Бандура.

В редакционной машине Чолпонбай передал Сергею записку, с которой был послан к нему. Тот полез в карман, вытащил залитый кровью листок с недописанной сводкой Совинформбюро.

Чолпонбай с сожалением покачал головой.

— Между прочим, по твоей вине, — улыбнулся Сергей.

Расправил листок. Ясно виделось последнее слово, на котором он несколько минут назад оборвал свою запись — «сражались...»

— Сражались, — вслух прочитал Деревянкин, стараясь вспомнить, что же следовало за этим словом, соображая, как ему быть дальше.

— Сражались, — с другой интонацией повторил Чоке. — Мужчина обязан сражаться! Теперь, когда я этого... увидел, понял, что каждый наш солдат должен быть еще смелее, вдвое сильнее, чтобы из-за таких изменников строй не нарушался! Смелее надо действовать, решительнее, быстрее...

— Ты прав, друг.

— Армия — миллионы, предателей — единицы, — заключил Чоке. Но даже если один... Все равно плохо! Ну, ладно, давайте, товарищ поллитрук, рану перевяжу вам.

— Да это не рана. Царапнуло просто...

Сергей снова надел наушники, включил рацию. Экономя время, на том же, уже подсохшем листке бумаги продолжал записывать очередную сводку о положении на фронтах. Без этого материала газета выйти не может.

VII

«Сереза, милый! Пишу тебе под впечатлением твоего очерка о Чолпонбае. Я получила ваше „Красноармейское слово” и несколько твоих заметок о бойцах 9-й роты, о комбате Даниеляне, о командире роты Антопове, командире роты связи Николае Горохове. Так что теперь я полнее представляю себе и окружающих тебя людей и твою работу. Чувствую, какими близкими они стали тебе.

Вспомни, как в одном из писем ты делился со мной мыслью о том, что и война требует таланта, что есть люди, не имеющие высоких званий, но обладающие высоким строем души и интуицией истинного военного. Они оказываются там, где всего нужней в данный момент. Мне кажется, что ты именно такой человек — прирожденный, настоящий воин. И к тому же очень скромный. Знаю, что мои слова смущают тебя, но они верные.

Здесь, в госпитале, ежедневно, ежечасно слышу разборы атак, схваток. Так что и я постепенно начинаю кое-что понимать. Во всяком случае, образ Горохова мне показался обедненным. Ты недостаточно требовательно отобрал слова для выражения интересных мыслей.

Ради бога не сердись, понимаю, что тебе приходится писать наспех, но и очерк о Даниеляне все-таки какой-то общий. Нет характерных черт. В одном из писем ко мне, еще в мае, ты приводил его любимые выражения. Сейчас не припомню, но парень он остроумный, а в очерке ты так ни разу и не дал ему самому сказать слово.

Ты как-то давным-давно, тысячу или больше лет назад, в августе сорок первого, когда вышел из медсанбата и тебя перевели в газету, писал мне, что „дивизионка” — это летопись войны. Да, так оно и есть. Но не слишком ли это скупая летопись? Представь, что когда-нибудь, через много-много лет, скажем, году в семидесятом или восьмидесятом, обратится к теме войны молодой историк или писатель. Легко ли ему будет по вашей газете восстановить атмосферу нашего времени, картины боев, представить себе наших людей на войне...

Я бы не говорила так, если бы не видела, что ты сумел о командире роты Антопове написать ярко, словно эта заметка — стихотворение. Еще убедительней, ярче — о твоём друге Чоке. Ты с такой любовью пишешь о нём, что и я, только не ревнуй, начинаю любить его. Тем более, что он, оказывается, дал мой адрес своей Гюльнар, и она мне прислала свою фотокарточку и письмо. Она снята в тубетейке. Косы густые, толстые, глаза добрые и красивые... Да, наверно, у нее летящая походка. Ты как-то привел мне слова Чоке о ней: „Идет, словно летит”. А письмо! Ее письмо полно не только любви к Чоке, но и к тебе. Не знаю уж, как тебя расписал Чоке, но Гюльнар просто соловьем разливается, когда речь заводит о тебе.

Дорогой Сережа, когда ты пишешь о глубокой вере Чоке в будущее, о невозможности человеческой жизни без такой веры, я тоже проникаюсь уважением и любовью к этому умному и отважному бойцу. Хорошо ты написал, что „у рядового Чолпонбая Тулебердиева незаурядное сердце, и это проявляется в его мыслях, в правдивости и самобытности речи, в искренности его поступков, в его щедрости, он невольно воздействует на окружающих, создает высокую нравственную атмосферу готовности к подвигу, к свершению его без громких слов и без поэзы”.

Что удивительно, так это совпадение твоего представления о Чоке с его образом, встающим из письма Гюльнар: постоянная готовность помочь другим, выручить, защитить слабых, даже если самому страшно, больно, если самому угрожает смертельная опасность...

Все забываю написать тебе о своей шкатулке. Такой крохотный ящичек, вроде аптечки. В нем я храню твои письма и вырезки из газет. В этой аптечке для меня действительно хранятся лекарства. Пиши!

Сегодня у нас легкий день — отдых за круглосуточные дежурства. Очень хочу, чтобы ты знал: ты у меня единственный, любимый... Верю, что все задуманное сбудется.

Целую тебя. Твоя Н.

Июль 1942 г.»

Письмо Нины лежало в нагрудном кармане рядом с известием о гибели Токоша. Когда Сергей уже решил сообщить эту страшную весть Чолпонбаю, пальцы нащупали письмо Нины. И это остановило его.

Да, она права. Летопись войны... Он будет писать ее, переделывать свои торопливые, несовершенные, написанные по горячим следам заметки. Но разве можно чем-нибудь заменить жизнь, заменить человеку погибшего брата?

Чоке, отстранив бинокль, смотрел на реку, на неторопливое движение воды. Он, казалось, забыл о войне, лицо его было ясным, спокойным. Как оно было не похоже на лицо того же Чоке, бойца Тулебердиева, каким довелось его видеть Сергею в одном из боев.

Это было ранней весной. Снег уже стаял, от подсыхающих полей поднимался пар. В прошлогодних бороздах, через неразорвавшиеся снаряды, через осколки переступали ничему не удивляющиеся грачи.

Тогда на подступах к Воронежу шли ожесточенные бои. Сергею запомнилось, как, стоя в окопе, Чолпонбай кивком указал на срубленную снарядом ветлу. В ней ютился скворечник. Около круглого отверстия виднелась дырка от пули.

— И птиц война не щадит! — покачал головой Чолпонбай. — Даже птиц... Смотри! — и лицо его стало по-детски восторженным. — Живы! — он потянул Сергея за рукав. — Живы! Кормит!

И правда, скворчиха спланировала на крылечко игрушечного домика, держа в клюве сизого червяка. Презируя войну и все, что происходит вокруг, не задумываясь об опасности, сунула в желтый клюв одного из птенцов добычу и снова улетела. Опустилась на гусеницу самоходки, побегала по тракам.

Сергей тяжело вздохнул.

— Жизнь продолжается, Чолпонбай. И нет силы, чтобы остановить ее извечную поступь. Будут новые весны, будет цветение яблонь, войны не будет... Но не каждый доживет до этого. Кто-то должен отдать свою жизнь, чтобы приблизить эти радостные весны...

Бой, который вспомнился Сергею, длился двое суток. Схватки шли за каждый степной холмик, за каждую рожицу, за каждый дом.

Ночью дивизия вынуждена была отойти. Для прикрытия осталась девятая рота. А к рассвету командир роты Антопов так сумел организовать оборону, что первая атака гитлеровцев захлебнулась.

— Зашатались! — торжествуя закричал Чолпонбай.

— Зашатались, гады! — отозвался Сергей Деревянкин. Он остался с прикрытием, чтобы дать репортаж, но пришлось заменить раненого пулеметчика. — Мы их научимся бить, Чоке! Зашатались! — еще раз повторил понравившееся слово.

— Без ветра верхушка тополя не колыхнется! — азартно отозвался Чолпонбай.

Он по-детски торжествовал, видя, как залегают гитлеровцы, отползают, откатываются, ведут беспорядочную стрельбу.

Сергей любовался, как по-хозяйски действует в окопе Остап Черновол, как хладнокровно ведет огонь Серго Метревели, как хитро Гайфулла Гилязетдинов вдруг вынырнет из траншеи, свалит одиночным выстрелом врага и, пока пули взрывают бруствер в том месте, где только что мелькнула его каска, он уже стреляет из другой ячейки.

Чолпонбай тут же последовал его примеру. Он перебежал по траншее, когда вражеский истребитель прошел над высоткой, развернулся, дал очередь по нашим окопам.

— Посеешь ветер — пожнешь бурю! — закричал Серго Метревели, никогда не унывающий грузин, и метнул гранату. — Бурю! — сорвал чеку со второй гранаты. — Бурю! — швырнул третью.

Деревянкин заметил, что Тулебердиев лежит без движения.

— Чоке! — крикнул. — Тулебердиев!

Голос друга вернул Чолпонбаю сознание.

— Я здесь! — Чоке схватил винтовку. — По каске попала...

И когда гитлеровцы, захлебнувшись собственной кровью, отхлынули от высотки, Сергей увидел, что больше всего поверженных врагов было перед окопом Чолпонбая.

Пользуясь передышкой, наши пополняли боеприпасы, готовились к отражению новой атаки. Взводный Герман и сержант Захарин, пробираясь по траншее, оставили Чолпонбаю две связки гранат.

— Может, развязать? — спросил Чолпонбай. — Больше будет.

— Для танков, — пояснил взводный. — Могут обойти овраг справа. Следи!

И правда, вслед за артиллерийским налетом из леска выскочили

на предельной скорости два фашистских танка. Один повернул вправо, другой шел по краю оврага, стремясь подойти к высоте вплотную. За танками — пехотинцы. Несколько человек укрывались за башней на броне.

Бойцы шквальным огнем пытались отсечь пехоту. Молчал только окоп Чолпонбая.

— Что с ним?

Сергей метнул взгляд в его сторону.

— Почему молчит? — встревожился и взводный. Он выскочил из выдвинутой вперед ячейки, побежал по траншее.

Чолпонбай, не отрывая взгляда от надвигающегося танка, нащупал связку гранат, на миг поднялся над бруствером. Гранаты угодили точно под гусеницу. Прогремел взрыв. От подорванного танка отпрыгнули бежавшие за ним пехотинцы. Атака захлебнулась.

Да, Чолпонбай стал настоящим бойцом!

Сейчас, в окопе у Дона, Чолпонбай Тулебердиев не отрывал от глаз бинокля. Вот он снова приблизил к себе расположенный на правом склоне Меловой горы замаскированный камнями дзот. Взгляд охотника и следопыта исследовал тропинки, их изгибы, препятствия, которые могут стать на пути. Вон о тот камень можно опереться ногой, на следующий положить оружие, потом подтянуться на руках еще выше. А там, кажется, мертвая зона, не простреливаемая вражеским пулеметом. Потом вон за тот валун перебежать броском, упасть за острый камень и оттуда лежа метнуть гранату в амбразуру дзота...

— Все это так, если дзот один, — рассуждал сам с собой Чолпонбай. — А если еще и слева есть? Странно как-то стоит камень... Не специально ли его развернули, чтобы заслониться им от обстрела? На Тянь-Шане так сами по себе камни не стояли. Здесь тоже скатывается вода с горы, и снег тает весной... Если там может быть дзот, значит, надо другую дорогу наметить себе...

Сергей достал из кармана письмо, почувствовал, как вздрагивают пальцы. Чолпонбай весело взглянул на друга:

— А если и слева дзот? — И увидел в руке Деревянкина треугольник.

— Еще письмо получили? — спросил, радуясь за него.

Сергей потупился.

— Нет, давнишнее, — опустил письмо обратно в карман, принялся поправлять гвардейский значок.

— Как блестит... Чем чистили?

— У тебя лучше. Ведь особенный...

Чолпонбай заулыбался. Вспомнил, как вручали ему значок.

Командир полка, преклонив колено, губами прикоснулся к гвардейскому знамени. Член Военного совета фронта громко спросил у него:

— Кто у вас самый храбрый боец в полку?

Стало так тихо, что слышно было, как шелестит листва, как волна набегает на берег. Подполковник внимательно оглядывал строй.

Вот недавно отличившиеся бойцы — Черновол, Бениашвили, Гилязетдинов, Захарин... Отличные, надежные солдаты. Трудно выбрать храбрейшего из храбрых.

— Рядовой Тулебердиев! — решительно доложил командир полка, встретив взгляд черных глаз Чолпонбая.

— Он здесь, в строю? Я хочу вручить гвардейский значок первому среди воинов. — И член Военного совета показал этот первый значок.

Чолпонбай замер, еще не веря, что его так отличили. Ведь в части много бывалых, опытных бойцов.

— Рядовой Тулебердиев, выйти из строя!

Член Военного совета подошел к нему, обнял и сам прикрепил к его выгоревшей гимнастерке значок. Крепко пожал руку.

— Служу Советскому Союзу! — твердо ответил Чолпонбай.

— Вы комсомолец, товарищ Тулебердиев?

— Нет... еще.

— Комсомол гордился бы таким бойцом! Я читал о ваших боевых делах в дивизионной газете. Думаю, что вы вполне достойны стать членом Ленинского комсомола.

Чолпонбай сам давно об этом мечтал. В тот же день он и еще несколько солдат взвода подали заявления секретарю комсомольской организации.

Перед этим Тулебердиев разыскал Сергея в соседней роте:

— Напиши, пожалуйста, заявление, я перепишу. Захарин говорит, чтобы я по-киргизски писал: все равно поймут... Но я ведь вступаю в Ленинский комсомол и хочу сказать об этом по-русски, как Ленин. А если ошибки будут — некрасиво получится. По-русски я говорю хорошо, вы сами хвалили, а вот писать еще плохо научился.

Деревянкин тут же выполнил просьбу друга. Постарался подольше побыть вместе с ним в этот день. Первому прочитал ему текст обращения Военного совета: принес с собой гранки завтрашнего номера.

«Воины Красной Армии! Славные защитники донских рубежей! Вы не раз били здесь, на Дону, прихвостней гитлеровской шайки... В этих боях ваши сердца закалились волей к победе. Вы слышите стоны замученных и обездоленных советских людей: отцов и матерей, жен и детей наших? Ваши сердца преисполнены священной ненависти к фашистской мерзости, отребью рода человеческого. Так же, как и в боях под Москвой, Ростовом и Тихвином, вы ждете приказа — идти вперед на врага, на освобождение наших городов и сел, наших семей.

Наступил грозный час расплаты с лютым врагом...»

Пятого августа состоялось комсомольское собрание роты. Оно проходило в лесу. Командир роты лейтенант Антопов в своем кратком выступлении сказал о месте комсомольцев в бою. Закончил так:

— Когда я вступил в комсомол, то почувствовал себя сильнее, смелее. Комсомольский билет вместе со мной идет в бой, я всегда помню о нем, ощущаю его у сердца. Комсомольцы всегда впереди, в самых опасных местах, в одних рядах с коммунистами. Комсомолец — это самый добросовестный, смелый боец, самый надежный и верный друг.

Командир роты закончил, сел. Комсорг приступил к обсуждению. Сначала рассмотрели заявления Остапа Черновола, Серго Метревели, Гайфуллы Гилязетдинова. Все они были единогласно приняты в комсомол.

Когда очередь дошла до Тулебердиева, он уже стоял навтыжку, крепко сжимая автомат. Слушая клятвы однополчан, думал о том, что завтра каждое слово должно подтвердиться делом. За свою двадцатилетнюю жизнь молодой киргиз понял, что у всех народов одинаково ценен и уважаем человек, верный своему слову. Успел повидать и краснобаев, залихватских болтунов, проповедующих одно, но живущих совсем по-другому. Научился и в мирном родном ауле, и на трудном военном пути различать и презирать таких людей, для которых слова были маской. Иногда они и сами в порыве красноречия верили собственным словам, но в трудную минуту о них забывали.

Он знал лишь одно: Родина должна быть свободной. Враг должен быть изгнан с нашей земли во что бы то ни стало! Для этого нет надобности произносить много слов. Просто нужно быть верным солдатом и, если потребуется, без колебаний отдать свою жизнь.

Чолпонбай стоял навытяжку, сжимая автомат. Ему сейчас казалось, что он еще не заслужил право на вступление в комсомол, что и тогда, перед строем полка, ему не по заслугам первому вручили гвардейский значок, при всех назвали храбрым воином. И очень волновался, когда произносил сто раз повторенные про себя слова:

— Клянусь, товарищи, что не подведу вас. Вся моя жизнь до последнего дыхания принадлежит Родине!

— Кто за? — спросил комсорг.

Руки дружно взметнулись над головами.

— Единогласно!

— Поздравляю, гвардии рядовой Тулебердиев! Вы приняты в ряды Всесоюзного Ленинского комсомола.

Своей радостью Чолпонбай поспешил поделиться с родными: в тот же день послал письмо брату Токошу и своей любимой девушке.

«Милая Гюльнар! Радость моя, надежда, мой свет! Я давно не писал тебе: на войне человек себе не принадлежит. Идут жаркие бои. Ребята измотались. Мало спим, мало отдыхаем. Но я, милая Гюльнар, держись стойко. Твои письма, твоя любовь согревают меня. Сегодня большой праздник, великий день! Можешь поздравить — я комсомолец. Сбылось то, о чем давно мечтал. Теперь буду драться за троих. Мы остановили фашиста, не пускаем его дальше. И не пустим. Вся рота дала клятву — не отступить ни на шаг. Будем идти только вперед. Поклялся и я перед друзьями.

...Скоро в бой пойдем. Очень хочется получить твое письмо. А еще больше — увидеть твои глаза, погладить твои шелковистые косички».

Хотелось о многом написать. Но слов было мало.

Это было вчера, а кажется, что давно. Ведь порой годы короче дня, а день от рассвета до первых вечерних звезд — бесконечен. Чолпонбай думал: позади осталось так много хорошего, что даже воспоминаний — от вручения гвардейских значков до принятия в комсомол — хватило бы на всю жизнь. Как же она прекрасна, жизнь, если дала мне, Чоке, так много, если таким волнением потрясает душу. Чем отплатить за все?

— Послушай, Чоке, — Сергей заговорил так тихо, что Чолпонбай насторожился: примерно так говорил политрук, когда они хоронили друзей, павших смертью храбрых. Но сейчас все вокруг были целы и невредимы. Их группа, в которой Чолпонбай был одиннадцатым, завтра на рассвете, точнее перед рассветом, должна переправиться через Дон и овладеть Меловой горой. И, наверно, будут потери. Завтра, но отчего же сегодня с такой грустью заговорил Сергей? Да и, честно говоря, весь сегодняшний день он старался быть рядом со мной, хотя, наверно, надо было отнести материал в редакцию для завтрашней газеты. А уже вечереет. Солнце спряталось за горизонт... Как-то странно, печально смотрит.

Сергей расстегнул карман, достал письмо, протянул другу.

— Возьми себя в руки, Чоке. Ведь завтра бой. Я буду в третьей штурмовой группе. Всякое может случиться... Тогда некому будет тебе об этом сказать...

Еще ничего не подозревая, Чолпонбай взял письмо, начал читать, быстро шевеля губами.

— Токош, Токош... — повторил вслух. И вдруг... Сергей ожидал всего, только не этого. Над листком, втянув голову в плечи, согнулся худенький, стриженный мальчишка, заплакал навзрыд, вздрагивая всем телом, захлебываясь...

Сергей растерялся. Подавив чувства, как перед атакой, сурово сказал:

— Чоке! Что сказал бы Токош? Разве ему нужны твои слезы? Токош требует мести. Ты слышишь меня? Мести в бою!

Чоке услышал. Перед его мысленным взором, как в кинокадрах, промелькнули солнечные дни детства. В дальней дали остались горы, кони, скачки, школа, сокол... И Токош. Скорей бы ночь, переправа, бой... Токош требует мести...

Фронтная ночь... Во тьме берега Дона будто ближе придвинулись друг к другу, настороженно прислушиваются. Догадываются ли фашисты, что мы предпримем этой ночью? Или, может быть, сами готовятся к тому же, выжидают, когда скроется луна?

Поползли. Ловко перебирает локтями старший лейтенант Горохов. Рядом — бесшумный Герман. Эх, был бы тут и Сергей... С ним всегда Чолпонбай себя чувствует увереннее, взрослее. В штаб дивизии вызвали. Может, где-то важнее участок есть?..

Всплеск на реке показался неожиданно громким. Что это — рыба? Ну да, что ей война...

С минуту еще переждали. Волна о камень плеснула. Сверчки мирно трещат... Снова поползли. Вот и берег... Лозняк... Сонные камыши. Река тихо бормочет о чем-то...

Бесшумно подтащили лодку. Приказано окопаться на случай, того гляди ракета взлетит в небо...

Лодку замаскировали надежно, в трех шагах не увидишь. Может, и не окапываться? Горохов сказал — надо. Тихо, чтобы лопата не звякнула о камень или осколок... Вот она как раз, здоровая железяка. Хорошо, что нащупал. Осторожней, Чоке... Рядом беззвучно в песке окапываются ребята.

Стоп! Замри!

Отлогой дугой метнулась с того берега ракета.

Мертвенный свет отпечатал, как на гравюре, зубчатый рельеф берегов, черные лезвия камыша и осоки. Ракета с шипением ткнулась в воду.

И снова тьма.

Бойцы продолжали вгрызаться в землю.

Довольно, Чоке. Проверь свой плотик. Надо сено потуже умять, узел пристроить, чтобы держаться...

— Тулебердиев!

— Слушаю, товарищ старший лейтенант.

— В четверку младшего лейтенанта Германа.

Взмыла очередная ракета. Горохов склонился к земле.

— Пойдете с Германом. Вплавь. Ты говорил, Чолпонбай, что отличный пловец. Поплывешь замыкающим. Входи в воду сразу за лодкой!

— Есть, товарищ старший лейтенант.

Горохов еще помедлил, чувствуя, что при всей настороженности у Тулебердиева настроение решительное. Командир роты вспомнил, что Сергей Деревянкин ему говорил о Тулебердиеве много хорошего не толь-

ко как о бойце. Это тоже важно знать. Доброе расположение духа — это подарок, особенно на войне. Значит, все должно быть хорошо, за этого солдата он спокоен.

Горохов повернулся и пополз к другому окопчику, около которого в камышах спрятали лодку.

Рассыпая искры, с Меловой горы опять взмыла ракета.

Когда она погасла, Горохов и пятеро солдат перебежали в лодку. Оттолкнулись. Только начали выбираться из камышей, как противник осветил местность.

Замерли. Опять после света не видно ничего, хоть глаза выколи.

Наконец лодка неслышно ушла в темноту.

Сапоги Чолпонбая сперва увязали в иле пологого дна, потом он почувствовал гальку. Чем дальше от берега, грунт становился тверже. Холодная вода успокаивала. Вот она уже по пояс, по грудь. Чоке решительно оттолкнулся ногами и, ведя одной рукой плотик, на котором лежало оружие и гранаты, поплыл замыкающим, как и было условлено.

Вскоре почувствовал течение. Но знал: место для спуска на воду выбрано с расчетом, чтобы течением снесло весь их маленький десант к устью Орлиного лога, где легче всего выбраться на берег и скрытно приблизиться к Меловой горе.

Недвижимый с виду Дон упруго и властно сносил пловца, вырывал из рук плотик. Какими медленными кажутся взмахи рук, как тяжело ногам в сапогах, каким бесконечным видится окутанный тьмой и туманом водный простор, несущий тебя в неизвестность...

Лодки не видно. Не слышно и весел. Хорошо, что темно. Скоро середина. Но вот — ракета...

На левом берегу командир полка держал телефонную трубку.

Артиллеристы замерли у орудий — снаряды в стволах. Минометчики ждут приказа. Пулеметчики не отрываются от рукояток: большие пальцы на спусковых рычагах...

Это на случай, если переправляющихся заметит противник. Тогда надо будет прикрывать их огнем.

Струйка пота сбежала с виска подполковника. Оттуда, с той первой маленькой точки, которой надо овладеть, развернется наступление на Острогожск, Белгород, Харьков... И очень многое зависит от первого шага, от горстки храбрецов во главе с Гороховым. И... от судьбы, черт возьми!

Как долго висит эта проклятая ракета...

Подполковник Казакевич, не замечая этого, так шумно дышал в телефонную трубку, что, вероятно, было слышно на линии, тело его окаменело от напряжения. Нет, лучше бы плыть вместе с ними, чем так вот стоять, стоять и чувствовать, что ты бессилён влиять на события, хотя, кажется, сделал все, чтобы их предугадать...

Наконец ракета погасла.

Командир полка отер вспотевшее лицо, шумно выдохнул в трубку...

Плыть становилось все труднее, темнота и туман скрывали оба берега. Чолпонбай услышал сдавленный болью шепот:

— Ногу... судорогой свело.

Это Герман, младший лейтенант. Чолпонбай молча подsunул свое плечо под руку взводного.

Он и сам слабел. Что теперь уж скрывать, пловец Чолпонбай был неважный. Но случившееся с командиром придало ему сил.

— Скоро доплывем, — успокаивал Чолпонбай, а сам, переложив оружие Германа на свой плотик, напрягал последние силы, чтобы не потерять из виду лодку.

Вскоре опять обессилел, налег рукой на плотик. Намокший плотик накренился. Тулебердиев успел схватить автоматы, запас патронов ушел под воду. Остались только набитые диски. Чолпонбай подавил досаду, успокаивая себя, повторил:

— Скоро доплывем. Теперь скоро.

Как-то внезапно забрезжил рассвет. Берег открылся — совсем близко.

Противник ничем не обнаруживал себя. Может, заметил, ждет: подпустить к берегу и расстрелять в упор? Все может быть, ничего нельзя знать, предвидеть...

Послышался всплеск в камышах.

— Шука! — шепнул взводный.

Чолпонбай напряг последние силы, ноги нащупали твердое дно. Увялая в глине, вытащили груженую лодку. На ходу затягивая ремни с патронташами и гранатными сумками, держа наготове автоматы, выбрались на берег, залегли.

Тишина. Только зубы отстукивают пулеметную дробь. Разуться бы, вылить воду из пудовых сапог, глину счистить перед броском на гору...

— Напоминаю, — шепчет командир роты. — Группа Захарина идет слева, Бениашвили — справа. Герман и Тулебердиев со мной.

Молча проводили первую четверку, канувшую в туманную мглу Орлиного лога. Ни шагов, ни звона оружия. Молодцы.

Другая четверка скользнула по берегу вправо.

Горохов кивнул и первым двинулся к еще зыбким в утренних сумерках выступам Меловой горы.

Поползли по склону.

Облепленные глиной сапоги скользили.

Сверху надвинулся выступ, в который врос дзот. Кажется, он вот-вот сорвется с горы, покатится вниз, сорвет крадущихся, карабкающихся людей.

Выше... выше... Метров сто, девяносто, семьдесят...

И все — тишина. Предрассветный сон, или... Шестьдесят метров, пятьдесят... А, дьявол!..

Поскользнулся, покатился сверху Горохов. Подсек Германа. Весь напряжинившись, Чолпонбай раскинул руки, врос в камень. Удержал ротного. Тот — Германа. Уф-ф...

И снова тишина вокруг. Не услышали? Подставил плечо Горохову. Тот вскарабкался, подтянулся к выступу. За ним Герман. Горохов подал ему руку, подтащил.

Чолпонбай махнул им, давая понять, что справится сам. Пока помогал Горохову, подсаживал Германа, успел рассмотреть то, что видел вчера в бинокль.

Вдавливая носки в выемки, цепляясь за корневища, выбрался на выступ. Рядом Горохов и Герман. Дальше вверх — козья тропка. Вот и амбразура — видна щель. А может, все-таки наблюдают? Молчат...

Горохов глазами дал понять Герману, чтобы он приготовил гранаты, оставался здесь. Сам с Чолпонбаем неслышно скользнул к двери дзота...

На левом берегу командир полка не отводил бинокля от глаз. Временами он видел группу Горохова, понял, что она поднялась к самому дзоту. Затем пропала...

Шли секунды, минуты... Если все в порядке, если этот дзот будет обезврежен, то они должны дать условный сигнал.

Но не видно ни Германа, ни Тулебердиева, ни самого Горохова.

Почти рассвело. Пора начинать переправу. Теперь все зависело от их сигнала.

Казакевич так долго и напряженно ждал, что чуть не пропустил мгновение, когда, появившись из-за дзота, Горохов трижды поднял над головой автомат.

Самая опасная огневая точка обезврежена!

Подполковник схватил телефонную трубку:

— Всем двадцатым...

Не договорил.

Показалось, над самым ухом застрочил пулемет. Он бил с крайнего выступа Меловой горы. Оттуда, откуда огня не ждали.

Не зря показалось вчера Чолпонбаю подозрительным расположение плоского камня. Дзот контролировал огнем реку, подход к Меловой горе.

Сейчас пулемет в любую секунду может перенести огонь на тех, кто начал форсировать реку.

— Справа обойти! — крикнул Герман.

— Давай! — крикнул Горохов. — Сорвем переправу, если не заткнем ему глотку! Время, время...

Чолпонбай тронул старшего лейтенанта за рукав, попросил:

— Разрешите мне напрямик? Не успеем в обход...

— На-пря-мик? — Горохов протянул это слово. — Верная смерть, Чолпонбай! Ни одного шанса из сотни...

— Напрямик! — уже требовал Чолпонбай. — А вы бегом в обход. Иначе сорвется переправа! Если и не сумею... не успею... так хоть отвлеку на себя... А вы за это время...

И Чолпонбай трижды поднял над головой автомат — продублировал сигнал.

— Ну, давай, дружище! Вот тебе гранаты...

Горохов обнял солдата. Чолпонбай быстро, как кошка, пополз на меловую кручу. Горохов и Герман устремились по каменной террасе в обход, чтобы с двух сторон блокировать злополучный дзот.

Глина давно уже стерлась с сапог, тело стало легким, будто и не было трудной переправы, подъема, рукопашной схватки в первом дзоте...

Был непонятный прилив сил. Сейчас Чолпонбаю помогали все преодоленные им кручи Тянь-Шаня, месяцы тренировок, учений и что-то еще, неуловимое, неосознанное.

Он только видел, что небо уже розовеет, редеет туман, который скрывал от врага наши войска, уже готовые начать переправу. Она должна начаться немедленно, сразу, как только замолчит пулемет дзота.

Ступенька, карниз, еще ступенька... Вот она, амбразура! Сколько до нее? Метров пятнадцать, больше?

Увидел и ствол пулемета: бьет непрерывно, точно задыхаясь от злобы...

Так... Надо осмотреться. Слева не подобраться: круча. И справа кручи... Выступ этот с дзотом — как огромный кулак, занесенный над переправой.

Чолпонбай прильнул щекой к склону. Чебрец или какая-то другая трава, такой приятный запах. Кажется, чебрец...

Путь только один — напрямик, к амбразуре. Другой дороги нет.

Чолпонбай прицелился, метнул в узкую щель амбразуры гранату.

Ствол пулемета, изрыгающий пламя, вздрогнул, сдвинулся... Граната попала в него, перекувырнувшись, отлетела, скатилась и взорвалась неподалеку от Чолпонбая. Осколки известняка просвистели у самых ушей, меловая пыль ослепила глаза. Чолпонбай выхватил вторую гранату, переждал, пока рассеется пыль, бросил.

Грохнул взрыв. Но пулемет продолжал строчить.

Потом смолк. Из амбразуры высунулся ствол автомата, косо направленный на него. Чолпонбай дернулся вбок, пуля задела плечо, кровь потекла в рукав гимнастерки. Левая рука стала неметь.

Желто-оранжевые круги поплыли перед глазами. Послышались голоса, замелькали лица. На миг увидел себя перед комиссаром полка: просит включить в число первых... «Или если мне комсомольского билета еще не выдали, то и доверять нельзя?»

Струйка дыма, белесый туман... Нет, это не Меловая, это снежные горы Тянь-Шаня... И в них летят пули...

Вытаскивает из горной речки товарища — пули летят в него.

Садится на коня, пули — в коня.

Сажает на плечо сокола — пули летят в сокола.

Пасет овец с братом — пули летят в грудь Токоша!

Пули, пули... «Есть сила сильней... Это — человек!»

Сергей Деревянкин... «Здесь люди надежные!» Пули летят в Сергея.

Надо защитить, прикрыть — и комиссара, и друга, упавшего в речку, и Меловую гору, и Тянь-Шань, и коня, брата Токоша, Сергея...

Гитлеровские парашютисты, десант! Вот уже в штыковую кинулись. Спасибо, Сергей! Спасибо, брат, выручил!

Теперь моя очередь вас заслонить! И Гюльнар... Вот она, в тюбетейке: косы по ветру, глаза счастливые... Зачем она здесь? Вокруг пули, и все — в нее! Если он не встанет, тогда упадет она...

Он встанет, встанет... Он спасет Гюльнар!

Чолпонбай на мгновение очнулся. Увидел: плотники отчалили от нашего берега, их все больше и больше, пули летят в них...

Где гранаты? Нет? Но есть я, мое тело, воля... Я могу еще двигаться...

Вот так же бил пулемет из танка, когда он, Чоке, у оврага остановил его связкой гранат. Но теперь гранат нет, он один на один с дзотом, убивающим, огнедышащим...

Есть еще здоровая рука. Чолпонбай ухватился за щербатый край площадки, попытался закинуть колено. Опять желтые круги перед глазами. «Я хочу этот гвардейский значок вручить первому среди первых...»

Чолпонбай ползет вперед. Метр, два, три. Он уже в мертвом пространстве: ни пулемет, ни автомат из дзота достать его не могут. Стебли травы, его кровь... Рука автомат не держит... Как пахнет чебрец! Это я дома... вернулся... Сейчас посплю, потом пойдем с братом в горы...

«...Тулбердиев пал смертью храбрых!» Голос Сергея. «Мы отомстим!»

«Я всегда готов по приказу Рабоче-Крестьянского Правительства выступить на защиту моей Родины... клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни...»

«Первому среди храбрых...»

Родина...

И если не он, Чолпонбай, кто ее спасет?

Встал, сделал несколько неверных шагов вперед.

Из дзота ударил автомат...

С нашего берега командир полка в бинокль видит все.

— Погиб! — не отрывая глаз от неподвижного тела, произнес он.

— Погиб! — повторил комиссар.

И тут увидели: Тулебердиев пошевелился, прополз немного вперед. И вдруг, приподнявшись в броске, кинулся грудью на огненную струю... Громовое «ура» потрясло левый берег.

8 августа Совинформбюро коротко сообщило о том, что южнее Воронежа наши части форсировали Дон. «Советские бойцы заняли два крупных населенных пункта. Бои идут на улицах нескольких других населенных пунктов...»

Позже с этого плацдарма войска Воронежского фронта развернули широкое наступление на Острогожск, Белгород, Харьков...

* * *

В километре от деревни Селявное Давыдовского района Воронежской области на высоком берегу Дона высится белокаменный обелиск, увенчанный пятиконечной звездой. На нем начертаны слова: «Герой Советского Союза Чолпонбай Тулебердиев. Погиб 6.VIII. 1942 г.»

В ярких лучах солнца обелиск виден на много верст вокруг.

Он будет сиять века.

Внизу плавно несет свои воды тихий Дон — река, повидавшая на своем веку много.

Алексей Прасолов

РОЖДЕННЫЙ ТАМ, НА ВЫСОТЕ

АЛЕКСЕЙ И АННА

В аннинском Прибитюжье короткий след оставил известный советский поэт Алексей Прасолов. По рождению он росошанец. После педучилища полтора года учительствовал в школах. Писал стихи. Их заметил редактор «Молодого коммунара» Борис Стукалин и, желая поддержать автора, пригласил в газету на вакантную должность корректора. Однако Прасолов в Воронеже не задержался, вернулся на сельские просторы и работал сотрудником в ряде районных газет. Стихи его, публиковавшиеся в воронежской периодике, привлекали к себе все большее внимание. Стукалин продолжал поддерживать поэта, позже к этой поддержке присоединился профессор ВГУ Анатолий Абрамов.

В 1957-м Прасолов участвовал в областном семинаре молодых писателей. Семинар вели приглашенные из Москвы знаменитые литераторы Юлия Друнина, Николай Старшинов и Владимир Солоухин. Они высоко оценили его творчество.

К сожалению, уже в ту пору молодой талант начал увлекаться спиртным. Отсюда частые перемены мест работы, дурные поступки и — тюрьма. В январе 1961 года сотрудника петропавловской районной газеты Прасолова осудили на 3 года «за кражу белья у населения». На волю вышел условно-досрочно 24 мая 1962 года.

Тогдашний руководитель областной писательской организации Константин Локотков попросил заведующего сектором печати обкома КПСС Владимира Евтушенко трудоустроить Прасолова. Евтушенко помог. В первых числах июня Прасолов приехал в Анну с настроением начать жизнь с чистого листа. Здесь редактор межрайонной газеты «Ленинец» Георгий Струков принял его на должность корреспондента сельскохозяйственного отдела с испытательным сроком.

У Прасолова есть рассказ «Новогодняя ночь» — лирическое повествование о том, как два одиночества, Роман и Лидия, встретились случайно на улице за пару часов до боя курантов. Как познакомились, как вместе встретили Новый год у Романа на квартире. Как до утра проговорили при непочатой бутылке шампанского и — ничего кроме душевной близости. Такой получился по-советски высоко-нравственный рассказ, завершающийся расставанием героев утром нового, обнадеживающего дня. Автор поставил дату: 6 июня 1962 года. Есть все основания

считать, что рассказ Прасолов либо целиком успел написать уже в Анне — под настроение, либо завершил здесь работу над ним.

Первая командировка его как сотрудника газеты была в архангельский колхоз «Дружба». Там познакомился с кукурузоводом Лысыковым, бригадиром Моргачевым. Корреспонденция об их делах и заботах «Благодушию не должно быть места» вышла 10 июня.

12 июня прошло совещание работников культуры районов Аннинского территориального колхозно-совхозного управления. Прасолов был на этом совещании, слушал доклад парторга обкома КПСС Подгузова, выступающих. В отчете «Говорят культработники», напечатанном 15 числа, корреспондент подчеркнул, что совещание «дало его участникам много полезного. Оно нацелило работников культуры на решение задач, поставленных мартовским Пленумом ЦК КПСС».

17 июня газета вернулась к архангельским кукурузоводам — в прасоловской заметке «Слово в ладу с делом» рассказывалось, как Лысыков и его товарищи проводят междурядную обработку на тысячектарной плантации кукурузы.

Со следующей публикацией в «Ленинце» Прасолов выступил 22 июня. То была корреспонденция «Дни горячие» из Аннинского автохозяйства, где готовили к уборочной страде 110 грузовиков — «лечили» моторы, организовали плотницкую бригаду по ремонту кузовов. Здесь, заметил автор, «чувствуется большая коллективная ответственность за подготовку транспорта».

В Анне Прасолов жил в гостинице на улице Коммунальной. Это подтверждает маленькая 45-строчная заметочка «Гости довольны» в номере за 24 июня, подписанная псевдонимом «А. Тимофеев». В ней — похвала работникам гостиницы за заботу о постояльцах.

В один из июньских дней Струков организовал культпоездку сотрудников редакции и типографии в Воронеж, заказал автобус. В музыкальном театре шла с аншлагом оперетта Листова «Севастопольский вальс». Ее и решили посмотреть-послушать. В городе Прасолов оторвался от коллектива. Он поездку использовал как возможность встретиться с тогдашним главным редактором журнала «Подъём» Владимиром Гордейчевым. Писатель Петр Чалый — кропотливый исследователь прасоловской жизни и творчества — выяснил, что встреча эта прошла на квартире Гордейчева. Прасолов интересовался у мэтра мнением о своем творчестве и предложил опубликовать в журнале подборку стихотворений. В числе их, как полагает Чалый, было написанное в аннинский период восьмистишие «Хлеб», позднее опубликованное без названия в сборнике «Алексей Прасолов. Стихотворения, поэмы, повесть, статьи, письма» (Воронеж, 1984):

Вот и хлеб. В нем приметы эпохи:
Он пышен иль горестно черств.
И дорог извечно до крохи,
Сметаемой бережно в горсть.
Когда всенародной кручиной
Он станет мучительно жечь,
Сурово разведав причины,
Вернутся за плуг иль меч.

По воспоминаниям ветеранов «Ленинца» Андрея Забелы и Бориса Поташова, к месту сбора в урочный час Прасолов не явился, и аннинцы возвратились домой без него: семеро одного не ждут. На работу он не опоздал — полуденный поезд из Воронежа прибывал в Анну ранним утром. Но редактор, любивший порядок, отчитал нарушителя дисциплины «за неуважение к коллективному началу» и наложил «епитимью» — наладить работу литобъединения при редакции. Прасолов охотно взялся за дело, составил объявление следующего содержания: «При редакции межрайонной газеты “Ленинец” создается литературная группа. Заседа-

Алексей Прасолов

ние состоится 5 июля в 17.00 в помещении редакции (р.п. Анна, ул. Типографская, 1). Принимаются все желающие участвовать в работе литературной группы. Товарищи, захватите с собой рукописи стихов, рассказов, очерков, фельетонов».

Объявление было выставлено в номер «Ленинца» за 28 июня. Но перед этим в старинном аннинском парке, гуляя по которому сочиняла стихи современница Пушкина и Лермонтова Евдокия Ростопчина, Прасолов со случайными собутыльниками выпил лишку и отправился в поисках закуски в ближайшее домовладение. Разбил окно. Звон стекла услышали соседи и вызвали милицию. Последовал арест, потом суд, приплюсованный неотбытый срок к новому, и опять тюрьма. Из редакции его уволили задним числом — с 25 июня.

«Сидел» Прасолов заведующим тюремной библиотекой. Имел возможность заниматься литературным творчеством. «Главное для меня выйти от-

сюда не с пустыми руками, а выросшим, — писал он друзьям из узилища. — А там свое возьму».

За Прасолова хлопотали. Особую роль в судьбе поэта сыграла начинающий литературовед Инна Ростовцева: она передала Александру Твардовскому, главному редактору «Нового мира», его тетрадь со стихами. Твардовский, прочитав, пришел в восторг. В августовском номере журнала за 1964 год была напечатана подборка из десяти стихотворений поэта из воронежской глубинки, сразу сделавшая его всесоюзно известным. Твардовский помог Прасолову досрочно выйти на свободу и, кроме того, содействовал изданию в Москве через два года небольшого сборника «Лирика» (1966). Последующие сборники Прасолова смогли появиться в более скромном оформлении и меньшими тиражами лишь в Воронеже («День и ночь», 1966; «Земля и зенит», 1968; «Во имя твое», 1971).

До 1971 года Прасолов работал преимущественно в редакциях районных газет. После перешел на профессиональное положение как член Союза писателей СССР (вступил в 1966 г.) и переехал жить в Воронеж. Трагические зигзаги судьбы, алкогольная зависимость, болезнь легких отрицательно сказались на душевном состоянии поэта. 2 февраля 1972 года он покончил с собой.

Прасолов «свое взял» после кончины. Литературные критики и исследователи относят его творчество (наряду с Рубцовым, Жигулиным, Куняевым и некоторыми другими авторами) к «тихим лирикам», видят в них продолжение традиций Боратынского, Лермонтова, Тютчева, Кольцова, Никитина, Блока, Заболоцкого, Твардовского. Общеизвестно, что Прасолов великолепно владел стихотворной техникой.

Посмертную прасоловскую библиографию составляют десятки книг стихов, прозы, дневников и писем. Многочисленны издания, публикации в периодической печати с воспоминаниями о непростой судьбе поэта и материалами литературоведческого характера. В Коминтерновском районе Воронежа есть улица Поэта Прасолова. Именем Прасолова названы также Россошанская районная библиотека и Воронежская городская библиотека № 19. В регионе традиционно проходят Прасоловские чтения. На здании по проспекту Революции, 22 в Воронеже, где прежде располагалась редакция газеты «Молодой коммунар», установлена соответствующая мемориальная доска.

Виталий ЖИХАРЕВ

* * *

Если ко мне ты захочешь,
Руки свои протяни —
Камень, холодный на ощупь,
Встретят сегодня они.

В камне, пугающем руки,
Не распознаешь черты —
Те, что до нашей разлуки
Были теплы и чисты.

Только в отчаянье — слышишь? —
Камень винить не спеши, —
Может, пустыня в нем дышит
Зноем усталой души.

Есть в этом мире ваятель
С грубым и страшным резцом:
Счастливы мы, если платим
Горю — веселым лицом.

Счастливы, если удастся
Сердце корой бытия
Скрыть, чтоб неузнанно — здравствуй!
Вскрикнуть: — Да это же я!

Руки неверяще вскинув,
Что-то сомкнут и сорвут,
Как реставратор — картину,
К свету лицом повернут.

Если ко мне ты захочешь,
Дай лишь доверчивость рук, —
Камень, холодный на ощупь,
Сердцем окажется вдруг.

* * *

Листа несорванного дрожь,
И забытье травинок тощих,
И надо всем еще не дождь,
А еле слышный мелкий дождик.

Сольются капли на листе,
И вот, почувствовав их тяжесть,
Рожденный там, на высоте,
Он замертво на землю ляжет.

Но все произойдет не вдруг:
Еще — от трепета до тленья —

Он совершит прощальный круг
Замедленно — как в удивленье.

А дождик с четырех сторон
Уже облег и лес и поле
Так мягко, словно хочет он,
Чтоб неизбежное — без боли.

* * *

И вдруг за дождевым
навесом
Все распахнулось под горой,
Свежо и горько пахнет лесом —
Листвой и старою корой.

Все стало чистым и наивным,
Кипит, сверкая и слепя,
Еще взъерошенное ливнем
И не пришедшее в себя.

И лесу точно нет и дела,
Что крайний ствол наперекос,
В изломе розовато-белом —
Как будто выпертая кость.

Еще поверженный не стонет,
Еще, не сохнув, не скрипит,
Обняв других, вершину клонит,
Но не мертвеет и не спит.

Восторг шумливо лист колышет,
Тяжел и груб покой ствола,
И обнаженно рана дышит,
И птичка, пискнув, замерла.

* * *

О лето, в мареве проселка
Какая сила ходит тут!
Как настороженно и колко
Колосья в грудь меня клюют.

Среди людской горячей нивы
Затерян колосом и я,
И сердце полнится наливом —
Целебным соком бытия.

И где расти нам — не поспоришь:
Кому — зола, кому — песок.

Хранит разымчивость и горечь
Незамутненный терпкий сок.

И как я жил? И что я думал?..
Войди неяркою на миг —
И ты поймешь в разгуле шума
Шершавый шорох слов моих.

* * *

Вокзал с огнями неминуем.
Прощальный час — над головой.
Дай трижды накрест поцелуем
Схватить последний шепот твой.

И, запрокинутая резко,
Увидишь падающий мост
И на фарфоровых подвесках —
Летающий провод среди звезд.

А чтоб минута стала легче,
Когда тебе уже невмочь,
Я, наклонясь, приму на плечи
Всю перекошенную ночь.

* * *

Одним окном светился мир ночной,
Там мальчик с ясным отсветом на лбу,
Вода по книге медленно рукой,
Читал про чью-то горькую судьбу.

А мать его глядела на меня
Сквозь пустоту дотла сгоревших лет,
Глядела, не тревожа, не храня
Той памяти, в которой счастья нет.

И были мне глаза ее страшны
Спокойствием, направленным в упор
И так печально уходящим вдаль,
И я у черной каменной стены
Стоял и чувствовал себя как вор,
Укравший эту тайную печаль.

Да, ты была моей и не моей...
Читай, мой мальчик! Ухожу я вдаль
И знаю: материнская печаль,
Украденная, вдвое тяжелей.

* * *

В тяжких волнах наружного гула
И в прозрачном дрожанье стекла
Та же боль, что на время уснула
И опять, отдохнув, проняла.

Вижу — смотрит глазами твоими,
Слышу — просит холодной воды.
И горит на губах моих имя
Разделенной с тобою беды.

Все прошло. Что теперь с тобой делают?
Это старый иль новый обряд?
Для иного постель тебе стелют
И другие слова говорят.

Завтра нам поневоле встречаться.
Тихий — к тихой взойду на крыльцо,
И усталое грешное счастье,
Не стыдясь, мне заглянет в лицо.

И, как встреча, слова — поневоле,
Деловые слова, а в душе
Немота очистительной боли —
Той, что ты не поделишь уже.

НА РЕКЕ

Воткнулись вглубь верхушки сосен,
Под ними млеют облака,
И стадо медленно пронесит
По ним пятнистые бока.

И всадник, жаром истомленный,
По стремя ярко освещен
Там, где разлился фон зеленый,
И черен там, где белый фон.

А я курю неторопливо
И не хочу пускаться вплавь
Туда, где льется это диво
И перевертывает явь.

* * *

На пустыре обмякла яма,
Наполненная тишиной,
И мне не слышно слово «мама»,
Произнесенное не мной.

Тяжелую я вижу крышу,
Которой нет уже теперь,
И сквозь бомбежку резко слышу,
Как вновь отскакивает дверь.

* * *

В ковше неотгруженный щебень,
Как будто случилась беда.
В большой котловине от неба
Глубокой казалась вода.

К холодной и чистой купели
Сходил по уступам мой день,
И грани уступов горели,
Другие — обрезала тень.

Я видел высокую стену,
Что в небо и в воду ушла,
И росчерком — белую пену,
Что ярко к подножью легла.

Я слышал, как звонче и чаще —
Невидимый — камень стучал,
Обрушенный днем уходящим,
За ним он катился в провал.

В паденье ничто не боролось,
Лишь громко зевнула вода, —
И подал призывный свой голос,
И подал я голос тогда.

И грозным иссеченным ликом
Ко мне обернулась стена,
С вниманьем таинственно-диким
Его принимала она.

А голос в пространстве вечернем,
Какою-то силой гоним,
Метался, — огромный, пещерный,
Несходный с ничтожным моим.

И бездна предстала иною:
Я чувствовал близость светил,
Но голос, исторгнутый мною,
Он к предкам моим восходил.

Константин Петрович Локотков (1916–1980) родом из Анны. Окончил химико-технологический институт. В войну был эвакуирован вместе с заводом «Электросигнал» в Новосибирск, где работал технологом, начальником цеха. В 1946–1947 гг. заведовал редакцией журнала «Сибирские огни». По возвращении домой редактировал альманах «Литературный Воронеж», был главным редактором журнала «Подъём», в 1959–1972 годах руководил областной писательской организацией. Автор книг «Доброе утро», «Сотри случайные черты», «Хлеб-соль», романа «Верность» и многих других произведений.

Константин Локотков

АСТРА

Рассказ

Выйдя из госпиталя, я принялся разыскивать свою часть. Узнав, что она стоит в моем родном городе, я помчался туда, боясь, что не успею. Нет, мне чертовски повезло — если бы явился на день позже, опоздал бы: часть трогалась дальше.

Милые, тихие улицы, как изуродовал их враг! Ветер продувал город насквозь. Груды щебня и пустые коробки домов. Я очень долго в смятении бродил по мертвым улицам. А потом вдруг увидел, что они живут. Непобедимо вставала пораненная зелень. Звоня, проходили трамваи. Мальчишки, набедокурив, удирали от милиционера. И веселое яркое солнце дробилось в окнах домов.

Техникум связи, где мы учились с Володей, уцелел. Перед входом в подвал висел указатель «Радиомастерская», на втором этаже располагалась школа. Занятия кончились, сторожиха впустила меня в классы.

Присмотришься к вещам, и они начинают рассказывать многое. Я ходил по комнатам, здороваясь с юностью.

В маленькой физической лаборатории нашел то, что искал: крепкий, красного дерева стол. Я сел за него и не помню, сколько времени просидел молча, смотря на потускневшие, перочинным ножом вырезанные буквы: мое имя, рядом — «Ната-

ша», потом — «Володя». Помнится, тогда какой-то пронизательный человек написал сверху чернилами: «Уравнение с тремя неизвестными». Я соскоблил эту надпись ножом, но Володя успел прочесть и приставал ко мне с вопросом: «Что это значит?». Я не сказал, а он не догадался.

На фронте я много думал о Наташе и Володе. Я был уверен, что встречу их или узнаю о них. Но разве мог предугадать, когда случится это? А случилось так. Волнуясь, я смотрел на буквы — в воспоминаниях вставало прошлое... Тишина... мягкие шаги уборщицы за дверью... И вдруг — низкий встревоженный басок в коридоре:

— Сюда военный прошел. Где он?

Раскрылась дверь. Я встал. Передо мною был Володя!

Мы стояли неподвижно и молча смотрели друг на друга.

— Юрка, ты? — тихо сказал Володя.

Не полною, ответил ли я ему что-нибудь, кажется, нет: невозможно было представить, что все это — явь.

— Боже мой! — с изумлением сказал Володя, приложив ладонь к щеке. — Какое у тебя глупое, удивленное лицо!

Он захохотал и, опрокинув стул, бросился ко мне, за плечи вытащил из-за стола, повалил и, придавив коленом грудь, разбойничьим шепотом произнес:

— Жизнь или смерть?

Вот теперь я узнал его! Сколько перетерпели мои бедные ребра за четыре года, прожитых нами в студенческой комнате! Чуть ли не ежедневно устраивались матчи французской борьбы.

Мы долго не могли успокоиться.

— Володя, как все это... неожиданно! Ты что же здесь, со своей частью?

— Да, уже месяц. Завтра отправляемся дальше.

Оказывается, Володя увидел меня из окна радиомастерской, когда я подходил к дому, и сперва не узнал.

— А потом дошло: ведь это ты! — смеялся он.

Володя очень возмужал, доброе, открытое лицо загорело, плечи раздались, а походка по-прежнему легкая, юношеская.

Я боялся спрашивать о Наташе. Война — всякое может случиться... Но Володя заговорил о ней первый. Как и я, он ничего не знал о ее судьбе. До войны, сразу же после окончания техникума, мы с Володей уехали на Крайний Север. Наташа еще училась — она по болезни пропустила год. Вернувшись, мы не смогли добраться до города, где жила Наташа: город был занят немцами. Она переехала туда накануне войны. Собираясь в дорогу, Наташа дала радиограмму о своем переезде, но точного нового адреса не сообщила.

Мы долго сидели на подоконнике, глядя в раскрытое окно на город. В небе таяли дымчатые облака. Просвеченные насквозь вечерним солнцем, трепетные и легкие, шелестели листвой высокие тополя. Когда солнце зашло и сгустились тени, над городом повис голубовато-белый лунный свет...

— Этот лунный свет, — тихо сказал Володя, — он сопутствует мне всегда... даже во снах.

Лицо его было чуть приподнято, он пристально смотрел в ночь...

Четыре года студенческой жизни мы не разлучались ни на один день. Наши койки в общежитии стояли рядом. Володя был всегда откровенен, а о Наташе мог говорить беспрестанно. В любви нет мелочей — все зна-

чительно. И он не догадывался, что и для меня эти мелочи значат не меньше, чем для него. Возможно (пусть не обидится Володя!), даже больше: ведь ко мне они приходили из вторых рук. Смех Наташи, поворот головы, какая-нибудь трогательная ее привычка — как я мог не наслаждаться его рассказами! Для меня все это было скрыто под строгой сдержанностью Наташи.

Никогда не прощу себе необдуманного, легкомысленного признания. Я неправильно понял ее дружбу, и надежда придала мне смелость. Мы остались вдвоем после уроков в классе — я попросил ее об этом, — храбро выпалил все и — непоправимо потерял Наташу.

Как она испугалась, когда услышала! Она сидела на подоконнике, держась за ручку окна и спрятав лицо в складке рукава, а потом встала, перешла к столу, села там и долго молчала, печально поникнув, боязливо полуотвернувшись от меня.

— Наташа, я тебя обидел, скажи?

— Юра, — тихо сказала она, не поднимая головы, — ты сейчас сделал очень, очень плохо. Зачем ты это сказал? Ты не подумал, да?

— Наташа, я много думал!

— Ты не подумал, Юра, — она говорила медленно, очень мягко, но по-прежнему огорченно и не поднимая глаз, — я, а я... не знаю, как теперь... — Она запнулась и еще ниже опустила голову, но потом вдруг выпрямилась и в первый раз широко раскрытыми глазами посмотрела на меня. — Ты понимаешь, ведь то, что ты сказал, — это для человека на всю, на всю жизнь! Как же ты мог... не зная меня и года, так... вдруг... Ведь это такое... большое, все-все — горе, радость, неудачи, — разве ты знаешь, что нас ждет впереди? А любовь, она должна все перенести... Я вот когда подумаю об этом, и такая, знаешь... — Наташа не могла подыскать слова и только смотрела на меня, — ответственность, — наконец с усилием произнесла она, — что... даже боюсь... если придет это, а я... не смогу... оправдать...

Она закончила совсем тихо и закрыла лицо ладонью. Нельзя было дольше оставаться в комнате. Мне показалось нелепым мое присутствие. Я вышел.

Слова Наташи приводили в отчаяние. Я уже ни на что не надеялся. Дружба была потеряна. Я чувствовал себя лишним за нашим общим учебным столом. И вскоре покинул его, сославшись на какой-то пустяк.

Вот и все. Ушел. И сразу ледок отрешенности стеснил сердце. Все кончилось. Наташа сидела в одной комнате со мной, но была уже так далеко.

Нет, не все кончилось. Мне оставались рассказы Володи. Время после занятий Наташа проводила с ним. Ах, Володя, он не замечал моего отсутствия! А ведь когда-то мы постоянно были троим.

...Тогда по ночам я просил его говорить о любви, а сейчас почему-то не мог.

Володя на минуту замолчал, а я лишь взглядом умолял его: «Говори!»

— Тогда... — продолжал Володя (я знаю, «когда»: в первую их встречу с Наташей), — вот так же... покачивались, набегали рябью эти лунные пятна на дорожках. Наташа смеялась, говорила, что у нее кружится голова... Ты посмотри — верно, словно плывешь...

Я вслушивался в голос Володи и, закрыв глаза, живо представлял все, что было в тот вечер.

Когда они сели на скамейку, Наташа спросила: «Ты все время молчишь. Почему?» Володя удивился. Ему казалось, что он все время говорил. Да, он все время говорил — о том, как хорош этот лунный свет и как чудесно все изменилось в мире: пришла Наташа. Он не знал, понимала ли она его. Наташа улыбалась задумчиво и чуть недоверчиво, склонив милое простое лицо в светлой оправе волос, — они падали на плечи, Наташа медленным, спокойным движением руки отводила их назад. Володя очень хорошо делал, что не торопился с признанием...

Мы оба уехали на Север. Как волновались, ожидая новогоднюю радиопередачу для зимовщиков! У микрофона говорили родные люди.

Тихий голос Наташи, приглушенный пространством, то затихал, был едва слышен, то вновь нарастал, и казалось, что мы различаем шелест дыхания.

— ...Последние экзамены. Очень волнуемся. Много разговоров о том, кто куда поедет работать. Я обязательно буду проситься в Воронеж. Ведь родилась в Воронеже...

Наташа замолчала, потом неожиданно спросила:

— А Юра... Он меня слушает? Юра, — она запнулась, — Юра, ты, когда уезжал... был очень печальный... Ты... не надо... так... Зачем? Ведь...

И, вздохнув, умолкла. Но она была совсем-совсем рядом... И даже тонкий запах волос... Да нет, почудится же такое! Ну, говори, говори, скажи еще что-нибудь!

— Ребята, — позвала она, и опять голос ее затих, лишь частое дыхание волновало шелковую ткань приемника, — да вы слышали меня? — сказала вдруг с горечью и сомнением.

— Слышали, слышали! — закричали мы оба в тот момент, как будто слова могли долететь до нее.

Через несколько минут мы дали радиограмму:

«Слышимость была хорошая, желаем успешно сдать экзамены, надемся на скорую встречу».

Скорая встреча! Три года минуло, война...

...Мы стояли с Володей у окна и смотрели в ночь. Небо над городом посветлело, но еще не было предутренней отчетливости красок.

— Помнишь, — сказал Володя, не отрывая пристального взгляда от окна, — мы дали радиограмму и долго сидели молча. А я еще глупо похвастывал. Помнишь?

— Да, мы сидели молча.

— Ты не знаешь, почему? Ты о чем думал?

— Не помню, Володя.

— Честное слово?

Я не ответил. Володя мельком взглянул на меня и опять отвернулся.

— Ты солгал. Ты все помнишь. — Володя проговорил это с каким-то веселым вызовом, и мне сбоку было видно, что он пытается сдержать улыбку.

Холодея от предчувствия, я сказал, стараясь, чтобы это вышло непри-
нужденно:

— Странно, Володя. О чем я мог думать? Только прослушали передачу... Как там дома, в техникуме... Потом — все ли передали в радиограмме... и о Наташе...

— Прежде всего — о Наташе, — неожиданно громко сказал Володя, но все так же пытаюсь подавить улыбку, и вдруг, вспомнив что-то, изменился в лице: — А я-то, болван, по ночам... тебе...

Он резко повернулся и сморщился, словно боль пронизала его. У меня задрожали руки от волнения.

Он все знал!

— Не жалей меня, — сказал я, чувствуя, как приходит внезапное спокойствие, — я не считаю себя несчастным. Скажу тебе больше: есть, живет, радуется Наташа, значит, и мне... очень... хорошо... — Мне стало вдруг трудно дышать, я закончил с усилием, с таким чувством, как если бы обманывал Володю, хотя верил: мог бы поклясться, что говорю всю правду.

Володя смотрел большими умоляющими глазами и кивал после каждого моего слова.

— Да, да, Юра! Ах, если бы не было на свете ревности, этого чувства собственников! — Он сказал это очень сильно, и опять как бы гримаса боли прошла по его лицу. — Я много думал, Юра, об этом. Сперва я испугался за тебя, за нашу дружбу...

— Тебе Наташа сказала? — перебил я.

— Нет. Я сам догадался. В первый раз тогда, после радиопередачи... Вдруг беспокойство... Потом — после, когда расстались, — начал перебирать в памяти все-все. Каждый пустяк. Как ты слушал меня по ночам. Как встречал Наташу. Потом это уравнение с тремя неизвестными... Я был ослеплен — чудовищно! Рассказывал обо всем и не догадывался. И вот здесь, сейчас, окончательно убедился...

Он был взволнован; не выпуская моей руки, встряхивал ее после каждой фразы, близко наклонившись и не отводя глаз от лица.

— Володя, успокойся. Это даже лучше, что ты узнал.

Он как-то сразу умолк и недоуменно заморгал.

— Ага! В таком случае... — Володя, не окончив, наклонив голову, решительно повел меня к столу. Мы сели. Володя положил руки на мои колени и несколько минут смотрел в лицо, будто изучая. Я видел, как менялось выражение его глаз: холодный блеск сменился теплым, озорноватым огоньком. Я ждал, что он скажет.

— Ты ведь знаешь, Юра, я так и не признался Наташе, — начал он мягко. — Почему, спросишь? Мне трудно было тогда объяснить себе это. Бывает так — слова кажутся лишними: все, дескать, ясно. У меня не то. Я чувствовал какую-то неловкость, когда думал об этом. Мне казались кощунством все слова, потому что — я понял это позже — мое чувство к Наташе было не то, какое должен испытывать человек к любимой девушке...

— Как так? Что ты мелешь, Володя?

— Слушай, — он засмеялся и рукой придержал меня на месте. — У тебя есть сестра? Хорошая, добрая сестра?

— Да.

Он встал, и я поднялся вслед за ним. Володя крепко сжал мои плечи.

— Ну, так вот, Юрка. У меня не было сестры. Теперь она есть. Наташа.

— Что ты... выдумываешь? — опять запротестовал я.

— Юрка... — Он покосился с мрачной угрозой. — Сейчас применю ноздревскую, сочинения Гоголя, тактику — я тебя начну бить. Хочешь, на обе лопатки? Слушай. Я женат.

Я еще не успел осмыслить того, что он сказал, как Володя легко поднял меня с пола, отнес к подоконнику. Когда он снова взглянул на меня, я увидел, что глаза его блестят счастливым влажным блеском.

— Юра, какой-то писатель сказал: война учит нас сентиментальности. Нет, неправда, это не то слово. Не то слово! — повторил он негромко, лицо его стало ясным и спокойным. — Три года назад, Юра, — после того как вернулись с зимовки, — я встретил девушку. И с тех пор мы не расставались. Не раз смерть касалась нас обоих... Откопала меня — одна! — когда засыпало землей... Раненую, восемнадцать километров нес ее на руках из окружения... Я люблю ее, Юра, — очень!

Он взял мои руки и, улыбаясь, развел их в стороны.

— А Наташа — сестренка... Я подниму на ноги весь Союз, а ее разыщу.

Посмотрел сбоку, хитро прищурившись:

— И тебе надлежит действовать. Потому что надо быть слепым, чтобы не видеть отношения Наташи к тебе... Я и был им — не слепым, а — ослепленным... Если бы почаще устраивали радиопередачи... не было бы нужды тогда глупо и удивленно похвастываться.

Он захохотал и так треснул меня по плечу, что сердце мое от счастья готово было выпрыгнуть из груди.

Три месяца мы переписывались, затем я потерял связь с Володей. Знал только, что он был переброшен в партизанский отряд. Прошел год. Я опять очутился в госпитале.

Что это за мучение — лежать и смотреть в потолок! Едва дождался дня, когда врачи разрешили передвигаться по комнате.

Была осень, первые заморозки сковали тонкой чешуей деревья. Затем все стало бело, и весело было глядеть в окно на ребятишек-лыжников.

Я писал запросы, пытаюсь разузнать о Наташе и Володе.

И вот однажды — это было накануне выписки из госпиталя — принесли небольшой пакетик из плотной белой бумаги. Видимо, его кто-то долгое время носил в кармане: края были затерты и лохматились. На лицевой стороне конверта неизвестной рукой был написан старый мой адрес и тем же почерком, только крупнее и красным карандашом, в правом углу слово: «Астра». Как следовало из письма, «Астра» — это позывной, на котором работала Наташа. Писал командир партизанского соединения. Он сообщал, что во время операций партизан в районе города Н. в подвале одного дома работала рация Натальи Петровны Федоровой. Она корректировала огонь партизанской артиллерии и указывала расположение немецких частей в городе.

«Ее позывные “Астра” и данные, которые она сообщала, — писал командир, — оказали нашему отряду огромную, неоценимую услугу. Мы успешно завершили операцию и вернулись на базу. Но что с Наташей Федоровой — мы не знаем. Из группы прорыва, брошенной к дому, где работала рация, пробились назад лишь двое. Они сообщили, что командир отделения, боец нашего отряда Володя Семенов, остался прикрывать отход товарищей. С ними была и Наташа. В бою на пустыре за домом, перед спуском к реке, немцам удалось расчленить группу партизан. Через реку переправились только эти два бойца. Судьба остальных неизвестна. Больше нам уже не удалось уловить “Астру”. Через четыре месяца части Советской Армии освободили город Н. В подвале был найден лишь разбитый радиопередатчик... Ни трупов, ни следов крови... Нам хочется верить, товарищ, что...»

— «Астра», «Астра»... — повторял я вслух, пытаюсь что-то вспомнить, очень важное, с отчаянием и надеждой хватаясь за обрывки воспоминаний.

Город Н.! Это тот город, где жила Наташа накануне войны! Я освободил его. А потом пошел дальше, на запад. Много было впереди населенных пунктов. Я перебирал их, пытаюсь восстановить названия. Где же это было? Я не мог сказать, но отчетливо встала в памяти одна ночь перед атакой.

Я держал связь с соседним соединением. В разноголосице звуков, позывных, атмосферных разрядов вдруг послышалось что-то близкое, родное. Тревога и беспокойство охватили меня. Женский голос мягко и настойчиво повторял одно слово. Немецкая торопливая речь перебивала его, но он струился, нежный и торжествующий:

— Я Астра... Я Астра... Я Астра...

И вдруг — умолк. Затихли и немцы, и лишь одинокий мужской голос долго и тщето звал Астру...

Я не хочу верить, что потерял ее!

Много дорог позади, много встреч... Иногда где-нибудь в проходящей мимо части или в кузове встречной машины озарится лицо улыбкой — упадет сердце, крикнешь и, поникнув, отойдешь: незнакомое лицо, чужая улыбка.

Мой верный радиопередатчик, моя надежда... Одну волну, строгую и чистую, ищущую в эфире. Там много лишнего: немецкая речь и легкомысленная болтовня, электрические помехи и чужие позывные сигналы, но мне нужна моя, единственно необходимая волна. Неверное сердце и нетвердая рука ее не обнаружат. Ах, если бы мне такое сердце и такую твердость, чтоб никогда не терять волну!

По ночам, всматриваясь в потухающие росчерки трассирующих пуль, думаю о Наташе и Володе. Вспыхивают ракеты, освещая топкую землю, на которой воюем уже месяц, рассыпаются веером яркие звездочки и, падая, сгорают в ночи. Вновь обступает темень со всех сторон; лишь изредка далеко впереди бледные отсветы трогают кромки низких облаков. Там, за спиной у немцев, ведут бои наши прорвавшиеся ударные группировки; они идут впереди фронта, разбившись на небольшие отряды, действуя как партизаны...

С одним из отрядов держу связь. Нас разделяет линия фронта, но мы являемся одной частью. Если меня убьют или снаряд разобьет рацию — это будет очень плохо...

Проклятый кашель! Трудно дышать, внутри все обтянуло противной тягучей пленкой... Болит спина, мокрая шинель давит на плечи, очень холодно, мерзко, стужа будто вошла внутрь, растворилась в тебе, а лицо горит... Мы в этом болоте уже неделю. Траншея оползла, ноги мои в воде. Единственное сухое место — ниша в стенке, там, под козырьком из брезента, — рация и аккумуляторы.

Кажется, что не выдержу... Нельзя не выдержать. Моего помощника вчера отправили в госпиталь — воспаление легких. А утром — наступление. Закрепимся на новом рубеже, отряд за линией фронта уйдет дальше, и опять буду искать его позывные.

Включаю рацию. Работают оба контура — приемный и передаточный. Мужской голос передает зашифрованные сведения о перемещении огневых точек немцев на участке против нас. Записываю. В глаза будто насыпали песок. Прием окончен, передаю сводку командиру. Черт побери, неужели свалюсь? Грею руки, прижимая ладони к теплым радиолампам.

Наташа, Володя, где вы?

— Юра, живой?

Это голос командира. Не могу поднять голову. Малейшее движение — и будто кто льет за воротник мелко раздробленную холодную струю.

— Юра, выпей спирта...

Не хочу, ничего не хочу. Скорей бы рассвет и, может, — солнце...

— Юра, ты все-таки потерпи... подержись...

Шепот за спиной и — неожиданно — незнакомый молодой голос:

— Товарищ, разрешите проверить рацию?..

Кому это нужно — проверить рацию? Ко всем чертям, я радист, я отвечаю...

— Юра, это товарищ с радиозавода, из Сибири... Ты, кажется, жаловался на электролитики... Он может заменить их...

К чертям! Не троньте меня. Нестерпимая боль в боку. Я ни на что не жаловался. Электролитики отличные.

— Товарищ, мне некогда, — сердитый, петушистый молодой басок, — вы здесь не один на фронте. А мы за своей продукцией следим. Подвиньтесь, пожалуйста.

Отодвигаюсь. Фонарик командира освещает незнакомца. Небольшой скуластый паренек в гражданской одежде озабоченно наклонился над рацией. Тихонько засмеялся, бормотнул что-то, ласкающими пальцами бегло провел по обрамлению приемника, придвинул к себе и вдруг сказал:

— Ну, «Астра», как ты себя вела?

Что такое? Как он сказал?

Я пытаюсь приподняться и лишь плечом сгребая мокрую землю со стены; командир взял под руки, помог.

— Юра, что с тобой?

— Товарищ, как вы сказали?.. «Астра»? — Я притронулся к его спине, паренек удивленно обернулся: — Почему вы сказали... «Астра»?..

— Как почему? — Он заморгал, потом догадливо, тихо присвистнул и засмеялся. — Ах, вот оно что... Ну да, здесь, на фронте, рация носит номер, марку, а у нас на заводе она — «Астра»... На разных заводах — свое отдельное название для каждой схемы... Из завода вышла и уже: РВ и — номер. Конечно, вы и не могли знать, да вам и не нужно...

Ты ошибаешься, мальчик! Мне очень нужно знать, что вы делаете в Сибири!

Всю войну прошел со своей рацией, никогда не подводила, сколько раз она меня спасала, а я не знал, что она — «Астра». Но я всегда ее любил. Какая чистота и строгость в ее линиях, как нежны ее розовые и голубые тона на обрамлении! Теплые лампы, в которых никогда не замирают трепетные веселые огоньки, греют мне руки... Как хорошо сделала Наташа, что взяла эти позывные — «Астра»! Значит, работаем мы с ней на одинаковых станциях...

...Мне ничего не надо. Я не болен. Рассветает. Скоро пойдем в атаку.

...Мы покинули топкую землю, и широкая фронтовая дорога приняла нас в свое стремительное русло. Колеса машины дробили косо падающее в лужи солнце, земля розово дымилась, ранние запахи весны наполнили и никак не могли наполнить высокое промытое небо.

Полонянки, русские девушки, возвращались из Германии. Чье это худенькое милое лицо озарилось печально-радостной улыбкой, чья это рука взмахнула из толпы? А однажды — почудилось ли, не знаю — вдруг тонкий вскрик: «Юра!» — и плач послышались за спиной, ветер отнес их в сторону. Из кузова быстро мчавшейся машины я долго всматривался назад, в отдаляющиеся лица; люди прощально помахивали руками.

А раз показалось, что видел Володю. Мы приближались к развилке дорог, флажок регулировщицы остановил наш бег: наперерез, по шоссе, с грохотом, на большой скорости шла колонна танков. Крышки люков были подняты, в одном из них — я не мог ошибиться! — был Володя! Он смеялся и, протянув руку вперед, что-то говорил товарищу...

А потом опять шли навстречу нам девушки, и я искал, искал... Но — впереди много боев, и не все еще вернулись.

И вот опять наступила ночь; затухали росчерки трассирующих пуль, далекие зарницы трогали низкое небо. В эфире суматошные вопли немцев перекрывала моя волна. Радист из отряда по ту сторону фронта передавал последние сведения. Утром мы прорвем оборону немцев и соединимся.

«Спокойной ночи! — сказал радист. — До скорой встречи!»

Он умолк, но я никогда сразу не выключал приемника. Тихонько гудели лампы, камертонно отзывалось в наушниках электрическое дрожание. Немцы слышались как бы из-под толщи воды, полузадушенные их крики не нарушали властного чистого потока моей волны. Я сидел, близко наклонившись над рацией, теплый ветерок от ламп касался лица...

И вдруг возник голос... Далекый-далекый, сперва только как предчувствие, как ожидание, — нет, это был настоящий живой и тихий голос, тихий, как шепот, как дыхание с губ, — но я уже различал знакомое, волнуемое сочетание слов:

— Я Астра, я Астра, я Астра...

Осторожными, нарастающими толчками доносила волна этот нежный и чистый голос, он то замирал, был едва слышен, то вновь торжествующе нарастал, и я угадывал родные интонации...

Теплились малиново-розовые катоды-кружочки в лампах. «Астра» внимательно и чутко слушала сестру из партизанского края.

Наташа, Наташа, утром мы идем в атаку.

ЗДЕСЬ ПРИВОЛЬЕ РОДНИТСЯ С ДУШОЮ

*Фотоочерк.
Из архива редакции
районной газеты
«Аннинские вести»*

Мимо Анны не проедешь

Аннинская районная поликлиника

Губернатор А.В. Гусев посетил
Аннинский мемориальный комплекс

Празднование Дня Победы

Современная школа в с. Садовом

Старшеклассники учатся водить автомашины

Губернатор А.В. Гусев знакомится с работой комбикормового завода в Николаевке

«Карусель» на животноводческом комплексе в с. Архангельском

Открытие памятника поэту, графине Е.П. Ростопчиной

Вокальный ансамбль «Аннушка» — визитная карточка района

Танцевальный коллектив «Феникс» носит звание образцового

Масленица в Анне

Аннинцы на открытии Сельских спортивных игр в Нововоронеже

Выпускной школьный бал на Центральном стадионе в Анне

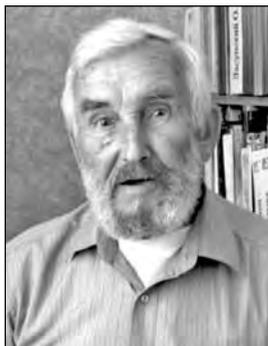
А. Петрова. Природа пробуждается

А. Петрова. Начало радуги

Д. Колесников. Март

Валентин Алексеевич Варнавский (1938–2020) родом из Таловского района Воронежской области. Служил в армии. Окончил филологический факультет Воронежского государственного университета и около сорока лет отдал педагогической работе в разных школах Воронежской области, в т.ч. в Аннинском районе. Публиковался в газетах «Таманец» (Московский военный округ), в газетах Таловского, Аннинского районов, в областной газете «Коммуна», в коллективных изданиях. Был членом литературно-музыкального объединения «Содружество муз». Автор книги стихов. Жил в селе Нащеккино.

Валентин Варнавский

МИР, КОТОРЫМ Я ДЫШУ

* * *

Просительно: «Послушай!» —
Звучит и до сих пор,
И ты, на всякий случай,
Навстречу бросишь взор.

Жена ж одно и то же
Твердит в который раз,
И чем уж тут поможет
Повтор избитых фраз?

Слова подобны вате:
Мяжки, теплы, близки...
А жизнь шероховатей
Неструганой доски.

СМЕХ И СЛЕЗЫ

В манеже клоуны кривлялись,
Так ошарашивая всех,
Что даже лошади смеялись...
Но как печален этот смех!

На сцене дети выступали,
И был прием их так горяч,
Что даже слезы выступали...
Но как отраден этот плач!

* * *

Перелески, перекаты...
Перезвоны, переплеск...
Эти низенькие хаты.
И высокий свет небес.

Эти зори и зарницы,
Этот мир и этот быт
Не любить — зачем родиться?
Не хранить — не стоит жить...

Утверждать, как то ни сложно,
До сомкнутых навзничь век
Человеческую должность
Призван каждый человек.

Второпях неосторожно
Не прервать бы жизни нить:
Оскорбить природу можно —
Как себя не уронить?

На земле пути открыты.
Обернувшись к ней лицом,
Не столкни ее с орбиты,
Если числишься творцом.

...И звенят, зовут с окраин
Колокольчики в луга:
«Человек — всему хозяин,
Но всему он — и слуга»

МНЕ ДОРОГ МИР

Мне дорог мир нестройный и непраздный,
Содеянный не кем-то и не мной,
Такой единый и многообразный,
Такой прекрасный, но и безобразный —
Такой невосклицательно-земной.

От партий и от кланов не зависим,
России и земле принадлежу:
Под знаком открывающихся истин
Мне дорог мир, в котором я прописан,
Мне дорог мир, которым я дышу.

* * *

Поет петух, провозглашая
Начало будущего дня,
И открывается большая
И хлопотливая возня.

Возня — вокруг — всего живого,
Всего знакомого — окрест...
И это так давно не ново!
И никогда не надоест!

* * *

От впечатлений нет отбоя:
Под вечер свежесть разлита,
И переходит голубое
 В закатные цвета.
А утром солнечно и бодро
В запруде светится вода,
И на душе светло и ведро.
 О, если б так всегда!

РОДНОЕ

Все это было. Было. Было.
Все было: дальняя стезя,
Сирень, заросшая могила —
Все то, чего забыть нельзя.

Полынный дух. Жасмина запах.
Неистошимый лунный блеск.
Трава в росе. Закатный запад.
Костра над речкой дым и треск.

В полях забытые остожья.
Знакомый говор. Тень и свет.
Тоска родного бездорожья.
Вопрос, не верящий в ответ.

Хлеб, изнывающий на зное.
Немолчный посвист соловья...
Все это русское. Родное.
Все это — родина моя.

...За речкой сивая кобыла
Торчит как вызов, как протест.
Все это было, было, было,
...И никогда не надоест.

ТЕПЛО ЗЕМЛИ

Какие краски в сердце живы?
Какие звуки в нем слышны?
Да те, которые не лживы,
Те, что не громче тишины.

Всю жизнь от самой колыбели
Меж перелесков и полей
Не мне ли небом голубели
Просторы родины моей?

Евгений Алексеевич Зинков родился в 1942 году в селе Первая Ивановка Панинского района Воронежской области. Отец погиб на войне. Сразу после окончания школы начал работать. Заочно окончил отделение журналистики Воронежского госуниверситета, работал в редакциях газет Панинского и Аннинского районов. Много лет был начальником районных курсов гражданской обороны в Анне. Рассказы, юморески публиковались в областной газете «Коммуна», в районных газетах, в коллективном сборнике «Анна: за век — век». Член Союза журналистов России.

Евгений Зинков

ВЯЗАНКА СОЛОМЫ

Рассказ

Два оконца в нашей низкой саманной хатенке покрыты толстым слоем инея. Я взбираюсь на лавку и частым дыханием проделываю на стекле круглые, как пятаки, проталинки. Но в них видно мало: лишь горбатые сугробы да вдали, за широким лугом, деревенскую улицу.

Моя мать, овдовевшая в первый же год войны, выбивалась из последних сил в эту трудную военную зиму. К полуголодному житию прибавлялся холод. Нечем было топить печь, и стена, у которой стояла кровать, покрывалась блестящим, точно серебро, инеем.

Мы уже сожгли яблоню, что росла в нашем дворе. Больше неоткуда было взять дров.

— Сегодня ночью, сынок, пойдем за соломой, — говорит мать.

Моя душа наполняется гордостью от того, что я, восьмилетний мальчишка, становлюсь помощником у матери. С нетерпением жду позднего часа. Время тянется медленно. Лампы у нас нет, комнату освещает коптилка. Света от нее мало, а копоти много. Отсюда и название.

— Не пора? — спрашиваю у матери.

— Нет. Ты поспи. Когда надо, я тебя разбужу.

Будит меня мать, наверное, в полночь... Я так разоспался, что никак не

могу освободиться ото сна. Он, будто медведь, навалился на меня и не хочет отпускать. Наконец мы выходим на улицу. Луны нет, но видны сугробы, от сильного мартовского мороза они кажутся синими, таинственными, как в сказке.

Через лошину мы идем в сторону колхозной конюшни. Сюда, на корм лошадям, каждый день привозят солому. Вот и сейчас огромный ворох лежит у ворот.

Притаившись у стены, будто при игре в прятки, долго сидим за сторожкой. Все тихо. Мать расстилает на снегу веревку, и мы быстро накладываем на нее хрустящие, приятно пахнущие охапки. Я подаю конец веревки, и мы изо всех сил затягиваем, чтобы как можно сильнее спрессовать вязанку. Я наваливаю ее матери на спину, и мы чуть не бежим к дому.

Утром меня будит вкусный запах лепешек, которые мать печет из подмерзшей картошки, перемешанной с мукой. Маленькими кучками экономно бросает в печь солому. И постепенно наша избушка наполняется благодатным теплом.

Вдруг дверь распахнулась, и в клубах морозного пара к нам ввалился объездчик. Звали его Яковом. Мы, мальчишки, очень боялись этого человека. Летом он часто сек нас кнутом, когда мы ходили в поле собирать после уборки колоски.

— А ну, говори, откуда солома? — грозно подступился к матери Яков. — И не вздумай отпираться. След от конюшни ведет прямо к твоей хате. За такие дела, знаешь, недолго и на казенные харчи отправить.

— Отправляй! — вдруг, обозлившись, кричит мать на объездчика. — А этого ты будешь кормить? — указывает она на меня.

Я со страхом вслушиваюсь в их перепалку. Вдруг мать и вправду заберут в тюрьму. Но все кончается миром. Мать ставит на стол стакан самогона, и лицо Якова сразу добреет. После выпивки глаза у него становятся красными, он часто моргает ими.

— Ладно, — говорит на прощание матери. — Ты бери солому. Только поаккуратнее. Да не оставляй следов. Ты, — указывает он на меня толстым пальцем, — иди следом за матерью и заматай следы.

— Вот мы с тобой, сынок, выходит, стали нехорошими людьми, — горько вздохнула мать после ухода Якова. — Ну, ничего. Господь простит. Не из жадности берем, а по нужде. А за такое греха больше не будет.

С тех пор мы каждую ночь стали ходить за соломой. Мать шла вперед, я аккуратно следом за ней подбирал упавшие пучки.

Увы, не прибавилось нам радости от этой соломы. Поводился Яков ходить и пить самогон. При этом вел себя нахально и развязно. Самогон мать понемножку тайком делала из свеклы, в погребе ее пока есть маленькая кучонка. Денег в селе ни у кого нет, и самогон их заменяет.

— И когда только нахлебается, — возмущалась мать. — Скорее бы весна. Где же столько самогона-то набраться — свеклы в погребе не хватит. Вишь, какую харю-то наел!.. Был бы твой отец жив, он бы этого Якова...

Наконец кончилась трудная зима.

Тысячи вдов по всей стране спасали от голода и холода своих детей. Спасали с верой в счастливую жизнь. И спасли.

Екатерина Сергеевна Стрельникова родилась в п.г.т. Анна Воронежской области. Поэт, литературовед, литературный критик. Кандидат филологических наук. Старший преподаватель Воронежского государственного университета, заместитель декана по довузовской работе. Лауреат Исаевской премии для молодых литераторов Воронежской области (2023). Автор монографии «Неомифологизм раннего Маяковского» (2022). Стихи и критические статьи публиковались в журналах «Москва», «Подъём», «Prosodia», в «Литературной газете», региональных изданиях. Живет в Воронеже.

Екатерина Стрельникова

ЗЕМЛЯ БОСАЯ

*Памяти мамы,
Стрельниковой Ирины Александровны*

* * *

Тихо. Стреляют не здесь.

Расплескался коршун
Криком, слегка удивленным, по лесо-полю.
Небо в своих охватах — как будто больше,
Чем ему будет вволю.

Мягко играют птицы, волной летая,
Ныркая под лучи заходящих солнц.
Лужная колея, в красноте сгорая,
Прыгает до оконц.

Чаша небес от Воронежа полна морем,
Полна, как темно-ледная полынья.
Чаша небес плывет, покрывая горем
Тоненькие края.

Холод идет от сумрака, предгрозово
Скалась, как звуки странного пво.
Чаша небесная просит еще улова,
Сытая все равно.

* * *

китом уставшим выбросись в кровать.
настала ночь о чем-то горевать.
луна желтеет дынной полурепкой.
она идет навстречу — колобок,
который непрестанно одинок,
сбежавший в никуда от бабки с дедкой.

смурная темень в угольный карат
повяжет глаз, как будто ты пират,
как будто ты плывешь за бордажем.
а это просто дырка от корыт,
в которой ты искомканно лежит
листовкой от недавней распродажи.

голодный ветер выдохнул затем,
чтоб опрокинуть в горло хризантем
ободранные головы соцветий.
мне страшно, что осина упадет.
пускай она, пожалуйста, живет.
хоть что-нибудь — живи на этом свете.

молочный путь не бел, не молочист,
не очень ярк, даже и не чист —
веревка от чужого чемодана,
который завязали — и несут
в охалке, надрываясь, там и тут
цепляя ноги зубьями бурьяна.

* * *

я сплю двое суток, когда мне дают возможность,
и линии штор опадают, как вечный ливень,
и сон зашуршит, как тропики, и их ложность
свивается белой трубкой в слоновий бивень.

заверчен и пульс, и сознание вьется вязом,
и нечем дышать, и слетаются города
в меня посмотреть и сказать: прилетай хоть глазом,
хоть мутным глазком погуляешь туда-сюда.

я не выхожу под солнце, мне все постыло,
нигде не тепло, лишь закованно и не вольно.
я лягу и буду будто бы я застыла,
как будто бы мне хорошо и почти не больно.

опасность атаки каких-то там аппаратов,
в которых язык сломаешь и скажешь «тля»,
ничтожнее сна, где мерещится ароматов
безумная мощь — цветастее, чем Земля.

* * *

Аленушка на бережку плакала
по братце свойском, куда пропавшем.
и в речку, как ключик студень, капала
кручинка лютая о дне вчерашнем.

о братцах, с войсками истлевших в кости,
о мамке, смотрящей с ветвей березы,
болит, загибаясь, подвздох, и злостью
подчас выдыхает в хрипые слезы.

нечестно, Аленка, несправедливо,
что век обескровленный рядом бродит.
на свадьбу твою да с Ванюшей милым
маманя уже никогда не сходит.

чужие вон мамки покличут девок,
а дочкам замужним болтают сказы —
и злит, это злит, так, как зол обсевок,
когда он сиротством пустым наказан.

за эту неправедность ты, Алена,
себя ненавидь полютей, построже,
и волны завьются цветком пиона —
и очень приманят — со злостью тоже.

туда ли ушло пятьсот тысяч братцев?
и там ли — раз небо в реке живое —
еще раз нам всем суждено собраться —
и опочить в покое.

* * *

осталось остаться свободной хотя бы в одном —
в этой строке из хрустящей волны переломов.
так многое — все остальное — гуляет сном,
чужим лихолетьем, рычанием гончих-громов.
беги, раз преследуют, прячься у дома в ворота —
или иди, соверши, наконец, ошибку —
этого хочется: в дыме, золе и смороде —
в пламя — бежать, как зайчонок, легко и шибко.
хуже горящих деревьев нет ничего.
хуже пустой земли — полнота таможен.
здесь не растет картофель. кусту его
тоже налог на бездетность тогда положен.
как и кого нам, бабоньки, в мир рожать,
в русло земли, что пыль, опускать росточком.
общее наше горе — всегда бежать,
не ощущая точки.

* * *

1

соловьи говорят под дождем,
тонковетно сидят в темноте.
«мы тебя до утра подождем
на высокой своей частоте.

чи-чего ты задумался, мрак
поедая сквозь заспанный глаз.
из окна не летают, дурак,
ни под утро, ни в поздний час.

мы кричим языками поэм
и поем про осколки оков.
вот тебе и шипы диадем,
и манящие груди голгоф.

растекается лава времен,
умирают любимые все,
только так же у тонких окон
вы готовы страдать по весне.

освистав голубую луну,
приходи в непроявленный край.
видно звездочку только одну
сквозь гортанный вороний грай.

это чье-то окошко не спит,
это чьи-то ресницы мутны.
это твой ослепительный скит,
где ладони давно холодны».

2

из окна не летают, мой Бог,
и к тебе не допрыгнуть пятой.
колосится полуденный смог
над покатою и рыжей горой.

я приду к тебе с веткой цветка,
подрублю твой высокий крест.
тихим стадом бредут облака
в головах у твоих невест.

говори не со мной, говори.
я познала смиренность в том,
что высокие речи твои
говорятся не самым ртом.

потому мне не нужен ответ —
наконец-то и ни от кого.
расступайтесь. идет Назарет
умирать за себя самого.

* * *

я хожу и тихо плачу,
от угла — в тугую мгу.
«почему все не иначе?
я так больше не могу».

кто-то с тоненькой улыбкой —
грустно-легкой от джоконд —
невменяемой пылинкой
тихо по небу плывет.

«ты не плачь, родная Катя,
и, хоть слов не подобрать,
приходи в мои объятия
мокрым глазом засыпать.

попроси — я все сумею,
но тебе не расскажу:
безответно я белею,
как и нужно миражу.

так закон, таков порядок.
ты не видишь — знаю я.
умывайся без оглядок
свежей кровью бытия.

приходи. земля босая
будет в гости. будет чай.
что тебя я не спасаю —
ты уж, детка, не серчай».

У МОГИЛЫ

Маме

уходит время матерей,
их ладанок на теле.
косится холмик все мертвей
и дышит еле-еле.

уходит время теплоты,
приходит эра знаний.
как это страшно — быть на ты
с волной воспоминаний.

приходит время для боев,
но я никчемный воин.
я прошуршу изнанкой слов
в волне заупокоен.

никак от боли красных глаз
я не найду молитву.
так как же я в рассветный час
пойду в любую битву.

тут не моя опора — крест,
и я сама — чужая.
тут коршун плавает окрест,
стыдась и угрожая.

и невесомо злит закат,
и губы, искривляясь,
ползут по полю — и кричат,
зубами обнажаясь.

сбегает ветер с пустырей —
гулять меж образами.

приходит время дочерей
с покрытыми глазами.

Анатолий Дмитриевич Тимашов родился в 1947 году в поселке Степной Новоусманского района Воронежской области. Выпускник Пугачевской средней школы Аннинского района Воронежской области. Служил в армии, окончил Бутурлиновское художественно-графическое училище, работал в Аннинской спецшколе. Многие годы трудился в Аннинском отделе культуры, в том числе его руководителем. Печатался в газете «Аннинские вести». Автор ряда книг поэзии и прозы.

Анатолий Тимашов

ВИТЬКИНА СУДЬБА

Рассказ

Бабые лето хотя и запоздало, но выдалось на славу. Казалось, сама земля после затяжных дождей торжествовала, наслаждаясь тихой солнечной погодой. Дуновение ветерка расплескивало по голубизне безоблачного неба серебристую паутинку. С необъяснимой легкостью она плыла по воздуху, цепляясь за все попадавшееся на ее пути, и ярко сверкала белизной в лучах октябрьского солнца.

Пора была грибная, и осень не скупилась. Особенно много грибов росло по лесопосадкам. В один из таких дней, объезжая на легковушке лесополосы, незаметно я оказался в соседнем районе. Сильно хотелось пить, а вода, как на грех, в баклажке закончилась. Решил заехать в ближайший магазин. Благо, теперь с этим нет проблем — были бы деньги.

Село находилось совсем рядом, и, выбравшись на автотрассу, быстро доехал до магазина. Только он оказался закрытым на обеденный перерыв. Правда, до его окончания оставалось всего двадцать минут. Спешить было некуда, и я решил подождать продавца.

Присев на ступеньках магазина, я залюбовался яркостью и пышностью золотых листьев клена, перемежающихся с багрянцем тонких рябинок. Алые грозди пробуждали в душе необъяснимую грусть

по уходящему теплу. Ветерок аккуратно срывал с деревьев золотистые листья и с такой же бережностью опускал на землю, где они пушились изумительно-сказочным ковром.

Поймав кленовый лист, кружащийся надо мной, я стал рассматривать его радужную расцветку и совсем не заметил, как подъехали «жигули». Приятный мужской голос отвлек мое внимание:

— Извините, вы не скажете, сколько осталось до окончания перерыва?

Повернувшись на голос, я увидел перед собой цыгана. Коренастый, плотного телосложения, с кавказской кепкой на голове. Из-под козырька светились черные, до невероятности жгучие глаза. Они выражали доброту, идущую откуда-то изнутри. В свою очередь черная, аккуратно расчесанная борода больше напоминала норвежскую, чем цыганскую. Одет чисто и современно. В модной джинсовой одежде он напоминал мне ковбоя из американских боевиков, что и привлекало к нему мое внимание.

Взглянув на часы, я ответил на вопрос, невольно продолжая рассматривать цыгана.

Он присел на противоположной стороне ступенек. Потом сказал:

— Вот, есть захотели козлятки мои.

И кивнул головой в сторону «жигулей», в окнах которых виднелись две детские головки. К моему удивлению, одна из них была белокурой.

— Оба твои? — спросил я.

— Мои... — чуть задумавшись, ответил он.

— Первый раз вижу беленького цыганенка, — заметил я и пошутил: — Покрасил ты его, что ли? Или жена у тебя русская?

— Да нет, ни то, ни другое...

Цыган явно не хотел говорить на эту тему. Но любопытство брало верх.

— А почему же такой контраст? — спросил я.

В это время дети о чем-то заспорили на своем языке. Мой собеседник прикрикнул на них мягким, но повелительным голосом. Шум прекратился. А цыган не спеша закурил и с какой-то внутренней болью в голосе, еле слышно произнес:

— Светленького малыша я купил...

— Как это «купил»? — еще полностью не осознавая услышанного, переспросил я.

— А так... — и добавил: — За бутылку водки...

— Шутите? Как же можно в наше время купить ребенка, тем более за пол-литра водки, и у кого?

— Можно...

Цыган опустил голову и тихо заговорил.

Оказалось, что моего нового знакомого зовут Романом и что живет он совсем недалеко от районного центра. Проработав в колхозе до перестроенного периода, Роман в свои сорок пять лет решил заняться коммерцией. К этому времени он был женат и имел сына четырех месяцев от роду. Ютились в небольшом домике, но и этим оставались довольны.

— Была бы крыша над головой, а остальное наживется, — говорил он, бывало, своей жене.

Расставшись с тяжелой колхозной работой, они всей семьей начали колесить по России в поисках дешевого товара для перепродажи.

Так судьба забросила их в Краснодар.

Зима стояла холодная. Пронизывающий ветер пробирал до костей, да еще южная промозглая сырость загоняла всех туда, где можно было в тепле скоротать время.

Как-то выйдя с братом из кафе, Роман с наслаждением подумал, что все мытарства с покупкой товаров окончены и что поздно вечером в теплом вагоне поезда «Краснодар–Москва» он с семьей уедет в родной Воронеж. По этому поводу даже бутылку водки купил на дорожку. Настроение было хорошее. Правда, на вокзале жена упрекнула Романа и напомнила о его больном сердце, о том, что врачи запретили ему пить спиртное. Но, зная ее доброту, он перевел все на шутку.

Сын спал у жены на руках. В зале ожидания было многолюдно.

Присев на упаковки с товаром, Роман незаметно для себя задремал, а когда проснулся, то увидел неподалеку толпу возбужденных людей. Все кого-то ругали. Среди них была и его жена, которая, увидев, что муж проснулся, подозвала его к себе.

Подойдя, в центре толпы он увидел красивую молодую женщину с грудным ребенком на руках, завернутым кое-как в пеленки без одеяла. Малыш громко плакал. От холода или голода, но, скорее всего, от того и другого. Мать же была сильно пьяна, и крик сына ее явно раздражал.

— Заткнись, поганец, а то разорву на куски! — злобно вскрикивала она. — И зачем я тебя родила?!

Потом обратилась к толпе:

— Последний раз спрашиваю: кто купит его у меня? Отдам дешево. Мне он не нужен, все равно избавлюсь от него — вон, выброшу в мусорку...

Стройная, красивая, с голубыми глазами и вьющимися белыми волосами... И такая обозленная, жестокая... К тому же пьяная.

Собравшиеся вокруг люди стыдили молодую особу, но ей это было безразлично.

Малыш уже обессилел от собственного крика и приступов кашля, тянул свои посиневшие от холода ручки к матери, как бы прося ее тепла и ласки. Охрипший голосок его становился все тише и тише...

Сердце Романа замерло от жалости и негодования. Прислонив руку к головке малыша, он тут же почувствовал сильный жар. Имея своего сына, Роман с женою отдавали ему все свое тепло и нежность. Так что он никак не мог понять такого издевательства родной матери над своим грудным ребенком, потому-то глухо проговорил:

— Что же ты делаешь, стерва? Это твоя кровинушка...

— Жалостливый нашелся! Вот и покупай его, — вызывающе ответила хмельная мамаша. — Пусть у тебя в таборе поддыхает.

— Сколько просишь? — срывающимся голосом спросил Роман.

— Бутылку водки — и забирай, а то он уже весь мокрый. Не переносит эту вонь...

Роман вынул из бокового кармана полушубка припасенную в дорогу пол-литровку «Русской»:

— На, забирай! Скажи только, как зовут ребенка?

Увидев бутылку, женщина тупо заулыбалась и буркнула:

— Виктор...

Толпа ахнула от такой бессердечной сделки. А дежурный милиционер куда-то исчез, похоже, не желая быть свидетелем всего этого.

Роман нежно взял на руки мокрый, остывающий комочек, распахнул полушубок, прижал ребенка к себе, прикрыв полкой. Тельце малыша ос-

тыло до такой степени, что казалось, он уже мертв... Но еле уловимый стук маленького сердца и кашель говорили об обратном.

Жена, молча наблюдавшая за мужем, подошла и поцеловала Романа. Он так и сел в поезд с ребеночком за пазухой.

Согревшись, мальчик заснул, покашливая сквозь сон.

В вагоне жена дала ему грудь. Он проснулся и долго не переставал сосать. По щекам женщины текли слезы...

Приемный сын Витя болел почти целый год. Сильное воспаление легких с трудом поддавалось лечению. Но Бог миловал — выздоровел. А когда стали оформлять на него документы, то началась нервотрепка: вызовы в милицию и по многим другим административным инстанциям. Распоряжения следовали одно за другим... Прежде всего, требовали документы на ребенка. Но где их взять? Романа даже подозревали в его краже. Фотографировали и рассылали фото Вити по всем городам и областям. Для опознания.

Роману пришлось в конце концов поехать в Краснодар, где, слава Богу, удалось найти непутевую мать мальчика. За эти несколько лет она совсем спилась, но нужные Роману документы на усыновление кое-как подписала.

— Интересовалась ли она потом своим ребенком? — спросил я.

Цыган тяжело вздохнул:

— Нет... Таких матерей судить надо.

В это время подбежали его маленькие дети и стали звать в магазин, который уже был открыт.

Роман ласково прижал их к себе. Я смотрел на голубоглазого, белокурого Витю, и сердце мое невольно сжималось от жалости.

— Ничего, хлеба всем хватит, — произнес Роман и добавил: — Вырастут, может, и меня помянут добрым словом.

— Что так грустно, Роман? Пройдут годы, женишь их, внуки пойдут. Песни цыганские будешь петь им.

— Не доживу я до этих дней — здоровье пошаливает.

— Не падай духом, все будет хорошо... — подбодрил его я.

Пожав Роману руку и пожелав всего наилучшего, я сел в машину, но ехать не спешил. Чувствовал, что нарушилось что-то очень важное. Золото листьев уже не казалось мне таким ярким и чистым. Синева же небес напоминала синь Витиных глаз, и от нахлынувших чувств я никак не мог вдохнуть полной грудью. Ветерок подтянул к машине знакомый мне листок, будто напоминал, как тяжело быть в этой жизни оторванным от родного, близкого. Но все же вокруг струилось нежное бабье лето, которое будто хотело всех согреть своим уходящим теплом.

Из магазина бойко выбежал белокурый Витя с конфетами в руках, оглянувшись, поджидая своего смуглого братишку и папу цыгана... Комок в груди наконец растаял, я вздохнул и повернул в машине ключ зажигания.

Вырезаю в себе — из себя! — эту глупую речь,
но над самым надрезом

ты заклею меня и отошли, чтобы шла мимо лжи —
от апатии до апофатии — в белом конверте.
Как цветы, возлагая надежды,
упрямо, как жизнь
происходит из смерти.

Расплетая обратной спиралью запутанный путь,
замирая над темным грядущим осенним разливом,
об одном попрошу:
ты, пожалуйста, будь
где-нибудь
хоть когда-то
хоть с кем-то
хотя бы недолго
счастливым.

* * *

Не будем ни о грустном, ни о страшном,
ведь жаловаться некому уже,
как время начертило свой вираж нам,
единственный в потоке миражей.

— Стоишь?
— Стою.
— Не выстоишь?
— Не знаю.

Зажечь бы свет, хотя бы и в прыжке,
и просто верить, что она — сквозная,
и вся в душе, а не в дурной башке.

Живая, безусловная, при деле,
несущая — тебя, а не вранье
(душа и так-то в теле еле-еле,
не ели бы сомнения ее).

Такая ненадежная дорога,
но нет иной, чем аварийный трап,
смотри, как для тебя у жизни много,
особенно когда ты мал и слаб!

И не смотри на них — они другие,
чей мир стоит ни низок, ни высок...
Любовь — как полевая хирургия:
во имя жизни отхватить кусок.

Зато потом такое в каждой капле
отражено, что рвешься на пробой —
не то чтобы хотеть чего-то, вряд ли, —
но не хотеть забыть, как быть собой.

Надеяться боясь, не смея верить,
одну любовь не отпустив к двери —
не то чтоб что-то делать, но не делать
того, что не одобрит свет внутри.

Назло неисцелившим панацеям,
неотцедившим от подонка суть,
ей, делающей сердце снова целым,
все кто-нибудь вернет когда-нибудь.

* * *

Все и было задумано так, чтоб заживо
грызло душу сомнение голодной тенью:
дорастет ли твое и мое до нашего,
или сердце донашивать без цветенья?

И ответа выпрашивать христарадницей,
мимо взгляда клонясь, как в грозу травинка,
обмирая, покуда сквозь зубы стравится
от дыханья короткая половинка.

Все и было рассчитано так, чтоб нечего
ни прибавить, ни вычесть, ни перемножить:
разделить это трепетное доверчиво —
тот единственный выход, который может

привести куда надо, минуя тернии
(или зло их проламывая впервые),
превращая мерные вдохи в нервные,
верные, живые и ножевые.

Все и было вот так решено и взвешено,
чтоб поймавшие это пылали оба
и, скрестившие взгляды, дышали бешено,
чтоб дрожали и рук не разжали чтобы.

Даже если оно на двоих не делится,
дай Господь и совет, и свет, и венец им...

Все и было,
и будет,
хочу надеяться,
изнутри избитая своим сердцем.

* * *

Небо как в лазарете — наружу ржавым,
Запах и звук металлически в нем визжат,
Словно дурак, дирижирующий пожаром
В окнах уже обреченного этажа.

Небо не падает, просто склонилось будто,
Поит холодной водой и сулит забрать —
Нет, не к себе, но отсюда, где против чуда
Строится вся королевская рать.

Неба лоскут еле видимый — курам на смех —
В жаре почти обретенного миража,
Врач ли, палач проверяет заточку наспех
Найденного на теле чужом ножа.

Я не по правилам, но и не против правил
Дергаюсь в такт аритмии в земной груди.
Кто бы ты ни был, зачем ты меня оставил
Ваших живых среди?

* * *

Георгию К.

Убегать от себя, истязать, объявлять под запретом,
превозмочь эту ночь, не надеясь, что с горем поспорим,
чтоб найти себя вдруг обогретой струящимся светом,
в треугольник попав между небом, землею и морем.

Над горами рассвет, луч упорно ползет пядь за пядью,
обращая мольбы и стенанья в простое спасибо,
он вплетен в окружающий сумрак серебряной прядью —
это, может быть, мало пока, но безумно красиво.

Так грассируют волны в упругом накате на камень
одуревшего сердца, что в нем пробуждают живое.
Радость рядом. Ее даже можно потрогать руками.
Не боясь,
ни о чем не прося,
не пытаясь присвоить.

**ПОЭТИЧЕСКИЕ ПЕРЕВОДЫ
С НЕМЕЦКОГО**

Эрих Фрид

ВРЕМЯ КАМНЕЙ

Время растений
потом пришло время животных
потом пришло время людей
теперь грядет время камней

Кто слышит как говорят камни
знает
останутся только камни

Кто слышит как говорят люди
знает
останутся только камни

НАПОСЛЕДОК

В детстве я знал:
Каждая бабочка
которую я спасу
Каждая улитка
и каждый паук
и каждый комар
и каждая ухвертка
и каждый червь дождевой
придут и заплачут
когда меня похоронят

Однажды спасенные мной
они не должны больше умирать
Они все придут
на мое погребенье

Позже когда я вырос
я понял:
Все это чушь
Никто не придет
я всех их переживу

Ныне на склоне лет
я вопрошаю: но если
я до последнего буду спасать их
может быть все же придут двое иль трое?

Райнер Кунце

* * *

Двое гребут
в одной лодке,
один —
сведущий в звездах,
другой —
сведущий в бурях,
один
проведет сквозь звезды,
другой
проведет сквозь бури,
и в самом-самом конце
море в воспоминаниях
будет синим.

Валентин Варнавский

ЭЛЯ

(Безыскусная история)

*Влюбленные — мы любим незаметно,
Любимые — к любви стоим спиной.
На тысячи других похожа эта
История о девушке одной.
Я знал ее...*

Владимир Гордейчев,
«Простая история»

Мы познакомились с Элей в первые дни моего пребывания на постое у пожилой пары Федосовых. Меня определили к ним, когда я после армии устроился учителем-филологом в школу в Бархатове. Она училась в соседней «десятилетке» и время от времени навещалась к своим «старикам»: деду с бабкой, жившим уединенно, скромно и тихо прямо на углу беспокойных улиц в непосредственной близости от школы, куда я должен был приходиться ежедневно к восьми утра.

Эля была по-своему красива. Или казалась мне таковой? Полный, округлый овал лица, локоны каштановой челки и глаза редкого небесного цвета, смотревшие пристально и прямо, отчего она казалась еще привлекательней, еще неотразимей.

Я полюбил ее по-настоящему сильно, крепко, глубоко и беззаветно, как может любить только что отслуживший позднюю армейскую службу двадцатисемилетний парень очаровательную десятиклассницу, сияющую еще не осознанной в полной мере молодостью и красотой.

Она заглядывала к «старикам» изредка на большой перемене буквально на минуту и, поинтересовавшись какой-нибудь мелочью, даже не справившись об их здоровье, тотчас убегала. Старик был слаб, постоянно хворал и редко вставал с постели. Старуха же, шустрая и словоохотливая, выглядела еще достаточно бодрой для своих лет.

Эля знала, что у деда с бабкой поселился в отдельной комнате незнакомец, что он сравнительно молод и учит литературе ее сверстников из соседней школы, но открыть дверь в эту комнату и познакомиться с новым обитателем не решалась.

Я был занят постоянно: подготовка к урокам отнимала у меня уйму времени, и я непрерывно, часами просиживал за столом, заваленным до предела книгами, газетами, журналами и громадными стопами ученических тетрадей, зачастую недопроверенных до конца. При неплотно притворенной двери я мог слышать ее еще детски-наивный игривый голос, если она обращалась к бабушке или дедушке.

Так прошло недели полторы-две. В один из раннеосенних дней я, придя с работы, сидел по обыкновению за кухонным столом, перекусывая бесхитростным угощением моей квартирной хозяйки Егоровны. Тут за нашим с ней неспешным разговором дверь в переднюю без стука открылась, и в комнату вошла девушка в школьной форме с балеткой в руке. Едва переступив порог и еще не замечая меня, громко поздоровалась, бросила на стул балетку и, приблизившись ко мне, уже тише и чуть смущенно повторила:

— Здравствуйте. Меня зовут Эльвира, а проще — Эля. Я учусь в десятом классе школы № 3. Приятного Вам аппетита.

Я, поблагодарив, назвал себя: «Яхонтов... Леонид Николаевич...» — и утвердившимся жестом пригласил девушку к столу. Она отказалась, замотав головой, и проговорила, как будто рапортуя:

— Спасибо. Дома пообедаю. У нас сегодня — рассольник и котлеты с макаронами. Хотите — пойдемте со мной обедать!

— Но ведь я уже, в сущности, пообедал. Благодарю за приглашение: как-нибудь в другой раз. Заодно и с родителями познакомлюсь, — выпалил я, совершенно не задумываясь, зачем мне это нужно.

Я допил свой чай и, отложив на край стола салфетку, взглянул на девушку. Она в замешательстве отвела глаза в сторону и заторопилась к выходу. Была она непосредственна и даже казалась слегка развязной. Мгновение спустя она распрощалась. Но, как оказалось, на короткое время.

Едва заохлодало, девушка стала запросто заходить к нам в гости. Эля все больше и больше занимала мое внимание, и я все чаще ловил себя на мысли, что хочу видеть ее. Работа оказывалась мало способной отвлечь меня от ощущения того, что жду ее, что мне скучно и неудобно без Эли. И она, словно отвечая этим моим переживаниям, навещала меня теперь уже не менее двух-трех раз в неделю. Мне казалось, что и ей небезынтересно проводить у меня время.

— Предки мои Вас не обижают, Леонид Николаевич? — лукаво и с деланной игривостью спрашивала Эля.

И вместо ответа получала контрвопрос:

— А чем же они могут меня обидеть, Эля? — И в тон ей я добавлял: — Такого здорового дядю?

— А — словом?.. Или, может быть, застоьем?

— Да нет, никто меня обидеть не может — ты же сама видишь.

— Ну, это я так. Зря, конечно. Они у меня хорошие...

В другой раз наша беседа начиналась также с вопроса:

— Леонид Николаевич, Вам нравится мое имя? — обращалась ко мне Эля.

— Да. Очень. У тебя редкое и красивое имя. Это звучит экзотично: Эльвира...

— А мне — нет. Элька... Елька... Уж лучше бы Елка, — с усмешкой продолжала она. — Папка назвал меня так еще до моего рождения: он почему-то знал, что должна родиться именно я, а не Макс. Это он выбрал мне такое имя.

— Кстати, а кто твой отец, Эля? — поинтересовался я.

— Он инженер-механик Бархатовской «Сельхозтехники». Забавин Сергей Васильевич... А мамка моя — медсестра, но она не работает из-за Максимки. Пока... Ему — четыре года, и в детсад его мы не повели: у него коклюш...

Говорила она с неизъяснимой простодушной восторженностью и отчасти торопливо, как будто от нетерпения высказаться, перелистывая тетради моих учеников, во множестве испещренных красной краской, и поражаясь нелепости допущенных в них ошибок.

Потом она стала чаще заходить ко мне в комнату, и мы подолгу беседовали о чем угодно, но Эля ни разу не обратилась ко мне как к учителю — за помощью: училась сама вполне хорошо. Эля ни разу не осмелилась назвать меня просто по имени: разговаривала как с учителем только на Вы; хотя я и делал безуспешные попытки склонить ее к более неофициальному общению, Эля не пошла на такое сближение. Она по-прежнему держалась на расстоянии от меня, медленно и трудно привыкала, хотя и чувствовала, судя по всему, потребность в моей компании, так что дистанция между нами практически не сокращалась, но сила некоего не осознаваемого до конца провидения настойчиво сближала нас. Я ощущал восхитительную радость от ее присутствия рядом с собой; меня неотвратимо и неотступно что-то влекло к Эле. Испытывая неотвратимое желание видеть и слышать ее, я стал задумываться: «Что же в ней так привлекает меня? Уж не есть ли это то самое, что в миру именуют любовью? Но какое же право имею я на нее, такую юную, чистую и неискушенную? Я, умудренный опытом двух десятков и семи лет? Я, полагающий себя вполне порядочным членом порядочной части человечества, сеющий “разумное, доброе, вечное” в юные души? Я, проживший на свете больше этой невинной девочки на целое десятилетие, не должен и мысленно покушаться на ее свободу и независимое волеизъявление. Это выглядело бы обманом и подлостью с моей стороны. Да и зачем ей я? Ее окружают сверстники, которые намного интересней и привлекательней меня. Ты, друг мой, должен выбросить из головы эту дурь. И никогда больше не мечтай о том, что тебе не может и не должно принадлежать».

— А знаете, Леонид Николаевич, давайте я буду помогать Вам их проверять? — говорила Эля, встряхивая в руках стопку ученических тетрадей. — Я могу. Вы не сомневайтесь: у меня «троек» почти нет. А за четверть даже «пятерки» часто выставляли. Учительница у нас — ой-о-ей какая! Да Вы ее, наверное, знаете: Лилия Степановна Янина-Сикорская.

— Знаю. Замечательная, по-моему, женщина. Только тетради-то, Эля, я должен проверять сам, отчего и по вечерам не гуляю, и у телевизора не засиживаюсь, хотя тут вот за стенкой у соседей есть телевизор, и они меня приглашают постоянно.

Но она все-таки настояла на своем, и теперь после занятий прямо из школы приходила, усаживалась лицом ко мне за мой рабочий стол с противоположной стороны — стол размещался посреди комнаты — и терпеливо выправляла сочинения, изложения и диктанты, пока я листал свои книги и бумаги, готовясь к очередным урокам. И лишь в исключительных случаях Эля справлялась у меня по поводу своих сомнений в наиболее затруднительных ситуациях.

Так засиживались мы до наступления сумерек, и я считал своим долгом сопровождать потом ее по безлюдным и слабо освещенным улочкам

и переулкам до самого ее крыльца. Таким образом узнал я и ее дом, но отважиться зайти в него, как ни приглашала Эля, почему-то ни разу не находил в себе решимости, так что знакомство с семейством так и не состоялось.

* * *

Городок жил своей привычной размеренно-хлопотливой суетой: с буднями и праздниками, встречами и расставаниями, с митингами и проходами в армию, фестивалями песни, ярмарочными аттракционами, с гудками поездов и шумом непрерывно скользящих по улицам машин. Не было в Бархатове слишком роскошных высоких домов: единственное двухэтажное, без всякой архитектуры и облицовки, здание, в котором разместились комбинат бытового обслуживания и с десятком благоустроенных уютных квартир, появилось совсем недавно после двухлетнего, с проблемами, строительства. Весной в палисадах солнечных бархатовских улиц буйными гроздьями ломились из-за заборов сирень и черемуха, жасмин и белая акация, наполняя чарующим запахом вечерний успокоенный воздух, а по осени тесные дворики тесных жилищ украшались многоцветьем изумительных фруктов, тоже дышавших на мир дурманящим ароматом, от которого кружило голову... Еще и речи не велось об экологической отраве, и никто не придавал ни малейшего значения ни мутным шлейфам дальних поездов, ни трубам редких немногочисленных предприятий, дымивших непрерывно днем и ночью, летом и зимой чадным дымом. Городок был районный, глубинный, тихий и суматошный одновременно, каких немало на наших российских просторах. Ежедневно по утрам я встречал на его тенистых узких тротуарах разреженные вереницы не вполне городских, скорее сельских, обитателей, озабоченно спешивших, как и я, по своим житейским делам и, казалось, не обращавших никакого внимания ни на шелестящую зелень уличных аллей, садов и парков, ни на грохот и шум бегущих рядом грузовиков, мотоциклов и автомобилей. И уж тем более, вне всякого сомнения, — на меня...

А во мне все играло и пело, мир светился исключительно для меня радужным блеском; хотелось внезапной грозы — молний и грома! — безудержного восторга природы; хотелось кричать, позабыв осторожность, и бежать, отрываясь от земли, — хотелось необыкновенного!.. Безудержно хотелось жить, чтобы петь, смеяться и любить — во мне властно поселился и ни на минуту не позволял забыть о себе образ очаровательной девочки в школьной форме и туфельках поверх белых с голубой каймой носков, голубоглазой и непосредственной, ставшей мне дорогой и близкой, — образ Эли.

Я был не в состоянии отделить от себя ее милый облик. И мне уже не мечталось ехать на выходной в мое родное Истомино, где у меня оставались, помимо родителей, брат и сестра... Вдруг Эля задумает погостить в воскресный день у своих «стариков»?!. Мне непременно надо ее видеть.

— Элочка! Ты не хотела бы поехать со мною в Ольшанск? Это, правда, далеко, в другом районе, но, уверяю тебя, ты не пожалеешь. Силами учительского коллектива мы готовим спектакль по драме Алмазова «Якорная площадь», где я играю революционного матроса Трошкина, патрулирующего улицы увековеченного Блоком Петрограда. Поедем специальным автобусом: он будет подан за нами к школе в субботу к шести вечера. Спектакль намечен на двадцать часов пятого ноября.

Эля внимательно, с затаенным дыханием и зачарованно бегающим взглядом выслушала меня и порывисто заговорила, растягивая слова:

— Спа-си-бо! Но как же я... с учителями?! Ведь как-то неудобно!

— Но почему же «неудобно»? Ты поедешь... ну, условно скажем, в качестве униформиста: будешь помогать устанавливать декорации на сцене. Ты — легкая, подвижная, и это... очень удобно (я сделал акцент на слове «удобно») для дела!

— Вот здорово! Да я с удовольствием! — воскликнула Эля и, сделав короткую паузу-заминку, добавила: — Если мамка меня отпустит.

— Я думаю, что отпустит. Договорились?

— Конечно. Я такого и не ожидала.

Меня все время, пока шли репетиции, подмывало пригласить туда и Элю, но это было бы, я и сам понимал, и в самом деле не совсем удобно и уместно. И вот теперь предчувствие того, что и Эля увидит спектакль, где мне, кроме всего прочего, перевязывают раненую ногу, переполняло меня радостным удовлетворением. Всю эту неделю мы жили нетерпеливым, жгучим и тревожным ожиданием предстоящего: как пройдет спектакль, как будет воспринимать нашу игру публика? По счастью, все треволения оказались безосновательными: в назначенный день и час пьеса прошла с поразительным успехом. Эля была в восторге, и я, оттого что удалось сделать приятное ей, чувствовал себя на седьмом небе, невзирая на то, что среди коллег имя моего героя прилипло ко мне, и я с тех пор долго еще оставался Трошкиным и даже Трёшкиным. Главное — Эля восхищалась!

— Да Вы еще и превосходный артист. А я и представить себе не могла Вас актером.

И я с наигранным самолюбованием, как завзятый актер, пафосно-шутливо резюмировал ей:

— О, ты, Эля, не вполне меня знаешь!

На что она, также полушутя и как бы в пику мне, возражала:

— И Вы обо мне не все знаете. Я — тоже артистка, только не играю, а танцую и пою, и теперь я в свою очередь приглашаю Вас на праздничный концерт в клуб «Сельхозтехники». Придете? Я буду петь.

— Непременно, Эля. С большим удовольствием послушаю тебя.

На сцене она была очаровательна. В белом, колоколообразном, изящно облегающем ее бюст и плечи платье она была до умопомрачения мила: красиво двигалась по сцене и пела довольно недурно отнюдь не сформировавшимся юным голосом. Все остальное от концерта на фоне Элиного выступления задвинулось и оказалось вне поля моего зрения и слуха, как бы в тени.

После концерта в ответ на мой восторженный отзыв она бросилась мне на шею...

* * *

Отбушевали, отсверкали новогодние праздники: утренники, балы и маскарады. Приспело время зимних каникул — время вольное, веселое и беззаботное. Я уже намеревался отправиться к родным в Истомино, чтобы там провести некоторую часть высвободившихся дней, как вдруг совершенно неожиданно явилась Эля и прямо с порога выпалила, как будто ее что-то гнало и подталкивало и она боялась не успеть:

— Леонид Николаевич! Не торопитесь уезжать! Ради Бога, не уезжайте! Я приглашаю Вас на традиционный вечер встречи с выпускниками

нашей школы. Вот пригласительный билет на Ваше имя — здесь все написано.

Эля протянула мне небольшой клочок сине-зеленой бумаги, на котором, кроме моей фамилии, стояли место и время проведения мероприятия. Обрадованный несказанно, я поблагодарил Элю за внимание ко мне, понимая, что приглашением этим я обязан исключительно ее стараниям и хлопотам. Я машинально подошел к Эле вплотную и коснулся губами ее разгоряченной щеки.

Было краткое мгновение абсолютного замирания, похожего на оцепенение. Эля, однако, быстро справилась с собой:

— Я Вас прошу: не уезжайте сейчас! Будет интересный концерт. Оставайтесь — я Вас очень прошу. Ну пожалуйста!..

— Хорошо, хорошо, Эля... Если тебе так хочется... — взволнованно проговорил я.

— Я найду за Вами, и мы сядем вместе! Я уже забронировала места, — сказала она с приветливой улыбкой.

Среди громадного, заполненного до отказа актового зала я был, пожалуй, единственный взрослый и чужой зритель — учителя и гости разместились в передних рядах возле сцены. А на ней меня более всего занимала героиня «шутки в одном действии» А.П. Чехова «Юбилей» — некая Мерчуткина, «женщина слабая, болезненная, одинокая», которую играла с неподражаемой естественностью и убедительностью хорошенькая старшеклассница. Эля не жалела ладоней, искренне благодаря выступавших с трибуны самодельных юных артистов, а я испытывал неизъяснимое удовольствие еще и оттого, что это нравилось ей. Волновало же меня особенным трепетным волнением близкое ее соседство: ощущение тепла ее дыхания, ощущение биения ее доверительного сердца...

После новогоднего празднества в каникулярные дни я уже не мог каждый день не думать об Эле. Она заняла все мое существо. Она неотступно преследовала меня всюду: где бы я ни находился, образ ее сопровождал меня неотлучно. Она внесла невыразимую тревогу в мое существование: я представлялся преступником самому себе, понимая всю неоднозначность и даже нелепость своего положения, старался отогнать или отпугнуть мысли об Эле, пытался до предела загрузить себя работой, заняв мысль думой, не имевшей отношения к Эле, отыскивать какие-то развлечения — все оказывалось напрасным, безрезультатным напряжением. Мне все время казалось, что я совершаю нечто непозволительно дурное, недостойное, порочное, и в то же время я не мог порвать с этим — власть природного влечения оказывалась сильнее доводов рассудка, чувство не подчинялось логике, и сердце восставало против разума. Шагая по безлюдным комнатам, пользуясь отсутствием хозяев (старуха увела старика на прием к врачу), я подошел к стене, на которой красовалась целая выставка многочисленных фотографий рода Федосовых в простых, большего и меньшего размеров рамках, и в который уже раз взглянул на изображение той, образ которой жил в моем сердце и неотступно следовал за мной всегда и везде. На одном из снимков запечатлелся занимательный сюжет: Эля по снежной горке съехала в сугроб, санки опрокинулись набок, взрывающая снег, и девушка в его брызгах смеялась чисто и простосердечно.

Я снял рамку с гвоздя, отогнул крепления с тыльной стороны и выдернул из-под стекла именно эту фотокарточку.

Никто, кажется, и не заметил пропажи — фотография же с этого момента перекочевала в мой нагрудный карман. И я уже с ней не расставался.

Дни проходили однообразной будничной чередой, хотя тяготиться скукой не приходилось: работа занимала меня до предела. Я нетерпеливо ожидал Элиного посещения, но она почему-то не заходила ко мне, пожалуй, более двух недель, и я начинал думать уже всякое... Мне было одиноко и неуютно без нее, а бесконечные сетования на бытовые неурядицы и непогоду Егоровны, моей доброй хозяйки, были мне малоинтересны и, говоря откровенно, порядком прискучили. Все более и более я утверждался в убеждении, что накрепко сроднился с Элей, что ее мне до боли не хватает, и эта сердечная боль с течением времени не только не затухает, а напротив — разгорается со все большей силой и неотвратимостью.

«Вне всякого сомнения, Эля мне нравится, как никакая другая не нравилась никогда, — думал я в постели, подложив ладони под голову и глядя в потолок. — Она мне необходима, она — часть меня самого. Зачем обманывать себя? Конечно же, я люблю Элю, люблю безраздельной и неизгладимой любовью. Люблю самозабвенно и преданно. Но она этого никогда не узнает, как ни прискорбно такое сознавать: я для нее — как ласточке коньки. Но и забыть ее, не думать о ней я не могу, не в силах...»

Размышляя подобным образом, я отважился сам навестить Элю в ее доме, и лунным майским вечером отправился на уже знакомую мне Луговую, где жила та, что поселилась теперь в моем сердце. Дом ее я отыскал без особого труда. Он светился с фасада двумя окнами, и штора одного из них была задернута не до конца и едва закрывала большую половину нижнего стекла, так что при желании и внимательном вглядывании, притаившись под сенью здешних цветущих благоуханных яблонь, можно было наблюдать за происходящим внутри комнаты, а порой и улавливать обрывки фраз — вторые рамы за ненадобностью были убраны.

Эля в домашней светло-голубой сорочке несколько раз легкой тенью проскользнула в разрыве занавесок, и я успел схватить в ее лице выражение, никоим образом не обещавшее мне ничего утешительного. За окном у стола, по-видимому, находился отец, и оттуда изредка доносились фрагменты его резких фраз грозного, наставительного тона, обращенные к дочери, и та, в свою очередь, не вполне почтительно что-то ему отвечала, но что — трудно было разобрать. Я, затаив дыхание, едва не слившись со стволом яблони, следил через щель в окне за ситуацией в доме и, мало что усваивая из совершающегося там, ощущал знобящую тревогу и знойное волнение.

«А вдруг причиной столь недружелюбной беседы родителя с дочерью стал я?! — тревожно подумалось мне. — Налицо выражение недовольства отца отношениями дочери с возможным запоздалым кандидатом в зятя, стареющим холостяком-учителем?!»

Во мне заговорили-заспорили как бы два «я»: «Зайти и все объяснить? Как-то помочь Эле? Успокоить разгоряченного отца? Сказать, что обвинение не имеет почвы под собой, что я никаких притязаний на Элю не предъявляю и что не следует, напрасно тратя порох, так гневаться и нервничать?» — «Конечно, если уж по-мужски, я именно так и должен поступить». — «Но в таком случае я отрежу все пути для Эли и никогда уж более не увижу ее у себя, что было бы совершенно неразумно и жестоко по отношению не только к самому себе, но уж совсем безжалостно и нестерпимо по отношению к Эле! Ведь она так привязана ко мне!» — «Нет,

друг мой, тебе непременно следует убраться восвояси». — «Да, но это вовсе не принципиально: ты же понимаешь, что в данном случае не может быть общности и тем более супружеского союза». — «Хорошо. Все так. Но и пренебречь доверием совершенно безгрешного существа ты не вправе». — «Уйди, уйди, все равно тебя сюда никто не звал и не ждет. К чему такая бестактность и вероломство? Имей мужество смотреть реальности прямо в глаза».

Я неуверенно и робко потоптался под окном, обошел стороною крыльцо и, убеждая себя держаться в достойных, приличествующих своему положению пределах, с оглядками покинул неприветливый дом.

«Зачем я шел сюда? — думал я, понуро плетясь по пустынным улицам и закоулкам враз ставшего для меня этого неуютного городка, — не следовало сюда приходиться без ясно выраженной цели — не заставил бы себя страдать, оставаясь в привычном безмятежном неведении».

...А через несколько дней мучительных раздумий-размышлений я подал заявление с просьбой о переводе меня в одну из наиболее отдаленных, пусть и менее благоустроенных школ, и вскоре перебрался в степную глухомань, навсегда потеряв следы Эли...

* * *

Летом первого года перестройки приехал из Омска мой старший брат Вадим. За столом после первой стопки он вдруг резко переменял тему беседы и, обращаясь ко мне, вкрадчиво заговорил:

— Послушай, Ленък, ты помнишь такую... Эльвиру?.. Ну, она теперь, возможно, и другую фамилию носит, а тогда, в девичестве, она была... Зубавина или Забавина? В общем, что-то в этом роде.

— Ну конечно же! Помню, и никогда не забывал... — взволнованно напрягся я. — Да и не забуду: Эльвира Сергеевна Забавина.

— Вот-вот! Сергеевна... Точно!

— И что? Откуда ты ее можешь знать?

— В поезде познакомились. Да что ты так всполошился? В Челябинске в вагон вошла женщина, ну, ей на вид так лет сорок-сорок пять. Пока ехали, разговорились. Она побывала замужем, но давно и неудачно, а теперь живет где-то в Сибири... Устроила свои вещи и села к окну, вот так — напротив меня. Кстати, она первая завела разговор и все время почти непрерывно вглядывалась в меня. Потом вдруг говорит: «Вы извините, как Вас зовут? Вы мне очень напоминаете одного моего хорошего знакомого: и лицом, и голосом, и манерами. Только он теперь, мне кажется, должен выглядеть несколько старше Вас — мы не виделись лет двадцать, если не больше. Его зовут Леонид Николаевич Яхонтов». — «Так это мой брат, — говорю. — Я тоже Яхонтов». — «Неужели? Признаюсь Вам, я одно время безумно была влюблена в него. Но... Вы знаете... Он не знал об этом. Но мог и догадываться... Мне было в то время семнадцать, а он такой самостоятельный серьезный учитель. Только не мой — я училась в другой школе, но часто сиделась с ним. Передайте ему, пожалуйста, при встрече огромный привет. Скажите, что всегда вспоминаю о нем. Да, наверное, и не забуду его никогда, как не забывают первую любовь. Как же я любила его! А он и не подозревал о том, я думаю. Но я же не могла открыться ему: он же — учитель! А я-то — еще школьница, девчонка несовершеннолетняя... Я Вас очень прошу: передайте привет, если встретите его. Вдруг он вспомнит меня? Он квартировал тогда у бабушки и дедуш-

ки. Теперь уж их нет на этом свете, царство им небесное!» — «Неприменно, — говорю, — обязательно и встречу, и передам».

— Вот такие вот дела! — подытожил брат.

Я погрузился в уныние... Черт побери мой практицизм и мою рассудочность! И все остальное — как это там называется... «Несовершеннолетие... несоответствие возрастов... далеко не мальчик... неровня... непривлекательная внешность, — издевался я над самим собой. — Глупо... глупо... бестолково и глупо! И как безжалостно по отношению к самому себе и, как выяснилось, и к ней!.. Эх ты, недотепа! Все порушил сам. Сам бежал от себя. Глупо».

Я встал из-за стола и ушел в лес. Не сказав брату ни слова. Внезапно и неожиданно. Я никак не мог прийти в себя. «Что мы иногда над собою творим! — думал я, бродя по лесу, не разбирая троп и дорог. — Это надо же! Все погубить, сокрушить, обокрасть самого себя... В высшей степени глупо!»

Мысли, одна безотрадней другой, сменяли друг друга. «Но я же не мог... я же не знал, — пытался я как-то объяснить самому себе то, что и без оправдания ясно. — Непростительно глупо я тогда поступил! Какой отвратительно-вредный прагматизм!..»

* * *

Время, время!.. Неумолимое время! Ты все перетираешь на своих незримых жерновах, безжалостно отбрасываешь, перемолов когда-то дорогое и милое сердцу нашему, куда-то в неведомую бездну... И ты беспощадно к нам: к нашим слабостям, промахам и ошибкам. Ты не прощаешь ничего и не оставляешь шанса на выправление верного хода часов наших судеб. И ничего поправить уже невозможно. Нельзя прожить один и тот же день дважды: нельзя судьбу переломить...

...И вот теперь, десятилетия спустя, я по временам достаю из шкафа старую фотографию девочки со смеющимся лицом, в брызгах снежных комьев, на угодивших в сугроб санках — фотографию, которую я когда-то тайно извлек из рамки прямо со стены и бережно храню все эти долгие годы и десятилетия как бесценную реликвию, и тот выгоревший от времени пригласительный билет на школьный вечер, полученный мной из рук той девочки, и думаю: «Где она теперь? Куда забросила ее немилосердная наша судьба? В каких безбрежных краях она в эту минуту? Что с ней? Чем занята? О чем говорит или думает именно в этот момент?»

Оказывается, любила... Я этого и не полагал.

*Стихи
аннинских поэтов*

КРЕЩЕНСКИЙ ГОЛУБЬ

Олег Авдеев

РОЖЬ

Широкое русское поле
С колосьями ржи золотой.
Верст пять, а быть может, и боле
Покрыло оно под собой.

Высокие сосны средь хлеба
Бросаются сразу в глаза,
Тяжелое плотное небо,
Должно быть, случится гроза.

Дорога с травой зеленой
Уходит в незримую даль.
И все словно сковано дремой.
Спокойствие, но не печаль.

САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ

Кто призывает жить с любовью вместе,
Кто утверждает, что нельзя без мести.
Как относиться к этим голосам?
Решенье принимает каждый сам.

Когда случилось дивное спасенье,
То помощь свыше или лишь везенье?
А верить иль не верить чудесам?
Решенье принимает каждый сам.

Нам разум предлагает быть хитрее,
Но совесть говорит, что честь важнее.

Прислушаться ли к внутренним весам?
Решенье принимает каждый сам.

Кто любит только Родину-Россию,
Кто перевозит лишь края другие.
А стоит ли стремиться к полюсам?
Решенье принимает каждый сам.

Искать ли счастье в длительной дороге
Иль ожидать спокойно на пороге?
Позволить ли надуться парусам?
Решенье принимает каждый сам.

Возможно, в жизни след оставить надо,
А может, мы живем лишь для улады?
Где примененье жизненным часам?
Решенье принимает каждый сам.

Нам все не может с рук сойти, похоже,
И есть предел дозволенному все же.
Приблизиться ли к крайним полосам?
Решенье принимает каждый сам.

* * *

Грохочет досады безжалостный гром,
Сверкают отчаянья молнии грозно,
Но все же, пока мы на свете живем,
Бороться не поздно, бороться не поздно!

Шторма неудач нелегко пережить,
Закончились силы, и это серьезно.
Но все же, пока мы способны любить,
Бороться не поздно, бороться не поздно!

Измены гнетут как удары плетьюми,
Пылают обиды пожар грандиозно,
Но все же, пока мы зовемся людьми,
Бороться не поздно, бороться не поздно!

Вячеслав Бондаренко

* * *

— У солдата — душа журавлиная, —
На рассвете сказал комбат, —
Только в небо дорога недлинная,
И в земле неглубоко лежат.

Мы упали здесь, на краю села,
Разбросало всех. А кого, куда?

Лишь запомнили, как сирень цвела,
Не подняться в рост больше никогда.

По весне у нас соловьи поют,
Да красиво так, заливаются.
Грозы и дожди облака несут,
Петухи по утрам надрываются.

Вот березки уже заневестились,
Возле них погиб боевой расчет,
Урожай сняла злая bestия,
Молодые все, пацаны еще.

Из глазниц бойцов ковыли растут,
До поверхности здесь рукой подать,
А солдатики в поле там и тут
Журавлиный клин продолжают ждать.

— Эй, Петро, вставай, вроде наши как...
Нет? Ну тогда подождем...
— Да, не разглядел, то не наш косяк,
Плохо видно под этим дождем.

Вырос из груди полевой цветок,
А мальчоночка собирал букет.
— Ты его домой отнеси, сынок,
И от нас живым передай привет.

Мы уже давно превратились в прах,
Поржавел металл, а кости целые,
Душу холодит леденящий страх:
Кто вас защитит, птицы белые?

Ольга Гурова

БАБУШКА

— И тапочки куда-то делись, и очки, —
Так бабушка растерянно бормочет
Да под подушку прячет пяточки.
— Ох, нету сил моих, нет больше мочи.

Стара я стала, истинно стара,
Устала жить, а смерть моя как мячик:
Мне на покой давным-давно пора —
Она же, подлая, поди ж ты, мимо скачет.

Глаза прикрыть монет приберегла,
И узел смертный в сундуке ветшает.
Бранилась, по-хорошему звала,
Но про меня она знать ничего не знает.

Вздыхает бабушка. Но вот очки нашлись,
Притихли смиренно тапки у дивана.
Резвятся внуки рядом — это жизнь?
И с нею расставаться еще рано.

* * *

Талантам на Руси грозит сума —
Они юродивым почти что братья:
Встречают-проводят их по платью,
И никому нет дела до ума.

МАСТЕРИЦЫ-ВЫШИВАЛЬЩИЦЫ

В высоких теремах и в светлых горницах
Игла туда-сюда сновала по канве.
В руках умелых дело славно спорилось,
И думы светлые рождались в голове.

Узоры были вроде немудреные,
Но столько в них спокойной красоты:
Лугов раздольных мурава зеленая
И золоченых куполов кресты.

Прошли века, и в жизни все по-новому,
И лишь по-прежнему с иглою дружат пальцы.
Искусством вышивальщиц очарованы,
Берем мы в руки бабушкины пальцы.

Порой глаза уж передышки просят,
И в сотый раз, сказав себе устало:
«Все, я сдаюсь и вышиванье брошу», —
В сто первый раз начну сначала

Иглою мельтешить, рождая чудо,
Забыв о хлопотах домашней суеты.
И зелень засверкает изумрудом,
И оживут на куполах кресты.

Елена Демидова

АННА

Этот край — он и древний, и юный:
Триста лет для поселка не срок.
Время трогает тонкие струны
В даль степей уходящих дорог.

Время ткёт свою ткань из столетий,
Наши судьбы сплетая в узор,
Неизменны лишь солнце, да ветер,
Да река, да щемящий простор.

И сегодня, как встарь — неустанно,
Люди строятся, любят, живут.
Разрастается древняя Анна,
Колокольней глядясь в синеву.

РОСТОПЧИНОЙ

В парке ярком красою осенней
Этой женщине грустно одной.
Под деревьев раскидистой сенью
Тишина, только кроны стеной.

Тишина, только версты и версты
До столиц, до друзей и родных.
...Может новый том Пушкина сверстан
И в пути к нам на перекладных?

А помнится недавно, перед отъездом в Анну,
Он заходил так просто домой к Вам на обед,
Серьезные беседы для светских женщин странны,
Но встретились поэты — что им бездушный свет?!

Долог путь к нам столичных журналов,
Редким письмам так рада душа.
Что запишем в семейных анналах?
Как тянулись здесь дни не спеша.

Как, по парку гуляя, скучала,
Как писала стихи по ночам,
Как детей, улыбаясь, качала,
Как мерцала в окошке свеча.

Снова землю укрыло снегами,
Льдом сковало речной пережат.
Вот и почта — ах, что это с Вами,
Отчего побелела щека?

От объятий жестокого света
Защищая семейную честь,
Умер Пушкин, не стало поэта,
Как же вынести страшную весть?!

А помнится недавно перед отъездом в Анну
Он заходил так просто домой к Вам на обед,

Серьезные беседы для светских женщин странны,
Но встретились поэты — что им бездушный свет?!

Вот тетрадь черновая поэта,
Он писать собирался в нее.
Путь окончен, и песнь не допета.
Кто продолжит, кто песнь допоет?

И Жуковский, для многих неожиданно,
Повинуясь движенью души,
Посылает тетрадь эту в Анну,
Чтоб стихами заполнить в тиши.

«В своем уединенье перо держите острым,
Я к Вам пишу, графиня, как старший верный друг,
Нам всем эту утрату перенести непросто,
Примите ж эстафету, не разорвите круг».

Валентина Ермакова

* * *

Замело тропы первой порошей.
Я по лесу бродить пойду.
Настроенье с утра хорошее,
Словно чуда, чего-то жду.

Там в лесу, на тропе заснеженной,
Легкий лисий следок строкой,
Там зайчишки наброды свежие,
Тишина вокруг и покой.

* * *

Лес наполнен осенней грустинкой,
Птиц не слышно, их щебет затих.
Как-то пусто в лесу. Паутинки
Протянулись на ветках сухих.

Пахли травы цветущие пряно,
Так, что кругом плыла голова —
Пожелтела, слегла на полянах,
Пахнет сеном и прелью трава.

Воздух утром стекольно-прозрачный,
По-осеннему холоден, чист.
Робко падает первый, невзрачный,
Пожелтевший березовый лист.

Ирина Жихарева

КРЕЩЕНСКОЕ ЧУДО

Спят деревья по пояс в сугробах,
Ветры в поле ночами шумят,
Только к храму открыта дорога,
В церковь люди на праздник спешат.

Под Крещение обычно гадали
Наши бабушки в юность свою,
Башмачки за ворота бросали,
Свечи жгли, рассыпали кутью.

Пусть гаданья сейчас устарели,
Но традиций нам всех не изжить,
На прудах вырубают купели —
Исккупаться, водицы испить.

Колокольные звоны повсюду
Над Россией моею плывут,
Люди смотрят с надеждой на небо
И крещенского голубя ждут.

Антонина Иванова

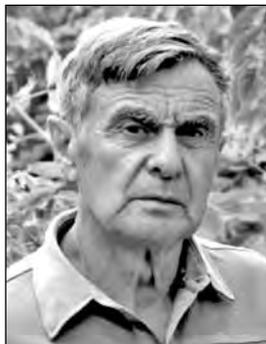
КТО СКАЗАЛ...

Кто сказал, что война обошла стороной
Деревушку российскую — Анну?
Восемь тысяч солдат не вернулись домой,
До сих пор не зажили солдатские раны.

До сих пор плачут матери Анны моей
Над суровой судьбою своих сыновей,
А с портрета старушке седой
Улыбается сын, навсегда молодой, —
Сын, с войны не пришедший домой...

В Анне рос он, учился, любил,
На вечерки к девчонкам ходил,
Своей грудью он Русь заслонил,
Чтобы ты, современник мой, жил.

Чтобы зори над Анной вставали,
Чтобы песни над Анной звучали,
Чтобы внук мой шалил у ворот,
Чтобы вечно жил русский народ...

Анатолий Иосифович Божко родился в 1949 году в Киргизии. После службы в армии окончил педагогический институт, отделение журналистики Высшей партийной школы. Был заместителем председателя Союза журналистов Республики Кыргызстан, собкором республиканской, редактором городской газеты. С 1994 года работал в редакции районной газеты «Аннинские вести». Многократный победитель и призер всероссийских и международных соревнований среди легкоатлетов-ветеранов. В настоящее время на пенсии. Написал три книги: «Над трибунами небо синее» и (совместно с женой Марией Божко) — «Розовый снег» и «Третье дыхание».

Анатолий Божко

ВАНЯТКА

Рассказ

Ростом он не вышел. Был ниже самого малого плетня. Чуть больше, чем полтора метра. Лет в пятнадцать его кто-то назвал Ваняткой. Это вот уменьшительно-пренебрежительное имя как репей или банный лист прилепилось к Ивану Пантелеймоновичу. Даже на восьмом десятке лет его так величали. На что шибко не обижался в силу своего незлобивого характера.

Знали его в селе и взрослые и детишки. Знаменитость деда Ванятки объяснялась тем, что все у него в жизни случалось не как у других. Смешно, забавно, необычно, неповторимо...

БЫВАЕТ, И ТРЮМО СТРЕЛЯЕТ

С Гражданской войны Ванятка вернулся с малым ранением. Белокитаец пашкой отсек ему треть уха. За что он на всю жизнь невзлюбил Мао Цзэдуна. И из-за своей ущербности даже в самую сильную жару ходил в фуражке.

Нажить богатства ему никак не удавалось, потому что в жизни страшно не везло. То лошадь, то бык сдохнет, то козу прямо у крыльца дома волк задерет. И помощников по хозяйству не ожидалось. Одна за другой три девчонки родились.

По миру пока не пошел, но и концы с концами еле-еле сводил. И тут коллекти-

визация пришла. Крепкий мужик Василий Будяк называл ее «железной метлой», а для Ванятки это было спасение. И он одним из первых в колхоз записался.

На всю жизнь всем запомнилось его короткое выступление на первом собрании. Даже картуз снял, когда сказал свои знаменитые слова:

— Товарищи, теперь мы все товарищи! Я закончил, товарищи.

А в конце собрания Ванятка вновь поднялся:

— Да здравствует наша Советская власть! Да будет проклята та сволочь, которая два дня назад украла у меня уздечку.

За большое уважение к власти Ванятку зачислили в активисты. И за усердность при раскулачивании даже наградили: дали трюмо, которое отобрали у Василия Будяка.

Привез его Ванятка домой, весь радостный. И тут его улыбка убежала с лица. Трюмо было выше и шире двери и в избу никак не входило. Покряхтели, повозились с женой Матреной Семеновной и ничего сделать не смогли. Поставили громадину у дома и забыли о ней.

Вечером вернулся из стада бык. Идет по двору и видит, что навстречу ему другое, такое же существо приближается. Разозлился, начал рыть землю, а потом, наклонив большущие рога, двинулся вперед.

...Вдребезги разбитое трюмо Ванятка отнес в сарай, где оно простояло лет тридцать. Больно резьба на нем удалая была. В году шестидесятом или чуть-чуть раньше, когда Ванятка избу расширил и двери сделал почти в два раза просторнее, трюмо занесли в дом. Перед этим вставив стекло и покрыв дерево лаком.

С десяток лет в него Ванятка любовался, пока оказия страшная не приключилась.

Ночью увидела Матрена в окно, что по их двору ходит большой мужик. Растолкав Ванятку и открыв форточку, закричала изо всех сил:

— Стреляй, дед!

Бабахнуло как из пушки! Мужик с перепугу побежал не туда, куда надо бы ему ретироваться, и попал в открытый погреб, откуда его, перепуганного, вытащили сбежавшие соседи.

И Ванятку пришлось жене искать. Нашла его под койкой, куда он забился после того, как громыхнуло по-скаженному. А выстрелило, оказывается, трюмо.

Когда Матрена открывала форточку и давала указание Ванятке, то задела ногой и порвала дратву, которой трюмо крепилось к стене. Почти двухметровая красота полетела на пол. Как из пушки шарихнуло. Дед предпочел спрятаться от греха подальше.

Больше Ванятка трюмо не ремонтировал. Убрал с глаз долой в сарай, где вскорости и изрубил его на дрова. Горели они ярко.

ТРЕТЬЕ РАНЕНИЕ

Первый раз, я уже говорил, Ванятка пострадал от белокитайцев. Второй раз — на войне с фашистами. Был он там конюхом, и когда рядом разорвался снаряд, перепуганная лошадь долбанула его копытом по голове. Хорошо еще, что не подкована была. Но сотрясение мозга получил и с месяц в медсанбате провалялся.

Третье ранение получил в мирное время. За двести метров от дома. Пострадал потому, что помочь хотел человеку, душу отогреть ему. И не только душу — и не ему, а ей. Но что было и как было, долго никто не

знал. С год, не меньше. Пока Ванятка за стаканом самогона не рассказал о приключившейся с ним напасти своему другу Тимофею. А тот по большому секрету — соседу Игнату. У Игната тоже друзья были. И вскоре почти все село узнало, что приключилось тогда с Ваняткой.

...Видя, что соседка Марфа, лет шестидесяти, мучается, рубя дрова, Ванятка решил помочь. Это он только с виду хилым выглядел. Силенка в нем имелась. С шутками, прибаутками перерубил все, что можно. Запас дров не меньше чем на месяц сделал. Чем Марфу очень обрадовал. И она его за труды решила отблагодарить. В избу позвала, угостила как следует. И хотя Ванятке уже за семь десятков пошло и кровь у него была третьей группы, ожил старичок: некоторая часть тела от долгой спячки проснулась.

Вот он и обнял Марфу. Поначалу робко, на что она внимания не обратила. Ванятка обрадовался, поняв по своему разумению, что ему все дозволено. В чем и сплеховал.

Вывалась из его захвата Марфа. Отскочила к печке и, схватив там полено, изо всех сил врезала Ванятке по спине. Раз, другой. Баба она была солидная, и дед еле ноги из избы унес.

Спина побаливала и ниже. На стыдном месте, на котором сидишь, была дырка небольшая и кровь выступила. В полене, на беду Ванятки, оказался гвоздь. Не простой, а ржавый.

К вечеру поднялась температура. И Тимофей на бричке отвез его в больницу. Дежурный врач осмотрел Ванятку и сказал:

— Заражение крови началось. Через два часа помрешь...

Не слушая, что дальше говорить будет врач, Тимофей помчался к Матрене, чтобы сообщить, к чему ей надо готовиться.

А дальше врач вот что добавил:

— ...Если лечить не будем.

И начали Ванятке один за другим делать уколы. И днем, и ночью. А Матрена в больницу к мужу не побежала. Поплакала, выслушав Тимофея, и стала готовиться к похоронам.

Начать решила с побелки дома.

С вечера занялась этим.

Увидев свет в окошке, зашла к ней соседка Фекла.

Вместе погоревали, повздыхали.

Новостью поделилась Фекла с Матреной. Та в другой дом побежала.

— Плохо с Ваняткой, — говорит в одной избе.

— Недолго жить ему осталось, — вздыхали в другой.

До третьей избы к следующему дню дошло уже страшное известие:

— К похоронам Пантелеймоновна приготовилась. Надо сходить с Ваняткой проститься...

И к обеду три бабки в черных платках направились к дому Ванятки. По пути к ним еще две старухи примкнули. Не спеша вошли во двор, крестясь поднялись на крыльцо. Открыли дверь в дом... И никого там не увидели. Присели на стулья и ничего не поймут. Тут и Матрена в дом зашла. Спрашивают у нее:

— А где же покойник?

Она и ответить не успела, как «покойник» в дверях появился...

Сообразив, что к чему, он вытолкал бабок из избы и, схватив вилы, погнал со двора. Откуда и прыть у них взялась. Быстро убрались подальше. Только Авдотья задержалась, запутавшись в длинном платье. Она и пострадала больше других: ей крепко припечатал Ванятка черенком по спине.

Мужики потом, подкалывая Авдотью, говорили, что тот удар был для нее лечебным. Ванятка ей малость спину выправил, отчего она прямее ходить стала.

И советовали ей с подругами сходить к Ванятке на сорок дней. На что бабки начали обижаться, а вскорости над этим и сами подтрунивать стали.

Только Матрена не смеялась, когда узнала, из-за чего болезнь-то у мужа вышла. В магазин стала ходить другой дорогой. Чтобы не встречаться с Марфой.

А Ванятке пригрозила, что если он еще раз к соседке подойдет, то она его колуном прибьет. Почему именно им, а не чем-либо другим, мужик, на всякий случай, не стал уточнять. Он помнил совет своего друга Тимофея: если коза опасна только спереди, то баба, когда не в духе, — со всех сторон.

*Стихи
аннинских поэтов*

ТАМ ДОМИК С ЛИПОЙ ПОД ОКНОМ

Татьяна Кичатова

* * *

Вновь отражаются в пруду,
Бросая на воду загадочные тени:
Домой коровы медленно бредут,
Мелькают ласточки — напиться прилетели.

Рыбак стоит в высоких камышах,
Глаз с поплавок не сводит, чуть дыша,
Садится солнце, тишина вокруг,
Издали лишь слышен дятла стук.

Листок опавший пляшет по волне,
Листву колышет ветер еле-еле,
А мы в звенящей этой тишине
Тихонько песню грустную запели.

Сначала про разлуку и любовь,
Потом про радость встреч и про свиданья.
И, тишину тревожа, песня вновь
Разносит по воде свое звучанье.

Рабочий день, конечно же, закончен.
Народ, уставший от дневных забот,
У телевизора уже усесться хочет —
А там у пруда кто-то вдруг поет.

Поем, а солнце село уж давно —
Из слушателей только лес да пруд.
Ну, хочется, чтоб, выглянув в окно,
Промолвил кто-нибудь: «Эх, как поют!»

Арсений Кузнецов

Я К ТЕБЕ ПРИХОЖУ...

Я к тебе прихожу, как прежде,
На колени склоняясь, моля
С затаенной в груди надеждой:
— Дай мне силы, родная земля.

Я ведь знаю: ты всемогуща,
Даришь миру и грозы, и тишь.
И хлеба, и лесные пущи
Ты живительной влагой поишь.

Я прошу у тебя немного:
Горько пасть посредине пути —
Сделай так, чтоб земную дорогу
Я бы смог до конца пройти.

Мне особого счастья не надо,
Ты мне лишнего не дари —
Только слушать бы шорохи сада,
Только б видеть румянец зари.

Пусть и взлеты, и пусть паденья,
Пусть и радости, пусть и боль,
Пусть удачи, и пусть огорченья —
В этом жизни извечная соль.

Сделай так, чтоб не скоро север
Остудил бы цветы на лугу.
Я не все еще поле засеял,
Я еще пред тобою в долгу.

Елена Макеева-Труфанова

ЛЕДОХОД

Весна пришла, и на озерах вздулся лед.
На реках, на прудах он рыхлым стал и серым.
...И вот уже начался ледоход,
Вода вдруг пробудилась, заревела.

Друг друга обгоняя, по реке
Плывут, как корабли, поломанные льдины.
А где-то там, за лесом, вдалеке
Несется клич протяжный лебединый.

И вновь весна пришла в мое село,
Вновь душу мою счастье озарило.
Хочу, чтобы запело, зацвело
Вокруг меня все то, что сердцу мило.

Александр Новиков

ТЕМ, КОГО ЛЮБЛЮ

Во фляге влаги нет — иссякла, к сожаленью,
И нет конца пути, лишь дали без конца.
Как прежде, дважды в год, к охоте и к рожденью
Вы соберитесь здесь у моего крыльца.

В моем саду для вас костер большой засветит,
Вас так же, как и я, как прежде, дважды в год,
В объятья заключат мои родные дети —
И вы поймете, как продлился этот род.

Мой сад от ваших ног хранит следы навечно,
А лепестки цветов кружат, кружат в вине,
И ветви шелестят, запомнив ваши речи,
Стоит шатер и стол как память обо мне.

Как прежде, дважды в год, когда откроют двери
Леса, поля, луга для милых мне охот,
Вы в память обо мне, пернатые и звери,
Природе спойте гимн из милых сердцу нот.

Когда уйду туда, где небо голубое,
Где в призрачной дали не рассмотреть лица,
Вас попрошу, мое наследье дорогое,
Собрать моих друзей у нашего крыльца.

Когда я не вернусь из дальнего похода,
Я вас прошу, друзья: как прежде, дважды в год,
Под крышею моей иль под лазурным сводом
Пошлите свой привет в последний мой поход.

Пусть не печалит вас, что след растаял лыжный,
Вам суждено, друзья, десятки лет прожить.
И память о себе оставить в море книжном,
И новый в жизни след достойно проложить.

НА РЫБАЛКЕ

Как только вышел серп рогатый,
Поплыл, оставив свой Восток,
Веселый вспыхнул костерок,
Весь луг покрыл туман лохматый,

А я достал подарок брата —
Из нержавеющей котелок,
А в нем — два карася горбатых,
Кусок лаврового листа

Да веточка душистой мяты —
И мудрость в нем и простота.
Уха с дымком — как запах детства:
Как отчий дом — нельзя забыть.

Хочу, чтобы мое наследство
Умело это все любить...
А серп глядит сквозь облака
На мой зеленый поплавок.

Вот он привстал, дрожа слегка,
Вот лечь готов, вот чуть не лег.
Я жду леща, моя рука
Готова выполнить рывок...

Елена Рогова

ТОЧКА НЕВОЗВРАТА

Не возвратиться в те года,
Где были счастливы когда-то.
Осталось в прошлом навсегда
То время в точке невозврата.

Там домик с липой под окном,
Заросший палисад сиренью,
Краюха хлеба с молоком,
Вкус земляничного варенья.

Там родниковая вода
Прохладой жажду утоляла,
Там солнце в заливных лугах
Ромашкой в травах утопало.

Там девочка — как лунь, бела —
Когда-то убежала в лето,
Из васильков венки плела,
Ей в тыкве грезилась карета.

Там рядом бабушка была:
И защитит, и приголубит.
От «лиха» внучку берегла,
Казалось, что всегда так будет.

Сквозь годы память пронесла
То время, в сердце сохранила.
Иконкой с образом Христа
Бабуля в путь благословила.

Вернуться можно в те места,
Где были счастливы когда-то,
Но жизнь, увы, не отлистать
К той самой точке невозврата.

Людмила Скопинцева

ГЛАЗА ВОЙНЫ

Какое трудное понятие — «война»,
Когда тебе всего шесть лет от роду.
И в городе такая тишина,
И громыхнет — так только в непогоду.

Но вот однажды в тихом городке
Солдат явился в самом людном месте.
Еще безусый, на одной ноге, —
Спросил в киоске «Правду» иль «Известия».

А рядом пестрый рыночный народ
Толпился, покупая — продавая.
Вдруг тетка, чем-то набивая рот,
Его толкнула. Толстая такая.

Он пошатнулся, уронил костыль
И рухнул вдруг на тротуар дощатый.
Хотелось закричать что было сил:
— Тебе бы ноги оторвать, проклятой!

А пареньку подняться помогли...
Подали костыли, нашли газету...
Лишь на мгновенье глянули с земли
Глаза войны. Но я все помню это.

ОПЯТЬ ЗИМА НА ЗЕМЛЮ ПАЛА...

Опять зима на землю пала,
Спугнув несмелое тепло,
И в проводах затосковала,
Налипла грустно на стекло.

Потом у двери покружилась,
Живым клубочком прилегла,
Как будто в дом ко мне просилась,
Чтоб я ее уберегла.

А я подумала: «Да полно!
Все чаще снится мне весна.
Душа, как вспаханное поле,
Вся ожиданием полна.

И ни к чему мне эта жалость», —
Но приоткрыла дверь слегка:
И заходили, задышали
Зимы поджатые бока.

Скользнула в комнату за мною,
Прижалась, тихая, к стене...
Но уживется ли с весной,
Уже начавшейся во мне?

Евдокия Петровна Ростопчина (Сушкова) (1811–1858) — графиня, русская писательница, одна из самых известных поэтесс второй четверти XIX века. Ее творчество высоко ценили Пушкин, Жуковский, Вяземский, Гоголь и др. классики отечественной литературы. С середины 1840-х годов попала в немилость императора из-за антиимперских стихов, была отлучена от двора, проживала в Москве, иногда выезжая в подмосковное имение Вороново или в Анну, где ей недавно был установлен памятник.

Евдокия Ростопчина

«ВЫ ВСПОМНИТЕ МЕНЯ...»

Стихи, написанные в Анне

СЕЛО АННА

*Deserled is my own good hall,
My hearth is desolate!..*

Childe-Harold. Canto 1¹

Зачем же сладкою тревогой сердце бьется
При имени твоём, пустынное село,
И ясной думою внезапно расцвело?
Зачем же мысль моя
над дикой степью вьется,
Как пташка,
что вдали средь облаков несется,
Но, в небе занята своим родным гнездом,
И пестует его и взором и крылом?..
Ведь прежде я тебя, край скучный,
не любила,
Ведь прежде ссылкой несносной был ты мне:
Меня пугала жизнь в безлюдной тишине,
И вечных бурь твоих гуденье наводило
Унынье на меня; ведь прежде, средь степей,
С тоской боролась я, и там, в душе моей,
Невольно угасал жар пылких вдохновений,
Убитый немощью... Зачем же образ твой
Меня преследует, как будто сожалений
Ты хочешь от меня, приют далекий мой?..

¹ Покинут мой прекрасный зал, пуст мой очаг!.. — «Чайльд-Гарольд», песнь I (англ.).

Или в отсутствии немилое милее?
Иль всем, что кончено, и всем, чего уж нет,
В нас сердце дорожит? Иль самый мрак светлее,
Когда отлив его смягчит течение лет?
Так память длинных дней, в изгнании проведенных,
Мне представляется, как радужная цепь
Дум ясных, грустных дум, мечтаний незабвенных,
Заветных, тайных грез... Безжизненная степь
Моею жизнью духовной наполнялась,
Воспоминаньями моими населялась.
Как тишь в волнах морских, как на пути привал,
Так деревенский быт в отшельнической келье
Существование былое прерывал
И созерцанием столичное веселье,
Поэзией шум света заменял.
От развлечения, от внешних впечатлений
Тогда отвыкнувши, уж я в себе самой
Для сердца и души искала наслаждений,
И пищи, и огня. Там ум сдружился мой
С отрадой тихою спокойных размышлений
И с самобытностью. Там объяснилось мне
Призвание темное. В глуши и тишине
Бедна событиями, но чувствами богата,
Тянулась жизнь моя. — Над головой моей
Любимых призраков носился рой крылатый,
В ушах моих звучал веселый смех детей;
И сокращали мне течение длинных дней
Иголка, нитки, кисть, подчас за фортепьяном
Волнение томное, — когда былого сон,
Мелодией знакомой пробужден,
Опять меня смущал пленительным обманом...
И много счастливых, восторженных минут,
Сердечной радостью волшебной озаренных,
Прожито там, в степях... О, пусть они живут
Навеки в памяти и в мыслях сокровенных!..
А ты, затерянный, безвестный уголок,
Не многим памятный по моему изгнанию, —
Храни мой скромный след, храни о мне преданье,
Чтоб любящим меня чрез много лет ты мог
Еще напоминать мое существованье!

ПЕРВЫЙ СОЛОВЕЙ

Так это правда? И весна
Уж близко с общим обновленьем?
Цветами, солнцем, вдохновеньем
Я буду вновь упоена?

Так это правда? предо мной
Воскреснет, оживет природа,

Умолкнет буря-непогода.
Зазеленеет лес густой?

И ты, весны и роз певец,
Любимец Мая молодого,
Ты мне свою песню новой
Затвора возвестил конец?

Но, говорят, кто соловья
Услышит в день весенний прежде
Всех птиц других, — о! тот надежде
Пусть вверит радостно себя!

Тому настал счастливый год,
Того исполнятся желанья,
Тому свои очарованья
Жизнь в полной чаше поднесет!

И я с восторгом песнь твою
Как предсказанье принимаю,
Тревожным сердцем ей внимаю,
Тебя слезой благодарю!

Я верю, сладкий соловей,
Я верю радостным приметам...
И буду ждать: авось ли светом
Сменится мрак души моей!

ДОМАШНИЙ ДРУГ

Joyeux, il chantait toujours.

Charles Nodier, Trilby²

Есть в глуши далекой,
В сельской стороне, —
Словно у царевны
Дедовских времен, —
У меня потешник,
Сказочник-певец.

У царевен тоже
Были всегда
Карлы выписные
Из заморских стран,
Птицы-щебетуны
В клетках золотых.

² Веселый, он все время пел. — Шарль Нодье. Трильби (фр.).

Чем был карло меньше,
Тем дороже он
При дворе ценился;
Птиц любили тех,
Что всех чаще пели
Летом и зимой.

Мой потешник-крошка, —
Хоть и даровой, —
Просто невидимка,
Так он чудно мал,
Даже и с очками
Не сыскать его!

А поет он, бает,
Тешит здесь меня
В всякую погоду
И во всякий час;
Он всегда радушен,
Весел, говорлив.

Солнце ли сияет
В красный, вешний день,
В вечер ли осенний
Буря загудит, —
Я знакомый голос
Слышу за углом!

Были-небылицы,
Сказки о чертях,
Сплетни о раздорах
Ведьм и домовых, —
Вот чем зимний вечер
Сокращает он.

Жизнеописание
Роз и мотыльков,
Свадебные песни
Джиннов, резвых фей, —
Вот что в летний полдень
Мне лепечет он.

Все на свете знает
Постоялец мой;
Знает, как мне вторить,
Чем развлечь меня
В час воспоминанья.
Грусти иль хандры...

Он наперсник верный
Дум и грез моих,

И слезы невольной,
И мечты святой...
Он свидетель жизни
И души моей!

Я к нему привыкла
И люблю его;
Но у нас на свете
Всем кто угодит? —
Так и он, бедняжка,
В доме мил не всем...

От врагов домашних,
От беды и зла
Я ему защитой,
Берегу его;
В нем приметку счастья
Вижу и храню!

Кто же мой любимец,
Баловень и друг?
Ах, смеяться станут, —
Я боюсь сказать...
Он... кто угадает?..
Он — простой сверчок!

ПОСЛЕДНИЙ ЦВЕТOK

*«J'avais pourtant quelque chose là» —
dit-il en se frappant le front...*

Mort d'André Cheniér³

Не дам тебе увянуть одиноким,
Последний цвет облистных полей!
Не пропадет в безмерности степей
Твой аромат; тебя крылом жестоким
Не унесет холодный вихрь ночей!

Я напою с заботливым стараньем
Тебя, мой гость, студеною водой;
Я нагляжусь, нарадуюсь с тобой;
Ты отцветешь — и с нежным состраданьем
Вложу тебя в молитвенник святой.

Чрез много лет, в час тихого мечтанья
Я книги той переберу листы;
Засохший мне тогда предстанешь ты.

³ «А все-таки у меня здесь кое-что было!» — сказал он, стукнув себя по лбу... — «Смерть Андре Шенье» (*фр.*).

Но оживешь в моем воспоминаньи,
Как прежде, полн душистой красоты.

А я, цветок, в безвестности пустыни
Увяну я... и мысли тщетный дар,
И смелый дух, и вдохновенья жар —
Кто их поймет?.. В поэте луч святыни
Кто разглядит сквозь дум неясных пар?..

Поэзия — она благоуханье
И фимиам восторженной души.
Но должно ей гореть и цвести в тиши,
Но не дано на языке изгнанья
Ей высказать все таинства свои!

И много дум, и много чувств прекрасных
Не имеют слов, глагола не найдут
И на душу обратно западут.
И больно мне, что в проблесках напрасных
Порывы их навек со мной умрут!

Мне суждено, под схиною молчанья,
Святой мечты все лучшее стаить,
Знать свет в душе — и мрак в очах носить!
Цветок полей, забытый без вниманья,
Себя с тобой могу ли не сравнить?..

ВЫ ВСПОМНИТЕ МЕНЯ...

*Et sur vous si grondait l'orage,
Rappelez-moi, je reviendrais!..*

Simple histoire⁴

Вы вспомните меня когда-нибудь... но поздно!
Когда в своих степях далеко буду я,
Когда надолго мы, навеки будем розно —
Тогда поймете вы и вспомните меня!
Проехав иногда пред домом опустелым,
Где вас всегда встречал радушный мой привет,
Вы грустно спросите: «Так здесь ее уж нет?» —
И мимо торопясь, махнув султаном белым,
Вы вспомните меня!..

Вы вспомните меня не раз, — когда другая
Кокетством хитрым вас коварно увлечет
И, не любя, в любви вас ложно уверяя,
Тщеславию своему вас в жертву принесет!

⁴ И если над вами грянет буря, позовите меня, и я вернусь!.. — «Простая история» (фр.).

Когда уста ее, на клятвы тороваты,
Обеты льстивые вам станут расточать,
Чтоб скоро бросить вас и нагло осмеять...
С ней первой сердца цвет утратив без возврата,
Вы вспомните меня!..

Когда, избави бог! вы встретите иную,
Усердную рабу всех мелочных сует,
С полсердцем лишь в груди, с полудушой — такую,
Каких их создает себе в удобность свет,
И это существо вас на беду полюбит —
С жемчужною серьгой иль с перстнем наравне,
И вам любви узнать даст горести одне,
И вас, бесстрастная, измучит и погубит, —
Вы вспомните меня!..

Вы вспомните меня, мечтая одиноко
Под вечер, в сумерки, в таинственной тиши,
И сердце вам шепнет: «как жаль! она далеко, —
Здесь не с кем разделить ни мысли, ни души!..»
Когда гостиных мир вам станет пуст и тесен,
Наскучит вам остричь средь модных львиц и львов,
И жаждать станете незаученных слов,
И чувств невычурных, и томных женских песен, —
Вы вспомните меня!..

Лидия РОСТОПЧИНА

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА

Мемуар

ОБ АВТОРЕ. Графиня Лидия Ростопчина родилась в селе Анна в 1838 году и жила здесь первые два года. Получила прекрасное домашнее образование. В совершенстве владела французским, могла писать на английском и итальянском языках. С тридцати лет жила во Франции, где получила известность как автор целого ряда повестей и романов, пьес, занималась благотворительностью по линии Красного Креста, одно время директорствовала в приюте для престарелых соотечественников, устроенном русским посольством. Пропагандировала творчество деда Федора Ростопчина и матери Евдокии Ростопчиной. Умерла в Париже в 1915 году. К числу произведений графини Лидии, переведенных на русский язык, принадлежат мемуары «Семейная хроника». Эта книга, обладающая несомненными литературными достоинствами, признана ценным документом, который раскрывает историю рода Ростопчиных. Фрагменты «Хроники» предлагаются вниманию читателей.

Фрагменты мемуаров Лидии Андреевны Ростопчиной. Публикуются по изданию: Ростопчина Л.А. Семейная хроника (1812 год). Пер. с фр. А. Ф. Гретман. М., <1912>.

...Я так проникнута священным воспоминанием о моей матери, что чувствую невольный трепет при одном намерении говорить о ней и, может быть, не все передам как следует.

<...>

Князь Александр Васильевич Мещерский очень удачно изобразил ее портрет.

«В 1841 г. во время моего пребывания в Ревеле и Гельсингфорсе я был представлен г-же Авроре Демидовой [Урожденной баронессе Шернваль-Вален финляндского происхождения, бывшей замужем за богачом Демидовым, братом князя Анатолия Демидова С.-Донатом. Она отличалась поразительной красотой, которую унаследовали ее внучки, княгиня Аврора Кара-Георгиевич (умершая) и княгиня Мария Абамелек-Лазарева (*Здесь и далее примеч. Л. Ростопчиной*)] у графа Армфельд. Там я встретил также графиню Евдокию Ростопчину, нашу знаменитую поэтессу. Ей было около 25 лет [Нет, тридцать лет; моя мать родилась 23 декабря 1811 года.]. Она была очень жива и остроумна. Ее разговор напоминал настоящий фейерверк. Я помню, что при нашем первом знакомстве я был ослеплен и очарован ее блестящим умом, сверкавшим как неиссякаемый источник.

Блеск ее ума мог только поспорить с блеском ее глаз, с задумчивым и глубоким взором, который оживлялся внезапно, когда она желала нравиться. Она была среднего роста, черты ее лица были тонки, как у камеи, цвет кожи матовый, глаза черные и большие, осененные длинными ресницами.

К сожалению, по близорукости она часто употребляла лорнет, скрывавший и затемнявший ее взор. Одаренная поразительной памятью, она знала иностранную литературу, как свою собственную. Если прибавить ко всем ее дарованиям и к обаянию ее внешности необычайную впечатлительность и страстную любовь ко всему прекрасному и идеальному, то получается тип героини, о которой могли мечтать только лучшие поэты и романисты. Такова была графиня Ростопчина, когда я с нею познакомился».

Поэтический талант, ум и красота моей матери были воспеты нашими современными поэтами. Ее доброта была менее известна, и я радуюсь возможности о ней поговорить.

До 1856 года, когда появилось первое издание ее сочинений (у Смирдина), она отдавала весь доход с своих сочинений князю Владимиру Одоевскому для благотворительного общества, основанного в Петербурге этим человеком, великим по сердцу и уму, известным литератором и в то же время глубоким знатоком музыки. На ее руках находилось всегда несколько бедных семей, которых она посещала сама, против желания своей тещи. Она иногда брала и нас с собой, знакомя нас таким образом с ранних лет с нуждой и страданиями. Ее кошелек был всегда открыт для ее друзей.

Сколько литераторов в крайности обращались к ней, не стесняясь, оплачивая ей затем самой черной неблагодарностью и оправдывая поговорку: «Похвали негодяя, он тебя побьет; побей его, он тебя потешит».

Лидия Ростопчина

Г-жа Куантэ, наша добрая наставница, умершая у нас в 1864 году, женщина необыкновенно преданная нам, всегда ссорилась с моей матерью, исполняя должность казначейши. Она напоминала ей красноречиво, что человек, которому она оказывает помощь, сочинял против нее насмешливые или язвительные стихи, как это нередко бывало в лагере «славянофилов». Моя мать принадлежала к более многочисленной партии «западников», отдававших предпочтение европейской цивилизации перед национальным варварством и любивших Францию. Всем известно, до чего доходила партийная ненависть в России и до какой братоубийственной борьбы она доводит. Можно себе представить, как обстояло дело 60 лет тому назад, во время, когда на литературное поприще выступили Некрасов, Белинский, Добролюбов, Чернышевский и их последователи. Вожаки этой партии нападали на мою мать, считая ее виновной в тройном преступлении: в том, что она была богата, имела звание графини и воспевала мысли, недоступные для них. Несколько несчастливых московских литераторов, увлеченных примерами и безнаказанностью — женщина не может защищаться, — дали почувствовать свое ослиное копыто и затем втихомолку приходили за подаванием.

«Да простит Бог этого несчастного, — говорила мать. — Он находится в крайности.

Слушайте, Ментэ (фамильярное прозвище наставницы), перестаньте ворчать. Если денег больше нет, ступайте скорее заложить вот эти драгоценности. Это вопиющая нужда!»

По смерти моей матери все футляры оказались пустыми. Драгоценности были заложены в ломбарде, а деньги розданы московским литераторам, которые позднее смеялись над сочинениями и над суботними собраниями той, у которой они заискивали приглашения! Я глубоко страдала от этой неблагодарности, и если с намерением забыла имена, то эти факты навсегда запечатлелись в моей памяти. Я никогда не забуду чудное свойство моей матери прощать обиды раз навсегда. Нападки писак, считавших себя серьезными критиками, и издевательства славянофилов заставляли ее смеяться к великому негодованию нашему — ее троих детей. Она спешила вручить подавание враждебной руке, умолявшей о помощи, и сокращала свои личные расходы. Не желая платить по счетам, мой отец подарил ей 500000 ассигнациями в полное распоряжение. Она сохранила лишь пятую часть из этих денег, остальное все пошло на подаяния бедным родственникам и на уплату долгов людей близких.

Читатель теперь ознакомился с физическим и нравственным обликом той, которую я с гордостью называю своей матерью. Поговорим о ее происхождении.

Она родилась в Москве 23 декабря 1811 года в доме своего деда с материнской стороны, Ивана Александровича Пашкова, в роскошном жилище, построенном Растрелли в чисто итальянском стиле, напротив Кремлевского сада. Там в настоящее время находится Румянцевский музей. В доме Пашкова помещалась многочисленная семья, между прочими также и молодые супруги Сушковы — Петр Васильевич и Дарья Ивановна — родители моей матери.

В те времена семьи жили под одним кровом. И у Пашкова жили четыре молодых семьи, дочь, неженатые сыновья и целый пансион детей, присланных родными в Москву из провинции для образования. Тесные узы дружбы связывали впоследствии этих товарищей по воспитанию и играм. Они позднее шли рука об руку на жизненном пути! У моей бабушки Сушковой было трое детей: дочь Евдокия и два сына, Сергей и Дмитрий. Рождение последнего стоило ей жизни. Ее муж: поступил на службу в Оренбург, где находились огромные поместья его тестя, которому он поручил воспитание своих детей. Евдокия Сушкова прекрасно владела языками английским, французским и немецким; позднее она изучала итальянский. У нее с ранних лет проявилось поэтическое дарование, которое ей досталось

по наследству от Сушковых, подаривших России несколько выдающихся писателей. Ее стихи давно ходили по рукам, когда об этом наконец узнала ее бабушка Евдокия Николаевна.

Возмущенная при мысли, что девушка аристократического круга могла посвящать свой досуг недостойному занятию, г-жа Пашкова велела позвать виновницу. Взяв икону, она хотела заставить свою внучку дать торжественный обет, что та никогда больше не станет писать стихов. Моя мать избавилась от клятвы, обещав ничего не печатать до своего замужества.

Этот анекдот дает довольно верное понятие о характере и взглядах того времени. Все в доме Пашковых играли с утра до вечера в карты, по московскому обыкновению; это занятие считалось благородным. Но писать стихи, подбирать рифмы, как какой-нибудь бедняк, фи! Некоторые из членов семьи смеялись над молодой «поэтессой», как ее звали в то время. Ей особенно доставалось от старой девы Александры Ивановны. Взяв на себя воспитание своей племянницы, она постоянно ее преследовала за ее красоту, за остроумие и главным образом за порывы ее пылкой, восторженной души. Первое произведение моей матери, «Журнал Зинаиды», сохранило отпечаток страданий, которые ей пришлось испытать в этой среде, богатой роскошью, но бедной мыслью. В эту критическую минуту, когда молодая девушка боролась против ревнивой тетки и завистливых двоюродных сестер, в Москву приехал гр. Андрей Ростопчин. Приезд этого наследника с громким именем, владевшего огромным состоянием, взволновал всех матерей.

<...>

Молодой граф Андрей повиновался матери и поступил в число многочисленных поклонников м-ль Додо, — прозвище данное Сушковой... Несмотря на свою преждевременную плешь, мой отец умел нравиться, когда желал. Он имел важную осанку, прекрасный рост, блестящий и игривый ум; его неуравновешенность проявилась позднее. При этом надо заметить, что смутные времена создают ненормальных людей; на том поколении, которое возникло в России после двенадцатого года, резко отразился умственный переворот той эпохи. Быть может, мой отец больше других современников испытал на себе последствия сильных ощущений, волновавших его родителей. С самого рождения он проявлял вспыльчивость и резкость, но его нрав, сдерживаемый умелой рукой, мог бы дать его нравственному характеру совершенно иное направление...

Когда мой отец познакомился с моей матерью, его недостатки, проявившиеся позднее, были еще незаметны; семья Пашковых, малознакомая с психологией, не обратила на них внимания.

<...>

Свадьба состоялась в церкви Божьей Матери, что на Лубянке, в мае месяце 1833 г. Поселившись в прекрасно заново отделанном доме, молодая чета зажила открыто и давала великолепные балы.

<...>

Мои собственные воспоминания доходят до 1847 г. В то время мы вернулись из-за границы после трехлетнего путешествия, напоминавшего странствование каравана в пустыне...

Мы возвратились в Россию в 1847 году и не останавливались в Петербурге. Моя мать подвергалась немилости государя. Ее вычеркнули из списка лиц, допущенных ко двору, между тем как она всегда получала приглашения на придворные балы в Аничковом дворце и бывала принята в дружеском кружке императрицы. Вот причины этой грозной опалы.

Курьер, который нас сопровождал, был человек грубый и жестокий; немец по происхождению, он ненавидел поляков. Он, не стесняясь, бил несчастных ку-

черов, если они не гнали лошадей по его приказанию. Мой отец оставался равнодушным, но мать глубоко страдала так же, как и я. Его грубость, безответность этих бедняков, несчастный вид крестьян, бедность их жилища — все пробуждало в душе моей матери жалость и негодование. Я нашла у нее воспоминания об этом путешествии, достойные быть изданными. В них есть указание на происхождение знаменитого стихотворения, навлекшего на мою мать гнев государя Николая.

<...>

«Печать глубокого уныния лежит на этом крае, на вид богатом, цветущем и хорошо обработанном. Но благоденствие не может заменить ему свободу, утраченную национальность и военные подвиги прошлого. Эта страна мне напомнила женщину в богатом наряде, живущую среди роскоши. Находясь под властью грубого мужа, она тяготится своим рабством, втайне оплакивая свое богатство».

Идея «Баллады» была создана. Написав ее позднее в Италии, мать отправила ее в Падую 30-го октября 1845 года Булгарину, который ее напечатал в № 284-м «Северной Пчелы». Это стихотворение написано рукой моей матери, как и другое, под заглавием «Молитва святого Антония Падуанского».

<...>

Номер «Северной Пчелы» разбирался нарасхват, и его нельзя было достать.

Полиция, вечно опаздывающая, произвела обыск у всех подписчиков, отбирая запрещенный номер у незнающих людей, чтоб его уничтожить.

Унижение, испытанное моей матерью во время пребывания их величеств в Москве, было мучительно. Она обращалась к генерал-губернатору, графу Арсению Закревскому, с вопросом о своевременности ее представления ко двору вместе с другими дамами из аристократии; граф ей посоветовал записаться в список. Когда список был представлен Николаю Павловичу, государь схватил перо и вычеркнул с такой яростью ее имя, что разорвал бумагу. Закревский, бывший очевидцем его гнева, имел малодушие скрыть от матери это обстоятельство, надеясь, вероятно, что заблудшая овца пройдет незамеченной или что Государь не пожелает поднимать тревоги. Моя мать отправилась спокойно на царский выход, немного смущенная, но полагаясь на доброту императрицы Александры Федоровны, которая к ней всегда относилась благосклонно, принимая ее в дружеском кружке. Я живо помню образ матери в придворном наряде. На ней было муаровое платье соломенного цвета, покрытое испанскими кружевами, с гирляндой фиалок на подоле. Черты ее лица, тонкие как у камен, оттенялись прической с кокошником, украшенным алмазами и опалами.

Она сияла красотой, и мы восхищались ею. Весь дом ее провожал до кареты; она уселась, встречая всеобщее одобрение.

Каково же было наше удивление, когда мать вернулась довольно скоро, ввиду дальнего расстояния от Басманной до Кремля.

«Что случилось?» — воскликнули мы, заметив ее волнение.

«Меня не внесли в список. Церемониймейстер, князь Александр Долгорукий [Брат нашей тетки Надежды Пашковой.], поспешил меня предупредить, показав мне список, и проводил меня до кареты».

В тот же вечер мы узнали подробности происшествия. Как только моя мать появилась под руку с князем в громадном зале, где были собраны все московские дамы, дело объяснилось. Моя мать пользовалась в Москве всеобщей любовью и уважением, Москва ею гордилась, как поэтом. Это изгнание женщины, носящей громкое имя, заслужившее бессмертие в России, было принято как оскорбление для всего общества. Графиня Лидия Нессельроде, дочь графа Закревского, героиня знаменитого романа «*Le dame aux perles*» [«Дама с камелиями» (фр.)]. (*Примеч. сост.*) Дюма-сына, впечатлительная и великодушная по природе, воскликнула,

что государь, выключив из списка графиню Ростопчину, оскорбил всех московских дам, что теперь им только остается удалиться в доказательство их недовольства.

Большинство дам, одобряя ее решение, собирались покинуть зал.

Можно себе представить волнение придворных. Церемониймейстер бросился к выходу, умоляя дам успокоиться, уверяя, что это простая ошибка. Наконец, спокойствие водворилось, и царский прием начался.

<...>

Чтоб не возвращаться к вопросу о знаменитой «Балладе», я должна заметить, что при коронации Александра II моя мать обратилась письменно к княгине Салтыковой, статс-даме ее величества государыни Марии Александровны с просьбой записать нас, мою сестру и меня, в число лиц, желающих представиться их величествам. Я долго сохраняла ответ княгини, выразивший сожаление о том, что государыня не может принять дочерей особы, «заслужившей неудовольствие покойного государя».

<...>

По возвращении из-за границы, мы, Ольга, Виктор и я, знали прекрасно иностранные языки, но совершенно забыли русский.

Благодарная почва для процветания католической религии! Бабушка приложила все старания, чтоб исполнить эту священную задачу; прививка была нелегка и, к несчастью для папизма, оказалась бесплодной.

<...>

Легко понять, с какой яростью эта страшная фанатичка возненавидела женщину, на вид покорную, но с таким геройством исполнявшую свои материнские обязанности, сохраняя своих детей верными православию. Жизнь графини Евдокии превратилась в настоящий ад. Она была вынуждена как можно меньше оставаться дома, чтоб найти покой и отдохновение. Она редко обедала дома и каждый день отправлялась на вечера к своим многочисленным друзьям.

Однажды после одной из подобных сцен, которые возмущали меня по моей природной впечатлительности, сделав меня нервной раньше времени, моя мать печально сказала, обращаясь к Ментэ: «Меня упрекают в том, что я люблю выезды и стараюсь не оставаться дома. Пусть бы мои обвинители попробовали, какова моя домашняя жизнь».

Она знала, что за ней следили шпионы из многочисленной прислуги ее свекрови. Они подслушивали у дверей, подсматривали в стекла внутренней галереи, где раньше играл оркестр, когда давались балы во времена предков.

<...>

Все, что делала молодая графиня, тщательно доносилось старой графине. Последняя знала все о ее гостях: до какого часа у нее сидели, что говорилось, в то время как «святая женщина» ложилась спать в 9 часов.

Известно, что русские ложатся поздно. Старая Басманная далеко от центра, гости оставались иногда до 2-х часов ночи.

Никто не смел запретить матери принимать своих знакомых или друзей или не позволять ей выезжать из дому; могли только ей мстить на детях, и ей мстили без сожаления.

<...>

Отец уступил справедливости доводов и решил покинуть материнский кров. Он приобрел дом Небольсина, расположенный в глубине огромного двора на Садовой, против церкви св. Ермолая, близ Спиридоновки, где мы жили впоследствии. При доме находился прекрасный сад, доставлявший нам большое удовольствие.

Дом был частью перестроен и обращен в настоящий дворец, где картинная га-

лерей и библиотека занимали верхний этаж. Двойная мраморная лестница освещалась окнами из небольшой залы, где стояла красивая статуя в натуральную величину «Девушки, удящей рыбу» Сципиона Фадolini-младшего.

Налево находилась библиотека, громадная комната, занимавшая всю глубину дома, где тысячи томов наполняли шкафы, настолько высокие, что вдоль верхних полок шел помост. На трех гигантских столах были разложены стопками альбомы и коллекции гравюр. На камине белого мрамора — зеркало, соответствовавшее по размерам величине комнаты, было окружено рамой удивительной резной работы, чудесным произведением Брустолони в Венеции. Когда отец продал дом княгине Щербатовой, он оставил ей эту раму — княжеский подарок, над которым княгиня, говорят, только посмеялась. На стенах висели портреты фламандской школы, масляными красками во весь рост, изображавшие Анну Австрийскую и Марию Медичи; затем четыре полотна французской школы: m-lle де ла Вальер, Генриетта Английская и две дамы, фигурирующие в балете, называемом «Четыре времени года».

Направо от залы с нимфой находились две квадратные комнаты в два окна и громадная галерея с зелеными обоями и семью окнами по фасаду, выходившими в сад. Эта галерея предназначалась для пейзажей...

<...>

В 1857 г. наша бедная мать почувствовала первые страдания неумолимой болезни, уже два или три года незаметно подтачивавшей ее силы.

Мать слабела, и душа ее очищалась, понемногу возвышаясь над всем ничтожеством и мелочами человеческой жизни. Она достигла величия перед смертью. Она скоро поняла, что ее положение безнадежно, и приготовилась умереть с чувством глубоко христианскими. Большая почитательница святого митрополита Филарета, она поручила дяде Николаю Сушкову, близкому другу митрополита, испросить у него особого благословения.

<...>

В это же время в Москве находилась другая бедная жертва той же болезни, приятельница матери, подобно ей, пользовавшаяся расположением митрополита. Это была г-жа Новосильцева. Она увидела во сне святителя, вошедшего к ней, благословившего ее и сказавшего: «Теперь я пойду навещу другую больную, страдающую подобно тебе, дочь моя, графиню Евдокию Ростопчину». В эту самую минуту Ментэ, сидевшая около матери, вдруг увидела, что та приподнялась с просветленным лицом, сложила руки, склонила голову, произнесла несколько слов, затем обратилась к Ментэ: «Поскорее, проводите же его, проводите!» — «Кого?» — спросила Ментэ. «Да митрополита! Он приходил меня благословить!»

Когда рассказали об этом Сушкову, тот поспешил справиться у Филарета, что он делал в такой-то день, в такой-то час.

— Я хорошо помню, — отвечал митрополит, — что я молился в церкви за вашу племянницу и г-жу Новосильцеву.

<...>

Утром 3-го декабря матушка сказала сиделке совершенно ясным и отчетливым голосом: «Скажите, чтобы запрягли карету и поехали на Николаевский вокзал встретить брата Дмитрия, прибывшего из Парижа...»

Узнав, что сиделка послала на станцию карету, Ментэ сделала ей выговор: «Ведь вы знаете, что бедная графиня не сознает больше, что говорит, и нам даже неизвестно, где находится Дмитрий Петрович». — «Вот я сам, — отвечал дядя, входивший в эту минуту в комнату. — Приехав в Париж, я узнал от Сергея о болезни сестры и сейчас собрался в путь». Такое проявление ясновиденья имело много свидетелей и вызвало много разговоров во всем городе.

<...>

И все-таки мы не подозревали, что конец так близок! Поэтому мы несколько не удивились, увидав, что к вечеру стали собираться родные и знакомые; их бывало много каждый день, сегодня больше, чем обыкновенно, — вот и все! Говорили шепотом. Около девяти часов — вдруг раздались рыдания отца, которого отвели в его комнату, поддерживая, дядя Дмитрий и старый преданный друг Михаил Рябинин. «Дети мои, — сказала торжественным голосом Александра Пашкова, — молитесь, ваша мать скончалась!»

Нас увели в гостиную на то время, пока покойницу обряжали. Люди взволнованно рассказывали, что за несколько минут до кончины матери наши три бульдога, большие любимцы матушки, лежавшие в коридоре около входной двери, вдруг зловеще завывли, опротивев бросились вниз по лестнице, как будто кто-нибудь за ними гнался, выбежали в дверь, не закрытую кем-либо из посетителей, пролетели по двору, вихрем ворвались к управляющему и забились под кровать, дрожа от испуга.

«Они видели смерть, — сказала г-жа Соколова, — вероятно, графиня скончалась!»

<...>

Солнце светило, снег искрился под его лучами, кладбище казалось окутанным серебряным покровом. Все было так чисто, светло и радостно. Она любила красоту, и красота царила вокруг нее, сопровождая тело до места ее последнего успокоения.

Ирина КАЧУРИНА

«ЗДЕСЬ РОКОТ СЕРДЦА МНЕ СЛЫШНЕЙ...»

(Воронежский край в поэзии Е.П. Ростопчиной)

Воронежский край славен многими литературными именами, среди которых достойное место принадлежит Е.П. Ростопчиной. Эта удивительная поэтесса черпала вдохновение и неповторимую образность своей поэзии там, где ее светлая женская душа находила счастливую возможность единения с природой, простой и разумной народной жизнью, русскими сказками и песнями.

Е.П. Ростопчина — поэт, прозаик, драматург, переводчик и просветительница — вошла в историю как ярчайшая представительница золотого века русской поэзии. В письмах о себе она писала: «Я жила в кротости Пушкина, Крылова, Жуковского... Баратынского, Карамзина... Эти чистые славы наши любили, хвалили, благословляли меня на путь по следам их» [4: 350]. Язык, идейные установки, взгляды на поэзию у Ростопчиной развивались в русле пушкинских поэтических принципов: «...его предвещанье / я в памяти сердца храню как завет» [5: «Две встречи», 1838]. Высоко ценили ее поэтическое творчество П.А. Вяземский, В.А. Жуковский, Н.М. Языков, А.В. Дружинин, Л.Н. Толстой, Ф.И. Тютчев, А.Н. Островский, И.С. Тургенев, М.И. Глинка, которые были частыми гостями ее литературного салона. Более ста отечественных и зарубежных композиторов написали романсы и песни на стихотворения Ростопчиной. Она вела переписку с выдающимися писателями и поэтами того времени. Разнообразные по содержанию произведения, сочиненные поэтессой, печатались в известных столичных журналах: «Современник», «Московский наблюдатель», «Библиотека для творчества», «Современные записки».

Е.П. Ростопчину можно по праву причислить к воронежским поэтам. «Милая воронежская ласточка», как называли ее друзья, долгое время прожила в селе Анна Бобровского уезда Воронежской губернии, в имении своего мужа графа А.Ф. Ростопчина.

Слобода Аннинская существовала с конца XVII в. В 1699 г. по приказу Петра I она была сожжена и возродилась лишь спустя два года как село дворцовых крестьян, переведенных на Битюг из северных уездов России. В XVIII в. земли в Воронежской губернии получил от Павла I канцлер Федор Васильевич Ростопчин (1763–1826) — личность очень своеобразная, противоречивая, оставившая заметный след в истории России: «1796 года 4 декабря по высочайшему повелению Федор Ростопчин получил в вечное и потомственное владение 2000 душ, а в 1797 г. 9 января ему назначены к отдаче дворцовые селения Санкт-Петербургской губернии Шлиссельбургского уезда деревню Шалодиху и Воронежской губернии Бобровского округа селы Масловку и Верхотойды, в коих по последней ревизии 1603, да в селе Анна той же губернии и округа 397, а вообще 2000 душ с принадлежащими по дачам к оным селеньям землями и угодья» [1]. Масловку и Верхотойды Ростопчин отдавал в аренду. В Анне был построен дом, разбит прекрасный парк. Барский дом стоял на высоком берегу, из его окон открывался прекрасный вид на долину Битюга. К реке от дома спускался лиственный лес. Ф.В. Ростопчин стремился вести образцовое хозяйство, используя все новое и полезное из опыта других стран. В Анне он занимался конезаводством и добился больших успехов. Лошади английской и арапской породы с его завода приносили огромный доход. Унаследовал земли и имение младший сын графа, А.Ф. Ростопчин. В 1845 г. из-за материальных проблем он продал казне конный завод, а в 1850 г. — и само имение в Анне графине Авдотье Васильевне Левашовой.

Е.П. Ростопчина впервые приехала с мужем А.Ф. Ростопчиным в имение после свадьбы, летом 1833 г. С этого года по 1842-й Ростопчина жила в Анне каждое лето и осень, а в 1838–1840-х гг. находилась там безвыездно. В Анне родились две дочери и сын: Ольга (1837), Лидия (1838) и Виктор (1839). Зимой 1839 г. одним из первых их посетил А.В. Кольцов. Под впечатлением встречи Кольцов писал В.Ф. Одоевскому 15 февраля 1839 г.: «Ваше сиятельство, любезный князь Владимир Федорович! Недавно я был с вашим письмом у графа и графини Евдокии Петровны Ростопчиной и целый вечер пробыл у них чудесным образом. Что за женщина эта графиня? ... такая встреча невольно погружает душу в сладкое упоительное забвение; забота, горе, нужды как-то принимают другой образ, волнуют душу, — но не рвут, не мучат ее» (Из письма Кн. В. Ф. Одоевскому 15 февраля 1839 г. [2]).

За период жизни в Анне был создан целый сборник стихотворений — «Аннинский цикл», который насчитывал более шестидесяти, как Ростопчина их называла, «мелких» стихотворений, пронизанных трепетными впечатлениями от созерцания природы Воронежского края. «Зачем же сладкою тревогой сердце бьется / При имени твоём, пустынное село, / И ясной думою внезапно расцвело?» — писала поэт в своем стихотворении «Село Анна» [5].

Е.П. Ростопчина изображает пространство в стихотворениях на основе его визуального, слухового, тактильного, а также эмоционального и умозрительного восприятия субъектом речи. Для поэта природа Воронежского края — это «мир дольний», обжитый человеком, в котором он существует как физическая особь, материальный мир с бытовой жизнью. Он представлен, прежде всего, природным пространством (лес, долина, степь, горы), которое существует отдельно от человека, но неразрывно связано с ним, так как является важным жизнеобразующим началом мира и источником вдохновения. Для поэта важна природа, там он находит самого себя:

В уединении он сам собой бывает
И без свидетелей, для самого себя,
Волшебной песнию приветствует природу.

(«И он поэт»; село Анна, 1840)

Природа всегда вдохновляет поэта, и только он способен в своих стихотворениях особым образом воспевать ее богатство, красоту и очарование. Дело поэзии — утверждать прекрасное как истину. Такое понимание вытекает из православного мирозерцания Е.П. Ростопичной, исповедующего победу гармонии и всеединства над хаосом земного мира:

Не беден мир, где вечная природа
Неисчерпаемый мыслителю предмет,
Где чудно висится твердь голубого свода,
Блеск солнца ясного сменяет лунный свет...
Где океан бушует горделиво,
Цветет душистая весна,
И лето сходит знойное на нивы,
И прелесть осени дана!..

(«Болезни века», 1848)

Отдавая дань романтическим традициям, Ростопчина наделяет природу психологизмом, возможностью передавать ощущения человека. Основное «проявление» этого художественного взгляда заключается в антропоморфизации явлений природы: природе в целом — космосу, отдельной стихии, пейзажу, единичной детали — приписываются чувства, характерные для человеческой души. Но творчество поэта, прежде всего, имеет божественную сущность: поэт призван не для того, чтобы, «как наемный запевала, // петь и мечтать природе в дань» [5: «Эльбрус и я», 1836], но для того, чтобы понять природное и постичь ту гармонию, которой ему не хватает в человеческих взаимоотношениях. Как отмечает русский мыслитель В.С. Соловьев, «...механизм всей природы есть только слаженная совокупность для проявления и развития всемирной жизни. Точное изучение механизма в высшей степени важно: оно дает человеку возможность в известной мере управлять естественными явлениями, пользоваться ими для своих целей» [6: 466]. Обретая способность видеть прекрасную сущность природы, понимать ее, лирическая героиня получает неиссякаемый источник вдохновения и гармонии:

Природа, лето, ночь, уединенье, —
Источники прямого наслажденья, —
Их струи не иссякли для меня,
Всегда от них упиться жажду я!

(«Письмо в летнюю ночь», 1852)

В стихотворениях Е.П. Ростопчиной природа и человек образуют единство, поэтому вдохновение поэта созвучно с жизнью природы, которая выступает как участница событий человеческой жизни и проявление Божественной мудрости.

Территория Воронежского края находится преимущественно в лесостепной и степной зонах, поэтому природа в стихотворениях Е.П. Ростопчиной чаще всего репрезентирована двумя топосами: лесом и степью.

Лес в стихотворениях приобретает вполне конкретные характеристики: густой («Изменнице», 1834), дремлющий («Слова на серенаду Шуберта», 1846); он

Евдокия Ростопчина

состоит из «тополей красивых» и «лип роскошных, горделивых» («Осенние листья», 1834), дубов («Сонет», 1835); внутри его границ есть обособленная от человеческого взгляда жизнь:

Когда непогода в лесу¹ забушует
И ветер ломает вершины дубов,
Зачем голубица так жалко воркует,
Зачем притаилась под лиственный кров?..

(«Сонет»; село Анна, 1835)

Е.П. Ростопчина не только изображает лес как целостность, но и рисует его отдельные части, воспроизводит пространственные детали. В стихотворении «Осенние листья», например, листья деревьев становятся хранителями информации о прошлом. Лес выступает как символ преемственности поколений и зримо-го, полного жизни послания из прошлого к настоящему:

Вы, принесенные оброком
С родимых ветвей и вершин, —
Как много дум и откровений,
Как много горестных явлений
И занимательных судьбин
Я вижу в низкой вашей доле!..

(«Осенние листья»; село Анна, 1834)

На примере лесного пространства видна, с одной стороны, скоротечность индивидуальной жизни — деревья погибают и рождаются вновь, — а с другой — вечность смены поколений: столетние деревья изобличают собой связь времен. И все это в поэтике Ростопчиной происходит «на лоне матери-земли» и контролируется величественной природой. Таким образом поэт подчеркивает, что жизнь русского леса своим размахом, всеобщим ритмом и силой развития схожа с человеческим бытием.

Другим, не менее важным пространством в поэзии Е.П. Ростопчиной становится степь. Она характеризуется эпитетами *печальная* («Осенние листья», 1834), *безбрежная* («Месть», 1836), *безжизненная* («Безнадежность», 1836), *далекая* («В степи», 1838). Нахождение в селе Анна вдали от большого света ассоциируется у лирической героини с пребыванием в степи и воспринимается как испытание судьбы:

И я, как вы, осуждена
Не покидать *степи печальной*,
В ней изнывать, тоски полна,
Вотще душой стремясь в *путь дальний*?..
Не вместе ль рок велел страдать,
И век отжить, и умирать
В *своем углу непросвещенном*,
Под небом, вечно омраченным,
И стран желанных не видеть?..

(«Осенние листья»; село Анна, 1834)

Меня враждебный рок здесь к *степи* приковал,
И жизнь моя лишь горькая ошибка!..

(«Безнадежность»; село Анна, 1836)

Образу степи присуща оценочность, его основная функция — выразить авторское отношение к событиям, передать чувства лирического героя читателю. Чаще всего лексема «степь» обладает отрицательной коннотацией, она воспринимается враждебно, но опасности для человека не несет:

¹ Здесь и далее курсив мой. — И.К.

Не заглушит воспоминаний
Затишьем мертвым эта *степь!*..

(«В степи»; село Анна, 1838)

Лирическая героиня способна наполнить времяпровождение в степи своими переживаниями и впечатлениями:

Безжизненная степь
Моею жизнью духовной наполнялась,
Воспоминаньями моими населялась.

(«Село Анна», 1840)

С неизведанным пространством степи тесно связано обжитое людьми пространство — деревня. Отношение Е.П. Ростопчиной к деревенской среде амбивалентно. С одной стороны, это ссылка, где замкнутость и безысходность удручают, а с другой — это смиренный уголок, располагающий к творчеству. Изначально деревня имеет те же характеристики, что и степь, с ней связано негативное миро-восприятие:

В степи далекой
Течет безмолвно жизнь моя...
В деревне, скуке одинокой
Обречена надолго я...

(«В степи»; село Анна, 1838)

В *безжизненной степи*, в безмолвной тишине
Считать года потерянными днями,
Не видеть пред собой ни цели, ни пути,
Отвыкнув ждать, забыть надежды сладость
И молодость губить *в деревне*, взаперти, —
Вот жребий мой, вот жизнь моя и радость!

(«Безнадежность»; село Анна, 1836)

Отрицательная оценка этого пространства доходит до высшей точки в сравнении с «душной могилой»:

Живую в душную могилу
Пусть схоронили в двадцать лет, —
В ней не убьют ни страсть, ни силу!..
Ей мил и люб, ей нужен *свет!*..

(«В степи»; село Анна, 1838)

Но истина заставляет мыслящего автора увидеть обратную сторону этого топоса. Обращаясь к традиции, которая была намечена еще А.С. Пушкиным в стихотворении «Деревня», Ростопчина понимает, что это действительно «приют спокойствия, трудов и вдохновенья» и что нахождение в этом пространстве позволяет «в истине блаженство находить». Ростопчина заключает в своем стихотворении важную мысль:

Вдали от городского шума
Здесь ропот сердца мне слышней,
Свободней пламенная дума,
Мечта отважней и сильней...

(«В степи»; село Анна, 1838)

Деревня позволяет душе поэта почувствовать размеренность уединенного бытия в согласии с собой, помогает сосредоточить мысль на главном: умении видеть, понимать, созерцать и свои впечатления облекать в поэтические строки:

И сердцем освежась и отдохнув душою,
Мыслитель и поэт вернется в шум столичный
К начатому труду, к своей борьбе обычной
Сильней, могучее, бойцом, готовым к бою!

(«В деревне», 1854)

Такое двойственное восприятие пространства деревни в стихотворениях Е.П. Ростопчиной определено не только традициями русской поэзии XIX века, но и персональным мироощущением поэта, менявшимся на протяжении всей ее жизни.

Прожив долгое время в уезде Воронежской губернии, Ростопчина была близко знакома с народным творчеством. Оно стало для нее значимым источником вдохновения наряду с классической литературой. В стихотворениях Е.П. Ростопчиной отражены традиционные фольклорные мотивы, которые знакомы и близки обычному русскому человеку. Они описывают необъятные просторы родной земли, лазурное небо, неукротимые стихии, а также тонкие детали быта. В этих произведениях воплощены представления о материальном и духовном мире, где люди мечтают о свободе, как у сокола, и находят радость и утешение в простой песенке сверчка, как, например, в стихотворении «Домашний друг».

Е.П. Ростопчина активно занималась благотворительностью, изготавливая одежду для нуждающихся и направляя свои гонорары в младенческие приюты. Она также была попечительницей детского приюта в Петербурге. По инициативе поэтессы ее муж, граф Андрей Федорович Ростопчин, возвел в Анне двухэтажную больницу для крестьян. Е.П. Ростопчина стремилась объединить видимое сочувствие с невидимым умом, поскольку она считала, что сострадание к людям является неотъемлемым атрибутом совести и высшей чертой человеческого характера.

В поэтических текстах Е.П. Ростопчиной не встречаются топонимы Воронежского края: есть одно-единственное стихотворение с названием «Село Анна», написанное в 1840 году. В своих произведениях Ростопчина не делала акцент на географической конкретизации описываемого места. Мы можем понять, где и когда написаны стихотворения, из авторских пометок под каждым из них. Это объясняется дневниковостью, свойственной творчеству Ростопчиной. Для нее авторские пометки являются определенным ключом к пониманию стихотворения и состояния, в котором поэт его создавал.

Евдокия Петровна Ростопчиной оставила нам в наследие самобытный взгляд на Воронежский край, чутко запечатленный в строках стихотворений «Аннинского цикла». В них узнаются конкретные приметы аннинского «пейзажа». Например, в стихотворении «Осенние листья» есть строки: «Я в храме древнем, обветшалом молюсь теплей...» [5]. Тогда в Анне действительно стоял старый деревянный храм, на месте которого в конце XIX века была построена церковь Рождества Христова (1899).

В Воронеже и Воронежской области помнят о талантливом поэте и поддерживают интерес к ее творчеству. В декабре 2012 года Аннинской центральной библиотеке было присвоено имя Евдокии Петровны Ростопчиной. Тогда же в Воронеже прошли первые Ростопчинские чтения, по результатам которых был напечатан сборник материалов «Евдокия Ростопчина в отечественной культуре XIX–XXI вв.» (2013). Организаторами чтений стали региональное отделение Союза писателей России при содействии Воронежского государственного педагогического университета и городская специализированная библиотека искусств им. А.С. Пушкина. И поистине знаменательным стал сборник стихотворений, вышедший к 200-летию со дня рождения Е.П. Ростопчиной, под названием «Вы вспомните меня...».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобровский уезд Воронежской губернии [Электронный ресурс]. URL: <https://pomnirod.ru/materialy-k-statyam/administrativno-territorialnoe-delenie-rossijskoj-imperii/gubernii-rossii/voronezhskaya-guberniya/naselennye-mesta-voronezhskoj-gubernii-po-uezdam-i-volostyam/bobrovskij-uezd-voronezhskoj-gubernii.html> (дата обращения: 10.07.2024).
2. Кольцов А.В. Письма. Кн. В. Ф. Одоевскому 15 февраля 1839 г. Воронеж [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=283738&p=13> (дата обращения: 10.07.2024).
3. Кольцова Л.М., Чигирева Е.М. «Да, женская душа должна светиться...». Ключевые слова поэзии Е.П. Ростопчиной // Евдокия Ростопчина в отечественной культуре XIX–XX вв. Первые Ростопчинские чтения, 15 декабря 2012 г.: сборник материалов. — Воронеж: ОАО «Воронежская областная типография», 2013. — С. 21–34.
4. Ростопчина Е.П. Стихотворения. Проза. Письма. — М.: Советская Россия, 1986. — 447 с.
5. Ростопчина Е.П. Стихотворения. 1856 [Электронный ресурс]. URL: az.lib.ru/g/rostopchina_e_p/text_0200.shtml (дата обращения: 01.05.2020).
6. Соловьев В.С. Собрание сочинений. Поэзия Ф. И. Тютчева 1895. Литературная критика. — М.: Современник, 1990. — Т. 6. — С. 466–467.

Анна Королькова

СКАЗКИ

МУДРАЯ МАТЬ

В некотором царстве, государстве, а именно в том, в котором мы живем, в нашей стране, на нашей земле, жила-была мудрая мать. Трудлюбивая была она, приспешница, такую поискать. Детей у нее было много: шесть дочерей и три сына. Один одного лучше, один другого краше, волос в волос, голос в голос. Мать с дочками холст ткет, сыновья в лес на охоту ходят, землю пашут, траву косят. Работали дружно, это так и нужно.

Вот один раз села мать холст ткать кононный, да толстый претолстый. Ткала она с дочками три года, и он стал льняной, да такой тонкий претонкий, как кленовый лист. Что она его дальше ткет, то он тоньше делается, все лучше да крепче. Она ткет, а челнок в ее руках играет, аж по-свистывает. Проткала она его еще двадцать лет, а холст стал шелковый, да такой красивый, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Сыновья тоже работают — поглядеть любо-дорого. Амбары полны всякого добра, на лугах скотина пасется. Сала, яиц, молока, меду — всего вдоволь. Жить-поживать, добро оберегать от врага-злодея, от лютого лиходея.

Пошел старший брат оберегать границы, а сестры да братья ему говорят:

— Иди, дорогой наш брат, нас много, будем также хорошо работать.

Пошел и второй, средний брат, во флот, охранять берега. Сестры и брат говорят:

— Иди, дорогой наш брат, а мы и одни управимся.

Живут на радость друзьям, на зависть врагам.

Но вот грянула война, да такая, что старики не упомнят. От лязга, грохота железного земля сотрясается, леса темные преклоняются. Летят по небу хищники смертоносные, рвутся бомбы взрывчатые, рушатся города каменные.

Не усидеть младшему брату.

Говорит он матери:

— Матушка, отпусти меня на войну, хочу за Родину постоять, врагов лихих отогнать, чтоб и впредь неповадно им было на нашу землю ходить, смердить и мержить.

— Ой, мое дитяtko, — говорит мать. — Ты еще молод. А уж если так хочешь — вот тебе три загадки: отгадаешь — быть по-твоему:

«Что самое дорогое?
Кто сильнее всех?
И кто милее всего?»

Думал сын день, думал два, а на третий отвечает:

— Самое дорогое — Родина, сильнее всех — Красная Армия, милее всего — матушка.

— Хорошо, — говорит мать. — Быть по-твоему. Вот тебе конь.

Подводит ему коня, а конь стальной, в длину — от копыта до копыта — рукой не достать.

— Вот тебе, сынок, мой материнский подарок. Владей — не изнашивай, врагов бей — не спрашивай.

Остригла мать его кудри, положила себе на грудь. Сына проводила в дальний путь.

Бьется сын со врагами, а мать ткет-ткет холст, да посмотрит на кудри. Вьются кудри, завиваются, сердце материнское радуется: раз кудри вьются, то и сынок жив.

Посмотрела раз на кудри, а они завяли, почернели. Заплакала мать, значит, плохо сыну, трудно.

Как быть, как беду избыть?

Быстро собралась мудрая мать, захватила с собой натканное полотно. Долго ли она ехала, это ей лучше всего знать, а мне сказку продолжай. Вот приехала она на бранное поле. Гул такой, что земля дрожит, солнце красное в дыму померкло. Видит: лежат убитые, фуражкой накрытые, кто вниз лицом, кто землей присыпан. Ходит мудрая мать по полю, хочется ей опознать своего сына убитого. Одному повернет голову, другому. До кого только дотронется, тот оживает и опять в бой идет. Долго ходила мудрая мать и видит: у ракитового куста конь железный стоит, а около коня сын-герой кровавую рану рукой закрывает. Ухватила мать его за руку. Встал сын на ноги.

Улыбнулась мать.

— Эх ты, мой сердечный сын!

Обняла его, смыла кровь слезами радости.

А враги стеной идут, куда ни посмотрит — везде враги зубы скалят, на языке собачьем кричат. Заслонила мать своего сына от пуль вражьих, вынула шелковое полотно, развернулось оно цветом алым.

Крикнула мать громким голосом:

— Вперед, дети мои, истребим врага лютого!

И сколько было бойцов: кто убит, кто раненый, кто усталый — все поднялись и пошли за матерью-героиней.

Испугались враги, когда увидели, что мертвые и раненые поднялись.

— Красную Армию, — говорят они, — не победить, бойцы ее бессмертны.

Побежали изверги, и усеялось поле их трупами черными, словно черным вороньем.

Собрались бойцы вокруг матери, а она им говорит:

— Победили мы супостатов-злодеев. Не устоять им было перед нашим алым знаменем: ткала я его не год и не два, а много лет. И с каждым днем оно становилось крепче.

И был праздник, да такой, что никому и не снилось такое веселье. Пировали и малые, и старые. И я на пиру была и вас приглашаю пирожка закусить, винцом запить.

ВЕРНАЯ ЖЕНА КНЯЗЯ ПЕТРА

В некотором царстве, в некотором государстве, старые люди говорят в том, в котором мы живем, это было давным-давно, когда еще княжество было. Вот были князья, два брата — Михаил Александрович и Петр Александрович.

Старший брат Михаил был женатый. Жена у него была разумная, красивая, и жили они с Михаилом в любви и согласии. Часто князь Михаил отъезжал по своим делам, даже в другие земли ездил, а княгиня всегда была дома. Вот однажды князь уехал надолго, а к княгине кто-то стал ходить, какая-то неведомая сила. Сперва княгиня боялась, а потом стала разговаривать. И так это было долго.

Приехал когда князь, видит — она очень похудала. Он спрашивает:

— Что ты? Что с тобой, али заболела?

Она говорит:

— Нет. Какая-то неведомая сила ко мне ходит, колдун ли или что, и при тебе ходит, только вы выходите, является какая-то неведомая сила, колдун ли или что, в виде мужчины влетает в окно и меня беспокоит, мне страшно.

А муж ей и говорит:

— А нельзя ли как его загубить?

— Да уж он больно великий и могучий.

— Ну, узнай, отчего он может умереть. Допытайся, чтоб он не узнал. Вот является опять к ней неведомая сила, а она и говорит:

— Мне жаль вас, ведь муж дома, он может вас загубить.

А нечистый и говорит:

— Нет, он меня не убьет. Я могу погибнуть только от его родственника — от Петрова плеча да от булатного меча. А меч трудно достать, над ним сторожа стоят.

— Где же он, этот меч?

— Он в Девичьем монастыре, в стене заложенный, в городе Ерусалиме.

Он когда улетел, княгиня сказала князю. А он подумал: «Не Петр ли этот родственник? Он больно могучий, красивый, сильный».

Он позвал Петра и рассказал ему.

— Вот к моей жене летает нечистая сила, а убить ее можете только вы булатным мечом, а меч закладен в стене в Девичьем монастыре.

Петр тут же закладывает коня и поехал в Ерусалим в Девичий монастырь. Узнал, в какой он стене заложен, подкупил сторожей; пожертвовал им на монастырь пригоршни золота. Достали ему этот меч, он сел и поехал.

Приехал он с этим мечом и притаился в спальне у княгини. Только он появился, нечистая сила, а Петр ударил его наотмашь, как колдунов бьют, по шее. Так колдунычья голова покатила под задние ворота, а кровь брызнула и всего обрызгала Петра.

Его, этого дьявола, убрали, все примыли, пообтерли и тихо, спокойно стало в доме. Никто не беспокоит княгиню.

Через несколько дней, пять или шесть, появляются у Петра на руках, на лице прыщи. Они мокли, чесались, был страшный зуд, и вскоре покрылось все тело коростой. Куда, куда Петр ни обращался, всех врачей объездил по своему княжеству, никто не мог его излечить. Ну, некуда было деваться. У князя был старый-престарый слуга, он ему и говорит:

— Вы бы, князь, обратились к старухам, может, кто бы и заговорил или залечил, раз доктора прямо отказались наотрез лечить.

Тогда Петр решил, запрягли карету четверкой лошадей и поехали из села в село искать бабку, может, кто и вылечит. Проехали они день, два, три, приехали в одно село, спрашивают в крайней избе:

— Нет ли у вас такой бабушки, которая может лечить?

— Есть. Тут, на нашей слободе, спрашивайте, есть бабка-повитуха. Она и детей повивает, она и лечит, а звать ее Домна.

Едут по деревне, спрашивают. Нашли. Приходят к ней.

— Бабка Домна, вот князь заболел, доктора отказались.

— Где он?

— Да вот, в карете.

— Приведите его ко мне.

Привели. Посмотрела бабка.

— Нет, это я не умею лечить, такую болезнь. Чай, уж она неизлечима.

Они и поехали дальше. Приезжают в другое село. Спрашивают. Им указывают.

— Старик есть, Афанасий Павлович, на дальней слободе, он лечит.

Поехали к нему. Приходят. Просят:

— Афанасий Павлович, не возьметесь ли вылечить нашего князя, все доктора отказались?

— Нет, — говорит, — эту болезнь я лечить не умею. А вот, я слышал, от нашего села верст тридцать [есть] шлях, поедете шляхом, приедете в село, а там есть девушка-красавица, два аршина коса, руки у ней не простые, а от перста до локтей золотые. Вы ее попросите.

Слуга поблагодарил деда за совет и поехали в это село. Приезжают в это село, спрашивают.

— Да, — говорят, — есть такая девушка. Поедете дальше, там стоит хатка, до половины в землю провалилась, а окна и дверь на бок похилились. Она там живет. Девушка эта кое-кого вылечивает. Ну, она красавица, брови черные, волосы вьющиеся, как у барашка, лицо белое, грудь высокая, сама у матушки приспешница, у нас ее на селе семиделкой прозвали. Она может три дела сразу делать.

— Как же она так?

— Да так, одной ногой дитя в люльке качает, другой прялку вертит, под мышкой юрок держит, она нитки сучит, в фартуке клубок, а в руках у ней чулок, она вяжет. Это мы сами сколько раз видели своими глазами.

Ну и поехали. Они едут и глядят. И увидели. Вот она, хатка, наполовину в землю провалилась. Остановили лошадь, и пошел слуга к ним. Входит.

— Здорово, красная девушка.

— Поди здорово, добрый человек.

— Не слышали ли вы, князь Петр заболел?

— А где он?

— Да вон, в повозке.

— Позови, погляжу, какова болезнь у него.

Князь когда вошел, ему сразу стало тепло и прекратился зуд, сразу полегчало. Когда он вошел, она сидела, прядла лен. Она приподнялась, поглядела:

— Да, это вылечу, но с таким условием: как вылечу, чтоб ты меня взял замуж, а нет, я больше с вас ничего не возьму и лечить не буду.

Князь посмотрел на нее, и она полюбилась ему. Она показалась ему особо ласковой. Он сказал:

— Хорошо, как вылечишь, так женюсь на тебе.

Девушка взяла стаканчик, положила несколько корочек масла и катушек ртути, заставила князя это масло с ртутью смешать, пока ртуть вся не рассыплется в масле. Он масло с ртутью стирает, а она прядет. Подошла, посмотрела: «Нет, еще растирайте, блески видно».

Когда он смешал, что простым глазом не видно ртуть, она подошла к суднице и что-то еще или влила, или всыпала. Он не заметил. Помешала, подала ему и сказала:

— Тут нельзя лечить, приедете домой и вымойтесь теплой водой, все смойте и сотрите, измажьте всю мазь, а один пупышек на животе оставьте, а стакан перешвырните через речку.

Что было сказано, Петр все сделал, и через трое суток все ссыпалось с него, как скорлупа, как будто ничего и не было. Тут Петр стал думать, как тут быть — жениться ему или не жениться. Она ему понравилась страсть как, да будут ли придворные довольны, будут ли признавать ее княгиней. И порешил он отослать ей подарки.

Двенадцать подвод нагрузил, наложил бархату, шелку, манчестеру. Она, думает, будет рада, ведь бедная крестьянка. И письмо послал.

— Зачитайте ей, что я жениться не могу, как она мужицкого звания.

Привозят эти ей дары, входит к ней человек и говорит:

— Вот, девушка, привезли вам дары двенадцать подвод, что вашей душе угодно, за то, что вылечили князя Петра, а жениться на вас он не может. Вы девушка простая, крестьянская, а он князь.

Она говорит:

— А какая это разница — крестьянка с князем? Они должны быть два сердца, один дух.

— Да вот наш князь-батюшка ученый, а ты не ученая.

— Разве вы не знаете старую пословицу: «Ученых много, да умных мало». Скажи спасибо князю, но я ничего не возьму. Уговор дороже денег.

Они обернулись и повезли обоз обратно. Только повернули лошадей, а у князя поднялся зуд, и он начал болеть, и опять все стало мокнуть.

Как они приехали, а он такой же, как был, чуть не гнилой.

Велел князь заложить карету, запрягли шесть лошадей и опять поехали к ней. Приехали к ней, князь сразу взял ее за руку, упал на колени и говорит:

— Вы будете моей женой, а я на всю жизнь буду вам верным мужем. Только вылечи меня.

А она отвечает:

— А я буду на весь век верная тебе жена. Будем весь век жить, друг друга любить и при жизни гроб закажем, когда помрем, вместе ляжем.

Он прямо сразу взял ее и поехал с ней домой. Как вылечится — и сразу же за свадебку. Привез ее в княжество. Через три дня был здоров, вылез, приказал ей к венцу собираться. Отслужили молебен в Никоновском соборе, приняли венцы и стали жить-поживать в любви и согласии.

Ефросинью Николаевну невзлюбили жены придворных. Они шепчутся, перешептываются, и мужьям говорят:

— Не будем мы ей подчиняться, она — простая крестьянка.

— Да она хорошая, разумная.

— Что ж такого, что она хорошая, с хорошего лица воду не пить — это не полагается.

А мужья говорят:

— А ума-разума не купить, он не продается. Видите, какая она разумная.

А жены опять свое:

— А что же, ум впереди на тарелке несут? Мы не можем на нее глядеть, деревенщину.

Пошли мужья к князю, приходят и просят его:

— Князь ты наш, Петр-батюшка, пришли мы к вам с просьбой. Наши жены никак не хотят видеть Ефросинью. Во дворце не хотят ей подчиняться, нельзя ли ее увести назад, где она была? Разве тебе не найдется жена богатая, благородная, ученая, письменная. Что же? Она ведь крестьянка неученая.

А Петр говорит:

— Не могу я ей это сказать, поговорите с ней сами. Если она согласится, быть по-вашему.

Они обрадовались. Пришли к женам, говорят:

— Петр согласен, только, говорит, поговорите сами с ней.

Жены обрадовались. Обдумали вечером собраться: «Все настряпаем, народ пригласим, нарядимся и позовем Петра с Ефросиньей».

Вот собрались. Все пляшут, веселятся, а потом окружили ее и говорят:

— Милостивая наша княгиня, Ефросинья Николаевна, в чем мы тебя будем просить, не откажи нам.

А она сказала:

— Не откажу вам, что вам нужно?

— Оставь наше княжество, уезжай в свою деревню и возьми, что хочешь. А то нам обидно тебя княгиней звать. Ты роду деревенского, а мы благородные. А мы тебя наградим, чем ты пожелаешь.

Она говорит:

— Хорошо. Только вы мне дайте, что я попрошу.

— Хорошо, возьми, что хочешь.

— Не прошу я у вас злата-серебра, шелка-бархата, ничего не надо мне. Только отдайте мне князя Петра.

Они сказали:

— Да возьми, только чтоб не было тут тебя.

Петр согласился, хотел набрать двенадцать подвод и ехать. А Ефросинья говорит:

— Не надо, Петр, не бери ничего, запрягай одну подводу, поедем, поживем — наживем.

Запрягли они рабочую лошадь в рыдван, сели, доехали. Не отъехали пяти верст, как прискакал гонец и шумит князю Петру:

— Война началась, недруги идут. Малых и старых бьют, села и города жгут.

Бояре вперед заскакали и наказали:

— Батюшка ты наш, князь Петр и княгиня Ефросинья, не бросайте нас при таком горе, недруги идут, малых и старых бьют, села и города жгут.

Петр не хотел ворочаться, а Ефросинья сказала:

— Этого делать нельзя. Родину никто не бросает.

Вернулись. Петр собрал свою сильную дружину, пошли все: и малые, и старые, и мужики, и бабы, разбили врага наголову. И стали жить мирно, поживать. Уже старые стали, седые. Петр заболел. Они еще с молодых лет договорились вместе помирать, в один день и один час. Он лежал, болел, а она воздух вышивала. Он посылает к ней слугу в иную комнату:

— Скажите Ефросинье, что я вот-вот умираю.

Она говорит:

— Скажите Петру, пусть подождет, я воздух вышиваю, тут немножко осталось, а то без меня никто не дошьет.

Верный слуга пришел, сказал Петру. Он повременил, а потом говорит:

— Поди, скажи Ефросинье — я представляюсь. Из себя дыхну, а в себя не жду.

Слуга пошел и говорит:

— Ефросинья Николаевна, Петр-батюшка уже представляется.

Ефросинья встала, иголочку в воздух воткнула, шелком обмотала. Положила на стол и пошла. Подошла, поклонилась в пояс.

— Ну, Петр, я готова.

Легла рядом, и померли они.

Все об них жалковали. Петр завещал, чтобы их в одном гробу хоронить, а бояре сделали два гроба, рядом поставили в церкви. Утром приходят, а они в одном гробу, а этот порожний. До двух раз так было, а в третий преосвященный сказал:

— Значит, этому так быть.

Велел сделать гроб широкий, положили их рядом и похоронили.

А на их могиле черемуху посадили. Эта черемуха растет и цветет и посейчас.

ДВА СОСЕДА

Жили-были два соседа. Один был бедный, а другой богатый. Поехали они пахать. Пашут, пашут. У бедного лошадь ожеребилась. А у богатого был конек. Он видит — бедный спит. Он взял и привязал жеребенка к своему рыдвану. Бедный встал, увидал и говорит:

— Сосед, да ведь это мой жеребенок. Моя лошадь ожеребилась: он видит, у нее бока опали.

А богатый говорит:

— Нет, это мой.

— Да ведь у тебя конек!

— А это рыдван ожеребился.

Так и не отдает.

Стали судиться. Подали на волостной суд — присудили богатому. Подали на земский — присудили богатому. Подали в окружной, в губернию. Судили, двенадцать человек гласных сидели — присудили богатому. Все твердят: рыдван ожеребился. Дошло дело до самого царя.

Когда царь все узнал, то сказал:

— Тому жеребенка отдам, кто отгадает три загадки. Что быстрее всего на свете? Что жирнее всего на свете? Что мягче всего на свете? Ответы можно дать через три дня.

Ну, приехал богатый мужик домой. Думает-думает, а надумать ничего не может. У него была мать. Она и говорит:

— А ты, Васька, скажи: есть ли на свете что быстрее нашей кобылы Любки, а жирнее нашего борова Васьки, а мягче-то всего перина пуховая.

А бедный подумал-подумал:

— Схожу-ка я к старику Опенке посоветуюсь.

У них старуха жила бедная-бедная. Двадцать два человека детей. А старик у нее — Опенкой его прозвали, что детей дюже много.

— Пойду к Опенке, к деду, посоветуюсь, как мне быть.

Пришел к деду. Стал советоваться.

— Ну, — говорит, — как мне царские задачи разрешить?

— А что за задачи такие?

— Да так и так.

— Это надо спросить у матушки. Ей уже сто семьдесят два года.

— А где она?

— Да вот, в теплушке, мы ей сделали. Она, может, знает. Ведь она уже почти два века прожила.

Пошел к ней беднячок в теплушку.

— Тетка Марфа, вот так и так. Не знаешь ли ты, что на свете всего быстрее, что всего жирнее и что всего мягче?

Она и говорит:

— Если тебя царь спросит, что всего быстрее, ты скажи — мысль, а что жирнее всего — мать сыра-земля, в ней больше всего жиров и соков, на ней все расцветает, она всех питает, а что мягче всего — мягче всего своя ладонь. Какая бы ни была мягкая подушка, все человек ладонь под щеку подложит.

Поехали к царю, доложили. Царь говорит:

— Ты сам отгадал?

— Да нет. У нас бабушка Марфа. Ей сто семьдесят два года.

— Если она такая удалая, пусть выткет мне рубашку, чтобы рубцов не было.

Приходит беднячок к бабушке Марфе.

— Вот так и так, велел царь выткать рубашку, чтобы рубцов не было.

Она взяла веник бересклетовый, вынула одну жестиночку бересклетовую, тоненькую, в спичку.

— Отнеси, говорит, царю. Если он из этой палочки сделает стан, вытку такую рубашку, как ему нужно.

Он пошел. Царь посмотрел.

— Нет, из этой палочки стан не выйдет. Нельзя сделать. Еще, — говорит, — почему такая пословица есть: «На весь мир не испечешь блин»? Пусть твоя старуха ответит.

Бабушка Марфа сказала:

— Потому, что такой сковородки большой нету.

Так и отсудил жеребенка своего Василий Никитич. А он оказался кобылкой. Девять жеребят ему принесла. С тех пор стал он жить да бабушку Марфу благодарить. Вот так и пословица лежит: «Век прожить — не поле перейти». Побольше поживешь — побольше узнаешь.

ЗОЛОТОЙ СУНДУЧОК

В едва памятные времена, рассказывала старуха одна, будто бы в их селе протекала быстрая река. На берегу речки стояла верба. Под вербой стояла избушка, в ней жили старик и старушка. У них было два сына. Большой сын оказался богатырем.

Когда он возрос, стало ему девятнадцать лет, он отпросился у отца и у матери походить по земле, поглядеть белый свет.

Однажды он идет по чистому полю, встречаются с ним две девушки. Одного они возраста. И обе они такие красивые, что глаз не отвести. Косы у них русые, ниже пояса. В косах у них ленты алые. Сами они девы brave. Только одна была обута в сафьянных красных сапожках на высоких каблучках, на каждом каблучке две подковки, одна золотая, другая серебряная, а другая была в простых черевичках. Они ему так понравились, что не может он глаз отвести и решил он на одной жениться. И он спросил:

— Кто вы, красны девушки, какого роду-племени?

Какая в сапожках отвечала:

— Я дочь одного известного богача Линникова, а она служанка моя.

Он сказал:

— Кому я нравлюсь из вас, подайте мне руку.

Купецкая дочь подала руку.

Он взял ее и сказал:

— Ты будешь моей женою.

А она сказала своей подруге:

— А ты, как была, так и будешь моей служанкой.

И пошли они втроем. Дошли до ближайшего города и стали жить.

У богатыря было много золота-серебра. Богатую девушку звали Дуныша, а служанку — Наташа. Жену богатыря звали Евдокия Николаевна. Евдокии Николаевне отец дал богатое приданое. Много дал земли, леса и скота всякого. Они живут богато. У них был кучер, он очень нравился богатырю. Кучер женился на служанке Наташе. Вот они и живут.

Этого русского богатыря звали Дмитрием, ему хочется пойти в дикую степь постранствовать, но он боится жену оставить, как бы она не полюбила другого. И поехать он не мог, коня у него богатырского не было. Он тогда заказал маленький золотой сундучок. Там были хрустальные окошечки. И положил туда лебяжью перину. Посадил богатырь туда Евдокию Николаевну. Там можно было сидеть и спать.

Взял он сундучок на плечо и пошел.

Идет дня два, три. Остановится на степи, откроет сундучок. Она выйдет, они покушают, поговорят. Она сядет, ножки вытянет, он положит ей голову на колени и спит богатырским сном так, что его разбудить нельзя, пока сам не проснется. Проснется, натянет лук, убьет дичь. Сварят, съедят. Он запрет ее в сундучок, пойдет дальше.

Однажды остановился богатырь на опушке леса. Покушали, поговорили, она села, он ей голову на колени и заснул богатырским сном.

А с охоты шел царевич, вышел он из лесу и увидел ее. Он не дошел до нее несколько и остановился. Так она ему понравилась, что не может и глаз отвести. Глаза у нее были темно-голубые, как в самый прозрачный день небо. Лицо ее было белое, как снег. Брови ее черные, как бархат. Волосы ее были темно-русые и кудрявые, и такие длинные, что закрыва-

ли плечи и спину и лежали даже на степи... Царевичу показалось, что это морская волна. Он стоит и молчит. А она говорит:

— Что ж стоите, подходите ближе, кто вы такой?

— Я царевич.

— Подойдите, подарите мне колечко со своего перста.

— Я бы подошел и подарил, да боюсь: у тебя на коленях богатырь спит.

— А как же другие царевичи не боялись, вон они мне сколько надарили.

И показала низку колец. Он подошел. Снял с мизинного перста золотой перстень с голубой подчернью и подал ей. Она сказала:

— Вы на охоте были, устали. Лягте в мой золотой сундучок, поотдохните.

Он влез в сундучок и лег на лебяжью перину.

Богатырь проснулся и спрашивает:

— Долго ли я спал?

— Три дня и три ночи.

— Надо итти, продолжать путь дальше. Мне нужно подойти вовремя, куда я спешу. Полезай в сундучок.

Она влезла, он положил за плечи и пошел. Так он и шел чистыми полями, бархатными лугами, дремучими лесами.

И ходил он так много лет. Стал он стареть. Тяжело ему стало носить сундук, он и думает: «Дай я его открою, выпущу ее. Пусть ходит со мной. Теперь она уже ни в кого не влюбится».

Открыл, а там их двое: жена и царевич. Он говорит:

— Э-э, недаром мне было тяжело. Я их двоих носил. Надо было помнить мне пословицу, что противная лошадь семь раз в день думает хозяина копытом убить, а красивая жена думает семь раз в день мужу изменить, другого полюбить.

НЕМАЛ ЧЕЛОВЕК

В некотором царстве, в некотором государстве, не помню когда, в какие года, жил-был царь. Была у него дочь, да такая красавица, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Очень любил царь свою дочь, берег ее, никуда от себя не отпускал. Воспитывалась она взаперти, с мамушками да с нянюшками, до восемнадцати лет.

Вот однажды царевна говорит отцу:

— Разреши мне погулять в саду около пруда.

— Хорошо, — говорит царь. — Иди. Но и я с тобой пойду.

Пошли они в сад со всей своей свитой. В саду красиво, птички поют, розы цветут. Погуляли, погуляли, царь и говорит:

— Дочка, уже поздно, пора домой.

А царевна отвечает:

— Позволь мне побыть здесь еще несколько минут. Наскучило взаперти сидеть.

Разрешил царь дочке погулять еще. Вдруг поднялся вихрь и унес царевну. Искали, искали ее, так и не нашли. Кликнул тогда царь клич:

— Кто найдет мою дочь, за того замуж ее отдам. И полгосударства — в приданое.

Много было охотников взять в жены царскую дочь. Многие искали ее. Но либо возвращались ни с чем, либо совсем пропадали.

Вот однажды приходит к царю кучер Лука и говорит:

— Царь-батюшка! Дозволь мне идти искать твою любимую дочь. Только дай мне корабль да запасов разных на три года на семь человек. Поедут со мной мои старшие братья.

Снарядил царь корабль, и поплыли они.

Вот плывут месяц, другой, а может, и больше. Ничего кругом не видно, только волны бушуют. Вдруг показался небольшой остров. Подплыли они ближе. Видят, стоит хатка, не велика, не мала, из трубы дым идет. Бросили они якорь. Лука говорит старшему брату:

— Ты оставайся на корабле, а мы посмотрим, кто там есть.

Заходят они в хату. Глядят, печь топится, стол стоит, у стола длинная лавка, а людей никого нет. Крикнул Лука:

— Есть ли хозяин в доме?

Нет ответа.

Лука тогда говорит:

— Будем по старшинству избу караулить. Ты, Андрей, оставайся, вари кашу, а мы пойдем по острову побродим, может, какую дичь уьем.

Как сказал Лука, так и сделали. Андрей взялся кашу варить, а все остальные отправились в поход.

Только Андрей сварил кашу, вдруг входит немал человек, под потолок ростом, и говорит громким голосом:

— Здорово, Андрей!

— Здорово! А откуда ты меня знаешь?

— Да я вас всех знаю. Подавай кашу, я есть хочу!

Андрей отвечает:

— Вас таких много найдется. Я для своих братьев кашу варю.

Немал человек дал Андрею щелчок в лоб, так тот и покатился под стол. Сам к столу сел, всю кашу съел и пошел.

Приходят братья, а Андрей только кашу заваривает. Братья спрашивают:

— Что же ты так долго кашу варишь?

— Дрова сырые, — говорит Андрей. — Еле печь разжег.

Сварили кашу, поели, легли спать.

На другой день остается брат Кирилл. Набрал дровишек, растопил печь, стал кашу варить. Вот уже и каша готова. Вдруг входит немал человек, ростом под потолок, и говорит:

— Давай кашу. Я есть хочу.

А Кирилл отвечает:

— Вас таких много!

Тут немал человек дал ему щелчок в лоб. Кирилл так и покатился под стол. А немал человек сел, кашу поел, котел опрокинул и ушел.

Поднялся Кирилл, принялся котел мыть. Тут и братья приходят.

— Почему каша не готова?

— Да что-то занемог.

Братья быстро растопили печь, сварили кашу, поели и улеглись спать.

Наутро брат Антон остался. И с ним то же было, что и со старшими. Так дежурили они все, пока не пришла очередь Луки.

Только братья ушли, Лука разжег огонь, поставил котелок с водой. Дрова горят жарко, вода закипела, он засыпал пшено. Скоро и каша сварилась. Сидит Лука и думает: «Почему это у братьев так долго каша варилась, а у меня уже готова?»

Только подумал, открывается дверь, входит немал человек, под потолок ростом:

— Ты тут, Лука?

— Откуда ты меня знаешь?

— А я вас всех знаю, — говорит немал человек. — Ну-ка, давай кашу.

Лука говорит:

— Для хорошего человека каши не жалко. Погоди, я еще выпить принесу.

Сбежал Лука на корабль, взял бочонок вина, вернулся в избушку.

— Давай, — говорит, — выпьем сперва, а тогда и кашу будем есть.

Налил по кружке вина. Немал человек одним глотком выпил, а Лука за спину вылил. Так они и пили, кружка за кружкой, пока весь бочонок не опорожнили.

Немал человек говорит:

— Хочу еще!

Лука еще бочонок принес. Немал человек и этот выпил.

— А теперь, — говорит, — я отдохну.

Снял свою голову с плеч, положил на лавку, сам рядом лег и уснул.

Лука, не будь дурак, взял голову и положил под лавку. Сел, братьев ждет.

Приходят братья. Лука говорит:

— Что же вы так долго гуляли? Я заждался, и каша стынет.

Поели братья, увидели бочонок, спрашивают:

— Брат Лука! Что же ты вино пил, а нас не угостил?

Лука отвечает:

— Я гостя угощал.

— Где же твой гость?

— А вон, видите, сам на лавке, а голова под лавкой.

Посмотрели братья и говорят Луке:

— Зачем же ты голову под лавку положил?

— Да потому, что он колдун! Если бы голова рядом лежала, то снова бы к туловищу приросла.

Вот собрались братья спать ложиться. Вдруг слышит Лука — что-то звякнуло. Посмотрел — а около лавки связка ключей валяется. Поднял их Лука и думает: «От чего эти ключи?»

Стал кругом осматриваться. Видит, в углу замочная скважина. Воткнул в нее ключ, дверь сразу открылась. А там полно человеческих костей.

Закрыл Лука дверь и думает: «Вот что он с людьми делал, которые в его лачугу попадали».

Стал еще искать в стене дверь. Нашел. Открыл и обмер: чего там только нет — и шелк, и бархат, и парча, и золото, и камни самоцветные.

Закрыл и эту дверь, а рядом еще одна.

Открывает он последнюю дверь. Там сидит красавица-царевна и плачет. Увидела его и говорит:

— Милый человек, зачем ты сюда пришел? Колдун услышит — и погибнешь ты. Ведь ты сюда не первый пришел.

— Не печалься, моя красавица, — отвечает Лука. — Теперь он никогда не проснется.

Обрадовалась царевна и говорит:

— Будь тогда моим любимым мужем, а я буду твоей верной женой.

Сняла со своей руки золотой перстень и подала ему.

Поцеловал ее Лука и объявил:

— Завтра рано утром отплываем домой, к твоему батюшке. Будь готова.

Разбудил братьев и рассказал им все.

— Что будем делать? — спрашивает.

Старший брат говорит:

— Богатство поделим. А красавица царевна пусть будет твоей женой.

Ведь ты ее спас.

Согласились братья.

Утром отвели они на корабль царевну. Погрузили все богатство. Подняли паруса. Совсем уже в обратный путь собрались, как вдруг вспомнил Лука, что забыл в избушке перстень, который царевна ему дала.

— Подождите меня, — говорит, — я за перстнем сбегаю.

Только сошел на берег, взял перстень, вдруг поднялся сильный ветер, надул паруса и угнал корабль в море.

Что делать? Постоял Лука и пошел куда глаза глядят.

Шел он день, шел другой, шел третий. Видит, старый старик стадо пасет. Подходит Лука ближе и говорит:

— Здорово, добрый человек!

— Здорово, милый! — отвечает старик. — Как ты сюда попал? Я ведь тут с молодых лет и никого еще не встречал.

Рассказал ему Лука все, что с ним было.

Говорит старик:

— Оставайся у меня работать — стадо пасти. Поработаешь три года, я тебя награжу и в путь снаряжу. Как раз управишься поспеть на свою свадьбу.

Три года пас Лука у старика стадо. Вот уже и срок подошел. Спрашивает Лука:

— Что же ты мне дашь за мои труды? Посмотрел старик на Луку и говорит:

— Работал ты хорошо, по совести, и награжу я тебя по заслугам.

Приводит старик лошадь, а она такая старая да худая, что еле на ногах стоит. Снимает с себя старик рваную шапку, достает из кармана ржавый пятак, подает Луке. Делать нечего, надел Лука шапку, взял пятак и поехал.

Ехал, ехал, лошадь едва шагом плетется. Запечалился Лука: «Так я домой и за десять лет не доеду». Надвинул с горя на брови шапку, а лошадь вдруг как рванет с места. Лука так и ахнул: «Откуда только у такой клячи прыть взялась?» Помчался Лука выше леса, выше гор, чуть пониже облаков ходячих.

«Дело тут не простое, — думает Лука. — Дай-ка я еще на пятак посмотрю».

Достал пятак, переложил из кармана в карман, — глядь, в обоих карманах по пятаку стало.

Летит Лука на коне, пятаками в карманах позвякивает. Вот уже и русское государство показалось.

А царевна его все время ждала. Всем женихам отказывала. С утра до вечера на дорогу поглядывала: не едет ли суженый? Царь и говорит ей:

— Доколе ждать своего Луку будешь? Может, его и в живых уже нет.

Вот тебе срок: как минет три года, выходи замуж. Не вернется — значит, твой нареченный.

Прошло три года. Тут как раз соседний королевич посватался. Назна-

ЛИЦА И ЛИКИ ОТЧЕГО КРАЯ

Живопись

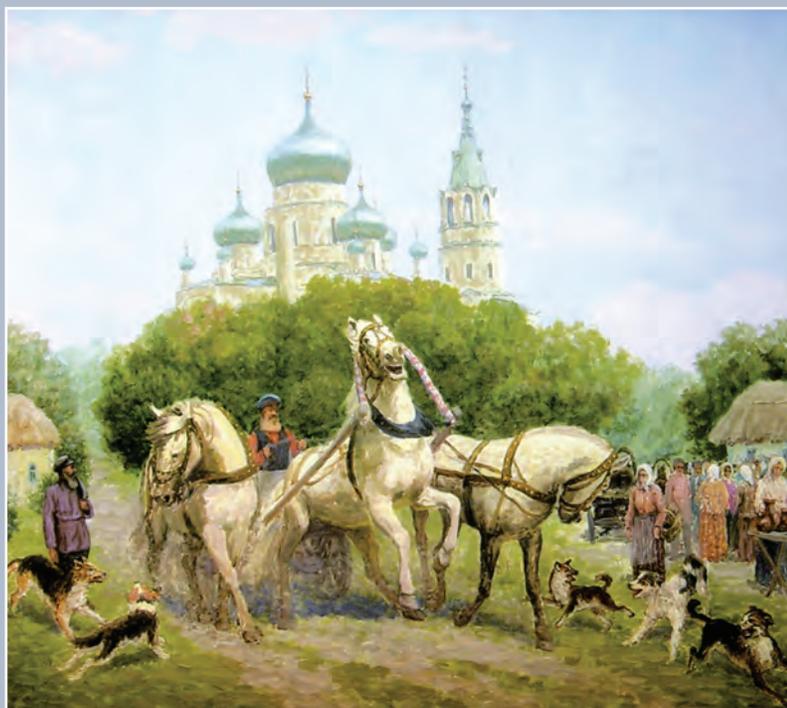
*члена Союза художников
СССР/России*

Александра КУРЗАНОВА.

*(Репродукции из фонда Аннинской
картинной галереи и альбома
«Александр Курзанов»,
оригинал-макет А.П. Ходюка,
2007 г.)*

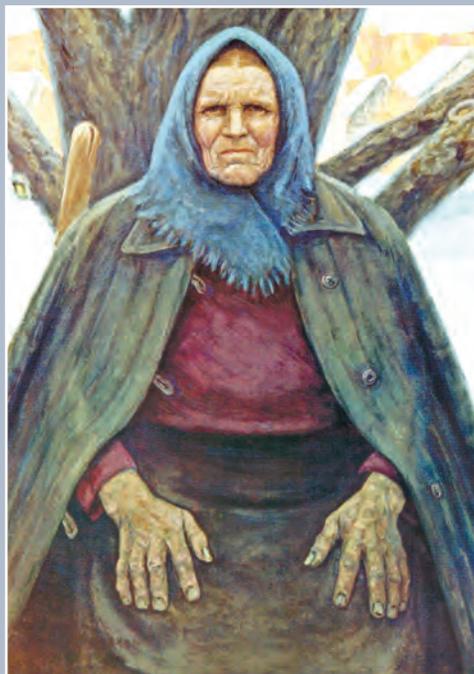
Евдокия Петровна Ростопчина

Анна. XIX век

Отец

Мать

Кумушки. Женщины с улицы Чапаева

Площадь солнечных часов. Воронеж, XIX век

Кольцов с крестьянами. (Фрагмент)

И.С. Никитин

Масленица. (Фрагмент)

Одиночество бабки Анюты

Село Артюшкино

чили свадьбу. Тем временем Лука приезжает. Опустился конь прямо у царского дворца. Там уже праздник-веселье идет. Невеста с женихом гостей чарками обносят.

Завязал Лука платком руку с перстнем, что царевна ему дала, и стал у самых дверей. Всех вперед себя пропускает. Доходит очередь и до Луки. Невеста его не узнала. Он весь в пыли, бородой оброс.

Подает ему царевна чарку, а он берет ее левой рукой.

— Почему, добрый человек, берешь ты чарку левой рукой, а не правой?

— Да у меня правая болит.

Царевна говорит:

— Давай я посмотрю, что у тебя с рукой!

Жених недоволен:

— Охота тебе с таким грязным возиться!

Но царевна на своем настояла.

Развязал Лука палец. Узнала она свой перстень. Взяла его под руку, повела к отцу. Отменили в тот день пир-свадьбу, а королевича домой отослали.

На другой день был у них пир на весь мир. Я там была, пела, плясала, что услышала, то и вам рассказала.

СУМА, ДАЙ УМА!

Было большое-пребольшое село. В том селе жила вдова, у нее было два сына. Старшего Кузьмой звали, он в селе жил, а второй, Иванушка, в работниках был в другом селе, и жена его Марьюшка тоже с ним. Совсем хорошо жили. Одна беда: во всем селе один колодец был. Со всех концов к нему ходили.

Вдова старая-престарая была, заболела и умерла.

Старший брат и думает:

— Я мать кормил, уж избу-то мне присудят.

Говорит брату:

— Давай разделимся.

У того детей пять и у другого. Позвали они соседей, они говорят:

— Избу Кузьме и корову Кузьме.

Больше и делить нечего.

Поставили младшему худую хатенку. Стал он жить так уж худо: обносился весь, ведра худые, заткнутые, жена плачет, дети плачут. Ни пить, ни есть, ни обувь, ни одеть. Он подумал, подумал: «Пойду, удушусь».

Взял обрывок веревки и пошел. Жена увидела:

— Куда ты взял? На ней и так пять узлов, места целого нет.

Он решил: «Пойду утоплюсь в Антошкином пруду, место там круто-бережное».

Подходит он, глядит — пароход там. «На нашей реке в жизни пароходы не ходили, а теперь вот едет».

Подъезжает пароход, на нем девица красоты неописанной, спрашивает:

— Ты зачем здесь?

— Топиться.

— Я не разрешу, как так?

— Дома есть нечего, у меня дети кричат.

— Знаю, знаю. Я тебе сейчас чашку брошу, ты придешь домой, детей

вышли, пусть погуляют. Поставь чашку на стол и скажи: «Чашка, чашка, корми!»

Вернулся он домой и говорит:

— Ну, Марья, нехай ребята пойдут погулять.

Сам чашку на стол поставил:

— Чашка, чашка, корми!

Батюшки! На столе заявляются и пирог, и каша, и мясо. По-крестьянски все и даже лишнее. Жена повеселела. Голод-то не тетка, а когда вся середочка полна — краюшки играют.

Вот пошла она на другой день к колодцу. А сноха уже там, жена брата старшего, что пожиток-то присвоил, тут как тут и насмежается:

— Что это ты, Марья, так весела? Может, хлеба-соли вдосталь ела?

— Лучше тебя обедали. Муж чашку принес. Так ту только поставишь, так тебе все будет — и пирог, и щи, и каша, и чего захочешь.

Та не стала воду черпать, с пустыми ведрами побежала:

— Кузьма, Кузьма, брат-то разбогател. Говорят, у них там чашка какая-то. Поди узнай да попроси.

Вот он приходит:

— Здорово!

— Здорово!

— Ты, говорят, чашку добыл? Мы ведь свои люди, так мы сочтемся. Мы вот крестницу просватали, дай чашку, хоть гостей покормить, утром принесем тебе.

Утром принесли, они поставили на стол ее.

— Чашка, чашка, корми!

А нет ничего. Жена заругалась:

— Простофиля ты, больше ничего.

— Правда, пойду утоплюсь.

Идет, а пароход-то, вот он, здесь уж. На нем девушка стоит:

— Ты зачем?

— Топиться.

— Да есть же у вас, я же тебе чашку дала.

Он рассказал ей:

— Вот дал брату — подменил брат. Теперь дети голодные. Жена плачет, ругается. Утоплюсь.

— Ничего. Я — Доля твоя, это ошибка моя, я прозевала. Чашка — пустое. Я дам тебе рубль целковый. Придешь домой. Дети пусть пойдут погуляют. А ты вынь рубль жене — будет два, она кинет тебе назад — будет четыре. Полмешочка накидаешь, на первый случай и хватит нужду поправить.

И бросила рубль целковый на песок. Он поднял. Приходит домой:

— Доля рубль дала. Отошли детей гулять.

Дети ушли.

— Ну, запри дверь, садись.

Накидали они с полмешка серебра. Он на базар поехал, купил жене сапожки хорошие, коротай новый, платок французский.

Она за водой приходит, а сноха и говорит:

— Это что же ты так разоделась? Али кум воровать научился? Небось, трудом праведным не наживешь палат каменных!

— Как же. Не воровали и не будем. У нас рубль теперь есть волшебный, мужу Доля дала. Теперь мы богатеи, как наш барин.

Энта все бросила, ведра схватила и домой.

— Кузьма, Кузьма, смотри, жена Ивана к колодцу пришла — коротай новый, полсапожки новые, платок французский, как богатей пришла, словно Христово вырядилась. Брат-то разбогател.

Кузьма приходит, полбутылки взял.

— Здорово!

— Здорово!

— Решил проведать.

Сели, выпили оба, об деле заговорили.

— Моя баба видала куму, у брата хорошо, во все новое. Говорит, рубль у вас тут какой-то. Так ты дай мне его на день, я завтра принесу.

— Нет, не дам. Вон чашку вам дали, так вы ведь не отдали, подменили.

— Чашка! Кабы у вас одних брали, а то ведь по всем соседям собирали. Может, и перепутали, кому отдали. Вот ведь грех! Разве их приметишь.

Ну, дал он ему рубль.

Пришел он домой. Накидали с женой мешок серебра. А рубль подменили и отдали ребятам, чтоб те дяде передали:

— Ванька, отнеси, отдай.

Уж тем деньги потребовались: ребятишкам обувка, одежка. Бросил рубль, а его не прибавляется. Загоревал он:

— Пойду утоплюсь.

Идет, а пароход уж стоит. Девушка спрашивает:

— Далече собрался?

— Топиться.

— Да что ж ты? У тебя ж рубль есть.

— Да обманул брат. Утоплюсь, не буду жить.

— Нет, нет. Я Доля твоя, и ошибка моя.

Сказала — и бросила сумку на песок.

— Возьми сумку. Вбей в избе гвоздик, повесь. Ребята пусть гулять пойдут, а ты скажи: «Сума, дай ума!» Когда достаточно будет, скажешь: «Сума, хватит ума!».

Вот пришел он домой.

— Нехай дети погуляют. Он вбил гвоздик, запер дверь:

— Сума, дай ума!

Оттуда выскакивают шесть солдат и один ефрейтор. Вытаскивают кнутища из-за голенища. Размотали кнутища с кнутовища и давай их, бедного брата и его жену, катать. Чуть до смерти не забили.

— Сума, хватит ума!

Солдаты замотали кнутища на кнутовища, сунули за голенища и опять в суму попрыгали.

Они отлежались, поотмылись маленько, переночевали. Жена за водой пошла.

— Ну, как поживаешь?

— Ничего, лучше всех. Теперь и барин не так богато жить будет. У нас скоро будет и лошадь, и корова, слуги и кучер. У нас сумка такая, что лучше всех заживем. Всем того желаю, но тебе-то вряд ли, больно баба-то хороша.

Энта даже ведра бросила.

— Кузьма, Кузьма! Они опять вон как живут. У них все есть. Они хотят покупать и лошадь, и корову и все. Как наш барин живут. У них сумка какая-то есть.

— Надо итти.

Приходит.

— Брат, говорят, у вас какая-то сумка есть. Дай мне на день.

— Так вот, как дали вам чашку — не отдали, рубль — тоже.

— Так ведь чашка нашлась, принесли соседи и рубль принес я.

— А? Ну, давай. Вот тебе сумка. Придешь, припей на гвоздике. Детей гулять отправь. И скажи: «Сума, дай ума!» В ней секрет таится — все пригодится.

Вот пришел, гвоздь забил, сказал. Как выскочат шесть солдат и один ефрейтор. Выхватили кнутища из-за голенища, размотали кнутища с кнутовища и давай их, богатого брата и его жену, катать, чуть до смерти не забили. Тут соседи услышали, двери сломали. Один сынишка прибежал.

— Дядя Ваня, тятьку с мамкой забивают до смерти!

Он прибежал, только в сенцы вошел и говорит тихо:

— Сума, хватит!

Ну, солдаты смотали кнутища на кнутовища, сунули за голенища и попрыгали в сумку. Ну, тут народ их пообмыл, они отошли маленько.

— Брат, возьми суму!

— Ну, я без нее обойдусь. Нехай у тебя будет.

Да с тех пор Иван да Марья и зажили. Я недавно у них была, мед-пиво пила, пряниками заедала.

Сказка вся, а присказка будет завтра, после обеда, поевши мягкого хлеба.

ЧЬЯ ЛЕНЬ БОЛЬШЕ

Жили старик со старухой. И до того они были ленивые, что по неделе руки не мыли, по месяцу не причесывались.

Однажды лежат они в саду под яблонькой, старуха вверх глядит и говорит:

— Эх и хороши яблочки! Хоть бы одно упало да в рот попало.

А старик ворчит:

— Охота тебе языком болтать... Вот если б они были жеваные...

Приносит им внучка горшок каши. Сели они и начали есть. Старик уминает кашу и прихваливает:

— Ух, до чего же вкусна — молочная, рассыпчатая, поджаренная, духовитая!

Старуха заранее договаривается:

— Вот доедим кашу, старик, а горшок тебе мыть.

— Да ты что! Аль обезумела? Где это видано, чтобы мужик горшки мыл? Небось не переработалась. Все я да я!

— Что там ты? Палец о палец не ударишь!

— Как это так! Я на прошлой неделе соседского телка со своего двора выгнал.

А старуха ему:

— Ладно, хватит шуметь. Давай замолчим. А кто первый слово промолвит, тому и горшок мыть.

Вот они целый день лежат и молчат. Приходит соседка.

— Здоровы были!

В ответ ни слова.

— Маланья, а Маланья! Степан, а Степан! Вы обиделись на меня, что ли?

Те молчат и на соседку поглядывают.

Она всполошилась и побежала соседей звать.

— Пойдемте к старикам. Ведь помирают они, уже и речь отнялась.

Пришли соседи, видят — правда, со стариками что-то неладно.

Тогда соседка взяла старухин платок и повязала на себя.

— Все равно он ей теперь ни к чему. Похоронить можно и в другом, что похуже.

И на этот раз никто из стариков и рта не раскрыл.

Тогда кто-то из молодых парней снимает с вешалки старикову шубу:

— Возьму, поминать соседа буду.

Пошарил в кармане и обрадовался:

— О, да тут еще табаку полно! И пахнет хорошо, верно, с донником.

Старик как закричит:

— А ну стой! Табак-то я без тебя докурю.

Тут старуха вскочила и показывает на горшок:

— Ага, заговорил! Тебе мыть, тебе мыть!

Старухина лень оказалась больше. Старик почесал затылок.

— А зачем его, старуха, мыть? В нем опять будут кашу варить, снова испачкают.

На том и согласились.

А соседи посмеялись и разошлись.

Евгений Григорьевич Новичихин родился в 1939 году в селе Верхнее Турово Нижнедевицкого района Воронежской области. Окончил Воронежский лесотехнический институт. Автор более сорока сборников стихотворений для детей, сатирических миниатюр, литературных пародий, переводов, краеведческих этюдов, нескольких киносценариев. Лауреат премий им. М.А. Булгакова, А.П. Платонова, Е.И. Носова, «Родная речь» журнала «Подъём», премии «Имперская культура» им. Э. Володина. Заслуженный работник культуры РФ. Член Союза писателей России, Союза кинематографистов. Живет в Воронеже.

Евгений Новичихин

ЗОЛОТЫЕ РОССЫПИ ИЗ СТАРОЙ ТОЙДЫ

(Аннинские страницы жизни
А.Н. Корольковой)

«...Родилась я 15 февраля 1892 года в Воронежской губернии... село Старая Тойда, в семье крестьянина-бедняка», — рассказывает Анна Николаевна Королькова в своей автобиографии, предпосланной одному из изданий своих сказок. И добавляет: «Когда я была в детстве, их, сказки эти, только и рассказывали. Люди ведь тогда дюже бедно жили: ни избы-читальни, ни библиотеки, ни кино. Про это и слуху не было. Вот детям сказки и рассказывали, чтобы не баловались. Вечером — кто чулки вяжет, кто мотки мотает, кто заплатки кладет, ну, а нам — сказки. Положит нас бабка на печи и давай сказывать. Они разные были: детские и взрослые, и шуточные, и былины про разных про богатырей. У меня память была большая, я все запомнила...»

«Сказочный репертуар» Корольковой был на редкость разнообразен. В нем и богатырские легенды, и волшебные истории, и бытовые сказки, и «потешки», и сатирические сюжеты. Многие из них встречаются у разных сказителей, но она передавала их на свой лад, с нюансами, которые превращали всем известные приключения сказочных персонажей в неповторимые произведения. Исследователи творчества Анны Николаевны отмечают ее живой, насыщенный яркими, запоминающимися образами язык, прекрасное чувство формы, верность народным традициям.

Благодаря этой простой женщине из воронежского села удалось сохранить многие жемчужины, золотые россыпи устного народного творчества. Ее сказки стали известны поистине за тридевять земель от родного края.

Старая Тойда... Малая родина Анны Николаевны Корольковой раскинулась вдоль реки Тойды, правого притока более полноводного Битюга — одной из самых чистых речек России. Село было основано в 1697–1698 годах, по одним данным — служилыми людьми, по другим — беглыми русскими и украинцами. Тогда оно носило название Тойденское. Возникло Тойденское во многом стихийно. Селились здесь, в красивом и удобном месте, не спрашивая ни у кого никаких разрешений. Дабы пресечь самовольство, Петр Первый в 1699 году приказал уничтожить поселение. Новые жители появились здесь только через два года, испросив на этот раз позволения властей. Это были дворцовые крестьяне из-под Ярославля.

Откуда произошло название села? Рассказывая о своей родине, Анна Николаевна обычно вспоминала красивую легенду, хорошо известную жителям Старой Тойды. Эту легенду я слышал от нее не раз. А совсем недавно обнаружил ее в работе известного фольклориста и энтузиаста воронежского краеведения Александра Ильича Кретьова «Воронежские народные сказки и предания». В легенде рассказывается о Тойдуле — девушке необыкновенной красоты, дочери хана. «Стан ее был тонок и гибок, как тростник. Невыразимо прекрасно ее смуглое и яркое лицо. Тяжелые, густые темно-рыжие волосы упругими бесчисленными кудрями покрывали ее плечи и словно пламенели, пронзенные лучами солнца, как золотой пурпур. Но особенно прекрасными были ее глаза, мерцающие как звезды, окруженные темными стрелами ресниц». Отец решил отдать ее замуж за хана Мустафу. Но сердце Тойдулы принадлежало прекрасному юноше по имени Гараф, который происходил из бедного рода. Отец Тойдулы, узнав о любви дочери и Гарафа, страшно разгневался и стал спешно готовиться к ее свадьбе с Мустафой. Но Тойдула вдруг исчезла из шатра. «Старый хан со своими слугами прочесали весь лес, проскакали все поля и луга, ездили за реку, но тщетно — Тойдулы нигде не было. И только через три дня слуга увидел прибившийся к берегу труп красавицы Тойдулы. Бедная девушка не могла вынести разлуки с любимым и в отчаянии бросилась в быстрые воды реки. Отец девушки, обезумев от горя, пронзил сам себе грудь копьём. Он понял, что явился виновником гибели единственной дочери. Долго горевали приближенные хана. И в память о нем и его дочери назвали реку Тойдулой. Со временем это название претерпело изменения. Реку стали называть Тойдой. Этим же именем назвали и селение, возникшее на берегу реки».

Но у профессора Владимира Павловича Загоровского есть более прозаическое объяснение происхождения этого названия. Он считает, что слово «тойда» является производным от слов «той» — глина, и «да» («датг») — гора. Глинистой горой, как считает Загоровский, тюркоязычные народы могли сначала называть «урочище при впадении в Битюг небольшой реки, а затем и всю реку». Эту версию подтверждает, кстати, характер местности при впадении Тойды в Битюг.

Речка детства Корольковой — не такая уж большая. Исток ее находится в соседнем Панинском районе, а длина составляет, по разным данным, от 50 до 63 километров. Дело в том, что в районе истока Тойда нередко пересыхает. Но местами ширина реки достигает двадцати метров, а глубина — семи.

В автобиографии, предпосланной одному из изданий своих сказок, Анна Николаевна, жившая к тому времени в Воронеже, рассказывала:

«...как лето — в наши в родные леса, в Тойду, в Белозерку, — так ведь, скажи, и тянет... Что значит — милая родина!

Старые мои подружки там меня не позабыли.

Нету на свете милей родимого места!»

Говорят, что любой талант в человеке — от Бога. Наверное, это так и есть. Но я бы еще добавил: и от отца-матери, от дедушек-прадедушек и бабушек-прабабушек. Видимо, талант имеет в определенной степени генное происхождение. В свое время, в далекой молодости (а точнее — в середине 60-х годов прошлого века), мне довелось познакомиться с внуком Анны Николаевны Корольковой — Валентином Владимировичем Голиковым, ныне уже покойным. Нас связывали вполне дружеские отношения. Оба мы работали в одном и том же управлении Воронежского облисполкома, где я руководил техническим отделом, а он — планово-экономическим. Встречались мы с ним практически ежедневно. Еще тогда я увидел в нем задатки поэтических способностей. Позднее, когда он трудился в экономической службе Юго-Восточной железной дороги, а я — в Центре общественных связей ЮВЖД и в газете «Юго-Восточный экспресс», Валентин Владимирович довольно успешно осваивал жанр очерка и публицистики, сотрудничал со средствами массовой информации. Уверен, что способности, чувство слова передались ему от его знаменитой бабушки.

А сама Анна Николаевна, с которой меня познакомил ее внук (знакомство это длилось более четверти века), унаследовала талант сказительницы, как считают специалисты и биографы Корольковой, от своего дедушки Устина.

Устин Сергеевич Глазков рано остался без отца — ему было всего шесть лет. В семье жили бедно, и, как рассказывала Анна Николаевна, мать отдала маленького Устина (ему еще и восьми не было!) в поводыри к слепому старику — исполнителю духовных стихов. В зимнюю стужу, когда трудно было передвигаться по занесенным снегом дорогам, старик сажал маленького поводыря на спину. Так, со спины старика, Устин и указывал ему — куда идти, где повернуть.

До четырнадцати лет сопровождал он слепых старцев по селам. Они пели песни, он им тоже стал подпевать, а люди им милостыню подавали. Богатые-то все больше прочь гнали от своих домов, а бедные — чего они могли подать? Кто кусок хлеба, кто яблоко, кто головку лука... Этим и приходилось кормиться.

Когда исполнилось четырнадцать, возвратился Устин в свою слободу. Нанялся в работники к богатым людям. Работал усердно. Часто пас барских гусей. Однажды гусь его пощипал. Дело вроде бы обычное. Но произошло это на глазах односельчан. С тех пор прилипла к нему кличка — Гусёк. И все его потомки были по-уличному тоже Гуськами да Гусихами.

Стал Устин и своим нехитрым хозяйством обзаводиться. В девятнадцать лет женился. Жена его, бабушка А.Н. Корольковой, была круглой сиротой — ни отца, ни матери. Но рассказчицей была — хоть куда! Анна Николаевна говорила, что бабушка была «дюже деловая». В Старой Тойде ее знали и как прекрасную певунью. А еще — как большую специалистку по свадьбам. По словам Анны Николаевны, «высватала» она ни много ни мало триста свадеб!

Семейная жизнь началась с беды. Ее заранее предсказал Устин, когда услышал, как где-то недалеко воеет собака.

— Это или к пожару, или к покойнику, — сказал он.

Оказалось — к пожару. В слободе все вокруг выгорело. Семья Устина Сергеевича тоже оказалась в числе погорельцев. Что делать? Благо, лес недалеко. Поставили они в этом лесу избенку и стали, как в сказках говорится, жить-поживать. Постепенно обзавелись кормилицей-коровой. Потом лошадь появилась. Выращивали и поросенка.

А тем временем уже подрастал сын Микола, Николай Устинович Глазков, — будущий отец сказительницы, родившийся в 1869 году. Вырос он человеком добрым, а к тому же сильным: мог запросто согнуть подкову. В кулачных боях, которые в то время были не редкостью, участия не принимал: боялся, что кого-нибудь

Хор села Старая Тойда

«зашибить» может. Вот какая силища у него была! О таких обычно говорили: ко-
сая сажень в плечах.

Пришло время и Миколе жениться. В своем селе посватали одну девушку, ко-
торая ему приглянулась. Сватовство оказалось неудачным. С ее родителями вро-
де бы сговорились, но сама она идти замуж отказалась наотрез:

— Еще чего! Его отец со слепыми да нищими побирался! Не нужен мне такой!
Не пойду за него!

Думали-думали и решили искать невесту в другом селе, где никто не знает, что
отец жениха был когда-то поводырем. Отыскали ее в семье Алексея Банина. Зва-
ли суженую Акулиной. Она и стала Глазковой, а по-уличному Гусихой — женой
Миколы.

Новая семья жила бедно — почти как в корольковской сказке «Все золотое»: «...ели хлеба крохи, кваса не пили, а браги совсем не варили». «Родилась я в бед-
ности», — вспоминала Анна Николаевна.

Крестил ее в Никольской церкви священник Михаил Зорин. Имя дали, как
водится, по святым: в честь пророчицы Анны.

Из детских лет до конца жизни остались с нею несколько ярких воспомина-
ний. Во-первых, песни дедушки Устина Сергеевича и бабушки Марии Потапов-
ны. Пели они их часто и много. А главное — душевно. Были песни грустные,
были и веселые. Память у Анюты была, как уже сказано выше, хорошая, можно
сказать — отменная, она и сама эти песни начала петь.

Во-вторых, запомнились ей сказки отца. И тут, забегая вперед, скажу, что до
недавнего времени никто из исследователей творчества Анны Николаевны не об-
ратил внимания на то, что ее отец, Николай Устинович Глазков, тоже был заме-
чательным сказителем. В 1941 году Вячеслав Алексеевич Тонков записал от него
десять сказок, множество пословиц и поговорок, а в 1944-м — три сказки и не-
сколько песен. Сказка «Маленькая Маша» опубликована в 1949 году в сборнике
«Фольклор Воронежской области».

Так что талант сказительницы передался Корольковой не только от деда, но
еще и от отца.

Часто вспоминала она и потешную картинку из детства.

— Никогда и нигде, кроме нашей Старой Тойды, такого не видела! Свиной у нас на все лето и на всю осень — до самых холодов, до первого снега — выгоняли в лес. Староста и уважаемые в селе мужики шли к помещику Николаю Алексеевичу Хренникову и просили разрешения пасти свиней в лесу. Помещик никогда не возражал. Выгоняли свиней в один день, всех разом и со всех хозяйств. То-то потеха была! Все село собиралось на нее посмотреть! Да и не только смотрели, но и помогали. Они же, свиньи-то, все норовили разбежаться! Но народ не давал. Нас, детишек, тоже было немало: разве такое зрелище можно пропустить? И мы помогали свиней собирать, не давали им разбежаться какая куда. Для села это было настоящим событием! Целых полдня уходило на то, чтобы свиней к лесу-то пригнать. А там, в лесу-то, — и травка, и желуди, и груши... Воля вольная! К зиме свиньи домой возвращались ядреными, а какие — еще и с приплодом. Вот радости-то было у хозяев!

А еще одно воспоминание Анны Николаевны связано с церковью. Вот как передал его уже упомянутый выше Валентин Голиков, не раз, конечно же, слышавший этот рассказ от своей мудрой бабушки:

«Внятный колокольный звон плыл над селом.

Отстояв заутреню, народ выходил из церкви. Выходили не спеша, по какому-то устоявшемуся негласному правилу — каждый в соответствии со своим социальным положением. Впереди барин с наехавшими гостями и управляющим имением, за ними купцы и сельская интеллигенция, потом владельцы паровой мельницы, небольшого кирпичного завода и мужики крепких хозяйств. Последними выходили, кто неровня им».

Родители Анюты Глазковой и сама она были как раз из «неровни». Чувство социальной справедливости, так остро звучащее во многих ее сказках, зарождалось в ней с детства.

А еще она часто вспоминала, как ее мама могла предсказывать беду или радость, научившись этому у своего отца. Придет, бывало, соседка:

— Дай булавку на минутку!

— Ой, — отвечает мама, — нельзя!

— Да почему?

— Раздружимся!

Уронит отец полено, неся охапку дров к печке, она обязательно скажет:

— К гостям.

Глядишь, а гости уже тут как тут.

Сны тоже объяснять умела. Говорила, что видеть себя голым во сне — к болезни, а зажженную свечу — к выздоровлению. Приснится тебе новое платье — к радости, а шапка на голове — к неприятности. Анютке с детства запомнилось, как пришла к ним соседская дочка и поделилась своим беспокойством: приснилась ей борода.

— Какой хороший сон! — сказала мама. — Скоро замуж выйдешь!

Так и случилось — вышла.

Отец тоже верил и в сны, и в приметы.

Трудиться Анюта начала рано. Как только исполнилось восемь лет, ее отдали в няньки. Работала недалеко от своего дома, в семье зажиточного крестьянина. «У него две снохи, — рассказывала Анна Николаевна, — у одной — трое детей, у другой — двое, ну самые маленькие. Бабы промеж себя часто из-за меня ругались. Эта говорит: «Ты, говорит, моего дитя жалей дюже!» А та: «Нет, моего!»

Может быть, именно поэтому в будущих сказках Корольковой нередко возникают образы сварливых снох, похожих на этих. Например, в сказке «Дорогой пятак» сноха до того ленива, сварлива и неумна, что корову «прожмурила». А в сказке «Аленушка» сноха показана не только сварливой, но и жестокой:

«Вот умирает купец. Призывает к себе сына и говорит ему:

— Даю тебе наказ не обижать сестру. Будет жених хороший — замуж выдай. Не будет жениха — сам о ней заботься: одевай, обувай и корми.

Умер купец. Остались брат и сестра сиротками.

В скором времени женился Андрей на богатой купеческой дочери. Невзлюбила сноха Аленушку, решила погубить ее.

Вот уезжает Андрей в дальний город за товарами. Сноха взяла да и порезала в лавке на куски весь шелк и бархат.

Приезжает Андрей. Жена докладывает ему:

— Твоя милая сестричка весь шелк да бархат изрезала. Доколе ты будешь терпеть ее?

Купцу его товар дороже всего на свете. Рассердился Андрей, велел сестре одеваться, в путь-дорогу снаряжаться.

Оделась Аленушка. Посадил ее брат на телегу и повез в лес. Завез в чащу и оставил там. А сам поехал обратно...»

В своей автобиографии Анна Николаевна писала:

«Нянчила я двоих самых маленьких. Одному было месяц, а другому шесть месяцев. Когда дети еще спали, это рано утром, то меня заставляли делать все по хозяйству. Выгоняла коров, телят к стаду, гусей на речку отгоняла...»

Однажды зашел в дом, где работала Аннушка, сосед — Степан Иванович Растрьгин. В селе звали его дедом Стяпухой. Анне Николаевне он запомнился как «белый, снеговой да кучерявый». А еще она говорила, что румянец у него был сеточкой — «как будто паук водил». Так вот, зашел в дом дед Стяпуха, посмотрел на работу девчонки и похвалил. Приведу несколько строк из рассказа Анны Николаевны о том времени:

« — Экая девка, все моет да скоблит! Не красна изба углами, красна пирогами, а сходка — головами... А вы чего шуршите? — Это на баб-то.

Старшая сноха:

— Да как же, батюшка, не шуметь-то? Она, Анютка, моего мальчонку не жалеет.

И другая — то же.

— И-их, оглашенные! — палкой стукнул. — Вы хоть бы раз поругались, кто няньку дюжей жалеет, ведь она тоже дитя, ей восемь годочков!

Мне тогда грустно сделалось, я заплакала. А он:

— Не плачь, — говорит, — Анка, приходи на пчельник, я сказку скажу. Может, про ковер-самолет, а то — про колдунью...

Ну вот, стала я ходить. Побежим к нему с ребятишками на пчельник, а он нам рассказывает. Я от него много запомнила...»

Степан Иванович, который был, по словам Корольковой, «старым стариком» и говорил, что он другой век живет (Растрьгин действительно дожил до 116 лет), оказался человеком таким же добрым, как и его сказки. Когда старый пасечник, рассказывая их, начинал что-то с трудом вспоминать, то она сама ему и подсказывала. Слово в слово! Удивлялся дед Стяпуха такой памяти и рассказывал сказки новые и новые.

Конечно, не только Степан Растрьгин прививал ей чувство русского слова, уважение к нему. Среди ее ближайших родственников были и прекрасные певуны, и великолепные рассказчики. В той же автобиографии Анна Николаевна писала, например:

«Или тетка моя, сваха — за жизнь триста свадеб высватала. Вот кто красиво говорить умел... Тетка все посмеивалась: “Брехать — не пахать, брехнул да отдохнул”».

Но роль Степана Ивановича в ее приобщении к сказке, к песне, более того — к

добрю, была решающей. Хоть еще и мала была Анютка, но доброту дедушки Стяпухи она оценила сразу. Как-то спросила его:

— Дедушка, а ты с кем-нибудь ругался?

— Нет, Анюта, не приходилось, — ответил тот. — Кое-когда с Калинишной — зимой, на печке. Прожила она девяносто шесть лет. Вот лежим на печке, а она говорит: «Старик, ты бы пошел — дал кормочку скотине. А я говорю: «Калинишна, да ты или не хозяйка? Пойди да дай». А она-то и зашуршит. А я встану и иду корм давать. Вот так я и ругался...

А если запевал дед Стяпуха песню, то со всей деревни шли к его дому люди, чтобы послушать. Многие пытались ему подпевать. Но лучше, чем у него, ни у кого не получалось.

Анютка, послушав его сказки, тоже часто просила его спеть. Особенно любила вот эту:

Ты пройди, пройди, скучное время,
Пройди поскорей.
Протекайте все часы и разминуты,
Наши люты дни...

Грустная была песня, но очень уж задушевная и жизненная.

А потом Анютка жила у купца Складнева. В ее обязанности входило: стирать белье, мыть полы, подавать хозяевам еду на стол. У Складнева было трое детишек, за ними тоже надо было приглядывать.

Иногда ее посылали в Студеновый — за водой. Студеновым в Старой Тойде издавна называли колодец, вырытый возле Бобровского шляха. С колодезным журавлем и деревянной бадьей она кое-как справлялась, но возвращаться обратно с тяжелыми ведрами было нелегко. К тому же и путь был неблизкий. И все же ходить к Студеновому она любила. Вода в нем была прозрачная-прозрачная, холодная-холодная. Казалось, что такой больше нет в целом мире...

В одиннадцать лет ее отдали в услужение к помещику Леониду Алексеевичу Хренникову.

«Барин Хренников статен. На нем белоснежная рубашка с накрахмаленными воротником и манжетами. Черный стеганный жилет с золотой цепью часов. Отутюженные брюки заправлены в щегольские лайковые сапоги, начищенные до блеска темного зеркала...»

Вряд ли внук сказительницы, описывал помещика, так сказать, умозрительно. Скорее всего, он записал это со слов самой Анны Николаевны, включив «портрет» Хренникова в свои воспоминания «Моя бабушка Анна Королькова».

Вполне возможно, Валентин Голиков прав в том, что помещик Хренников был дядей будущего знаменитого композитора Тихона Николаевича Хренникова. Но документально это ничем не подтверждено. Из контекста воспоминаний внука выходит к тому же, что Леонид Алексеевич Хренников размышляет о растущей музыкальной славе своего племянника, живущего в Ельце, как раз в те дни, когда Анюта Глазкова ткала в его имени холсты, сидела за прялкой, ухаживала за скотиной. Но это — явный вымысел. Будущая сказительница работала в имении Хренникова где-то в 1903–1904 годах. А будущий композитор родился только в 1913-м, когда Анну Николаевну уже выдавали замуж. И все же, на мой взгляд, родственные связи помещика из Старой Тойды и композитора из Ельца могут стать интересной темой исследования для воронежских краеведов.

Так или иначе, но «в людях» Анюта Глазкова жила не так уж и долго. А потом — ходила на поденщину

«Поденщина так: как солнце всходит и пока оно сядет, — вспоминала она. — На горох, на подсолнушки ходили. Горох ведь тогда руками рассевали, его боро-

нят, а он не дуже хоронится, вот мы его палочками втыкали. Подсолнушки сажали, а потом их пололи. А тогда — покос, а тогда — рожь убирать...»

События начала XX века отозвались в Старой Тойде только одним. Земским врачом в селе работал в те годы Алексей Иванович Антоконенко. Земская больница была небольшой. Алексея Ивановича все уважали. Был он человеком добрым, отзывчивым на чужую беду. Многим в селе помог справиться с недугом. И вдруг — как гром среди ясного неба: Антоконенко арестован.

— Против царя шел... — шептались в селе.

Дети принимали новость с испугом: «Как это? Против самого царя?!» А люди пошептались — и перестали. Но забыть об Алексее Ивановиче долго не могли. Тем более что другого врача в Старой Тойде не оказалось.

Сказать, что детство Анюты Корольковой было безрадостным, она бы не смогла. Да, было нелегко, недоедала и недосыпала. Но были подруги, с которыми все горести быстро забывались. Была речка Тойда, красота и летняя прохлада которой навевали мысли о радостном будущем. Был Студеновый, к которому она продолжала ходить за водой и мечтать, глядя в его глубину. А еще — были сказки! Она продолжала приходить на пчельник к деду Стяпухе и слушала его, слушала, слушала... И про Добрыню Никитича, и про Илью Муромца, и про Елену Прекрасную... И все — запоминала. А дома были сказки бабушки Марии. Они были похожи на сказки Степана Ивановича, но в чем-то — расходились. И Анютка сопоставляла разные варианты, находила для себя более интересные и жизненные.

Она и сама становилась прекрасной рассказчицей. «Сказки сказывать» она любила. И ее за эти сказки тоже полюбили — и девчата, и ребята, и взрослые люди, и старики.

Дед Стяпуха нарадоваться не мог на Анютку:

— Вот подрастает сказочница! Не хуже меня будет!

Он уже давно заметил, что Анютка не просто запоминает его сказки, но постоянно дополняет их чем-то своим, «присочиняет».

Работа в поле редко обходится без дождей. А если дождь — значит, надо скорее в курень бежать. А там уже девчата: и из Старой Тойды, и из Тишанки, и из Бродового. И все просят:

— Анютка, расскажи сказку!

И она рассказывала. В Старой Тойде восхищались ею и стар, и млад:

— Анютка Гусиха не сказку сказывает, а кружево плетет!

Песни она тоже петь любила. Голос у нее был красивый, звонкий. Когда заводила песню, какая-нибудь из подруг обязательно ей подпевала. Потом подключалась другая, третья. Далеко вокруг слышны были эти песни. Улетали они за речку Тойду, эхом отзывались в лесу.

А то все вместе плясать начнут да частушки петь. Выйдет одна:

Пойду плясать,
Головой качну,
Сама карими глазами
Завлекать начну!

Подпевает другая:

Эх, кофта моя,
Не уютенная.
Я расту, не понимаю,
Кому суженая!

У Анютки с детства одна ножка была, как она сама говорила, «неправая». В два года упала она — да так, что сломала ее. Попытались лечить ногу у бабки-лекар-

ши, но это не помогло: прихрамывала девочка. Дети, дело известное, бывают жестоки: дразнят таких, обзывают, подсмеиваются над ними. Но ее никто и никогда не дразнил и не обзывал. Все сверстники относились к ней с уважением. Жаль только, что плясать ей неловко было. А все услышанные частушки она тут же запоминала. Иногда и сама их пела, не выходя в общий круг.

В школе Анютка практически не училась: всего каких-то полгода ходила в церковно-приходскую школу. Читать научилась самостоятельно, а писать так никогда и не умела.

* * *

Замуж она вышла в 1913 году. Жениха своего до свадьбы почти не знала — так водилось в те времена. Горько плакала, как та Тойдула из легенды, не хотела идти за него. Отец пожалел ее и отказал сватам. Но они снова пришли, потом снова... Уж больно невеста была хороша!

Мама Анюты стала уговаривать мужа:

— Микол, Анютка не хочет иттить. Но я так думаю: свекор мужик смирный, обижать ее не будя. У них сад хороший. Дети все работающие. Можя, отдадим?

— Нет! — стоял на своем отец.

— У них Микитка — плотник, Ванька — швец, Яшка — тоже мастеровой, и все они подсевщики, — не унималась мать.

В конце концов, согласился Николай Устинович. Стали готовиться к новому приходу сватов. Но тут уже мать — на попятную:

— Не хочет иттить! Вся слезами изошла!

— А мы ее повезем! — отрезал отец.

Куда денешься? Воля родителей — закон.

Пришел в дом жених — Ефим. Посмотрел, как она плачет-кручинится, и ласково сказал:

— Я тебе слово даю, что беру тебя не воз возить, а дом красить...

Анна поверила ему как-то сразу. И успокоилась.

Венчались в новой, недавно построенной в Старой Тойде церкви Александра Невского.

На свадьбе было много песен. Они запомнились ей на всю жизнь. Та, например, которая называлась «У нас чары золотые»:

У нас чары золотые,
Пивовары молодые.
То не лист-трава расстилается,
Нашей буйной головке преклоняется.
Выпей ты, Марьюшка,
На здоровье, Николавнушка!

А вот еще одна песня с ее свадьбы — «Веселая беседушка»:

Веселая да беседушка,
Где батюшка пьет,
Родимый мой закусывает.
За первой за рюмочкой
Меня вспоминает.
За второю рюмочкой
За мной посла шлет.
А за третьей рюмочкой
Сам за мной идет.
А я молода-младшенька замешкалась,
За утями, за гусями, за журушками.

Много лет спустя эти песни войдут в свадебный обряд, который с ее слов запишет М.А. Певцов. Эта запись включает в себя около 90 величальных, плясовых, хороводных, плясовых песен, плачи невесты, рассказы в назидание молодым и тому подобное. Есть в этой записи и песня «Сундучок», которую, как говорила Анна Николаевна, пела «невестина невестка»:

Ты сундучок, мой сундучок,
Золотой замочек,
Не год я в тебя клала,
Не два собирала.
Пришел тот денечек,
Разберут сундучочек:
Свекору — рубашку,
Свекровье — другую,
Деверям — по порточкам,
А золовкам — по платочкам.

Деверей да золовок у нее оказалось немало. Тридцать три человека было в семье, в которую она вошла! Почти как в ее сказке:

«У них детей было много: двое двоеч, трое троеч, да семеро поодиночке. Так они бедно жили, хлеба досыта не ели, квасу не пили, а брагу подавно не варили. Да еще скоро должен быть ребенок...»

В эту семью до Анны уже вошли девять снох. Она стала десятой.

Люди и в самом деле были хорошими. Отец жениха, Ферапонт Корольков, славился в Старой Тойде как мастер на все руки. О сыне говорил с гордостью:

— Ефим в меня пошел!

«Муж у меня был трудолюбивый, рукомеленный», — вспоминала и Анна Николаевна.

Жизнь сельского человека — работа, работа, работа. С раннего утра до позднего вечера. Кому-то надо дом построить — звали на помощь Ефима Королькова. Колодец выкопать — опять к нему. Выделывать овчину — лучше Ефима этого никто не мог сделать. Землю пахать — и тут Ефим не хуже других, а то и лучше. И все он делал с каким-то удовольствием. Как в деревне говорят — играючи.

— Ловок был! — говорила о нем Королькова.

А еще Ефим слыл лучшим среди многих односельчан косарем. Молодая жена гордилась мужем. Даже на склоне лет вспоминала о нем с великой любовью:

«Вот на покосе бывало: все сидят, курят, а он косу отбивает. Тот говорит: мне отбей, этот — мне. Я ему:

— Да на что ты отбиваешь? А он:

— Ничего, сделаю ему, как корова языком оближет косу-то, пускай помнит...

И все отбивает, все точит, вот так вот. Отец мой его за это любил...»

Братья у мужа тоже были мастерами на все руки. Микитка действительно славился по всей округе как хороший плотник. А Иван с Яковом — отменные швцы. Да она и сама выросла трудолюбивой.

Но вскоре семья разделилась. Осталось их четверо: свекор со свекровью, ее Ефим да она сама. Думали, что легче им станет. А вышло — наоборот: бедствовать еще больше стали. Пришлось Ефиму конюхом идти к Хренниковым, а Анне — кухаркой.

В том же 1913 году родилась у Анны Николаевны дочка. Назвали ее Шурой, Сашенькой.

А потом молодым пришлось расстаться, потому что в 1914-м началась война. Не успели даже на новом месте обжиться как следует, пришел к ним в дом староста сельский — Алексей Ефимович Хритонов:

— Собирайся в армию, Ефим!

Ахнула Анна. А староста успокаивать стал:

— Да чего ты боишься-то? Таким, как твой Ефим, и на фронте цены нет! Беречь его там будут! Живым вернется к тебе!

А как не бояться? Война есть война.

Сначала Ефим служил недалеко — в Воронеже. Хоть редко, но весточки от него до Старой Тойды доходили. Потом он в Бахмач с войском ушел. А это уже — не ближний край, весточек оттуда не дождешься. Но Анна Николаевна ждала и верила.

Свекру со свекровьей — почти по восемьдесят годков. Какая от них работа? Все хозяйство было на ней одной. Коровку покормить да подоить — она. За лошадежкой ухаживать — тоже она. В доме прибраться — кому же еще, кроме нее?

Хорошо, что хоть были эта коровка да лошадежка. Да еще за Ефима-солдата получала небольшие деньги. У других и того не было. Но нужда все равно одолевала. А больше всего — тревога за мужа: жив ли?

Однажды (шел уже 1915 год) явился Ефим:

— Отслужился солдат Корольков!

В глазах — не поймешь чего больше: радости или печали. И худющий-прехудющий! Оказалось — захворал сильно, вот и списали его. Беспокойством своим делился:

— Армия начала колобродить, агитаторы появились, за большевиков агитируют. А кто они, эти большевики, и чего от них ждать — пока никому не ведомо.

Вышли вдвоем с Ефимом планировать свое новое «поместье» в Гуськовой лощине.

— Вот тут будет наш двор, — показал Ефим.

— А вот тут — гумно, — подхватила она.

Взял Ефим лопату и стал копать — там, где двор наметил. А Аннушка шла вслед за ним и тыквенные зерна бросала.

Закончили тут работу — принялись будущее гумно осваивать. Посоветовавшись, пришли к согласию: на гумне гречиху надо посадить, подсолнушки. А еще — овес. Если хочешь в хозяйстве лошадку иметь, без овса никак не обойдешься.

А тем временем мужнины братья на помощь подоспели. Работа пошла веселее. Аннушка от мужиков тоже не отставала.

Она все умела. Вспоминала, что только рожь вязать ей не удавалось: больная нога не давала. Однажды даже расплакалась от досады и этой неловкости своей. Показалось: над ней вот-вот смеяться начнут. Заметил это Ефим и, как всегда, успокоил: я, мол, тебя взял не для тяжелой работы, а чтобы ты дом украшала.

— Я тебе помогу, любая пара стань — мы впереди будем! — сказал он.

И она успокоилась.

Но на новом месте их подстерегал пожар. Крыша у них была соломенная — вспыхнул дом как спичка. Когда это случилось, пришлось продать коровку. Без нее совсем трудно стало молодой семье. Поехали на лошадежке за лесом — в район Чиглы. Хоть и болел Ефим, а жену жалел. «Он тонкое-то, деревохвост, на меня навалит, а сам тяжелый подымает, аж кровь в лицо наливается», — писала она, вспоминая о том времени.

Привезли бревна в Старую Тойду и стали из них доски пилить: «Он отобьет по нитке мелом, я — снизу, а он — сверху, сами напилили. И настлали пол, и я его мыла то с веником, то с кирпичом. Вот такая жизнь была».

Словом, жили в любви и согласии. Хоть и нужда донимала, но счастливые дни тоже их не обходили.

А из далекого Петрограда приходили тревожные вести: кто говорил, что царь сам отрекся от престола, кто — что его скинули. Как же без царя? Один Ефим к этим новостям спокойно отнесся.

— К этому все и шло, — говорил он, вспоминая армейских агитаторов.

Оказалось, что без царя тоже можно жить. В селе заговорили о Ленине, о его сподвижниках по революции. Из Воронежа сообщили: там тоже советская власть установилась. А вслед за этим — и в Боброве, и в Старой Тойде.

Как-то пришел Ефим домой и объявил:

— Все, завтра барскую землю делить станут!

Радовалось все село:

— Сами теперь хозяйничать будем, без купцов и помещиков!

Как символ новой жизни подрастал у Корольковых свой сад. Впоследствии, будучи уже членом Союза писателей, она не однажды о нем вспоминала — видно, потому, что посажен он был на собственной земле и собственными руками.

Радость оказалась кратковременной. Начиналась долгая Гражданская война.

Хоть Старая Тойда оказалась и вдали от происходивших кровавых событий, но и сюда доходили слухи о братоубийстве. То в тот дом, то в этот приходила беда.

В 1918 году в семье появился сын — Митроша. То-то радости было у Ефима Ферапонтовича! Да и Анна Николаевна тоже радовалась: угодила мужу.

А потом в Старую Тойду нагрянула беда новая. Сначала один год оказался неурожайным. За ним — другой. Пришел голод 1920–1921 годов. Вся домашняя скотина в селе пала — кормить ее было нечем. Пухли от голода люди. Один за другим умирали старотойденцы, и над селом проносился почти непрерывный звон церковного колокола, извещавшего о смерти односельчан.

Анна Николаевна совсем обессилела. Больной Ефим то ходил на речку — вылавливать ракушки для еды, то приносил из леса кору — ее парили и ели, — или какие-то корни, или лебеду. Помогали и желуди из леса. Их мололи и делали из этой муки лепешки, чтобы покормить Шуру и Митрошу. Горькие лепешки, невкусные, но дети молча ели их, потому что ничего другого не было.

Вспоминая в старости о тех годах, Анна Николаевна рассказывала внукам, что соседка вывела трех своих детишек за село и сказала:

— Идите и назад не вертайтесь, а то помрете. Может, даст Бог, встренутся вам добрые люди да подадут чего, покормят...

Анна Николаевна со своими детьми расстаться не смогла.

А очередной год принес какой-никакой урожай. Повеселела Старая Тойда. Накопив силенок, Ефим Корольков стал братья за разные заказы. Снова ладил дома, строгал оконные и дверные рамы, помогал тойденцам по хозяйству — кому чем мог. Иной раз уходил на работу и в соседние села, не отказываясь ни от какого труда. Бывало,

Концерт Воронежского народного хора в освобожденном Воронеже.
Май 1943 года

что и целыми неделями домой не приходил — трудился до самого темна и там же ночевать оставался: еще солнышко не всходило, как он уже опять ладил да строгал.

А Анна Николаевна училась вышивать. Да так здорово это у нее пошло, что к ней тоже стали поступать заказы — то к свадьбе, то к какому-нибудь иному торжеству. Так и кормили семью из восьми человек. Дело в том, что к тому времени у Анны Николаевны появились еще четыре дочки: в 1923-м родилась Маша, в 1924-м — Зина, в 1927-м — Тамара, в 1929-м — Сима.

Стали в Старой Тойде свой колхоз создавать. Ефим поначалу сомневался: с лошадкой жаль было расставаться. Сободем эту лошадку звали. Ефим ее очень любил. Да и все в округе знали: у Ефима лошадь справная. Однажды пришли к нему мужики из соседней деревни:

— Продай лошадь!

— Да вы что! — ответил он. — Нет, не продам!

— А не продашь — так заберем...

И ушли.

А через несколько дней Соболю пропал. Закинув за плечо седло да уздечку, пошел Ефим искать Соболя. Дошел до соседней деревни, а там его сразу местные остановили.

— Ты чего тут ходишь, высматриваешь? — спросили.

Он и сказал, что свою лошадь ищет. Найти не нашел, но оказалось, что не зря искал. Те, кто украли Соболя, стали о нем старотойденцев расспрашивать. Узнали, что семья Корольковых — хорошая, порядочная, и решили Соболя вернуть.

Как-то утром в их дверь постучались.

— Кто там? — спросил Ефим.

— Открывай, твоя лошадь домой пришла!

Вышел Ефим на улицу, а Соболю и вправду стоит у ворот.

Ну как он мог с этой лошадкой расстаться?

А потом его вдруг осенило:

— Так ведь никто мне не запретит за нею и в колхозе ухаживать!

И они вступили в колхоз — и Ефим, и Анна. Их приняли с радостью, тем более что Ефим к тому времени научился разную сельскохозяйственную технику ремонтировать. Ее в те годы много поступало в колхоз, и за всем уход необходим.

Сдали не только лошаденку, но и почти новую телегу. Сами на ней не больше года поездили. Телегу, конечно, не так жалко было, а вот о лошаденке в семье вспоминали долго. Даже в 80-х годах Анна Николаевна говорила с грустью:

— А кобылка эта в колхозе семь жеребят принесла...

Вот так в 1931 году Анна Николаевна стала колхозницей. Здесь, в колхозе, ее тоже стали видеть все время поющей песни, частушки или рассказывающей сказки.

Обстановка в Старой Тойде менялась на глазах. Молодежь быстро к этим изменениям привыкала. Привыкли и Ефим с Анной. Анну только одно беспокоило: атеистический угар, дошедший до их села, коверкал души. Сама Анна Николаевна, даже будучи позднее членом КПСС, искренне верила в Бога, хотя к попам относилась не без скептицизма. Это заметно и по ее будущим сказкам «Поп Вавила да мирошник Данила», «Поп и работник», «Как поп даровым хлебом кормился», «Про попа», «Про попов» и другим.

* * *

Жизнь в селе не всегда зависит от крестьянина. В 1932–1933 годах пришел новый недород. Как жить с пятерьми детишками (Александра — не в счет, она уже замужняя)? Конечно, Митроша уже вырос, сам в колхозе работает. А остальные?

Вспомнился тот самый голод двадцатых годов. И как-то страшно стало чете Корольковых.

А тут приехали к ним в гости Александра с мужем Володей. Александра опять за свое:

— Переезжайте в Воронеж! Работу в городе и отец, и Митроша сразу найдут.

Поддержал жену и зять:

— У нас на заводе столько рабочих рук нужно!

Вот так и переехали они в Воронеж. Практически никакого домашнего скарба с собою не взяли. Все осталось в Старой Тойде.

Ефим Ферапонтович сразу пошел на завод СК-2 — так до Великой Отечественной назывался завод синтетического каучука имени С.М. Кирова. Предприятие новое, продолжает строиться — наверняка там есть для него дело. Кадровик, к которому его направили, поначалу отнесся к посетителю с недоверием:

— Откуда, говоришь? Из Старой Тойды? Что-то не слыхал! Ну, и что там умеют, в вашей Старой Тойде?

Когда Ефим рассказал ему, чем ему приходилось заниматься в жизни, недоверие кадровика сменилось уважением:

— Да ты для нас просто находка!

Ефима сразу определили на рабочее место — вулканизатором. Как говорила Анна Николаевна, «колеса чинить». Митроша тоже быстро устроился — на авиационный. Стал там лекальщиком. А Анна Николаевна домохозяйничала.

В 1941 году, перед самой войной, в Воронеже вышла в свет книжка ее сказок. Она так и называлась — «Сказки А.Н. Корольковой». Тексты сказок были записаны еще в 1938 году известным воронежским ученым-фольклористом Вячеславом Алексеевичем Тонковым. Частично они вошли в книгу «Песни и сказки Воронежской области», изданную в 1940 году под редакцией Ю.М. Соколова и С.И. Минц. Но собственная отдельная книжка — что ни говорите, большое событие для автора. В своем предисловии к сборнику В.А. Тонков особо отмечал, что в обширном сказочном репертуаре Анны Николаевны содержатся почти все виды русских сказок — от волшебных, героических и бытовых до короткого анекдота, «повестушки» включительно. «Народно-поэтические символы, психологические параллелизмы, сравнения и эпитеты помогают сказительнице еще ярче раскрывать душевные переживания своих героев», — писал В.А. Тонков. Интересно отметить, что редактором этого издания был Петр Николаевич Прудковский — будущий коллега Анны Николаевны по Союзу писателей.

А до выхода этой книги была публикация в газете — да не в какой-нибудь, а в самой «Правде». Была ее напряженная общественная работа на завод СК-2, в том числе создание заводского хора, среди певуний которого было немало девочек из Старой Тойды, переехавших, как и она сама, в город. Хор быстро получил известность далеко за пределами Воронежа. Девчата приняли участие во Всесоюзной олимпиаде коллективов художественной самодеятельности предприятий химической промышленности — в заключительном концерте, который проходил в Ярославле. А потом их как победителей пригласили в Москву для участия в правительственном концерте. Когда узнали об этом, даже не поверили:

— В столицу? Да разве так бывает!?

Оказалось, бывает.

И снова — репетиции. И — новые волнения:

— Понравимся ли москвичам?

Московский концерт проходил в Колонном зале Дома Союзов. В зале присутствовали члены правительства во главе со Сталиным. Она тревожилась: не подведут ли ее девочки? Поглядят в зал, увидят Сталина — и оторопеют от неожиданности. Но тойденские — девки бойкие: когда объявили их выступление, вышли на сцену без

малейших признаков волнения. Показали все что могли. Были и песни, и пляски, и задорные частушки, сочиненные самой Анной Николаевной. Выступление закончилось бурной овацией зала. Приветствуя воронежских артистов, зрители встали. Сталин, улыбаясь в усы, тоже поднялся, а за ним и Молотов, и все остальные руководители. Им вручали охапки цветов, их приветствовали руководители великого государства, а Анна Николаевна в этот момент почему-то вспомнила свою Старую Тойду, своих родителей, Степана Ивановича Растрюгина, свой воронежский барак, своего Ефима, ждущего ее из ответственной московской поездки.

После концерта их пригласили на торжественный прием, устроенный в министерстве. Сам министр благодарил хор за отличное выступление и вручил девчатам премии. И без конца повторял:

— Спасибо! Молодцы!

На заводе их принимали уже как знаменитостей. Сам директор завода Кислов с ними встретился. Тоже благодарил, жал руки...

Теперь, объявляя каждое выступление хора, непременно называли коллектив лауреатом Всесоюзного конкурса. И они гордились этим. Их приглашали в клубы других заводов, в учебные заведения. «А также обслуживали трассу, которая проходила от Воронежа до Острогожска», — записала Анна Николаевна в одном из документов.

К 1941 году в хоре значилось уже 26 человек. За годы своего существования коллектив Анны Николаевны Корольковой дал более 150 концертов...

Как-то Анна Николаевна увидела непонятный сон. Несколько дней мучил он ее. «Когда поеду в Старую Тойду, — думала она, — надо будет маме его рассказать. К чему бы это?»

В конце весны она всегда приезжала к родителям, чтобы помочь им в работах на огороде. На этот раз разговор сразу начала со сна. Вот как вспоминал об этом внук:

«Будто среди дня наступила ночь, — рассказывала Анна, — черная-черная. И взопли две Луны. Я еще подумала: диво-то какое. Вдруг одна Луна разбежалась да как вдарит другую. Во все стороны разлетелись огненные осколки. На миг все померкло. А потом та Луна, что была справа, вновь появилась на небе и засияла...»

Услышав этот рассказ, мать начала испуганно креститься и посоветовала Анне скорее в церковь сходить и свечку поставить:

— Как бы семья твоя, доченька, не разлетелась, как те куски, или с Ефимом, или с сыном Митрошей что не случилось...

Правда, отец — Николай Устинович — тут же отругал ее за такое «толкование». Но сон этот оказался вещим. Война началась.

Дочери Анны Николаевны к тому времени уже замужем были, и зятья, один за другим, ушли на войну. Митрошу направили в Саратов — в танковое училище. Ефима же в армию не взяли — сердце у него шалило.

За заводом СК-2 было закреплено несколько госпиталей. Анну Николаевну вызвали в завком и попросили собрать всех-всех певуний:

— Вас ждут раненые...

Королькова вспоминала:

«Мы там утирали: и полы мыли, и керосином койки вытирали, недели две все готовили. А потом во всех госпиталях в Воронеже раненых обслуживали. Песни играли, я раненым сказки сказывала...»

Немцы рвались к Воронежу. Начались бомбежки города, а потом и бои на его правобережных улицах. Артиллерийский и минометный огонь достигал воронежского Левобережья. В этих условиях рабочие СК-2 демонтировали ценное оборудование, отправляя его вглубь страны. Шестьсот вагонов было вывезено на восток!

Под бомбежками трудилась и Королькова со своими певуньями. Константин Ирак-

лиевич Массалитинов в своей книге «С любовью к русской песне» рассказывал, что всю работу, связанную с выступлениями самодеятельных коллективов в воинских частях, госпиталях и перед населением города координировал тогда Дом народного творчества. «Сказка украшала народное действо так же, как русская гармоника “ливенка” и жалейка, — писал Массалитинов, имея в виду сказки Корольковой».

Но все же пришлось эвакуироваться. Произошло это поздно, в июле 1942 года, когда весь Воронеж горел. «Русская песня последней ушла из родного Воронежа, ушла, чтобы первой вернуться», — вспоминал К.И. Массалитинов. К хору Анны Николаевны Корольковой это относилось в полной мере.

Анна Николаевна вместе с Ефимом Ферапонтовичем и дочками Шурой, Тамарой и Симой, с двумя внуками — детьми Шуры — направилась к родителям. Шли пешком. Путь до Старой Тойды неблизкий — не одолеешь его ни за день, ни за два. Ночевали где придется. В пути все больше молчали — каждый думал о своем. Анна Николаевна без конца возвращалась мыслям о сыне, о муже. Ефим должен был вот-вот отправиться на трудовой фронт. Но он привык к трудностям — даст Бог, выдюжит. А как Митроша? Писал, что в бронетанковых войсках предстоит ему служить. Как он там с этими танками управляться станет?

Верила: все будет хорошо. И дочкам эту веру внушала:

— Девки, не вешайте носы! Победим мы этого германца! Все равно победим!

Пытались в пути песни петь, но не очень-то получалось. Устали очень, какие уж тут песни. Да и постоянное огненное зарево над покинутым Воронежем, которое они видели, оборачиваясь в сторону города, не располагало к пению.

Когда пришли в Старую Тойду, отец с матерью им обрадовались:

— В войну лучше вместе быть, рядом...

Спрашивали, нет ли вестей от Митроши. Писем от него давно уже не было, но Анна Николаевна успокаивала родителей:

— Весточки долго теперь идут. Война!

Задумалась: чем заниматься? От тоски-то и помереть можно. Нет, надо себе дело найти!

От сельской жизни она стала уже отвыкать. Но без работы сидеть не могла. Думала: «Как я тут отдыхать буду, на природе, если другие воюют с извергами-германцами?!»

И Анна Николаевна решила опять создавать хор. Девчата в Старой Тойде голосистые, некоторые, кто из Воронежа эвакуировались, уже имеют опыт выступлений перед людьми, чувствуют сцену.

Выполнить задуманное оказалось непросто. Подошла к Аграфене Гуровой, у которой был голос «такой запевальный»:

— Аграфена Тихоновна, вот какое дело: как бы нам хор слепить...

А та посмотрела на нее с удивлением:

— Какой хор! У меня Васька на войне, сын. Какой тут хор...

Королькова вздохнула:

— Да ведь и у меня Митроша на фронте, вот мы для них и постараемся.

У всех кто-то был на войне — у той сын, у той муж, у той отец... Но хор она все-таки «слепила». Да не какой-нибудь — двадцать три певуны откликнулись на ее предложение! Кроме Аграфены Гуровой, вошли в него Анна Борзунова, Аграфена Лебедева, Екатерина Быкова и другие землячки Анны Николаевны.

Пришла пора уборочных работ. Днем рожь убирали, а по вечерам — в воинские части. Для них сдвигали две машины: задними бортами одна к другой — вот и сцена готова! Концерты эти, как оказалось, были очень нужны фронтовикам.

«Там был полковник Тетушкин, он и сейчас жив-здоров, в Москве, генерал. Он подошел ко мне, руку пожал, поцеловал. “Спасибо, — говорит, — за песни ваши!”» — вспоминала Анна Николаевна в 1976 году.

Частушки, сочиненные Анной Николаевной, воины принимали на ура:

Гитлер-жаба хвалится:
«Россия достанется».
Бойцы наши отвечают:
— Гадина подавится!

— Подавится! — рукоплескали солдаты.

А хор продолжал:

Пришли фрицы к нам в Воронеж,
Захотели вековать.
Но придется всем фашистам
Без штанов домой бежать!

В ответ раздавался громкий смех всей воинской части.

А с импровизированной сцены — новая зазорная частушка:

Сделал Гитлер помазок —
Подмазывать пятки.
Из Воронежа уйдет
Ночью без оглядки!

— Не только из Воронежа! — хохотали бойцы.

Пришли фрицы к нам в Воронеж,
Говорят — мы гости.
Останутся от фашистов
Черепки да кости!

И эту частушку принимали под смех и громкие аплодисменты.

— К каждому выступлению я готовила новые частушки, — рассказывала в послевоенное время Анна Николаевна.

В июле 1942 года в селе Анна в числе эвакуированных воронежцев оказался и Константин Ираклиевич Массалитинов с группой певцов и музыкантов Воронежской швейной фабрики. В ту пору это был один из лучших хоровых коллективов области. Анна оказалась селом прифронтовым. Здесь расположился штаб Воронежского фронта, и его Политуправление обратилось к Константину Ираклиевичу с просьбой подготовить концерт к очередной годовщине Октября. На кого опереться? Хор швейной фабрики все-таки маловат. На таком концерте масштаб, размах необходим!

Решил Константин Ираклиевич поехать в Старую Тойду. Там певуны Корольковой слывут уж очень большими мастерами хороводы водить. А такие ему — ой как нужны! На всякий случай взял с собой баяниста Якова Торикова.

Приехал, нашел Королькову.

— Анна Николаевна, я недавно в газетах читал, что вы хор в Старой Тойде создали?

— А как же! — не без гордости ответила Анна Николаевна.

— Выступаете?

— Уже двадцать четыре концерта за нами числится!

— Это хорошо, — сказал композитор. — Примете участие в концерте, посвященном Октябрьской годовщине?

— А чего не принять?

— Но мне вас послушать бы надо...

— Сегодня вечером seberу своих девчат. Приходите, послушайте.

Девчата собирались неохотно:

— Массалитинов? Да это же известный композитор! Разве можем мы ему пригляднуться?

Выступление состоялось уже затемно. Не только девчат, но и саму Анну Николаевну насторожило, что композитор, уходя, ничего им не сказал. Не понравилось, видать?

Анна Николаевна на встрече с детьми

Но вскоре он пригласил их в Анну. Поехали. Выступили так, что зал долго не хотел их отпускать.

Из Анны Массалитинов был вызван в Москву — в Комитет по делам искусства при Совнаркоме. Ему предложили создать Воронежский русский народный хор — причем срочно, с 1 января 1943 года. В постановлении Воронежского облисполкома говорилось: «...на базе лучших исполнителей народной песни».

А среди лучших кто? Конечно же, девочки Корольковой. Снова поехал Константин Ираклиевич в Старую Тойду. На этот раз взял с собой Марию Мордасову. Королькова им обрадовалась, спросила:

— Что привело к нам на этот раз?

— Анна Николаевна, создаю профессиональный коллектив. Надеюсь, что и ваши девочки в него войдут.

Королькова поинтересовалась:

— А где надумали обосноваться?

— Пока не знаю, — ответил композитор. — Но как немцев из Воронежа выгнать, переберемся туда. Недолго им уже осталось хозяйничать в нашем крае...

Задумалась Анна Николаевна:

— Сама-то я готова. Мне все одно придется в Воронеж переезжать, когда германца одолеют. А как другие? У каждой тут хозяйство...

— Так это же будет их работа! — не сдавался Массалитинов. — Зарплату будут получать!

— Песни петь — и за это деньги получать? Чудно как-то... — удивилась Королькова.

Подумала еще немножко и согласилась:

— Ну да ладно... Буду с девками говорить...

К ее удивлению, семнадцать старотойденских певуний приняли ее предложение войти в Воронежский хор. Не без сомнений, конечно, но — приняли.

Через две недели Анна Николаевна получила от Массалитинова письмо из Борисоглебска. Он просил уговорить женщин ехать к нему.

«В Борисоглебск — так в Борисоглебск», — подумала Анна Николаевна.

Не успели выехать — новое письмо от Константина Ираклиевича. Он писал, что базой хора станет пока не Борисоглебск, а Анна. Поехали в Анну.

В праздничный день, 8 марта 1943 года, хористам торжественно вручили удостоверение участников хора. В удостоверении Анны Николаевны значилось:

«Выдано тов. Корольковой А.Н. в том, что она является артисткой Государственного хора русской песни Воронежской области и проживает в с. Анна.

Директор хора Г. Рогинская».

Документ этот был скромным: просто листок бумаги с подписью директора и печатью хора. «Корочки» им выдадут позднее, когда война будет подходить к победному завершению.

«Среди первых участников хора была и я, — вспоминала через сорок лет Мария Николаевна Мордасова. — С Константином Ираклиевичем Массалитиновым мы выехали в Старую Тойду. Не все правильно понимали нас в то время. Ведь идет война, а вы говорите о создании какого-то хора, — недоумевали некоторые. Но Анна Николаевна Королькова — это прекрасный человек — сразу же собрала в своем доме женщин-песельниц... Репетиции начали в маленьком клубе с разбитыми окнами — ни стульев, ни скамеек. Сами полураздетые. Но никто не жаловался. Галина Болеславовна Рогинская, директор хора, где могла доставала скудное питание в тех тяжелых условиях. Низкий поклон от нас от всего сердца жителям Анны. Трудно подыскать слова благодарности за кров, тепло, что они нам дали. Анна Ивановна и Алексей Васильевич Ивановы, у кого жили хористы, тепло нас встретили, как своих родных. Аннинцы всячески помогли нам создать хор, кормили, приглашали к себе. Рядом с Ивановыми жили Лена и Афоня (фамилию их забыла), у них было тоже битком набито народа из хора: и на полатах, и на печке, и на полу. Они с нами пели, радовались нашим успехам, записывали песни...»

А вот как вспоминал о создании хора Константин Ираклиевич Массалитинов:

«Обсуждали все сообща, по-деловому и в то же время по-родственному. Спорили, какие песни на первый случай потребуются. Одни песни заменяли другими. Тут же напевали мотивы... Главное решили: хору быть!

Невзначай комнату осветило. Где-то у станции ухнуло. Видать, бомбу большой силы сбросили. Одна из старых песенниц перекрестилась. Анна Николаевна Королькова шутливо сказала: «Прости, Господь, душу грешную. За песней нашей супостат гоняется, погугарить не дает спокойно. Все равно песни сказывать будем, на фронт повезем, а если придется — присказкой потешу. Слушайте:

Сорока летела,
Летела, села,
Посидела, хвостиком повертела
Да опять полетела.
Ее спрашивают:
— Сорока-душа,
Где ты была?
— Табун стерегла.
— Где ж твой табун?
— По горам пошел.
— А где те горы?
— Черви выточили.
— А где же черви?
— Гуси выклевали.
— А где же гуси?
— По тернам пошли.
— А где же терны?
— Девки выпололи.
— А где же девки?
— За мужьев пошли?
— А где мужья?
— На войну пошли.

- А где ж война?
- Там война, где бьют врага.
- А какой это враг?
- Тот враг, кто хочет у народа радость отнять.
- Тогда и мы пойдем бить врага...»

Присказка всем понравилась, захлопали в ладоши.

Рогинская, входя в роль директора, уверенно заявила: «Такие присказки нам нужны будут. Не охать и ахать, а веселить фронтовиков надо».

Ездили по селам — искали у бабушек старинные поневы, рубахи, моницы, полотенца. Что-то им дарили, а что-то приходилось покупать.

Начались репетиции, а затем и подготовка к первому концерту. Он состоялся в Анне 20 апреля 1943 года. До наших дней сохранилась программка этого концерта. На вид она неказиста, но это поистине бесценный документ. Журналист Виктор Силин, рассказавший о нем в газете «Коммуна» накануне 70-летия хора, пишет: «Два ветхих листочка, покоричневевших от времени. Я замечал, что такого цвета бывают много познавшие труда крестьянские руки».

Программка была отпечатана тиражом 200 экземпляров в типографии аннинской районной газеты «Коллективный труд». Как вспоминали участники концерта, зрителей в зале собралось намного больше.

Концерт (в программке он значится как концерт-прием) состоял из двадцати пяти номеров: тринадцать номеров в первом отделении и двенадцать — во втором. В нем принимало участие пятьдесят артистов вокальной группы, четырнадцать — оркестровой. Танцевальной группы тогда еще не было, потому что роль плясуний великолепно исполняли девчата из старотойденского хора Корольковой.

Но вернемся к цифрам. Пятьдесят человек в вокальной группе, из них семнадцать — из сельского хора Корольковой. Одна треть! И это, согласитесь, немало. В этом смысле Анну Николаевну можно смело называть одной из создательниц Воронежского хора.

К программке приложен состав нового коллектива. Анна Николаевна Королькова входила в вокальную группу, но напротив ее фамилии стоит еще и приписка: «Сказительница». Вместе с ней в этой группе были также Мария Мордасова, Анастасия Кузнецова, Мария Зеленева, Евдокия и Мария Осиповы, Евдокия Пучнина, Анастасия Веселова, Зоя Викулина, Екатерина Быкова...

Между прочим, в составе административной группы значится костюмерша Королькова А.Е. Опечатка? Если нет, то Анна Николаевна занималась в хоре еще и этим — хорошо знакомым для нее — делом? Впрочем (и это вероятнее всего), обязанности костюмера могла исполнять дочь Корольковой — Александра Ефимовна. Ведь Анна Николаевна с самого детства прививала своим дочерям любовь к фольклору, в том числе — к народному костюму. Одно только сомнение: у Александры Ефимовны была уже другая фамилия...

Ну а на сцену Королькова вышла в том концерте во втором отделении и второй по порядку — вслед за народной песней Воронежской области «Трудовая колхозная», запевалями в которой были Мария Мордасова и Евдокия Осипова. В программке Мордасова поименована не Марией, а Марусей, Осипова — не Евдокией, а Дусей. Не полными своими именами названы здесь и Настя Кузнецова, Шура Киселева, Таня Полякова, Маруся Лобова. Все они были еще молодыми, и у составителей программки, видимо, «язык не повернулся» называть их Анастасией, Александрой, Татьяной...

Но вернусь к выступлению Корольковой. Ее номер обозначен как «Сказ о Сталине». В порядке аннотации к названию сказа добавлено: «Сказка говорит — “Богатырь змея победит”». Конечно, тогда, в 1943 году, уверенность в победе, зву-

чавшая со сцены, была очень актуальной. И эта уверенность связывалась с именем руководителя государства.

После первого концерта стали собираться в освобожденный Воронеж. Аннины устроили хору торжественные проводы. Девчата, уже привыкшие к их гостеприимству, расставались с Анной со слезами на глазах.

В Воронеж прибыли 26 апреля. А уже 30 апреля в зале случайно уцелевшего здания медицинского института хор дал концерт для воинов.

Вместе с хором Анна Николаевна объехала множество воинских частей. В одной из них задумалась: «Мне каждый раз дарят цветы, а я только молча кланяюсь. Надо что-то придумать...» И она написала стихи, посвященные Руссиянову. Как горячо принимали их солдаты, преданно любившие своего полководца! Командир одной из частей полковник Харченко (ему она тоже посвятила стихи) после выступления подошел к ней, взял из ее рук цветы, высоко поднял их над головой и громко воскликнул:

— К нам приехала Родина-мать благословить нас на богатырские подвиги! Клянемся, что дойдем до Берлина!

И все как один солдаты поддержали своего командира:

— Клянемся!

Именно во время одной из таких поездок, собравшись после очередного выступления, они единодушно приняли решение собрать средства на танк и подарить его воинам Красной Армии.

Деньги у хора были — ведь нередко они давали платные концерты. Но на танк этих средств не хватало.

Анна Николаевна предложила:

— У всех есть облигации займов, давайте и их отдадим.

Согласились. И нужную сумму собрали.

Отправили телеграмму Сталину:

«Воодушевленные победами героической Красной Армии, работники русского народного хора Воронежской области вносят в фонд обороны 10 000 рублей наличными деньгами и облигаций госзаймов на 21 170 рублей. Просим Вас, дорогой Иосиф Виссарионович, на наши сбережения построить танк “Русская песня” и передать его славным гвардейцам генерал-лейтенанта Руссиянова».

Вскоре в адрес хора поступила правительственная телеграмма. В ней говорилось:

«Прошу передать сотрудникам русского народного хора Воронежской области, собравшим 10 000 рублей деньгами и 21 170 рублей облигациями госзаймов в фонд обороны Союза ССР, — мой братский привет и благодарность Красной Армии. Желание сотрудников хора будет исполнено. И. Сталин».

Танк «Русская песня», к слову сказать, дошел до самого Берлина. Пути самого хора, как вспоминал К.И. Масалитинов, шли через Курскую дугу и Ростов-на-Дону, Харьков и Киев, Львов и Черновцы, Бухарест, Будапешт и Вену. «На концерты ехали даже в танках — маршем боевых машин», — писал Константин Ираклиевич.

Выступали и в освобожденных районах области.

Мало кто среди фронтовиков и их боевых командиров мог сдерживать слезы, когда Анна Николаевна, участвуя в выступлениях хора, читала со сцены свои причитания, обращенные к девушкам, угнанным фашистами в полон:

Да куда ж вы, наши доченьки, ушли от нас?
Куда вас угнали враги-изверги?
Бьют вас плетками ременными,
Пытают прутьями железными,

И падаете вы от побоев,
Как тополиночки срубленные.
Ой вы любимые наши деточки...

В эти годы Королькова создала также несколько десятков сказов, песен и частушек, посвященных бойцам Красной Армии, Сталину, Жукову, Василевскому.

В Воронежском хоре Анна Николаевна работала до конца 1944 года. Но ее дружба с Константином Ираклиевичем Массалитиновым продолжалась и много лет спустя. Помню, в 70-х годах Массалитинов чуть ли не каждую неделю заходил к нам в Союз писателей, в редакцию «Подъёма» — просто поговорить, посоветоваться, рассказать о новостях музыкальной жизни Воронежа. А сдружила его с писателями именно Анна Николаевна. Большое уважение к литературному труду, как признавался композитор, пришло к нему во многом от знаменитой сказительницы. Об Анне Николаевне он всегда говорил в восторженных тонах:

— Бог одарил ее не только литературным талантом, но и талантом быть Человеком с большой буквы. Настоящая русская женщина!

Не лишним будет сказать и о том, что в 1948 году в Воронеже издана книга Г. Дорохова «Воронежские певцы», посвященная истории Воронежского хора. Примечательно: среди фотографий лучших из лучших хористов, опубликованных в этой книге, фотография Анны Николаевны Корольковой стоит самой первой.

...Май 1945 года Анна Николаевна встретила в новой квартире, которую дал их семье завод СК-2:

«Вот как-то один раз утром рано слышу — что такое, во дворе шум, крик.

— Победа! Победа! — шумят.

Это девятого мая было, самый День Победы.

Ну, тут все обнимались, все целовались, плакали. Да ведь что же за радость была!»

Своего сына Анна Николаевна с войны не дождалась: как говорилось в похоронке, «пал смертью храбрых». Все как один зятя Корольковой тоже не вернулись с войны.

Первой государственной наградой, которой была удостоена Анна Николаевна Королькова, стала медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» В том же 1946 году она была удостоена еще одной государственной награды — «Медали материнства» I степени.

О создании в Анне прославленного Воронежского хора напоминает сегодня мемориальная доска, установленная на здании Аннинского районного дома культуры (автор — Анатолий Тимашов):

*«В январе 1943 года
в п. Анна был создан
государственный Воронежский
русский народный хор.
Основателем и художественным
руководителем хора был
народный артист СССР
композитор К.И. Массалитинов».*

Доска установлена в 1993 году — в дни, когда отмечалось 50-летие хора.

Ну а звезда славы самой Анны Николаевны Корольковой — будущей выдающейся русской сказительницы — во времена рождения хора только-только начала восходить...

Виталий Иванович Жихарев родился в 1948 году в селе Артюшкино Аннинского района Воронежской области. Окончил факультет журналистики Воронежского государственного университета. Более 40 лет работал в печати, в том числе редактором газет «Молодой коммунар», «Коммуна». Автор десяти историко-документальных книг. Заместитель председателя правления Воронежской организации Союза писателей России. Лауреат премии Правительства РФ в области СМИ, премии «Родная речь» журнала «Подъём», премии «Кольцовский край». Живет в Воронеже.

Виталий Жихарев

СВЕТ НЕСБЫВШЕЙСЯ МЕЧТЫ

(Анатолий Карташов из села Садовое
был членом первого отряда
космонавтов СССР)

ПЕРВЫЕ ШАГИ В НЕВЕДОМОЕ

Анатолий Карташов служил старшим летчиком 722-го истребительного авиационного полка 26-й истребительной авиационной дивизии 22-й воздушной армии Северного военного округа. Часть дислоцировалась в населенном пункте Бесовец северо-западнее Петрозаводска. Это в Карелии. Там бывают не только вьюги да метели, но и тихие морозные ночи. Он любил разглядывать глазастые звезды. Но более всего хотелось увидеть меж ними одну, едва заметную, торопливо спешащую по небосклону. Полковой штурман, знаток земных и небесных карт, советовал приглядываться ближе к горизонту в юго-восточном направлении. Тогда полетели первые спутники, ходил слух о скором запуске человека в космическое пространство, в книжках и журналах фантасты соперничали в предсказаниях грядущего, и мечтам не было границ.

Как-то после ночного полета, поддерживая в кругу друзей разговор на популярную тему, Карташов признался:

— А я бы полетел! Честное слово, полетел бы.

— На ракете? А вдруг горючки на обратную дорогу не хватит? — заронил зерно сомнения приятель-старлей.

Карташов недавно женился, молодая супруга уже пребывала в интересном положении, и будущему отцу вовсе не хотелось брать билет в один конец. Но рискнуть можно.

— Полетел бы, если гарантия возвратиться была бы процентов пятьдесят, — без всякой бравады, добродушно-серьезным голосом уточнил Анатолий.

Осенью 1959 года в часть приехали люди из Москвы и припомнили ему эти слова. Неожиданно вызвали на беседу. Незнакомый полковник медицинской службы прямо спросил в присутствии командира полка и дивизионного офицера по деликатным поручениям:

— Не хотели бы вы, товарищ старший лейтенант, поработать на новейшей технике? Полететь далеко, высоко, на больших скоростях? Понятное дело, с возвратом.

— То есть не Лайкой?

— Нет-нет, возврат будет обеспечен. На парашюте. Однако дело новое, всякое может приключиться. Не вам, летчику, объяснять.

— Тогда согласен.

— Вот и хорошо. Вашу медицинскую карту мы смотрели. Врачей вашей части опросили. Идите и ждите вызова в Москву, на серьезную медкомиссию.

— Но...

— Если было бы «но», то мы с вами сейчас не беседовали, — откликнулся офицер-особист. — Просьба о нашем разговоре никому не рассказывать. До свидания.

Вызов пришел ближе к Новому году. Со всей большой страны в Москву стали приезжать сотни молодых парней, летчиков истребительной авиации. Ими занялись специалисты Государственного научно-исследовательского испытательного института авиационной медицины Министерства обороны СССР.

Карташов потом вспоминал:

— Здоровье у всех отобранных было отменным — при ином раскладе все мы числиться в летчиках не смогли бы. Но и тут находили зацепки, чтобы отбраковать. У одного, например, брали из вены кровь, а он побледнел — не годится. Другой вообще врачей с детства боится: увидит белый халат — начинает нервничать. Шрамики какие-то находили, спрашивали — когда, по какой причине, при каких обстоятельствах... С малейшим изъяном отсеивали. Сильный, скажу вам, был отбор. Проверяли — что надо и что не надо. На нас же, так думаю, и диссертации писали: что им надо для опытов, то и исследовали. Имелись ограничения по весу — не более 70 кг, и по росту — не выше, по-моему, 175 сантиметров. У меня 172.

После тщательнейшей медицинской комиссии прошедших через сито отбора направляли в специально сформированную секретную воинскую часть 26226, которую потом назовут Центром подготовки космонавтов. Командиром части назначили полковника медицинской службы Евгения Анатольевича Карпова, до того руководившего отделом испытателей названного выше института авиационной медицины. На нем замыкались все вопросы организационного, технического, методологического, хозяйственного характера.

В штатном расписании в/ч значился отряд слушателей-космонавтов численностью в двадцать единиц. С этим контингентом как с «человеческим материалом» работать поручили известному авиатору и военачальнику генерал-лейтенанту Николаю Петровичу Каманину, занимавшему должность помощника по космосу Главнокомандующего Военно-воздушными силами страны, главного маршала авиации Константина Андреевича Вершинина.

Каманин получил большие полномочия. Тогда говорили так: Королев готовит технику к полетам в космос, а Каманин — людей. Был он человеком дельным, на-

Слушатель-космонавт гагаринской двадцатки, старший лейтенант Анатолий Карташов. 1960 г.

стойчивым, умел рационально планировать, сочетал требовательность с заботой о своих подопечных. В молодые годы Николай Петрович учился в Борисоглебской военной авиационной школе летчиков. Он один из тех пилотов, кто, рискуя жизнью, спасал экипаж и пассажиров парохода «Челюскин», затертого во льдах Северного Ледовитого океана. Стал вторым по счету Героем Советского Союза. В 1937-м двадцативосьмилетний национальный герой избирался в депутаты Верховного Совета СССР от группы восточных районов Воронежской области. Избиратели с восторгом шли на встречи с ним. Одна из таких встреч, к примеру, проходила в школе-семилетке села Артюшкино Архангельского района (вошедшего потом в район Аннинский). Народу набилось столько, что от недостатка кислорода тухли керосиновые лампы.

Не лишне напомнить также, что Каманин одно время воевал на Воронежском фронте, командовал штурмовым авиационным корпусом.

Под начало генерала Каманина в отряд слушателей-космонавтов строгие медицинские полковника Карпова откомендовали как раз двадцать человек — по числу вакансий. Вот их имена в алфавитном порядке: Иван Аникеев, Павел Беляев, Валентин Бондаренко, Валерий Быковский, Валентин Варламов, Борис Волинов, Юрий Гагарин, Виктор Горбатко, Дмитрий Заикин, Анатолий Карташов, Владимир Комаров, Алексей Леонов, Григорий Нелюбов, Андриян Николаев, Павел Попович, Марс Рафиков, Герман Титов, Валентин Филатьев, Евгений Хрунов, Георгий Шонин.

Самым старшим по возрасту в отряде оказался Беляев, 1925 года рождения, а самым младшим был Валентин Бондаренко — он с 1937-го. В этом списке, как ее потом назовут, гагаринской «двадцатки» двое — уроженцы Воронежской области. Это Иван Аникеев, родившийся в городе Лиски, и Анатолий Карташов. Если кто помнит, в Советском Союзе население тогда составляло примерно 210 миллионов человек. В Воронежской области проживало 2,4 миллиона. Или 1,14 процента от общесоюзной численности.

А в первом отряде космонавтов воронежцев было десять процентов — каждый десятый. Достойное представительство!

СЫН ЗА ОТЦА НЕ В ОТВЕТЕ

Родина Анатолия Карташова — село Садовое тогдашнего Садовского, а ныне Аннинского района. Здесь герой нашего очерка появился на свет 25 августа 1932 года в семье рабочего сахарного завода. Отец Яков Прокофьевич в молодые годы служил в Красной Армии и был там командиром подразделения. Но это его не спасло, когда в тридцать шестом кто-то настучал на него в известные органы: утаивает, мол, Яшка Карташов, что из небедной семьи вышел, из кулацкой.

И что же вы думаете, посадили в тюрьму — «за скрытие соц. происхождения». Вскоре, однако, дело по кассационной жалобе осужденного пересмотрели и отпустили по мотиву того, что при призыве Карташова на военную службу в анкете не

было вопроса о социальном происхождении. Да и еще не так строги в то время были следователи, прокуроры, судьи.

Перед самой Великой Отечественной отец поссорился с капризными соседями из-за межи. Отношения выясняли прямо на огороде. Крики слышала вся Гудовка — так звалась улица по той причине, что на праздники здешний народ, отдавая с избытком самогонки, гудел и в прямом смысле слова, и в переносном. Куда надо ушло письмо, будто Яков Прокофьевич в разговорах с жителями села систематически распространяет клеветнические измышления в адрес руководителей партии и правительства, опошляет советскую власть в нехороших выражениях, не желает торжества социализма вообще и колхозного строя в частности, высказывает пораженческие настроения. В ночь перед третьим днем войны приехал «воронок» и отвез бывшего красного командира, а потом ударника первых пятилеток, стахановца в Аннинское межрайонное отделение НКГБ. Там споро составили обвинительное заключение: «Допрошенный в качестве обвиняемого Карташов Яков Прокофьевич, 1905 г.р., виновным себя не признал, но достаточно изобличается в преступной его деятельности», под коей имелась в виду антисоветская агитация и пропаганда. «Изобличенного» судили не по месту жительства, а этапировали в Златоустовскую тюрьму.

После короткого и несправедливого разбирательства Челябинский областной суд навешал Карташову по широкозахватной 58-й статье Уголовного кодекса РСФСР десять лет исправительно-трудовых лагерей и пять лет поражения в правах.

Отец из сибирских краев, где закон — тайга, а прокурор — медведь, домой не воротился: в 1942-м то ли от цинги умер, то ли надорвался на лесоповале.

А сыну его Анатолию по правилам того времени всякий раз приходилось писать в анкетах, что отец покойный был судим. Это обстоятельство не только портило нервы, но и было тем самым «но», часто мешавшим по понятным причинам. Но, тем не менее, судьба к нему была благосклонна.

Когда учился во втором классе, в школу приходила медицинская комиссия. Доктор из поликлиники слушал сердце и легкие через трубку, заставлял дышать и не дышать, стучал молоточком по коленкам. «Хоть сейчас — в летчики», — озвучил доктор свое мнение о здоровье пацана. С этого дня маленькой искоркой заветилась в мальчишеском сердечке мечта, и он пошел за ней сначала робко, потом все увереннее и настойчивее...

В 2016 году десятиклассница Садовой средней школы № 1 Саша Невзорова под впечатлением от первых публикаций о Карташове на страницах газет «Коммуна», «Воронежская неделя», «Аннинские вести» разыскала в своем селе людей, знавших Анатолия Яковлевича, и записала их воспоминания.

По словам одноклассницы Тамары Петровны Косолаповой, Анатолий «рос крепким, любознательным, мечтательным и очень скромным, но друзей у него было много. Никогда никого не обижал. Отличником не был и в отстающих не ходил. Много помогал матери по дому. После окончания семилетней школы пошел работать в механическую мастерскую инструментального цеха сахарного завода, чтобы заработать денег на дорогу в Воронеж. У него была цель — поступить в самолетный техникум. Этого он добился».

«Толик очень слушался маму. В тринадцать лет он косил сено в лесу для коровы, — рассказала тетя нашего героя Анна Тимофеевна Малиновская. — Парень был видный, но совсем не вульгарный. Очень любил рыбалку. Внимательный был, вежливый, слушал все с пониманием, что ни говорили. У нас гостил его старший внук, мальчик — весь в деда. Ушибется, а не заплачет, только потрет больное место. Дедушка учил его быть выносливым».

Добром поминает Карташова его друг детства, житель Садового Николай Ива-

нович Поленников: «Плохих качеств я в нем никогда не видел. Редко, но он бывал в Садовом. Мы встречались, подолгу толковали. Рассказывал, как однажды в небе на границе Карелии встретился с американским летчиком и помахал ему рукой, чтобы улепетывал восвояси».

Подчеркнем, что Саша Невзорова под руководством учителя истории Людмилы Николаевны Леглер написала исследовательскую работу о Карташове, которая получила высокую оценку.

ЗОВУТ НЕБЕСНЫЕ ДОРОГИ

С большим интересом Анатолий начал учебу в авиационном техникуме. От старшекурсников прослышал, что есть в городе аэроклуб Осоавиахима. Как-то увязался с ними. Деревенский пацан, не поднимавшийся прежде выше ветлы на огороде, записался в аэроклуб и попросился прыгать с парашютом. Первый прыжок — память на всю жизнь. Вылез из «По-2» на крыло, глянул вниз — и сердце, екнув, не то чтобы в пятки ушло — вообще куда-то провалилось. Захотелось назад, в спасительное нутро самолета, да ноги не слушаются. Но пересилил себя, подумал — будь что будет. Зажмурился и прыгнул. А потом даже обиделся на парашют. Так мягко, зашуршав шелками, раскрылся белый купол. Захотелось снова в небо и снова вниз. И опять страшно!..

Занимался он очень хорошо. И в техникуме, и в аэроклубе, где научился не только прыгать с парашютом, но и пилотировать легкий самолет. В воронежской областной газете «Коммуна» в 1950 году напечатали снимок фотокорреспондента Михаила Евстратова с подписью: «Юноши и девушки воронежских предприятий и учебных заведений с большим увлечением овладевают в аэроклубе летным искусством. Курсанты Воронежского аэроклуба И. Стрельцов, А. Карташов и А. Мухин над изучением авиационного мотора».

Небо взяло верх. Вместо того чтобы распределиться с дипломом техника-механика авиамоторостроения на местный «почтовый ящик», выпускник Карташов пошел в районный военкомат и попросил направить его в Чугуевское военное авиационное училище летчиков. Почему Чугуевское? Во-первых, там учился сам Иван Кожедуб, ас из асов, герой из героев, пример из примеров. Во-вторых, близко этот городок, под Харьковом, не особенно далеко от Воронежа.

Аккурат к вступительным экзаменам подоспела бумажка с угловым штампом и круглой печатью из родного сельсовета. В ней будущего пилота истребительной авиации попрекали покойным отцом — «врагом народа». Утаивать бумагу было опасно. Замполит пошел к уполномоченному.

— Вот, — говорит, — почти готовый пилот. Авиатехникум окончил, в аэроклубе занимался и третий разряд по парашютному спорту имеет. Это вам не десятиклассник, возмечтавший о небе после чтения приключенческих книжек.

— Да, — согласился уполномоченный. — Серьезный паренек. Но надо посоветоваться.

И отправился к своему начальнику. Начальник оказался умным и дальновидным человеком. Пригласил замполита и сказал ему, поправляя портрет вождя на стене:

— Иосиф Виссарионович учит нас, что дети за родителей не отвечают.

А Сталин-то еще жив был, запросто могли развернуть парня восвояси!

По окончании авиационного училища в 1954 году лейтенанта Карташова направили в Карелию, где он легко и уверенно освоился в истребительном авиационном полку, сразу показав себя перспективным и дисциплинированным летчиком. Здесь на каком-то мероприятии в гарнизонном Доме офицеров познакомился с милой девушкой Юлией, учившейся в техникуме по торговой части.

Юля снимала угол в частном доме на окраине Петрозаводска. И было как в романтическом кино — ну не мог не подкорректировать маршрут планового полета Анатолий, чтобы не пролететь над домиком под шиферной крышей. Не раз и не два говорила хозяйка — скажи своему жениху, чтобы не летал так низко, он дымоход снесет! Или замуж поскорее выходи. Жених-то завидный!

Она и вышла за него, стройного голубоглазого красавца. Когда муж получил приказ прибыть в Москву, жена родила дочь и находилась в роддоме. Передал ей кулек с мандаринами и записку, что убывает в срочную командировку.

На память о Карелии в семейном альбоме осталась фотография летчика Карташова в кожанке, с медвежонком.

— У меня был ручной медведь, я его маленьким у лесорубов взял, — поведал давнюю историю Анатолий Яковлевич в интервью киевскому еженедельнику «2000». — Зверь у меня больше года жил. Небольшой такой, килограммов... 120. Построил ему из бревен загородку, нору медведь себе сам выкопал. Он туда все миски, кастрюли, котелки затаскивал. Я за кухонной утварью к нему лазил: в одной куртке заберусь в берлогу, начинаю выкидывать кастрюльки да тазики, а мишка мне уши лижет. Нравилось медведю солдат гонять. Через забор перелезет — и за ними... Однажды зимой километра полтора гнал... А то в казарму заберется, туда-сюда ходит мимо часового... Был случай, когда он набезобразничал: возле пирамиды с оружием стоял бачок с водой, так он его перевернул, воду выпил. Потом я узнал, почему он это сделал: в доме нашел бочку с соленой капустой и всю съел... Ко мне командиры приставали: убери его да убери, не то не ровен час... А куда уберешь? В лес не идет. Да он бы там и не выжил. И в Москву с собой не заберешь. Пришлось... Так жалко было!

В ГАГАРИНСКОЙ «ДВАДЦАТКЕ»

Это совершенно очевидно, что кандидатов в отряд космонавтов тщательно отбирали не только по медицинским показателям. Работала так называемая мандатная комиссия. Например, обсуждали за глухими дверями кандидатуру Юрия Гагарина. Он, будучи мальчишкой восьми лет, находился на территории, временно оккупированной гитлеровскими захватчиками. Такой же колкий факт имелся и в биографии Павла Поповича. Но куда большие сомнения были насчет кандидатуры Анатолия Карташова из-за репрессированного отца. На тот момент Яков Прокофьевич еще не был реабилитирован. Дело этого «врага народа» лежит в воронежском архиве. В папке — протоколы допросов, очных ставок, приговор и много чего другого из года сорок первого, но документ о посмертной реабилитации датирован лишь 1992 годом.

Тут может быть только такое предположение. Если бы Анатолий осуществил свой высокий полет, то его анкетный минус обернулся бы в хороший плюс. Озабоченный разоблачением культа личности предыдущего вождя, тогдашний советский лидер Никита Сергеевич Хрущев — а без его одобрения в космос никого не посылали — мог по праву на всю страну и на весь мир заявить: вот, смотрите, при Сталине отца подвергли политическим репрессиям, а я его сына в космос послал!

Интересна и такая деталь: Карташов никогда не был членом Коммунистической партии. Комсомольцем — был, но в КПСС не просился и, что любопытно, никто его туда силком не тянул.

О том, как готовили первых космонавтов, написаны книги, сняты фильмы. Уже никакой государственной тайны некогда сверхсекретная «тема № 6» в наши дни не представляет. По этой теме, понятное дело, сначала не было методик, многое делалось с чистого листа, на ощупь и с превеликим запасом. В будущих покорителей Вселенной надо было вложить за короткий период большой объем теоретических

Курсант Воронежского аэроклуба Анатолий Карташов
(четвёртый справа). Фото М. Евстратова. 1950 г.

знаний по физике, астрономии, медицине, картографии и геодезии, радиотехнике, технике связи и, само собой разумеется, — знаний сугубо военных, обучить фотографии и кинооператорскому делу. Их организмы требовалось подготовить не просто к работе в особых условиях, а к выживанию в условиях экстремальных.

Однажды молодых людей повезли на завод. Там их встретил лобастый человек со строгим взглядом пронизательных глаз. Профессор Сергеев, под таким псевдонимом представили космонавтам генерального конструктора космических систем Сергея Павловича Королева, показывал готовое изделие — первый в мире пилотируемый космический аппарат. Один из заводских специалистов, участвовавший в показе, так описал это событие:

«— Мы подошли к тому рубежу, — обратился Королев к будущим покорителям Вселенной, — когда стал возможен полет человека в космическое пространство. Это уже не мечта, не фантазия, а реальность завтрашнего дня. Кто-то из вас будет первым, совершит полет на трехсоткилометровую орбиту. Готовьтесь. Машина есть.

Сказав так, Сергей Павлович пристально посмотрел на своих любознательных слушателей. Хотел сразу узнать их реакцию на свои слова. Карташов осторожно толкнул рукой Гагарина:

— Вот видишь, Юрий, ставка делается на нашу группу».

Гагарин, не робея, попросился посидеть в «шарике». Ему разрешили. Профессор пожелал слушателям отряда космонавтов поспешить с изучением аппарата. А Гагарина запомнил: тот, прежде чем забраться в кабину, снял ботинки.

Генеральный торопился. В Соединенных Штатах раньше на год начали энергично готовить группу астронавтов, правда, всего из семи человек. Надо было их любой ценой опередить. Запуск Советским Союзом первого искусственного спутника Земли 4 октября 1957 года уже положил начало битвы за Космос. Несмотря на то, что технически это небольшое изделие ничего особенного из себя не представляло, оно нанесло по американской спеси сильнейший удар в смысле политическом. Наша внешняя разведка доносила о намерении американцев взять реванш — опередить СССР с запуском пилотируемого космического корабля, называлась конкретная дата старта. 21 апреля 1961 года ракета «Редстоун-3» с капсу-

лой «Меркурий» должна была стартовать с мыса Канаверал на высоту до 200 километров. Называлось имя пилота — Алан Шепард, старший лейтенант, 37 лет. Орбитальный полет не предполагался, простой подсок и спуск капсулы на парашоте в океан в пятистах километрах от точки старта.

То есть в США, чтобы стать астронавтом, хватало, образно говоря, подпрыгнуть на высоту не менее ста километров. В СССР для космонавта планка была куда выше: выполнить не менее одного полного оборота вокруг Земли со скоростью как минимум первой космической (примерно 8 км в секунду). Такой орбитальный полет нельзя совершить на 100-километровой высоте из-за сопротивления остатков атмосферы. Надо не менее 150 км (у Гагарина было 181 км в перигее и 327 в апогее). Разница, как видим, между космонавтом и астронавтом по тем временам была великая.

Наше первенство с полетом человека на орбиту подтвердило бы право СССР — страны социализма — называться великой космической державой, а сам бы Королев поставил жирный восклицательный знак в списке тех дел, что он сумел совершить в своей жизни, в которой тоже была несправедливость, были горькие годы работы в «шарашке» под надзором...

Когда был создан корабль-тренажер и привлеченный Сергеем Королевым в качестве инструктора-методиста авторитетный летчик-испытатель Марк Галлай начал на нем занятия с космонавтами, возникла большая проблема: тренировать всю «двадцатку» неудобно, трудно, да и дело идет слишком медленно. Посоветовавшись с «верхами», начальство Центра подготовки космонавтов решило выделить небольшую группу — шесть человек — для ускоренной подготовки к первым полетам.

Сделать это было нелегко; все летчики оправдывали надежды, которые на них возлагались. При отборе в «шестерку» в первую очередь учитывались «габариты», результаты нагрузочных проб, успехи в теоретических занятиях, физическая подготовка. Воинов слишком широк, Шонин высоковат. Комаров отличался математическим складом ума, был силен в других точных науках, но у него не очень хорошо шли дела на центрифуге, а потом врач Адиля Котовская нашла у Владимира небольшое, но все же нарушение сердечного ритма. Комаров очень хотел попасть в первую группу и, безусловно, имел на это право, прежде всего благодаря своей инженерной подготовке, но медики отдавали предпочтение другим, которые тоже прекрасно учились и одновременно отличались завидным здоровьем и выносливостью. Учитывались результаты психологических тестов, которые проводились психологом Федором Горбовым и его сотрудниками. Наконец, учитывались просто характер, темперамент, общительность, отношение к товарищам, поведение в быту — короче, учитывалось все, что поддавалось учету.

Кстати сказать: по общему мнению, Анатолий Карташов был первым красавцем в гагаринской «двадцатке», у него был ровный характер; жизнь с оглядкой на то самое «но», о котором уже упоминалось, научила его дисциплине, опрятности, ответственности за сказанное слово.

В конце концов была сформирована первая, так сказать, авангардная группа из шести человек в следующем составе: Валентин Варламов, Юрий Гагарин, Анатолий Карташов, Андриян Николаев, Павел Попович, Герман Титов.

ЦЕНА ПОСПЕШНОСТИ МЕДИКОВ

Карташов легко справлялся с, казалось бы, за пределами физическими и умственными нагрузками, с азартом выполнял парашютные прыжки — и затяжные, и на воду, и на лес, и ночные. Он это любил: на момент зачисления слушателем-космонавтом уже имел 200 прыжков! Больше, чем у любого другого из товарищей по отряду. У Гагарина всего четыре прыжка тогда было в активе.

В кресле сурдокамеры Анатолий провел десять суток в абсолютной тишине, с «рваным» режимом сна — три часа днем и три часа ночью. На нем проверяли режим недосыпания. Задремать в неразрешенное время нельзя было никак: включалась звуковая сигнализация, мигали лампочки. И тогда испытуемый представлял, как недосыпом пытали на допросах его отца. На пятый день испытания гробовой тишиной Карташов записал в дневнике наблюдений: «Подумаешь, сурдокамера. В Петропавловской крепости узники сидели в камере-одиночке по 15 лет. А дежурные по коврам ходили, чтобы не было слышно шагов. А здесь... Выдержу».

А попробуйте кто-нибудь и узнаете, каково два часа и десять минут неподвижно просидеть в термокамере при 70 градусах. А он выдержал.

В барокамере Анатолия «поднимали», стравливая давление, до высоты 15 километров в одной кислородной маске, без специального костюма. Кровь, казалось, вот-вот закипит.

Очень непростым, но интересным было испытание на невесомость. Ее на десятков секунд создавали в самолете, резко терявшем высоту. В условиях кратковременной потери веса Анатолий Карташов и его коллеги не только привыкали к необычному состоянию свободного парения, но и учились выполнять определенную работу — писать, пить воду из фляжки, принимать пищу.

Вышло так, что «двадцатку» набирали не за один день, а в течение двух месяцев. Карташов появился в ней последним, когда уже начались учеба и тренировки. Чтобы догнать других, врачи предложили ему пройти испытания на центрифуге в ускоренном порядке — за один день. По инструкции на это отводилось минимум пять дней: сегодня четырехкратная перегрузка, завтра шестикратная, послезавтра восьмикратная и так далее.

Он согласился. Сначала раскрутили до четырехкратного ускорения. Держали три минуты. После нескольких минут отдыха, не покидая кресла, раскрутили до шести, потом до восьми, до десяти крат...

Это было грубейшим нарушением методик! Однако все шло благополучно. У слушателя-космонавта Карташова никаких отклонений в организме приборы не обнаруживали. Решились дать 12-кратную перегрузку. А что значит 12-кратная? Это когда вес тела увеличивается в 12 раз. Анатолий весил 70 килограммов. Перемножьте 12 на 70 и получите 840 килограммов!

Он и это испытание осилил! Вылез из кабинки, весь мокрый, прошелся ровненько, выполнил все положенные после этого упражнения на сообразительность. Специалисты посмотрели показания самописцев, проверили у испытуемого артериальное давление, пульс. Все вроде бы в удовлетворительных пределах.

Но когда люди в белых халатах раздели его для осмотра, то на спине нашли петехии — кожу окрасила кровь из лопнувших от огромного напряжения капилляров, всего-то несколько лиловых пятнышек. Беды особой не было, но врачи есть врачи — стали судить да рядить.

— Я себя прекрасно чувствую! — взмолился Анатолий, предполагая недоброе. — Хотите, сейчас десять километров пробегу на первый разряд? Или даже пятнадцать...

— Да что вы, товарищ слушатель! А вдруг в мозгу какой-нибудь сосуд лопнет, и тогда инвалид на всю жизнь. А то и хуже, — упорствовали набежавшие со всех сторон медики.

В итоге решили отправить Карташова на дополнительные обследования в Центральный военный научно-исследовательский авиационный госпиталь. Через недолгое время пребывания в этом учреждении специалисты в области сосудистой медицины разрешили дальнейшие тренировки, и он с новым азартом включился в работу.

Мало кто знает о том, что первый космический полет корабля-спутника «Восток» с человеком на борту согласно совместному постановлению ЦК КПСС и Совета министров СССР планировался на декабрь 1960 года. Но произошло ЧП на космодроме. 24 октября на стартовой площадке взорвалась подготовленная к испытательному пуску межконтинентальная баллистическая ракета Р-16, способная доставить пятимегатонный термоядерный заряд на дальность до 13 тысяч километров. При взрыве погибли 74 человека — среди них Главный маршал ракетных войск и артиллерии Митрофан Иванович Неделин, уроженец города Борисоглебска Воронежской области. Об этой трагедии будущие космонавты узнали, но никто из них не подал рапорт об отчислении из отряда. Напротив, с большей настойчивостью тренировались в ожидании новых сроков полета.

17 и 18 января 1961 года первая группа слушателей сдавала выпускные экзамены. Из-за отлучки на дополнительное обследование Карташов в эту группу не попал, его место в «шестерке» занял озорной балагур Григорий Нелюбов. Еще с осени ходили слухи, что начальство определило на первый полет Гагарина, следом в очередь ставили Титова, третьим часто называли Карташова. А теперь?

По итогам двухдневных экзаменов составили акт за подписью председателя экзаменационной комиссии генерал-лейтенанта Николая Петровича Каманина, руководителя Центра подготовки космонавтов. В нем говорилось: «Комиссия рекомендует следующую очередность использования космонавтов в полете: Гагарин, Титов, Нелюбов, Николаев, Быковский, Попович».

Можете себе представить, каково было на душе у Анатолия! Пусть не первый, пусть не второй, но третий или даже шестой — это тоже было бы для него здорово! Мечта жар-птицей ускользала из рук. А ведь он с такими трудами шел к ней...

Ему пообещали, что непременно включат в состав второй группы, ей экзаменационное испытание назначили на первые числа апреля того знаменательного в истории нашей бывшей державы 1961 года. И опять в списке допущенных к экзаменам слушателя-космонавта капитана Карташова не оказалось.

Медики не рискнули взять на себя ответственность.

Анатолий до того расстроился, что написал заявление с просьбой отчислить из отряда. Узнав об этом, друзья стали отговаривать. Просили успокоиться и снова пройти медицинскую комиссию. Но Анатолий стоял на своем, поскольку, видимо, считал, что есть большой риск рецидива с капиллярами в будущем, отчего не видать не только космоса, но и работы в авиации. Примеры были, когда при отборе кандидатов в космонавты обнаруживались какие-то мелочи, из-за которых людей отправляли назад в части, там мелочи «раздувались» и в итоге находились препятствия для дальнейшей службы в качестве боевого летчика.

Известный в свое время журналист «Комсомольской правды» Ярослав Голованов, автор множества статей по космической тематике, а потом книги «Королев: факты и мифы», приводит слова второго советского космонавта Титова по поводу Карташова. Вот что ответил Герман Степанович: «Я считаю, что с Толей медики перестарались. Это прекрасный летчик, и он мог стать отличным космонавтом. Если бы он проходил все испытания, которые проводят сегодня, то, безусловно, выдержал бы их».

Просьба Карташова была удовлетворена: 7 апреля главнокомандующий Военно-воздушными силами маршал К.А. Вершинин, в чьем ведении были космические вопросы, подписал приказ № 462 о его отчислении из отряда. Но формулировка была безжалостна и до слез обидна: по болезни, а не по собственному желанию, как он просил. Такая формулировка закрывала ему путь не только в космос, но и в истребительную авиацию.

По правде сказать, есть и другие объяснения случившегося с Карташовым. Космонавт-11 Алексей Леонов в своих воспоминаниях «Время первых: судьба

моя — я сам...» пишет об одном из медицинских экспериментов над слушателями-космонавтами: смазывали участок тела растительным маслом, прикладывали малюсенький стеклянный резервуарчик и откачивали из него воздух (принцип банок, которые ставят от простуды). Это был тест на ломкость сосудов.

Так вот. У Карташова в некоторых случаях кожа не просто синела или краснела как у всех, а набиралась в некотором количестве кровь в колокольчик. То есть какие-то проблемы с капиллярами все-таки изначально были.

В некоторых же источниках можно встретить утверждение, будто Анатолий сам виноват. Он, напомним, в отряд космонавтов был зачислен самым последним. Не жалея себя, стремился в короткий срок сравняться с другими слушателями по объему тренировок. «Часто шел на нарушение установленных методик», — пишет Антон Первушин в книге «Первые в космосе. Шаг в неизвестность». Вот, дескать, и переусердствовал.

Увы, увы и еще раз увы. В то время, по крайней мере, до полета Юрия Гагарина, в Центре подготовки космонавтов властвовали медики. Они что хотели, то и делали. Иногда их подопечным казалось, что на них ставят эксперименты по выявлению пределов выносливости или порога выживаемости. Впоследствии очень жаркие градусы в термокамерах, сверхразряженная атмосфера в барокамерах, запредельные перегрузки и прочие тесты были признаны не только абсолютно ненужными при подготовке космонавтов, но и чрезвычайно опасными для здоровья людей. Но тогда надо было терпеть. Будешь спорить — сойдешь с дистанции.

«Мы находились в режиме бесправного человека», — это признание Алексея Леонова в документальном фильме «Первый отряд. Испытано на себе».

Известно, что члены первого отряда не раз и не два жаловались на произвол медиков. Говорят, вопрос «разрулил» Сергей Павлович Королев, потребовавший от командования Военно-воздушными силами сократить медицинскую тематику, а высвободившиеся часы передать ученым и конструкторам в области космической техники. Были свидетели разговора Королева с Ф.А. Агальцовым, одним из заместителей Главнокомандующего ВВС СССР.

— Сколько крови, Филипп Александрович, нам испортили ваши медики! То вестибулярный аппарат неустойчив, то кровяное давление чуть выше нормы. Безжалостно браковали боевых летчиков, — сокрушался генеральный конструктор.

— Ты считаешь, кого-то отчислили не совсем справедливо? — уточнил генерал-полковник авиации Агальцов.

— Конечно, не справедливо. Например, по несущественным причинам был отчислен из отряда перспективный Анатолий Карташов.

Не знаю, насколько можно верить уже упомянутому писателю Анатолию Александрову, но в его документальной книге изложен очень интересный факт. Вечером 28 марта 1961 года, считай, за пару недель до гагаринского страта, в конференц-зале Президиума Академии наук СССР вице-президент, академик Александр Васильевич Топчиев проводил первую пресс-конференцию по результатам исследований на пяти запускавшихся ранее беспилотных кораблях-спутниках типа «Восток». Ажиотаж в зале царил невероятный. Особенно усердствовали американские журналисты. Корреспондент еженедельника «Уикенд» по фамилии Хейндерсон, как видно, хорошо проинформированный своей внешней разведкой о наших космических делах, задал Топчиеву провокационный вопрос:

— Сколько человек из отряда подготовки космонавтов погибло в процессе этих испытательных полетов?

— Ни одного, — ответил академик.

Журналист несогласно покрутил головой и тут же задал следующий, уточняющий вопрос:

На тропе Гагарина. Калужская область. 1967 год

— Почему же исключены из списка кандидатов на космический полет летчики Карташов и Варламов?

Тут уже пришлось Топчиеву приоткрыть завесу секретности. Александр Васильевич уверенно заявил:

— Оба названных кандидата не прошли последующих медицинских тестов и были отчислены из отряда. Старший лейтенант Варламов продолжает работать в Центре подготовки космонавтов и, кстати, присутствует в зале. А капитан Карташов служит в одной из летных частей на Дальнем Востоке.

В Российском государственном архиве научно-технической документации есть такой любопытный документ «Краткий доклад начальника ЦПК Е.А. Карпова о подготовке слушателей-космонавтов специальной группы», датированный 20 января 1961 года (РГАНТД. Ф. 1. Оп. 4н. Д. 26. Л. 1–9). В докладе содержатся детальные сведения о том, какие непростые испытания выпали на долю членов специальной группы, которых в ускоренном порядке готовили к первому космическому полету. Я выписал из этого официального документа и привожу в изложении — без журналистского пафоса и близко к оригиналу — лишь то, что касается нашего героя.

С Анатолием Карташовым были проведены следующие специальные испытания и тренировки.

С целью проверки переносимости умеренных степеней кислородного голодания и больших разрежений барометрического давления — четырехкратное испытание в барокамере на «высотах» 5000–6000 метров без дополнительного питания кислородом и «высотах» 14000–15000 метров при дыхании кислородом под избыточным давлением. Слушателем Карташовым показана хорошая переносимость гипоксии и больших степеней разрежения барометрического давления.

С целью определения индивидуальных особенностей нервно-психической устойчивости проведено испытание в условиях длительного одиночества (10 суток) при отсутствии внешней информации. При этом исследовались реакции нервно-психической сферы, сердечно-сосудистой и дыхательной систем, изучались обмен веществ и пищевой рацион; уточнялись некоторые вопросы регенерации воздуха. «Слушатель Карташов, — делает вывод начальник ЦПК Карпов, — хорошо перенес испытание в условиях длительного одиночества и проявил высокий уровень функциональных возможностей нервно-психической сферы».

Так как в аварийных ситуациях температура воздуха в кабине космического корабля могла повышаться, были проведены ознакомительные и тренировочные испытания в термокамере при температуре воздуха +70 градусов и влажности до 10 процентов со временем пребывания в этих условиях от 30 минут до 2 часов. Слушатель Карташов, читаем далее в докладе, и здесь был, как говорится, в передовиках, показав высокий уровень устойчивости к тепловой нагрузке.

Следующим был вибростенд. На этом снаряде выявляли индивидуальную переносимость вибраций. Испытуемого усаживали в кресло, которое мелко, но часто дребезжало (при частоте 50 герц и амплитуде колебаний всего полмиллиметра). Никаких нарушений физиологических функций (пульс, артериальное давление, ЭКГ, дыхание) у нашего Карташова отмечено не было.

На аэродроме, «приписанном» к Центру подготовки космонавтов, проводились ознакомительно-тренировочные полеты на самолете УТИ-МиГ-15, специально переоборудованном для создания условий невесомости. Анатолий участвовал в четырех таких полетах. В каждом полете производилось три горки. Время пребывания в невесомости на каждой параболе составляло 35–40 секунд. Совокупно получалось 6–8 минут пребывания в невесомости — состоянии, непривычном для человека. В полетах изучались функции сердечно-сосудистой и дыхательной систем, координация движений, острота зрения. Кроме того, изучалась возможность приема воды, твердой и пастообразной пищи, функция речи при ведении радиосвязи. Испытуемый Карташов, констатирует начальник ЦПК, «хорошо перенес состояние невесомости указанной продолжительности».

С целью закрепления навыков пользования парашютом летом 1960 года была проведена парашютная тренировка, в процессе которой слушатели ЦПК выполнили по 35 прыжков с высот 800–4000 метров. В ряде случаев задержка раскрытия парашюта достигала 50 секунд. Приземлялись на твердый грунт при скорости ветра до восьми метров в секунду. Один прыжок был на воду. По итогам выполнения программы Карташову присвоили звание «инструктор парашютно-десантной службы».

И вот она — роковая центрифуга. С целью проверки переносимости действия перегрузок, а также в ознакомительных и проверочных целях, «слушатель Карташов подвергался испытаниям на центрифуге, — читаем мы далее доклад Е.А. Карпова. — Дважды — при действии перегрузок 3–8-кратных величин до 40 сек. в направлении “голова — таз” и 7 раз при действии перегрузок 7–12-кратных величин до 13 секунд в направлении “грудь — спина”. Как и всех слушателей, у капитана Карташова на 5–10 секундах действия 10–12-кратных поперечных перегрузок возникали зрительные расстройства. После испытания у всех слушателей на спине и боковых поверхностях бедер отмечались единичные мелкоточечные подкожные кровоизлияния. Однако у капитана Карташова уже при девятикратной поперечной перегрузке начинали возникать сливные кровоизлияния в подкожную клетчатку спины, ягодиц и бедер. Он был отстранен от дальнейших тренировок и выведен из состава специальной группы на период повторного обследования».

Понятное дело, что ни в каких официальных документах не отмечен факт превышения, так сказать, полномочий в отношении Карташова медицинским персоналом, курировавшим испытания на центрифуге. Хотя даже неспециалисту ясно, что 12 g, «обрушившиеся» на его организм, не подготовленный предварительно тренировками, спровоцировали потом петехии на более низком уровне (10 и даже 9 g). По существу, он получил на центрифуге травму.

История с Карташовым привела в смятение его товарищей. Кому охота вылетать из отряда больным, а то и калеккой! «Это событие не прошло бесследно, — призналась в своих мемуарах А.Р. Котовская, доктор медицинских наук, а в ту пору «перегрузок всех начальник и ускорений командир». — Почувствовалось

определенное напряжение. Потребовались определенные обсуждения, разъяснения. И вот, пожалуй, первый случай, который выделил Юрия Гагарина как лидера и высветил истинные характеры других кандидатов в космонавты. Он призвал своих товарищей быть спокойными и продолжать проходить испытания и тренировки. Справедливости ради надо отметить, что его поддержали и другие товарищи, но далеко не все».

НАДО ЖИЗНЬ НАЧИНАТЬ СНАЧАЛА

После выхода горького приказа Анатолий некоторое время продолжал оставаться в списках личного состава в/ч 26226.

А 12 апреля Гагарину аплодировала вся планета. На другой день в Центр подготовки космонавтов (в будущем — Звездный городок) валом повалили корреспонденты всевозможных газет. Несколько десятков их собралось у подъезда дома, где жило семейство Гагариных. Капитану Карташову и другим офицерам поручили не пускать журналистскую братию — жене первого космонавта, Валентине, мешали покормить грудью новорожденную дочку.

Потом разрешили пустить только корреспондента «Красной звезды». Это был Игорь Валерьевич Чкалов, сын знаменитого летчика.

И еще одно исключение было сделано: два политотдельских офицера под руки провели через оцепление пожилую женщину, скромно, по-деревенски одетую. Это была мать Юрия Гагарина. Карташов и его товарищи как-то непроизвольно склонили перед ней головы и в почтительном поклоне проводили ее до дверей гагаринской квартиры...

Да, жизнь надо было начинать сначала. Там же, в Подмосковье, Анатолий определился летчиком-испытателем военного представительства № 71 Министерства обороны СССР. С семьей продолжал пребывать все в той же квартире в Звездном городке. Соседями по лестничной площадке, снизу и сверху были Горбатко, Шонины, Хруновы, Беляевы. Гагарины жили в соседнем подъезде, но на том же этаже, Карташовых от них отделяла стена в кухне. Постучишь по стене половником — и с той стороны ответный звук.

Но общение с прежними коллегами по отряду космонавтов теперь было иным. Выпавший из обоймы, Анатолий не мог рассчитывать даже на небольшие откровения: на то она и государственная тайна. Нет, они не сторонились, здоровались при встрече, заходили в гости на чаек с огурцами, дружной ватагой вваливались поздравлять его с орденом Красной Звезды за участие в подготовке первого полета, потому что и его лопнувшие капилляры имели значение с медицинской точки зрения для космонавтики. Даже Гагарин как-то, уже обласканный славой, но остававшийся по-прежнему чистым душой, зазвал к себе и подарил фотокарточку с автографом: «Карташову Анатолию, хорошему другу и отличному человеку в память о нашей работе».

А Герман Титов, когда однажды делали общую фотографию, затащил смущавшегося Анатолия в центр группы со словами: «Это мы на твоей спине в космос выехали!»

Все это, конечно, было приятно, но как цемило сердце, когда кто-нибудь из обитателей их дома или дома соседнего ставил в открытом окне магнитофон и включал песню-марш «Голубая планета», сочиненную самодеятельным автором Олегом Соколовым — местным военным инженером по летательным аппаратам! По Звездному городку «гуляла» запись этого марша советских космонавтов в исполнении тоже любителя, Павла Поповича, обладателя красивого голоса-баритона. Текст песни, отпечатанный на машинке, Анатолий Карташов потом получил от Олега Соколова с автографом:

Умолк могучий гул ракетных камер,
 И отошла последняя ступень...
 Мы невесома. Мир как будто замер.
 Смешались в черном небе ночь и день!
 Держала нас Земля в своих объятиях,
 Налив свинцом и голову, и грудь,
 Но удержать нельзя небесных братьев!
 Зовет нас путь, далекий звездный путь!

 Летит корабль в космические дали,
 Покинув Землю — нашу колыбель,
 О чем в веках сыны Земли мечтали!
 Других миров достигнуть — наша цель!
 Раскроем мы иных миров секреты,
 Доставим вымпел мира и труда...
 А свет далекой голубой планеты
 Среди тысяч звезд отыщем мы всегда!

 Пускай летят во тьме метеориты,
 Потоки злых космических лучей!
 Минуют их расчетные орбиты
 Советских межпланетных кораблей!
 С чужих планет вернемся мы, я знаю,
 Земной увидим снова мы рассвет...
 Земля, Земля, планета голубая,
 Ты лучше всех, прекрасней всех планет!

Но и родные места Карташов не забывал. Купил автомобиль «Москвич», приехал на нем с семьей в Садовое к матери Ефросинье Тимофеевне, царство ей небесное. Чинил избу, колол дрова, косил траву, местным ребятишкам давал примерить свою фуражку с околышем небесного цвета.

Представьте себе, если бы не было той роковой, все перечеркнувшей ошибки торопливых врачей, если бы сам удержал душевное равновесие. Как бы встречала милая малая родина своего сына, какая бы гордость переполняла сердца земляков — жителей большого села Садовое! А может, и улицу там переименовали бы в честь нового покорителя Вселенной...

В конце 1963 года космонавт-4 Павел Попович, видя, как мается Карташов в Звездном, похлопотал за него перед вышестоящим начальством, и Анатолия перевели в Приморский край. В городе Уссурийске «ставил» молодежь на крыло — служил летчиком звена транспортных самолетов и вертолетов 839-й бомбардировочной эскадрильи отдельного учебно-тренировочного авиационного полка. Там же, на Дальнем Востоке, но в городе Арсеньеве, продолжил службу в качестве старшего летчика-испытателя военного представительства Министерства обороны СССР: проводил приемку и испытания самолетов Ан-2 и Ан-14.

Юлия Сергеевна с начала дальневосточной жизни занималась дома воспитанием детей — их было двое, обе девочки, Людмила и Светлана. Первая родилась, когда еще пребывали в Приполярье, другая — уже на Дальнем Востоке. Когда жили в Звездном городке, супруга Карташова работала там в магазине. По ее словам, космонавты были людьми скромными. Миф о том, что они сами и их семьи катались как сыр в масле по части питания, брали икру бочками, — это, говорит, неправда:

— Они ведь все неизбалованные были, по рождению сама беднота. Магазин же снабжали из правительственной продуктовой базы. Привозили товары исключительно. Космонавты — и летавшие и еще не летавшие — брали деликатесы, но понемножку: кто 200 граммов, на праздник, кто 300. Единственное, что любили все, — это гусей китайских. Не помните? Да, вы, наверное, их уже не застали.

Если вообще о них слышали... Гуси здоровенные были, по рублю. Таранку в банках. Конфеты брали... Я когда первый раз попала на эту правительственную базу в Москве, чтоб товар для своего магазина взять, — оторопела. Боже, думаю, как люди живут: чемоданами домработницы для министерских набирают икру, красную рыбу!

Юлия Сергеевна и на Дальнем Востоке работала по торговой части.

— А в Уссурийске жилось нам куда как скромно, — рассказывала она мне, автору этих строк. — Обстановка в казенной квартире — казарменная. Помнится, на город с населением 48 тысяч человек привозили в день 200 килограммов мяса. Это 4,167 грамма на одного жителя. Или чуть более полутора килограммов в год. Господи, какое время-то пережили!.. Анатолий был хорошим охотником и грибником. Это выручало. И так жили на Дальнем Востоке до 1975 года, а потом перебрались в Киев. Анатолий Яковлевич, уже полковник к тому времени, в Киеве стал летчиком-испытателем на авиационном заводе. Устроиться сюда помог по старой дружбе опять Попович. Забыла сказать: мой муж знаком был с Павлом Романовичем с Карелии — несколько месяцев служили в одном полку. Потом Пашу перевели в Подмосковье, в Кубинку, а снова они встретились уже в отряде космонавтов. Отсюда и дружба меж ними.

Завод в Киеве, который упомянула Юлия Сергеевна, выпускал самолеты конструкции О.К. Антонова. Здесь летчик-испытатель первого класса Карташов дал путевку в жизнь сотням крылатых машин. Это пассажирские «Ан-24», транспортные «Ан-26» и «Ан-32», аэрофоторазведчики «Ан-30».

Новенькие, только что со стапеля, самолеты вели себя по-разному. Как-то заходил на транспортнике «Ан-26» на посадочную глассадку. Вдруг докладывает бортинженер: из крыла хлещет керосин. Это значит, топливный бак разгерметизировался, какие-нибудь троечники прокладку не затянули. А рядом — изрыгающее пламя сопло газотурбинного двигателя! Вот-вот и взрыв. В таких ситуациях секунды кажутся вечностью. Но, слава Богу, все обошлось. Карташов благополучно посадил самолет на аэродром, где уже дико ревели пожарные машины.

На работе Карташова окружали почет и уважение — Гагарин не ошибался, называя его отличным человеком. К этому добавлялся талант летчика-испытателя. Служебное положение Анатолия Яковлевича кое у кого вызывало чувство зависти. Нашелся охотник, из молодых да ранних, занять его место. Вышестоящий руководитель вызвал потолковать. Начал издалека и долго сводил речь к предложению отправиться на пенсию. Было видно, что директор не сам был автором идеи оставить 53-летнего полковника Карташова без любимой работы. Высказав резкими словами все, что он думает по этому поводу, полковник вылетел в Москву. Друга Поповича в столице тогда не оказалось, был в какой-то дальней командировке. Выручил бывший коллега по гагаринской «двадцатке», летавший космонавт Георгий Степанович Шонин, на тот момент начальник одного из управлений Военно-воздушных сил, генерал-лейтенант. Воспоминания Карташова о том визите привожу дословно.

«К Жоре Шомину приехал вечером домой. Выставил бутылочку водки. Шонин организовал из холодильника нехитрую закуску. И наливает только мне. А себе — минералку. “Ты что?” — говорю. А он: “Извини, я же лечился от этого дела...” Так я ту бутылку за долгим разговором сам почти всю ликвидировал. Георгий мне потом помог — позвонил кому следует, и меня оставили в покое. Безотказным он был человеком. Жаль, рано умер. Сердечко не выдержало. Он умел добиваться высоких целей, оставаясь при этом открытым для друзей, для добрых дел. У него был такой русский, широкий размах души — что в делах, что в праздниках».

И еще пара слов о космонавте Шонине. Через десять лет после своего полета на орбиту (1969 год, миссия «Союз-6») Георгий Степанович, имевший, кстати ска-

зять, писательский дар, выпустил книгу «Самые первые». В ней он впервые в открытой печати рассказал о друзьях, которых судьба лишила радости полета в космос. Правда, тогда Шонину разрешили назвать только имена Анатолия Карташова, Ивана Аникеева, Валентина Бондаренко, Валентина Варламова, Дмитрия Заикина, Григория Нелюбова, Марса Рафикова, Валентина Филатьева. Пройдя курс подготовки в отряде космонавтов, а затем выбыв из него, эти люди продолжали оставаться носителями важных научно-технических секретов, поэтому «светить» их долгие годы было нельзя. Георгий Шонин описал «рвущие душу чувства, когда тебя выбили из седла, а товарищи ушли вперед и тебе их уже не догнать...»

А СУДЬБА ЕГО ВСЕ РАВНО ОСОБЕННАЯ

Анатолий Яковлевич последние годы своей жизни провел в основном на даче, приспособленной для круглогодичного проживания, а не в городской киевской квартире. Дачники знали, что он заводской летчик-испытатель. Но не более того. Ближайший сосед по кооперативу Валентин Петрович Хлопов как-то под стопочку горилки изловчился вывести Карташова на задушевную беседу. Дело было в 2002-м. Удивился несказанно и пошла молва: «Якович з самим Гагариним знався!» Разговорился Карташов и о службе на Дальнем Востоке. Вспомнил друзей того времени, с кем летал вместе, на охоту да по грибы хаживал.

Хитрющий Хлопов имена запомнил и тайком написал письмо в Москву, на Центральное телевидение, в программу «Жди меня». Написал дословно так:

«Хочу помочь моему другу и соседу по дачному участку встретиться с друзьями. Только в этом году через 20 лет знакомства я узнал, что мой сосед Карташов Анатолий Яковлевич входил в первую шестерку космонавтов вместе с Гагариным, Титовым, Николаевым, Быковским и Поповичем. Карташов Анатолий Яковлевич — старший летчик-испытатель 1-го класса, полковник, 17 лет проработал испытателем самолетов и боевых вертолетов. Восемь лет испытывал технику на Дальнем Востоке. В отряд космонавтов Карташов Анатолий попал после службы в Карелии. Тогда он был старшим лейтенантом, на счету которого было порядка двухсот парашютных прыжков. С самого начала Карташов был в первой, гагаринской «двадцатке» отряда космонавтов, но скоро вышел в первую «шестерку». Но, к сожалению, организм не выдержал нагрузок. После этого Анатолий Яковлевич попросился служить на Дальний Восток в город Арсеньев. Там он и познакомился с Киселевым Александром Дмитриевичем и Пинчуком Иваном Максимовичем. Они вместе рыбачили, ходили на кабанов и коз, собирали целебный корень женьшеня. Именно с ними Анатолий Яковлевич и хотел бы встретиться».

Телевизионщики разыскали Киселева и Пинчука. На передачу — она была в эфире 3 марта 2003 года — смог приехать только Киселев. С ним и встретился Карташов в студии Останкино. Радости обоих не было предела.

В передаче не указывали на воронежские корни Анатолия Яковлевича, и на нее у нас никто не обратил внимание. Но года через три-четыре, уже после кончины нашего героя, удалось раздобыть фонограмму того выпуска программы «Жди меня» и передать ее воронежскому радиожурналисту Сергею Сынорову. Он сумел, используя собранные мною биографические материалы о Карташове и фонограмму с его голосом, сделать небольшую, но интересную передачу на областном радио.

В начале девяностых годов Анатолия Яковлевича скрутила опасная, известная своей неизлечимостью болезнь. Раковую опухоль в кишечнике искусный киевский хирург зачистил хорошо, после Карташов на «внутренности» не жаловался. Но потом случился инсульт с нехорошими новообразованиями глубоко в мозгу. Военный врач-нейрохирург профессор Александр Данчин согласился сделать

сложнейшую операцию, но предупредил об огромном риске. Прямо сказал: шанс есть, но он невелик. Больной не испугался.

Перед операцией медсестры пришли к Карташову в палату. Осмотрели, удивились:

— Ты спортсмен, что ли, дед?

— Было дело, — отвечал им пациент, — прыгал.

— В высоту, в длину?

— С высоты.

— С парашютом, значит?

— Ну, если без него, то вместо больницы везут сразу в другое место. Даже в морг не завозят.

— И сколько раз прыгали?

— Аж полтыщи раз.

— Ого!

А когда Данчин рассказал медперсоналу, что Карташов мог бы быть по счету третьим советским космонавтом, если бы не ошибка врачей, то внимания ему было море, кланялись, можно сказать, за версту.

После операции Карташов продолжил дачную жизнь — ковырялся в земле, что-то перестраивал и пристраивал, кормил внуков клубникой и смородиной. Вынашивал разные планы. Разметался как-то прыгнуть с парашютом в тандеме с младшим внуком Яшей, приобщить мальчика к небу. Считал, что из Яши может получиться летчик. Как-то попросил журналиста украинской газеты «Факты и комментарии» Владимира Шуневича переговорить по поводу прыжка с руководством аэроклуба. Но в самый последний момент, уже на аэродроме, передумал. Поздно после операции ему прыгать. Нельзя внуком рисковать — он ведь носит имя прадеда Якова, а потому должен как бы две жизни прожить — за себя и за предка.

Иногда Анатолий Яковлевич до глубокой ночи сидел в шезлонге и всматривался в небо, усыпанное звездами. Там теперь, если приглядываться, много можно заметить искорок, торопливо спешащих от горизонта к горизонту. В космос-то уж на экскурсию, по турпутевкам летать начинают... И уже без зависти, без обиды, которые, чего скрывать, занозами долго сидели в душе, вспоминал былое, своих товарищей по гагаринской «двадцатке», которым выпала звездная карта и они смогли по разу, а то и по два слетать на орбиту.

И тех, кому карта эта не выпала, вспоминал.

Еще до гагаринского старта сгорел в барокамере Валентин Бондаренко. Валентин Варламов нырнул на озере, ударился головой о дно и повредил шейные позвонки, отчего его списали. По медицинским показаниям оставил отряд и Дмитрий Заикин. Исключили Марса Рафикова за публичные разборки с женой как нарушителя дисциплины: будущий космонавт обязан быть хорошим семьянином.

Григорий Нелюбов не стал не только третьим, но и вообще космонавтом. Его с земляком Карташовым Иваном Анিকেевым и Валентином Филатьевым задержал патруль на одной подмосковной станции. Ребята, увы, были очень даже навеселе. Их отвели в комендатуру. В комендатуре Нелюбов начал «качать права», сказал что-то обидное в адрес начальника патруля. Последовал рапорт по инстанции. В итоге всю троицу наказали, причем жестко, в назидание другим — отчислили.

У каждого своя судьба, своя драма...

Один из последних прижизненных снимков

И у него, у Карташова, судьба особенная. Он был по-своему первым: его эта судьба прежде других вычеркнула из звездной «двадцатки»; остановила, несправедливая и жестокая, на полпути к мечте. Да и сам горячку сполот.

— Обидно, что не полетел в космос. Мне очень-очень хотелось полететь в космос, и я стремился к этому, — не единожды потом признавался Анатолий Яковлевич. — Нужно было пройти повторную комиссию, ведь на здоровье после не жаловался.

Умер Карташов 11 декабря 2005 года. Схоронили его на аллее Героев киевского кладбища «Берковцы». Его могила выделяется интересным памятником. По сообщению вдовы Юлии Сергеевны, и здесь не обошлось без помощи Павла Поповича. Он собрал на памятник более семи тысяч долларов. Деньги внес сам, потом добавили Алексей Леонов, Валентина Терешкова, Виктор Горбатко и несколько абсолютно не связанных с космонавтикой деловых людей из Москвы и Севастополя.

Кстати. Отчисленный из отряда космонавтов Григорий Нелюбов продолжил службу в далеком Приморском крае. Сильно страдал из-за поломанной жизни. 18 февраля 1966 года он, по неофициальной версии, в нетрезвом состоянии бросился под поезд. В Приморье и похоронен. Но, несмотря на столь печальный исход, его память чтут на родине, в Запорожье. Здесь Нелюбову поставили скромный памятник. На стене школы, где он учился, есть мемориальная доска.

Что касается Карташова, то хотелось бы, чтобы и в родном Садовом была увековечена память об этом незаурядном человеке — кандидате на полет в космос, военном летчике 1-го класса, летчике-испытателе 1-го класса, кавалере ордена Красной Звезды и восьми медалей...

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Уже собирался было поставить точку в этом своем скромном очерке об Анатолии Яковлевиче Карташове, как в интернете — в этой действительно всемирной «паутине» — выявился еще один факт его биографии. Как заметил читатель, о его космической подготовке сведений мало. Это много материалов — очерков, интервью, воспоминаний, фотографий — о космонавтах летавших. Большинство из первопроходцев вселенной издали мемуары. О тех же, кому не выпала звездная карта, написано очень и очень мало. Их имена упоминаются чаще в перечислении, а фотографий при деле — на тренировках, скажем, или на каких-то официальных мероприятиях в пору пребывания в составе отряда космонавтов — вообще не сыскать. Вот хорошо, что о нашем герое не забыли упомянуть Павел Попович, Алексей Леонов, Виктор Горбатко. Хорошо, что мне удалось хотя бы по телефону, но пообщаться с вдовой Анатолия Яковлевича, Юлией Сергеевной, еще до известных событий на Украине. Это она поделилась фотографиями из семейного альбома. А дополнительные детали приходилось искать в библиотеках, в архивах, в том же интернете. Вот почему обрадовался, когда гугл выдал статейку «Теперь здесь “Тропа Гагарина”» в калужской областной газете.

О чем речь. Дело было в конце ноября 1967 года. Директор одного из калужских заводов, Жолобов, был женат на родственнице супруги Юрия Алексеевича Гагарина. Директорша рассказала мужу о разговоре по телефону с родней и поняла, что Гагарин не прочь приехать поохотиться в калужских лесах. Но неофициально, без помпы. Директор сообщил об этом руководству Ферзиковского района, где было охотничье хозяйство. В райкоме партии тотчас посоветовали пригласить Юрия Алексеевича на охоту на его условиях, что и было сделано. Жолобов созвонился с Гагариным и получил положительный ответ. В охотхозяйстве взяли лицензию на лося, подготовили и проинструктировали группу охотников, которым в целях безопасности, скрытности и секретности было объявлено, что приедет с

ружьешком старый маршал Семен Михайлович Буденный. Когда прибыла «Волга» из Москвы и из нее вышли Гагарин и его спутники, не знавшие о затее люди были несказанно удивлены и обрадованы.

— Ну что, друзья, ждали маршала? Ему некогда, он прислал вместо себя полковника и еще троих, — весело оправдался космонавт № 1.

Гагарин представил своих друзей — Андрияна Николаева, Бориса Волынова и не летавшего космонавта по имени Анатолий. Фамилию его не назвал. Потом выехали в лес.

«Стали ставить номера, — пишет один из калужан, участвовавший в «операции». — Гагарин наотрез отказался становиться на номер. Объяснил: на номерах он уже стоял, а в загоне ни разу не был. Посылать новичка в загон было опасно: мало ли какая случайность. Но попробуй его останови...»

Охота тогда удалась. Одним лесом в лесу стало меньше. Развели костер. Гагарин достал две фляжки «Старки» по 225 граммов, а местные начальники достали из портфелей водочки, коньячка и закуски. Начались тосты, конечно, все за первого космонавта, чему тот сразу запротивился. Люди обратили внимание, что Юрий Алексеевич был очень внимателен к своему товарищу Анатолию.

Гагарин без устали рассказывал анекдоты. Один был такой. Космонавта спрашивают, есть ли жизнь на Луне. Есть, только не рассказывайте об этом Брежневу, а то начнет оказывать лунатикам братскую помощь. А еще Жолобов играл на губной гармошке, а Гагарин пел частушки:

От государственного пульта
Идет вовсю зараза культа.
Ах, с этим пультом маета —
Видать, конструкция не та...

Из леса все поехали в райцентр. В столовой ждали Буденного, а тут — космонавты! Шок и удивление. Взаимные приветствия и объятия. После обеда на память в книге отзывов — благодарность и росписи Гагарина и его друзей-космонавтов.

Космонавты в Калугу заезжать не собирались. Поехали сразу домой. За рулем у них был Борис Волынов, трезвый как стеклышко. Гагарин в этой поездке был в «самоволке», поэтому в обком о нем доложили только после отъезда. За это ферзиковских крепко ругали.

В заметке «Теперь здесь “Тропа Гагарина”» осторожно намекалось, что Анатолием в гагаринском сопровождении мог быть как раз Карташов.

Это более чем вероятно. Давайте вместе порассуждаем. Анатолий Яковлевич в воспоминаниях товарищей по отряду не раз назывался отличным охотником. Это же утверждение встречается и у журналиста Ярослава Голованова. Но, возможно, читатель обратил внимание, что после Звездного городка Карташовы перебрались на Дальний Восток. Не будет же ведь Гагарин вызывать Анатолия на охоту с края света!

Внимательно прочитал самую подробную карташовскую биографическую справку и вот что обнаружил. С 17 августа 1966 года Анатолий Яковлевич был откомандирован из Уссурийска в военное представительство № 2491 Министерства обороны СССР и до 23 августа 1968 года занимался здесь приемкой и испытанием авиационной техники в интересах Дальневосточного военного округа. 2491-е военпредство находилось в городе Долгопрудный Московской области. Это на северной окраине столицы, в полусотне километров от Звездного городка. Друг Павел Попович всегда был в курсе перемещений Карташова. Узнав об этом в свою очередь от Поповича, Юрий Алексеевич счел необходимым пригласить «хорошего друга и отличного человека» с собой на охоту в калужские леса. Этот факт лиш-

ний раз показывает Гагарина с самой лучшей стороны — отзывчивым, памятливым, доброжелательным, верным в дружбе. Слава не вскружила ему голову. А про Карташова можно сказать, что его и после отчисления товарищи по отряду космонавтов продолжали уважать и ценить.

Фотография, которая сопровождает газетную заметку про «тропу Гагарина», плоха качеством. Но разобрать, где на ней Гагарин, можно. Он четвертый слева. Пятый наверняка Андриян Николаев. В пальто — райкомовские. В фуфайках — местные охотники. Между райкомовским и охотником с бутылкой в руке — Борис Волынов. А вот самый правый на снимке, я уверен, как раз и есть наш Карташов. На нем обычная зимняя летная куртка и форменные брюки. Иной зимней одежды у него, командированного, с собой быть не могло.

Вот такая история...

* * *

Полковник Анатолий Яковлевич Карташов и без полета в космос прожил достойную жизнь. А в космических энциклопедиях — и в отечественных, и международных — его фамилия есть. И он там значится как космонавт. Пусть и «не имевший опыта космических полетов».

СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО ЛИСТАЯ

(Удивительные старинные истории)

ЗВОНКИЕ ПОДКОВЫ АНУБИСА

Этот роскошный скакун был гордостью Аннинского конного завода графа Ростопчина и общероссийской знаменитостью. В свое время ему не было равных на ристалищах — четвероногим соперникам только и оставалось, что глотать пыль из-под его быстрых копыт.

В самый последний год XVIII века в селе Анна тогдашнего Бобровского уезда Федор Васильевич Ростопчин, один из самых близких к императору царедворцев, основал конный завод. Уже в 1801-м завезенная из Англии рыжая Розина принесла здесь потомство — Свечку — от персидского коня Надира. Кроме Розины в заводе появились донские и горские кобылы. А «мужское» население составили несколько производителей с Аравийского полуострова и Британских островов. По некоторым данным, к 1810 году ростопчинский табун в Анне достиг численности в 400 голов.

В 1802 году граф основал конную фабрику в своем главном имении — селе Вороново под Москвой. Туда были приведены из Мекки особо ценные жеребцы Каймак, двух лет, и четырехлетние Душан, Ришан и Кади. В подруги им выписали родовитых «англичанок» Дори, Ио, Щеголиху, Актрису, Неудачу, Колибри и еще полтора десятка особей. Приводили сюда на случку, за пятьсот верст, и аннинских кобыл.

До 1812 года заводы в Анне и Воронове существовали параллельно. Вороновские кони служили графу утешением и развлечением и были ему, как писал историк-ипполог В.И. Коптев, «вне коммерческих интересов». А с Битюга живой товар шел на нужды Императорской армии под офицерское седло и частным коннозаводчикам на племя. Можно смело утверждать, что русская армия гнала Напо-

леона восвояси и въехала в Париж на тысячах быстроногих лошадях ростопчинской породы.

Перед самым подходом наполеоновских полчищ к Москве Ростопчин успел вывести крестьян и лошадей из Воронова. Людей расселил в Орловской, Воронежской и других губерниях, а табун примерно из двухсот голов пригнали в Анну и влили в здешний конный завод.

Ф.В. Ростопчин в 1826 году умер, завещав свои богатства младшему сыну Андрею. Ввиду несовершеннолетия последнего граф назначил ему опекуна — полицмейстера Адама Брокера, человека глубоко порядочного и делового. В это время в Лебедяни Тамбовской губернии, где ежегодно проводилась самая крупная в России конская ярмарка, построили ипподром и учредили скаковое общество. Буквально вся Россия по сентябрю стала съезжаться сюда, в провинцию, чтобы посмотреть конные состязания.

Первое участие аннинских скакунов в Лебедянских ристаниях отмечено 1828 годом. Тогда отличились Хлопец и Простак, взявшие призы. В последующие годы побеждали Искусник, Феникс, Геба, Апис, Медуза. Скромный, Селим, Хлопушка. Кстати, уже на этих скачках был приз и медаль за победу на одной из дистанций, учрежденные Брокером от имени молодого графа Ростопчина.

А потом настала очередь Анубиса. Этот серый красавец родился в Анне в 1827 году. Отец его, Тиктак, и мать, Ира, тоже аннинские родом. Из зарубежья только его деды — чистокровные арабские скакуны, и бабки — чистокровные английские кобылы. В наследство от первых Анубис получил южную выносливость и нетребовательность к пище, от вторых — северную резвость и объемистость, столь необходимую под европейского седока, весившего в среднем больше, чем житель пустынь.

Анубис имел рост два аршина и четыре вершка. По-современному — 160 сантиметров. Как и все ростопчинские верховые, лучшие результаты он начал показывать с шестилетнего возраста. С 1833 года и далее в течение трех лет подряд ему первому звонил финишный колокол. Причем результаты показывал стабильные. Дистанцию в три версты с перескачкой наш четвероногий земляк преодолевал за четыре минуты и четыре секунды. Шестиверстовка ему покорялась за восемь минут и 44 секунды.

В Лебедяни основными соперниками ростопчинцев были, как правило, чистокровные английские лошади, купленные у торговцев Смита и Жаксона знатными тогда русскими коннозаводчиками Мосоловым, Луниным, Петровским и Боейковым. Приходилось аннинским коням состязаться и со своими родичами — потомками скакуна Рулета, проданного графом Андреем Ростопчиным Хреновскому заводу на племя, — Розочкой и Горюном. Интересно, что перед Лебедянскими ярмарками Ростопчин отправлял своих «кандидатов в сборную» в село Хреновое, на завод графини Анны Орловой-Чесменской. Здесь устраивались так называемые пробные скачки ростопчинских и орловских верховых. Вот эти самые Розочка и Горюн, а еще Состязатель, Огнянка, Боец были главными соперниками аннинских коней.

Представьте себе, что в маленьком селе Анна, в сто с небольшим дворов, жили и работали приглашенные из заграницы специалисты конного дела! Основную селекционную работу вел англичанин Андерсон. Тренировкой лошадей занимался его соотечественник Ив.

Этот Ив на соревнованиях сам садился в седло. Он был отличным наездником. Под его управлением и добивался высоких результатов Анубис. Всего за свою спортивную карьеру этот питомец Аннинского конного завода выиграл десять первых призов. То были золотые медали, серебряные кубки и ковши и, конечно, деньги. Их в общей сложности он заработал более 13 тысяч рублей. Для графа

Анубис

Ростопчина это были сущие копейки, но зато какая слава! Среди наиболее престижных наград — Императорский приз, 1836 год. По итогам первого 10-летия существования Лебедянского скакового общества была отчеканена специальная именная золотая медаль с надписью «Анубису за отличие на скачках в первое десятилетие».

Зная, что Анубис все равно придет первым, заводчики-соперники графа Андрея Ростопчина в нескольких случаях не выставляли лошадей на бега, боялись проиграть заклад, да и животных берегли. И тогда Анубис с Джоном Ивом в седле в гордом одиночестве шагом проходил дистанцию под аплодисменты тысяч зрителей. Так было 18 сентября 1835 года, когда он заработал приз скакового общества серебряный кубок в 600 рублей ассигнациями.

В российских газетах, публиковавших отчеты о скачках в Лебедяни 1837–1840 годов, имя Анубиса также встречается если и не в числе первых, то все равно призеров.

Сколько прожил на белом свете этот рекордсмен, пока установить не удалось. Но известно о нем вот что.

Начиная с 1839 года граф Андрей Федорович Ростопчин начал охладевать к своему конному заводу. Сыграло тут роль, видимо, то обстоятельство, что к тому времени семейство его переехало на жительство из Москвы в Санкт-Петербург, откуда путь до Анны стал вдвое длиннее. Появились и финансовые трудности: сын как хозяин оказался менее успешен, нежели покойный граф-отец. По некоторым данным, уже в 1839-м начались переговоры с большим охотником до лошадей тамбовским заводчиком В.П. Воейковым на предмет купли-продажи Аннинского конезавода. Торг шел годами, и только к 1844-му сделка состоялась и ростопчинский табун вместе с берейторами, жокеями, службой, конюшенными мальчиками был выведен к Воейкову в Лавровку Тамбовской губернии. Заплатил за это Воейков очень мало, всего 39000 рублей.

В 1845 году в Царском Селе под Петербургом на бегах император Николай I увидел ростопчинцев, как говорится, в деле. Он позвал к себе выставившего их Воейкова и предложил продать его завод в казну. Воейков не стал противиться. В 1845-м был куплен в казну, то есть государством, и Хреновской конезавод, куда

перевели табун из Лавровки в 240 голов. Так по царской воле был создан из двух один, Хреновской Государственный конный завод.

Поначалу две породы — орловская и ростопчинская — велись раздельно, но затем, в силу близости их типа и назначения, ростопчинских кобыл стали подбирать к орловским жеребцам. Постепенно две породы слились в одну, получившую название орлово-ростопчинская. В ряде источников говорится, что «непревзойденный» Анубис продолжил с успехом карьеру производителя на новом месте. В 1847 году он еще был в здравии, его рисовал тогда известный художник Н.Е. Сверчков; по крайней мере, литография «Серый жеребец Анубис» датирована этим годом.

Поиск потомков Анубиса дал следующие результаты. У него был сын Андерсон, родившийся, наверное, еще в Анне и названный так в честь уже упомянутого конных дел специалиста-англичанина. От Андерсона пошла Африканка на Хреновском заводе, от Африканки там же появилась на свет Оборона. Далее эта Анубисова ветвь (всего лишь одна из многих) выходит на российские просторы, и потомки аннинской знаменитости обнаруживаются на Украине, на Стрелецком заводе.

Правнучка Обороны, Пихта, родила в 1911 году от жеребца Ценного серого Цилиндра. Этого Цилиндра и его полубрата Ценителя (отец Ценный, мать Базилика) врангелевцы в Крыму подготовили к отправке из России — знали им великую цену! Красным удалось отбить Цилиндра с Ценителем. Оба коня потом, по распоряжению Буденного, попали на Терский завод в Ставрополье. Там родился у Цилиндра сын Целебес.

Если кто не знает или забыл: летом сорок пятого на Красной площади в Москве маршал Жуков по поручению Сталина принимал Парад победителей. Георгий Константинович был на белом коне по кличке Кумир. Неотступно рядом с маршалом на светло-сером жеребце следовал адъютант генерал Зеленский. Этим жеребцом был Целебес — потомок знаменитого аннинского ростопчинца Анубиса.

Вот такая лошадиная история!

ШЕПОТ СТАРОЙ ФОТОГРАФИИ

В 1766 году немецкие колонисты, прибывшие в Россию по приглашению Екатерины Великой, основали под Острогжском село Рибенсдорф. Всего приехали туда 266 человек. Через век жителей в Рибенсдорфе было уже под две тысячи, в дефиците стала земля, с которой они снискивали себе на жизнь. С царского благоволения им разрешили выехать в другие губернии на свободные земли. Новые поселения назывались колонками. Эти колонки появились в Приазовье близ Таганрога, в Сибири, на севере современного Казахстана.

В селе Артюшкино был винокуренный завод купца Ивана Пафнутьева. В 1908 году к нему явились рэкетиры из банды Дмитрия Грачева, орудовавшей в Новохоперском и Бобровском уездах. Разбойники были связаны с саратовской организацией партии социал-революционеров и входили в ее боевую дружину. Для нужд партии и для себя, разумеется, они грабили помещиков и прочих зажиточных людей. Были на их счету и убийства. От Пафнутьева под угрозой смерти они потребовали тысячу рублей. Иван Михайлович сделал вид, что испугался, пообещал на следующий день собрать нужную сумму, но успел послать конного гонца к становому в волостное село Ярки. Прибывшие из Новохоперска жандармы на след рэкетиров не вышли, но по подозрению в связях с бандой арестовали нескольких артюшкинских мужиков. По суду их потом сослали в Северный край.

Чтобы не испытывать судьбу, Пафнутьев решил продать свой винокуренный завод. На объявление откликнулись пять семейств колонистов из самого Рибенсдорфа и двух приазовских колонок. Семьи объединяло родство и одна фамилия —

Шмунк. Главами семейств являлись четыре родных брата и их дядя. Братьев по-русски звали Мартын, Иван, Гавриил и Андрей, а дядю — Иван Григорьевич. В метриках лютеранских церквей Рибенсдорфа и отпочковавшихся от этого села колонок (они родились в разных местах) их имена на немецком записаны так: братья — Martin, Johann, Gabriel, Andreas, у дяди — двойное имя Johann Georg. Фамилия Шмунк происходит от старонемецкого глагола schmunzeln и на русский переводится как «усмехаться» или «пересмеивать». Корни рода, к которому принадлежат эти колонисты, обнаружены на юго-западе нынешней Германии, в деревне Лаутерн, что существовала неподалеку от города Дармштадт. Там в 1670 году в один год родились Генрих Шмунк и его будущая жена Анна. У них было одиннадцать детей. Один из сыновей, Йоганн, с супругой Анной-Катариной отозвался, как и тысячи его соотечественников, на призыв императрицы Екатерины II ехать на жительство в Россию и записался в колонисты. Имена их — в числе основателей села Рибенсдорф.

Став новыми владельцами — на паях — винокуренного завода, Шмунки (всего в Артюшкино приехало с детьми около тридцати человек) оказались людьми чрезвычайно трудолюбивыми. Они модернизировали винокурню — поставили 30-сильный паровой двигатель, допотопное оборудование для выгонки продукта заменили современными аппаратами бельгийской системы, посадили сады, купили или взяли в аренду земельные площади, на которых повели дело на культурной основе. На берегу реки Токай построили дома по пять-шесть комнат с лепными потолками, с окнами на улицу, что для захудалого Артюшкино было диковинкой.

С началом Первой мировой войны вместе с артюшкинцами воевать за царя и Отечество отправились и их немецкие односельчане. Так, из семьи Ивана Григорьевича Шмунка (тот, который дядя) в сентябре 1914 года солдатами 7-й пехотной дивизии Русской императорской армии, сформированной в Воронеже, стали сыновья Александр, Андрей и Иван. Все они попали на Юго-Западный фронт, в самое пекло.

Андрею не повезло первому. В одном из боев австро-венгры взяли его в плен. Пять лет этот артюшкинец бедствовал в лагере на родине своих германских предков — в городе Кассель. Лишь в 1920-м вернулся к жене Кларе и трем дочерям.

Александра в бою тяжело ранило, долго лечился. На последнем этапе выздоровления был привлечен к уходу за госпитальными страдальцами. Однажды его усердие заметил главный врач 7-й пехотной дивизии Мендель и распорядился направить на фельдшерские курсы. В должности ротного фельдшера Александр дослуживал до конца войны, после чего вернулся в Артюшкино.

Иван дослужился до унтер-офицерского звания, но, как и брат Александр, тоже был в плену. Лагерь располагался в венгерском городе Дебрецен. Надо заметить, что в те времена с пленными обращались не совсем так, как в годы Второй мировой. Конечно, и работой изнуряли, и кормили не кундюбами, но при всем ужасе рабского положения за послушание имелись и некоторые побрякушки — книги, кружки, самодеятельные театральные спектакли и концерты, выставки поделок, лагерные газеты, игра в шахматы и прочие виды досуга. Можно было в порядке особого исключения получить увольнение в город. Видимо, солдату Ивану Шмунку и трем его русским товарищам по неволе удалось заработать увольнительные и сфотографироваться.

Фотография датирована 1917-м годом, оформлена в виде почтовой открытки. На ней указано место съемки — фотоателье в Дебрецене. Есть место для письма. Что интересно, в Артюшкине тогда не было почтового отделения. Корреспонденция приходила на ближайшую к селу железнодорожную станцию Абрамовка. Сюда и отправил на имя отца свое фотопослание узник лагеря, написав с ошибками по-русски адрес так: «Воронежская губер. станци Абрамовка нова Хаперскаго уезда.

Ивану Григоревичу Шмункъ». От Абрамовки до Артюшкино, не указанного в адресе, двадцать километров. И, тем не менее, письмо нашло адресата. Текст самого письма, адресованного супруге, написан по-немецки. Приблизительно перевести его можно так: «Любимая жена Катарина, твой верный муж Иоганн отправляет тебе фотокарточку с тремя товарищами. Когда ты получишь карточку, знай — я живу светлой надеждой на возвращение домой. Крепко целую тебя и детей наших Андреаса, Луизу, Матильду, Лею и крошку Элизабет. Молюсь за вас и вы молитесь за меня. Твой верный муж Иоганн».

Не все артюшкинцы вернулись домой с фронтов империалистической войны. Кто погиб от пули, кто от разрыва фугаса, кто от удушливого газа, кто умер от тифа, а кто-то стал инвалидом. Среди оплаканных горячими слезами был немец Иван Исаевич, младший из родных братьев — совладельцев винзавода: он погиб в бою и упокоен в польской земле. Ему было двадцать семь лет; на руках у вдовы Христины остался маленький Исаак — первый ребенок немецких поселенцев, родившийся в Артюшкине. В одном полку с погибшим, в 15-м кавалерийском, воевал артюшкинец Сергей Семенович Каменев. По его рассказам, этот Иван Шмунк был отчаягой, вражеской пули не боялся, был весельчак и балагур, любил разыгрывать товарищей. Вот такой был пересмешник...

После революции винзавод Шмунков национализировали, однако новая власть ума ему не дала, местная гольтыбба завод разорвала. В 1926-м немцы дружно покинули село, распродав по дешевке дома. Выехали они в неизвестном направлении. Однако лет пятнадцать назад мне, автору этих заметок, удалось выяснить их судьбу.

Из наших краев, с берегов Токая, они в поисках лучшей доли отправились в Ставрополье, где на реке Зеленчук были хутора немецких колонистов — рибенсдорфских выходцев. Там, вместе с соплеменниками, создали передовой колхоз «Колосья», отстроились. Но завистливые люди — они есть в каждой национальности — начали писать на Шмунков доносы. Зачитали запрошенную из Артюшкинского сельского Совета справку: такие-то и такие имели там винзавод, 600 десятин земли, занимали батраков... В общем, раскулачили «затаившихся буржуев» и в 1935 году сослали на жительство в голую степь на границе с Калмыкией. И там этот народец не покорился судьбе — через пару лет на новом месте заколосились поля, зацвели цветы в палисадниках.

И — снова испытания. Некий человек, в бумагах известных органов указанный как «осведомитель Ястребок», донес о разговорчиках, что ведут меж собой и в присутствии колхозников братья Александр, Андрей и Иван Шмунки да примкнувшие к ним Богер, Кох и русский человек по фамилии Семенов. Недовольны,

мол, колхозной жизнью, клеветают по-немецки и по-русски на советскую власть. Из этой группы «врагов народа» чудом уцелел только Иван Шмунк — тот самый бравый унтер, который сидит на снимке при усах и с книгой. А братьев его, Александра и Андрея, Богера с Кохом и Семеновым осудили по широкозахватной статье 58 тогдашнего уголовного Кодекса РСФСР и расстреляли осенью 1937-го в подвале ближайшей тюрьмы.

В начале Великой Отечественной войны советских граждан немецкой национальности на всякий случай депортировали подальше от фронта. Например, жителей села Рибенсдорф отправили в Новосибирскую область, из колонок юга России — в Казахстан, Киргизию. Нашим Шмункам досталось спецпоселение на окраине Семипалатинского ядерного полигона, в зоне ядовитых ветров. В 1990-е годы многие потомки артюшкинских немцев эмигрировали из Казахстана в Германию. Среди уехавших была и семья внука Ивана Ивановича Шмунка, тоже Ивана. Он и увез с собой домашнюю реликвию — фотографию, сделанную в венгерском плену в 1917 году.

С Иваном-внуком я связывался по телефону и посредством переписки в социальных сетях. От него узнал, что дед умер в Казахстане в 1959 году. Он часто рассказывал про жизнь в Артюшкине, про реку Токай, где ловились пескари, лини, щуки и сомы, «у которых голова с ведро». И еще про то, как в венгерском плену во сне услышал перезвон колоколов, а на колокольне привиделся артюшкинский православный поп Иван Романовский, жестами звавший к себе его, лютеранина.

Сон оказался вещим: утром объявили об окончании неволи.

Лариса Валерьевна Кригер родилась в Воронеже. Окончила Воронежский инженерно-строительный институт. Архитектор, историк архитектуры, педагог. Эксперт по правовому регулированию застройки исторических территорий, советник Российской академии архитектурных и строительных наук, член Союза архитекторов РФ. Автор многих научных и краеведческих статей и книг, в том числе уникального исследования «Усадьбы Воронежской области». Лауреат премии им. Е.А. Болховитинова, Международного фестиваля «Зодчество», награждена золотой медалью РААСН. Живет в Воронеже.

Лариса Кригер

УСАДЬБЫ АННИНСКОГО РАЙОНА

Аннинский район расположен в северной части Воронежской области. До 1928 года территория района относилась к Бобровскому и Новохоперскому уездам Воронежской губернии и Борисоглебскому уезду Тамбовской губернии.

По территории района протекают реки Битюг, Тойда, Курлак, Токай. И села, тяготеющие к этим рекам, заселялись с конца XVII — начала XVIII веков. В 1697–1698 гг. привлеченные плодородными землями переселенцы основывают слободы Аннинскую, Тойдинскую, Чиглянскую, Мосоловку. В 1699 году по указу Петра I река Битюг от вершины до устья со всеми впадающими в нее притоками и окружающими землями была передана в ведение приказа Большого Двора для расселения здесь дворцовых крестьян из центральных уездов России. Целью создания здесь земледельческих сел была заготовка продовольствия для Азовской губернии. В 1701 и 1704 гг. сюда были переселены дворцовые крестьяне из Ярославского, Ростовского, Костромского, Владимирского, Суздальского и Пошехонского уездов. К 1710 году по берегам реки Битюг было основано 15 сел (Бобровск, Мечетка, Коршево, Шестаково, Городецкое, Анна, Курлак, Садовое, Чиглянск, Тойда, Борщево, Щучье, Яблочное, Никольское, Тишанка), названных «битюцкими дворцовыми селами», Битюцким или Бобровским уездом. Помимо правительственного заселения Прибитюжья в эти же

годы здесь селились беглые служилые люди, основавшие несколько самостоятельных сел: Самовец, Эртиль, Матренка, Вязковскую и сл. Чамлык. Расширение Битюцкой дворцовой волости продолжалось в 1745–1746 годах, когда вновь переведенными дворцовыми крестьянами из Владимирского, Коломенского и Ярославского уездов было основано еще несколько сел: Мосоловка, Бабка, Кисляй и Пчелиный.

Во второй половине XVIII в. при Екатерине II и Павле I плодородные земли Бобровского уезда «жалуются» столичной аристократии: Безбородко, Орловым, Ростопчиным. Екатериной II земли были пожалованы братьям графам Орловым (Федору, Владимиру и Алексею). От Павла I около 30 тысяч десятин земли получил в свое владение граф А.А. Безбородко. Вместе с землей ему достались дворцовые крестьяне Старой Чиглы, Старого и Нового Курлака. После смерти А.А. Безбородко в 1799 году земли перешли к его племяннице княгине К.И. Лобановой-Ростовской, урожденной графине Безбородко, а затем к Станкевичам и Тулиновым. В 1797 г. генерал-лейтенанту В.В. Нащокину были пожалованы дворцовые крестьяне Старой Тойды с обширными землями в округе. В том же году землю и крестьян в селах Анна, Верхняя Тойда и Мосоловка получил Ф.В. Ростопчин. В 1804 году камер-фрейлине А.С. Протасовой были пожалованы дворцовые крестьяне села Садового. Это имение вскоре перешло в собственность князей Васильчиковых.

К середине XIX века на территории района значительными землевладельцами были графиня Е.В. Левашова (Анна, Верхняя Тойда, Васильевка, Николаевка, Левашовка, Софьинка и 32161 крестьян мужского пола); И.В. и А.В. Станкевичи (Новый и Старый Курлаки, Хлебородное, Николаевские дачи, Бродовое и 2971 крестьян мужского пола); С.И. Алексеева (Рубашевка), Т.И. Рубашевский (село Большие Ясырки, пос. Ивановский и 958 душ крепостных); А.А. Сабуров (Мосоловка и Сабуровка); К.В. Колюбакина (Старая Тойда и Нащекино); князь И.И. Васильчиков (село Садовое с 3 хуторами и 967 душ крепостных); В.Я. Тулинов (Старая Чигла, Тулиновка и Романовка и 968 душ крепостных); Ф.Ф. Стешнев (Рамонье). Имение графа Кушелева-Безбородко при селе Покровское, Новая Чиголка тож с 2 поселками насчитывало 5263 крепостных.

Многие помещики содержали у себя в имениях конные и овчарные заводы, занимались селекционной работой. Крупные овцефермы существовали в середине XIX века при Верхней Тойде, Мосоловке, Новом Курлаке, Старой Чигле, Садовом, Анне. Основателем коннозаводского дела на территории района был Ф.В. Ростопчин, устроивший при усадьбе в Анне конный завод, на котором была выведена новая порода верховых лошадей — «ростопчинская». Впоследствии его конные заводы перешли к Барятинским. В 1870-е годы на конном заводе князя В.А. Барятинского при селе Николаевке было 4 жеребца, 34 матки рысистой породы. Тогда же на территории Аннинского района действовали конные заводы: поручика С.Н. Долманова в селе Артюшкино (с 1848 года), имевший 2 жеребцов и 11 маток; елецкого купца Н.В. Володина в Старой Чигле (с 1862 года), имевший 4 жеребцов и 45 маток рысистой породы; князя С.И. Васильчикова в Садовом, на 2 жеребцов, 10 маток рысистой породы; действительного статского советника Т.И. Рубашевского в с. Большие Ясырки на двух жеребцов и 25 маток рысистой породы; отставного унтер-офицера Н.Ф. Кретова в с. Садовом на 1 жеребца и 5 маток битюгской породы.

В 1895 году на заводе князя В.А. Барятинского в Николаевке было уже 104 лошади-производителя рысистой породы и 81 лошадь — рабочей породы; на заводе купца Володина в Старой Чигле — 116 рысистых лошадей-производителей; на заводе братьев Яицких в селе Новый Курлак — 40 лошадей рысистой породы.

В начале XX века в имении Станкевича существовал питомник различных пород овец, среди них были и английские рамбулье. На Воронежской сельскохозяйственной выставке экономией княгини Барятинской была представлена лучшая и наиболее полная коллекция домашней птицы. Там же экспонировался и крупный рогатый скот Рубашевского, в том числе выведенная «рубашевская» порода коров.

К началу XX века наиболее крупными землевладельцами на территории района были граф А.В. Орлов-Давыдов, владевший 40364 десятинами земли около селца Тулиново-Березово; Иван Владимирович и Александр Владимирович Станкевичи, владевшие 20433 десятинами земли при селах Новый и Старый Курлак; княгиня Н.А. Барятинская, собственница 19168 десятин земли при селе Анна; князь С.И. Васильчиков, владевший 6617 десятинами земли около сел Садовое и Большие Ясырки; Н.Ф. Харин, владевший 3902 десятинами земли около села Мосоловка; купцы Л.А. и Н.А. Хренниковы, владевшие 3949 и 900 десятинами земли около Анны и Верхней Тойды; В.И. Колюбакин, владевший 1976 десятинами земли около села Старая Тойда; С.Т. Рубашевский и Ф.И. Рубашевская — собственники 2374 и 807 десятин земли около села Большие Ясырки; В.Ф. Тржесковская, владевшая 1949 десятинами земли при селе Рамонье; П.А. Доломанов, владевший 705 десятинами земли при х. Петропавловский; И.И. Карасев, владевший 815 десятинами земли при селе Анна; потомственный почетный гражданин Ф.А. Петров — собственник 2801 десятин земли около села Большие Ясырки; И.И. Карасев — собственник 714 десятин земли около Анны; крестьянин В.С. Игнатов, владевший 768 десятинами у села Большие Ясырки.

Всего на территории Аннинского района в 1900 году было 39 усадеб и 90 владельческих хуторов, не считая многочисленных лесных кордонов и сторожек при пасаках, мельницах, овчарнях, птичниках, кирпичных и конных заводах. От всех этих частных владений сегодня в Аннинском районе сохранились постройки лишь пяти бывших усадеб. Еще несколько усадеб можно идентифицировать на местности по остаткам парков, садов, следам построек.

УСАДЬБА РОСТОПЧИНЫХ-БАРЯТИНСКИХ в поселке городского типа Анна

Проезжая в сторону Борисоглебска по Саратовской автодороге через Анну, невозможно не заметить красивейшую многоглавую церковь, стоящую на холме справа от дороги. Чуть далее начинается огромный усадебный парк, спускающийся к Битюгу. Там, на высоком правом берегу реки Битюг и по берегам реки Анны, в восточной части современного поселка, располагалась одна из наиболее известных и исследованных усадеб Воронежской области. К сожалению, сегодня мало что осталось от усадебных построек, но само место замечательно своей историей.

Основание села Анна (Аннинского) относится к началу XVIII века и связано с заселением реки Битюг дворцовыми крестьянами, переведенными из сел центральной России. В 1705 году Анна уже упоминается как село с церковью. Согласно переписи 1710 года Анна была самым большим селом в прибитюжье: здесь проживало 275 человек. По переписи 1724 года в Анне было 219 дворцовых крестьян и 39 однодворцев, действовала церковь Рождества Христова. В те годы застройка села располагалась на правом берегу реки Анны. Дальнейшее же развитие Анны напрямую связано с ее владельцами.

9 января 1797 года графу Федору Васильевичу Ростопчину (1763–1826), великому канцлеру, главному директору почт и члену Государственного совета, высочайшим повелением императора Павла I были пожалованы дворцовые селения в Воронежской губернии: Мосоловка, Верхотойда да сельцо Анновка «с принадлежащими к оным селениям землями и угодьями». Земли Мосоловки и Верхотойды были отданы в аренду, а в селе Анна начинается устройство усадьбы. В 1801 году Ф.В. Ростопчин впал в немилость нового императора Александра I, получил отставку и вплотную занялся своим имением.

На мысообразном выступе правого берегового склона реки Битюг, между балкой с рекой Анной (давшей название селу) и небольшим безымянным логом, разбивается парк, устраивается небольшой пруд. В южной части территории строятся здания усадь-

бы: господский дом, флигели, службы. Неподалеку от усадьбы устраивается конный завод. В 1799 году в Аннинский конный завод были переведены лошади из подмосковного Вороновского завода Ростопчиных.

Но хозяйственная деятельность графа продолжалась недолго. Ф.В. Ростопчин был столь влиятельной фигурой в политической и общественной жизни России, что Александр I в 1809 году, несмотря на свою неприязнь, был вынужден назначить графа членом Государственного Совета, а в 1812 году — московским губернатором. Именно губернатор Ф.В. Ростопчин приказал перед сдачей Москвы французам вывезти все из города и сжечь дома, чтобы «неприятель нашел не город, а пустыню». После войны 1812 года отстраненный от должности Ф.В. Ростопчин вновь уехал в свое воронежское имение, а вскоре покинул Россию.

После смерти графа в 1826 году единственным наследником огромного состояния, в том числе и воронежского имения, становится его младший сын Андрей Федорович (1813–1892). В 1833 году он женился на Евдокии Петровне Сушковой (1811–1858). Девять лет, с 1833 по 1842 гг., с ранней весны и до поздней осени Андрей Федорович и Евдокия Петровна Ростопчины проводили в Анне, а с 1838 по 1840 гг. безвыездно жили в своей аннинской усадьбе. Здесь же в 1837, 1838 и 1839 годах родились их две дочери, Ольга и Лидия, и сын Виктор.

За время владения усадьбой А.Ф. Ростопчиным в начале 1830-х годов было построено двухэтажное каменное здание для больницы — одной из первых больниц нашего края. Это протяженное здание, стоящее на краю крутого склона над рекой, сохранило детали стиля классицизм: руст, замковые камни, треугольные сандрики.

В описи 1835 года в усадьбе Ростопчиных значились: «дом господский жилой дубового леса, на каменном фундаменте, о 14 покоях, длиною 17 сажень, шириною 8 сажень, крытый тесом..., второй дом на каменном фундаменте о 9 покоях... соснового леса, покрыт тесом, третий дом на каменном фундаменте о 5 покоях... крытый тесом..., новый корпус каменный двухэтажный, длины 21 сажень, ширины 4 сажени, в коем помещается больница и разные мастерские заведения, крытые железом, людская каменная с ледником и погребницею». На реке действовали «три водяные мельницы о 6 поставах и три толчеи, ветряная мельница каменная о двух мукомольных поставах, крытая тесом, при том же селе конный двор и в оном манеж каменный, в длину 21 сажень, в ширину семь сажень с половиною, 6 конюшен каменные, каждая длиною 22 сажени, шириною 7 1/2, крытые как манеж, [так] и конюшни железом и окрашены дикою краскою, при том же конном дворе еще пять конюшен каменных...»

В 1842 году Ростопчины были в Анне в последний раз, затем они уехали за границу, а с середины 1840-х годов началось их разорение. В 1850 году имение в Анне приобрела тетья Е.П. Ростопчиной графиня Евдокия Васильевна Левашова (1796–1868), урожденная Пашкова, вдова генерала, участника войны 1812 года графа Василия Васильевича Левашова (1783–1848) — крупного политического деятеля, который в 1840-е годы был председателем Государственного Совета и Кабинета Министров, генерал-губернатором Киевским, Подольским и Волынским, затем — генерал-губернатором Черниговским, Полтавским и Харьковским. У Левашовых была дочь Екатерина (1826–1853), в замужестве княгиня Голицына, а также два сына — графы Николай Васильевич (1827–1888) и Владимир Васильевич (1834–1898), женатый на Ольге Викторовне Паниной (1836–1904), владелице нескольких имений в современном Панинском районе. После смерти Е.В. Левашовой в 1868 году Анна перешла к ее старшему сыну — генерал-адъютанту, графу Н.В. Левашову, Орловскому (1861) и Петербургскому (1866–1871) губернатору. Левашовы хотя и владели усадьбой около четверти века, но не оставили заметного следа в ее формировании: на период их владения пришлась лишь реформа 1861 года, после которой часть земель была передана крестьянам.

В 1873 году имение Анна переходит во владение Надежды Александровны Бяргинской (1846–1920), урожденной Стенбок-Фермор. Князь А.П. Щербатов (1910–2006)

Слева фото начала XX века усадебного дома в Анне (*не сохранился*).
Справа — сохранившийся усадебный флигель, построенный в 1908 году
(фото 2010 года)

писал о своей бабушке: «Стенбок-Фермор — знаменитая шведская семья, постепенно обрусевшая с переходом Прибалтики к России. Бабушка — самая богатая представительница этой фамилии, прапраправнучка владельца металлургических заводов Урала Саввы Яковлева. В честь нее ряд предприятий на Урале названы “Надеждинскими”». О своем деде князе В.А. Барятинском (1843–1914) Щербатов писал: «Владимир Анатольевич Барятинский состоял при наследнике Александре Александровиче, будущем императоре Александре III. При взятии Ходжента дед получил орден Станислава 2-й степени с мечами, в следующих боях — орден Владимира 4-й степени с мечами и бантом, орден Анны 3-й степени. В 1868 году за отличие при взятии Ура-Тюбе награжден золотой саблей. Отличившись в войне против турок, был награжден орденом Владимира 3-й степени. Состоял советником при особе наследника цесаревича, будущего государя императора Николая II, сопровождал его в путешествиях, в том числе на Дальний Восток». У Надежды и Владимира Барятинских было семеро детей: Мария (умерла в детстве), Анна (1879–1942), в замужестве Щербатова, Ирина (1880–1920), в замужестве Мальцова, Елизавета (1882–1948), в замужестве Апраксина, Александр (1870–1910), женатый на княжне Е.А. Юрьевской (внебрачной дочери Александра II), Владимир (1874–1941), женатый на Л.Б. Гюббенет, Анатолий (1871–1924), женатый на М.С. Башмаковой.

Проживавшие постоянно в Петербурге, в своем Аннинском имении Барятинские бывали лишь летом. Но так же, как и другие столичные землевладельцы конца XIX века, они переустраивают воронежское имение, превращая его в усадьбу-экономию. В числе других крупных землевладельцев Барятинские в 1890-х годах финансировали строительство железной дороги в Анне, чтобы иметь возможность более быстро и дешево вывозить на рынок сельскохозяйственную продукцию. Вокзал станции Анна сохранился до сегодняшних дней, хотя и утратил свое первоначальное назначение.

На своих 19168 десятинах земли Н.А. Барятинская организовала новую систему хозяйства, построила паровую мельницу, устроила питомник лесных и фруктовых деревьев, показательные птичники... На Воронежских сельскохозяйственных выставках экономия княгини Барятинской выставляла лучшие и наиболее полные коллекции домашней птицы. За усадьбой, на берегах реки Анны, находились винокуренный завод, паровая мельница, кирпичный завод, конный завод.

В 1900 году при усадьбе в Анне проживало 246 человек, было 2 общественных здания, действовали паровая кузница, столярная, слесарная и шорная мастерские. При кир-

пичном заводе постоянно проживало 20 человек, при конном заводе — 20 рабочих. В усадьбах бывших дворовых рабочих в хуторе Дворяня проживало 70 человек.

При Бяратинских был перепланирован парк, который считался тогда одним из самых больших усадебных парков в губернии. Он был площадью 29 гектаров. В центральной части парка были высажены крупные группы декоративных деревьев, образующих несколько камерных полей, перетекающих друг в друга. Здесь же посажены группы лиственных пород (береза, дуб, ясень) и хвойных деревьев (сосна, ель, лиственница). Парковый ансамбль включал в себя беседки, фонтан. В юго-западной части парка параллельно нынешней ул. Ватутина от церкви к главному дому была устроена подъездная аллея шириной около 15 метров.

В конце XIX века Бяратинские строят новую церковь. Первый проект церкви был выполнен столичным архитектором — гражданским инженером В.А. Косяковым — и впоследствии вошел в «Архитектурную энциклопедию второй половины XIX века». Окончательный проект храма был разработан воронежским архитектором С.Л. Мыловским и утвержден 20 марта 1892 года. Строительство церкви началось 1 июня 1894 года, а 10 мая 1899 года храм был принят комиссией. На постройку церкви князь Бяратинский затратил более 150 тысяч рублей, и еще 25 тысяч пошло на убранство храма. Семиярусные иконостасы были привезены из Санкт-Петербурга. Освящен этот храм был 1 июля 1899 года во имя Рождества Христова. Еще в конце XIX века в описаниях отмечалась красота этой церкви, «выполненной в древневизантийском стиле». Сейчас этот храм — один из интереснейших памятников архитектуры Воронежской области. В объемной композиции церкви архитектор воспроизвел схему многоглавого ярусного храма. В основу был положен крест с ярусным нарастанием объемов к центру — повышенному четверику средокрестия с мощным луковичным куполом на цилиндрическом световом барабане. Ветви креста, увенчанные световыми главами и угловыми главками, с востока продолжены угловыми пятигранными алтарными апсидами, а с запада — коротким участком трапезной, соединяющей храмовую часть с четырехъярусной колокольней, первоначальная высота которой была 43,37 метра. Верхние ярусы колокольни в середине XX века были утрачены, но в 1991 году выстроены вновь. Кирпичный декор церкви, детали которого заимствованы из русской архитектуры XVII века (пучки колонн с валиками, кокошники, ширинки), органично

Христорождественская церковь в пгт Анна.
Фото 2018 г.

сочетается с композицией объемов: он подчеркивает и организует пластику переходов от одного объема к другому, придает всему храму сомасштабность человеку и окружающему ландшафту. Общий строй объемов храма отражается во внутреннем пространстве, создавая запоминающийся интерьер. Особый эффект производит организация верхнего света над боковыми ветвями креста, алтарем и восточной частью трапезной.

В 1900 году Надежда Александровна одна из первых в губернии организовала в своем имении детские ясли-приют, в начале XX века выстроила больницу, школу (утрачена). В Памятных книжках помимо Аннинской больницы упоминается еще «больница княгини Бяратинской в пос. Тулиново» (сейчас окраина села Березовка). Этот факт требует дополнительного исследования.

Аннинский больничный комплекс, построенный в начале XX века, был расположен к западу от усадьбы (ул. Больничная) и находился в окружении старых хвойных деревьев. Сохранился одноэтажный кирпичный корпус, Ш-образный в плане, и деревянный, П-образный в плане, с многогранным угловым выступом.

В 1900-х годах Бяратинские перестраивают дом и флигели, получившие мезонины с сильно вынесенными карнизами на типичных для модерна больших кронштейнах и ступенчатые аттики. На аттике уцелевшего флигеля сохранилась дата: «1908».

К 1911 году в собственности Надежды Александровны Бяратинской осталось 8801 десятина земли, паровая мельница, винный и конный заводы. Часть имения отошла двум дочерям Бяратинских: графине Елизавете Владимировне Апраксиной и жене камер-юнкера Высочайшего двора Ирине Владимировне Мальцовой. Им принадлежало 576 десятин земли при селе Анна. Камер-юнкер Сергей Иванович Мальцов и графиня Е.В. Апраксина владели 2 тысячами десятин при Верхней Тойде. Кроме Бяратинских, Апраксиных и Мальцовых, землями при Анне и Верхней Тойде к этому времени владели купцы И.И. Карасев, В.Г. Копенкин, И.П. Воронцов, Николай, Митрофан, Тихон и Николай Николаевичи Харины, Аннинское и Верхнетойдинское сельскохозяйственные общества.

К Бяратинским в Анну приезжало много гостей: родственников, друзей, соседей, запечатленных на многочисленных фотографиях. Князь Алексей Павлович Щербатов, сын Анны Владимировны, в шестилетнем возрасте единственный раз побывал в гостях у бабушки, Надежды Александровны Бяратинской, в Анне. Свои впечатления он описал так: «В 1916 году мы провели часть лета в имении “Анна”... Имение “Анна” находилось в Воронежской губернии, примерно в двухстах километрах от Курска, но значительно отличалось от “Марьино”: дикая степь, огромные птицы дрофы, степные удавы. Как все необычно! Дом был большой, с двумя флигелями по бокам, в одном из которых мы жили. Вспоминаю, как я боялся ходить по галерее, соединявшей боковой флигель с основным зданием, где располагалась столовая. Вдоль стен длинной галереи стояли чучела животных очень хорошей работы. В первую минуту мне показалось, что они настоящие и все смотрят на меня. <...> Помню еще, что в Воронежской губернии было невероятное количество птиц, и мы часто ездили на охоту на так называемых “линейках” — длинных телегах, запряженных двумя-тремя лошадьми, с сиденьями вдоль бортов. С телег было удобно наблюдать, как охотились взрослые мужчины — мой дядя [Владимир Владимирович], отец [Павел Борисович Щербатов], приехавший с фронта, брат Кирилл и соседи. Мои братья [Кирилл и Владимир] иногда вдвоем за несколько часов приносили двадцать-тридцать уток или перепелок...»

После революции усадьба Анна подверглась разграблению. Годы Гражданской войны продолжили разрушения. В 1920 г. в Воронежскую губернию был командирован эмиссар Отдела по делам музеев Наркомпроса РСФСР Н.А. Шульга. В своем отчете, сопоставив описи 1918 года художественных ценностей усадеб, в т.ч. Анны, эмиссар сделал вывод о «полной гибели почти всей сколько-нибудь сохранившейся обста-

новке в имении». Размещенный в начале 1920-х годов в усадьбе интернат для беспризорников завершил процесс: усадебный дом сгорел.

Сегодня от некогда богатейшей и известной усадьбы сохранились часть парка и несколько построек, занимающих участок неправильной формы в южной части усадьбы: двухэтажный кирпичный дом — первая больница Ростопчиных, один из двух флигелей начала XX века, ранее соединявшихся с утраченным двухэтажным домом галереями, о которых писал князь Щербатов. К западу от усадьбы между улицами Ватутина и Лизы Чайкиной на территории современного промпредприятия сохранилось несколько вытянутых краснокирпичных корпусов — вероятно, остатки конного завода Ростопчиных.

УСАДЬБА С САХАРНЫМ ЗАВОДОМ ВАСИЛЬЧИКОВЫХ (село Садовое)

Село Садовое расположено на левом берегу реки Битюг — от Анны выше по течению. Было заселено государственными крестьянами, переведенными сюда из центральных уездов России по указу Петра I в 1701 году. В 1724 году в селе уже была Бого-явленская церковь. В 1804 году часть села, населенная дворцовыми крестьянами, была пожалована камер-фрейлине Екатерины II Анне Степановне Протасовой (1745–1826), дочери сенатора московских департаментов и двоюродной сестре братьев Орловых, которым принадлежали земли вокруг Садового. Император Павел I отнесся к А.С. Протасовой благосклонно, а император Александр I в день своей коронации (1801 г.) возвел А.С. Протасову в графское достоинство, которое распространялось и на воспитанных племянниц, дочерей покойного генерал-поручика Петра Протасова, фрейлин Варвару, Веру и Анну. Одна из племянниц к этому времени уже была женой графа В.Ф. Ростопчина, владельца Анны. Садовое вскоре переходит к другой племяннице, графине Вере Петровне Протасовой (1770–1814), вышедшей в 1801 году замуж за Иллариона Васильевича Васильчикова (1777–1847), генерал-адъютанта, получившего в 1831 году графское достоинство, а в 1839 — княжеское.

У В.П. и И.В. Васильчиковых было двое детей — сын Илларион Илларионович (1805–1862), генерал-адъютант, Киевский, Волынский и Подольский генерал-губернатор, член Государственного Совета, и дочь Екатерина (?–1842), супруга Курского и Харьковского губернатора, генерал-лейтенанта И.Д. Лужина, владельца имения и основателя сахарного завода в с. Нижний Кисляй (Бутурлиновский район). Впоследствии этот сахарный завод принадлежал Б.А. Васильчикову — внуку Иллариона Васильевича. Второй супругой Иллариона Васильевича в 1815 году стала Татьяна Васильевна, урожденная Пашкова (1793–1815), сестра Е.В. Левашовой, владелицы соседней Анны. От второй жены князь И.В. Васильчиков имел сыновей Григория (1817–1818), Александра (1818–1881), Виктора (1820–1878), Сергея (1822–1860), Василия (1826–1867).

У князя Иллариона Илларионовича, женатого на Екатерине Алексеевне, урожденной Щербатовой (1818–1869), был сын, князь Сергей Илларионович (1849–1922) — последний владелец Садового и собственник 6617 десятин земли (на 1900 год).

Усадьба в Садовом начала складываться при Илларионе Илларионовиче Васильчикове. В 1835 году на берегу реки Битюг к северу от села он строит сахарный завод — второй по времени основания в Воронежской губернии, заводит племенную овчарню. В 1860-е годы происходит первая реконструкция завода — здесь возводятся каменные производственные здания. При селе тогда действовали конный завод и овце-завод с лучшими по качеству шерсти тонкорунными мериносовой и электоральной породами овец. А в 1910-е годы завод вновь реконструируется. В эти годы возводятся новые корпуса, при заводе строятся дома для рабочих, открывается больница — «Садовский приемный покой при сахарном заводе».

Садовский сахарный завод.
Вид от реки.
Фото 2010 г.

В 1900 году в поселке при заводе проживало 107 человек, в усадьбе Васильчиковых — 80 человек, а во владельческой части села Садового население составляло 3539 человек; было 525 дворов, 2 общественных здания, школа, 7 мелочных лавок, 3 винных, 1 трактир, действовала церковь. В 1911 году князю С.И. Васильчикову принадлежало всего 220 десятин земли. Сахарный завод и 5187 десятин были уже во владении Садовского акционерного общества. Остальная усадебная земля Васильчиковых принадлежала Садовскому сельскому обществу.

В советское время — в частности, с 1935 по 1957 годы — село Садовое было районным центром и подверглось значительной реконструкции. Сейчас от усадьбы Васильчиковых в Садовом не осталось даже следа. Только возвышаются над излучиной реки Битюг постройки сахарного завода, среди «советских» корпусов которого хорошо видны старые здания с выразительным декором и фигурными аттиками. Интересен расположенный в северной части заводской территории заброшенный корпус, в архитектуре которого использован мотив аркады. Вокруг завода сохранились несколько десятков кирпичных одноэтажных домов для рабочих и здание больницы, выстроенные в кирпичном стиле начала XX века.

УСАДЬБА СТАНКЕВИЧЕЙ КУРЛАК («НОВОКУРЛАКСКАЯ ЭКОНОМИЯ») (село Новый Курлак)

В начале XVIII века на левом берегу реки Курлак при ее впадении в реку Битюг переселенцами из центральных районов России была образована Курлакская слободка. В 1740-е годы новая волна переселенцев образовала село на противоположном берегу реки Курлак, названное Новый Курлак, а левобережное село стало именоваться Старым Курлаком.

В 1796 году Павлом I села Старый и Новый Курлак были пожалованы графу Александру Андреевичу Безбородко (1747–1799), общественно-политическому деятелю, возведенному в княжеское достоинство и удостоенному в 1797 году Павлом I высшего ранга канцлера Российской империи. В 1799 году все состояние холостого и бездетного князя перешло к его брату — графу Илье Андреевичу (1756–1815), а затем к его дочери — Клеопатре Ильиничне (1791–1840), которая была замужем с 1811 года за генерал-майором князем А.Я. Лобановым-Ростовцевым (1788–1866). В 1832 году княгиня К.И. Лобанова-Ростовцева продает земли около сел Старый и Новый Курлак Николаю Ивановичу Станкевичу (1782–1832), потомки которого владели этим имением до 1917 года.

После смерти бездетного Николая в 1832 году владение переходит к Владимиру Ивановичу Станкевичу (1786–1851), владельцу усадьбы в Удеревке (Белгородская область). Владимир Иванович был женат на Е.И. Крамер и имел восемь детей: четырех дочерей, в замужестве Л.В. Томилину, М.В. Фролову, Н.В. Вульфберт, А.В. Щепкину, и четырех сыновей: Николая, Ивана, Александра и Иосифа.

В своем курляцком имении Владимир Иванович Станкевич начинает закладку усадьбы. На высоком холме над рекой Курлак к востоку от села высаживается парк (ясень, липа, дуб, грецкий орех, фруктовые деревья): в северной части регулярный, а на склоне берегового холма, окаймляющего небольшое пойменное озеро, — пейзажный. Вокруг барского дома, поставленного в северо-восточной части парка, высаживается пейзажная роща (дуб, береза, ясень, грецкий орех, сосна, сирень). Напротив дома, к востоку, устраивается хозяйственная зона усадьбы (конный двор). К югу от хозяйственной зоны высаживается фруктовый сад.

После смерти Владимира Ивановича в 1851 году имение переходит его сыновьям — Ивану (1820–1907), Александру (1821–1912) и Иосифу (1825–1894). Иосиф Владимирович отделился от братьев в 1853 году, его родовым имением стали Марки — села, находящиеся сейчас в Каменском районе Воронежской области. Иван и Александр были совладельцами Новокурляцкого имения до начала XX века и продолжили строительство усадьбы, начатое отцом.

Александр Владимирович Станкевич учился в Московском университете; в 1860-х годах был членом Воронежского губернского по крестьянским делам присутствия, в 1870-х гг. — старшиной потомственных дворян в Московской думе и почетным мировым судьей в Москве. Он, как и брат Николай Владимирович, много писал. Был женат на Елене Константиновне Бодиско (1824–1904). Детей супруги не имели, воспитывали племянников. Именно благодаря энергии Александра Владимировича была окончательно сформирована усадьба в Курлаке, здесь он с семьей жил в летние месяцы. Умер Александр Владимирович в возрасте 91 года и был похоронен в Москве на Пятницком кладбище рядом с актером М.С. Щепкиным, тестем своей сестры.

Иван Владимирович Станкевич, хотя и был владельцем Курляцкого имения, посвятил себя Удеревке. Он был женат на своей бывшей крепостной Дарье Алексеевне Камышовой и имел восемь детей, причисленных к дворянству лишь царским указом 1867 года. Именно его сын, Алексей Иванович, станет последним владельцем Курляцкого имения.

В Новокурляцкой усадьбе Александром Владимировичем и Еленой Константиновной Станкевичами во второй половине XIX века был перестроен господский дом (судя по двум фотографиям, приведенным в книгах, он относится к концу XIX — началу XX веков), устроены оранжереи, в которых выращивались южные растения, цветы, ягоды, фрукты. Был реконструирован парк: устроены живописные поляны с беседками, гимнастическими площадками и фонтанами. На реке, под усадьбой, была устроена купальня. Но не только для летнего отдыха строилась Курляцкая усадьба. Овчарня Станкевичей во второй половине XIX века выделялась в округе — здесь содержалось 10775 голов мериносов. В 1865 году А.В. Станкевич построил в Новом Курлаке школу, а в 1880-е годы им была открыта больница, где практиковал зять Александра Владимировича — Г.Н. Габричевский.

В первом издании книги «Провинциальные усадьбы» приведено описание усадьбы: «Дом утопал в прекрасном спланированном парке. От въездных ворот к нему вела широкая аллея. Перед домом были разбиты бесчисленные клумбы и цветники. Всюду по аллеям и в глубине парка стояли металлические диванчики. Около дома росли две огромные сосны. Весь парк, окружавший барскую усадьбу, был обнесен каменной оградой. Слева от въездных ворот располагался обширный фруктовый сад. Там росли яблони, груши, сливы, вишни, малина, смородина. В центре сада — оранжерея, где выращивались южные фрукты и овощи. Против окон господского дома на-

ходился большой фонтан, сооруженный из камня. В середине его возвышалась каменная глыба, на ней стоял огромный журавль с раскрытым клювом, из которого струилась вода. Фонтан был окружен розарием. Каких только роз здесь не было — начиная от белых и кончая черными! В восточной части парка размещались двухэтажный дом управляющего имением и всевозможные службы: поварская, прачечная, людская, конюшня, погреб, склады, амбары».

В гостях у Александра Владимировича в Новом Курлаке бывал историк и публицист Борис Николаевич Чичерин (1828–1904), профессор Московского университета, оставивший описание усадьбы Станкевичей: «С глубоким сердечным услаждением вспоминаю я и свои посещения Станкевичей в деревне. В Бобровском уезде Воронежской губернии лежит большое их поместье Курлак, с барским домом, возле которого простирается роща вековых дубов, с обширными оранжереями, наполненными великолепными растениями, с цветниками, взлелеянными заботою страстной к ним хозяйки, с фонтанами, ею устроенными. Здесь, в деревенской тиши, проводил я многие счастливые дни. Здесь мы с Александром Владимировичем не раз сидели вдвоем, любуясь прелестным видом при захождении солнца, глядя на темнеющую даль и на зажигающие огоньки по берегу выходящей изгибами речки. Ничто так живо не напоминает мне старый русский помещичий быт в лучших его проявлениях, в особенности нашу собственную прежнюю семейную жизнь в деревне, жизнь обеспеченную и привольную, на широкую барскую ногу, но без всяких стеснений, полную живых умственных интересов, и, вместе, радушного гостеприимства, с теплым приветом для родных и друзей. Ныне, при изменившихся условиях, все это становится более и более редким».

В 1900 году имение уже именовалось «Новокурлакской экономией при реке Курлак». В экономике в 7 дворах проживало 180 человек; действовали винокуренный завод, при котором проживало 11 человек; кирпичный завод, при котором проживало 6 рабочих; был скотный двор, при котором жили 13 работников. Станкевичам принадлежали три хутора — Овчарня, Нечаевский и Крестовский, в которых проживало по 14 человек, а также 16 лесных кордонов и сторожек. Всего на рубеже XIX–XX веков Станкевичи были собственниками 20,4 тысяч десятин земли в Бобровском уезде. На картах конца XIX — начала XX веков овчарня показана южнее усадьбы, а винокуренный завод — в Старом Курлаке, на полуострове реки. Северо-западнее усадьбы показаны скотный двор и мельницы. Примерно в полукилометре от усадьбы к северо-западу, около кладбища, стояла деревянная Богословская церковь, построенная в 1780 году.

В 1912 году имение перешло по завещанию к племяннику Алексею Ивановичу Станкевичу (1856–1922), сыну Ивана Владимировича. Он был библиографом и переводчиком, заведовал библиотекой Московского исторического музея, в 1914 году им был подготовлен и издан том переписки его дяди Николая Владимировича Станкевича. Жена Алексея Ивановича, Мария Алексеевна Голостенева (1867–1922), увлекалась музыкой и путешествиями. У Алексея и Марии было четверо детей, лето 1917 года они последний раз провели в усадьбе в Новом Курлаке.

Сразу же после революции усадьба была разграблена и разорена, что отмечалось в отчете эмиссара Н.А. Шульги, обследовавшего в 1920 году имение Курлак. В этом же году на территории имения Станкевичей на основе производственных участков было создано отделение Бобровского «Маслотреста». Жилая же зона усадьбы в 1926 году была занята школой крестьянской молодежи. В краеведческих источниках тиражируется фраза, что «барский дом был разобран по бревнышку и продан с торгов». А школа была открыта в бывшем доме управляющего. Дом же этот, по воспоминаниям жителей села, был с деревянным мезонином и стоял в помещичьем парке в окружении сирени... К сожалению, довоенных и послевоенных фотографий школы не опубликовано, поэтому точно сказать, в каком здании она разместилась, в господском доме или в доме управляющего, сейчас невозможно.

На довоенных и послевоенных картах хорошо виден парк, дугой вытянутый вдоль берегового склона; в его северной части показан школьный участок с садом и само здание школы, стоявшей на восточной границе участка. В 1980-е годы после строительства нового здания старая школа была разобрана. Уже в последние десятилетия было разрушено последнее оставшееся на территории хозяйственной зоны усадьбы складское краснокирпичное здание начала XX века. Сегодня частично сохранились обсадки декоративными деревьями усадебных зон, а также одинокие кусты сирени на высоком холме над рекой. Усадебный парк жив: еще читаются аллеи, обваловка по его периметру. Но сам парк очень сильно зарос подлеском, и уже невозможно в нем определить места полян и фонтанов...

Единственное, что сохраняется в Новом Курлаке неизменным со времен Станкевичей, — это закаты над извивающейся под бывшей усадьбой рекой.

УСАДЬБА НАЩОКИНЫХ-КОЛЮБАКИНЫХ ТОЙДА (село Старая Тойда)

Село расположено на правом берегу реки Битюг и по берегам реки Тойды, севернее ее устья. Основано в 1701 году переселенцами из-под Ярославля. В 1797 году дворянские крестьяне Старой Тойды в количестве 500 душ и земли в округе были пожалованы Павлом I генерал-лейтенанту Воину (Доримедонту) Васильевичу Нащокину (1742–1806).

Воин Васильевич и его жена Клеопатра Петровна, урожденная Нелидова (1767–1828), воспитывали пятерых детей: трех дочерей — Анастасию, Александру и Анну — и двух сыновей — Павла и Василия.

В селе Старая Тойда в начале XIX века В.В. и К.П. Нащокиными был построен дом, разбит большой сад, а в нем устроены красивые аллеи, цветники, посажено множество плодовых деревьев. Когда в 1806 году Воин Васильевич умер, Клеопатра Петровна заказала скульптору бюст мужа, который и был установлен в саду.

В 1828 году после смерти Клеопатры Петровны во владение имением вступил ее старший сын Василий Воинович (1796–1841). В 1821 году он женился на Анне Николаевне Пановой. У них родилась единственная дочь, названная по бабушке Клеопатрой.

После смерти Василия Воиновича Старая Тойда по завещанию стала собственностью дочери, а Анне Николаевне отошли «выселки» Нащокинка.

В 1843 году Клеопатра Васильевна вышла замуж за Ивана Васильевича Колюбакина. В документе о разделе имущества между матерью и дочерью описывается состоя-

Здание больницы,
построенной
В.И. Колюбакиным
в своей усадьбе.
Фото 2010 г.

ние имения на 1844 год: «Коллежскому секретарю Василию Воиновичу Нащокину принадлежало движимое и недвижимое имение, а именно: Воронежской губернии Бобровского уезда, в селе Старой Тойде 524, и в деревне Нащекинке 349 душ, написанных за ним по восьмой ревизии, при этих двух имениях, земли особо отмежеванной: распашной, луговой и под лесом 6771 десятина, 1041 сажень, и сверх того в первом селе [Старой Тойде] господский деревянный дом на каменном фундаменте с разными службами деревянного и каменного здания, конный двор, небольшой манеж, гумно с ригую, овинами и амбарами, три ветряных мельницы, всего ж строений заключается на 3857 рублей; конный завод, в коем приплодных жеребцов шесть, молодых тридцать три, маток старых 48, молодых 72, всего на 2320 рублей; рогатого скота 103 головы; шленских овец 1248, русских 573 на 2800 рублей 28 копеек. В деревне Нащекинке, господский флигель на каменном фундаменте, с разною незначительною пристройкою, гумно с ригую, двумя амбарами, две ветряные и наливная водяная мельницы, всего строения со всеми мельницами на 554 рубля 28 копеек».

Сын Клеопатры Васильевны Василий Иванович Колюбакин (1844–1915), окончив Московский университет, принимал активное участие в работе земства. Имел врачебную практику. Василий Иванович многие годы был председателем Бобровской земской управы, а несколько лет — и губернской земской управы. Много занимался народным образованием и медициной, по его представлению построены земские школы в округе, земская больница в Старой Тойде, для которой он выделил часть своей усадьбы. В начале XX века землевладения В.И. Колюбакина составляли 1976 десятин земли.

К настоящему времени деревянный одноэтажный дом снесен. В больнице, построенной в 1910-е годы, сейчас располагается дом-интернат. Перед усадьбой на главной улице села на месте утраченного Никольского храма установлен крест, а рядом — камень с могилы К.В. Колюбакиной.

УСАДЬБА РУБАШЕВСКИХ (село Большие Ясырки)

Село расположено на левом берегу Битюга при впадении в него реки Борщевки. Основано в начале XVIII века, а в конце этого же века село было пожаловано князю А.А. Безбородко. В конце 1820-х годов у наследников князя имение покупает Иван Иванович Рубашевский и основывает здесь усадьбу. И.И. Рубашевский (1782–1836) окончил курс словесных наук Харьковского университета, в 1798 году поступил на службу в Практическую школу земледелия и сельского хозяйства. В 1821 году становится вице-губернатором Кавказкой губернии, где получает чин статского советника и орден св. Анны II степени. Указом от 13 марта 1825 года Иван Иванович Рубашевский был назначен Воронежским вице-губернатором. В этой должности он прослужил до начала июня 1831 года, когда был переведен вице-губернатором в Минск. В 1832 году ушел в отставку и вернулся жить в Воронеж. Именно тогда он и занялся своим имением. Здесь, на берегу залива реки Битюг, был выстроен господский дом, высажен сад, заведены овчарня и конюшни.

Женат И.И. Рубашевский был на Прасковье Тимофеевне Соколовой и имел трех дочерей и сына, названного по деду Тимофеем. Тимофей Иванович Рубашевский (1824–1892) имел чин действительного статского советника, в 1870–1879 и 1883–1888 годах был предводителем дворянства Бобровского уезда.

В 1853 году в селе была выстроена деревянная церковь св. Николая Мирликийского чудотворца с приделами святого Иоанна Предтечи и апост. Тимофея. Дмитрий Самбикин писал о Ясырках: «Иван Иванович Рубашевский распланировал село на ровные и красивые улицы, примыкающие своими концами к церкви. <...> Близ церкви господский сад, посреди которого дом г. Рубашевских с разными постройками и

Бывшая церковь
св. Николая
Мирликийского
чудотворца
в с. Большие Ясырки.
Фото 2010 г.

оранжереями, особенное внимание обращает на себя китайская беседка под крутым берегом Битюга».

В 1870-е годы на конном заводе действительного статского советника Т.И. Рубашевского в с. Большие Ясырки содержалось 2 жеребца и 25 маток — производителей рысистой породы лошадей.

Последним владельцем имения стал Сергей Тимофеевич Рубашевский, который в 1900 году владел 2374 десятинами земли; усадьбой на реке Битюг, в которой проживали 41 человек; хутором Ивановским на реке Борщевке с населением 4 человек; 7 лесными сторожками. Его сестра Евгения Тимофеевна вышла замуж за Владимира Николаевича Тимофеева, став последней хозяйкой бывшей усадьбы Башкирцевых «Дача» (сейчас — в г. Семилуки).

Место усадьбы Рубашевских находится в центре села на берегу Битюга. Обширную площадь, на которой раньше стоял жилой дом, окаймляют фундамент кирпичной ограды и кусты сирени. С северо-восточной стороны от жилой зоны усадьбы, в створе нескольких улиц, стоит небольшая деревянная церковь, в советские годы приспособленная под клуб. Несмотря на утрату верхних ярусов колокольни и главы храма, она сохранила свою крестообразную планировочную структуру с пятигранной апсидой и колонными портиками приделов. За Никольской церковью сохранилось небольшое деревянное школьное здание начала XX века.

Широкий же под бывшей усадьбой Битюг, на берегу которого стояла «китайская беседка», завораживает своей красотой и контрастами черного массива леса противоположного берега, прозрачной голубой воды и белых лилий...

УСАДЬБА ТРЖАСКОВСКИХ (поселок Трежесковка)

К югу от автодороги Воронеж — Борисоглебск на северо-восточной окраине Рамоньского леса, что неподалеку от села Рамонье, находится место бывшей усадьбы Тржасковских и поселка, сейчас полностью заброшенного жителями. Лишь вытянутые вдоль бывшей улицы над прудами сады и поросшие травой холмики с торчащими печными трубами напоминают о сельской застройке. Улица на южной окраине переходит в главную аллею ясеневое парка. Собственно, это даже не парк, а строгие шестирядные посадки, вытянутые в линию по западному берегу пруда. Усадьба же размещалась на противоположном берегу — на возвышенном мысу — и была окружена с севера и востока садом. От усадьбы сохранились посадки сирени и следы фундаментов.

Эта небольшая усадьба была основана поляком Адамом Флориановичем Тржасковским (1811–1869). В 1820-е годы Адам Тржасковский был исключен из Виленского университета за участие в тайном обществе «Сарматское племя или приверженцы Отечества» и отправлен рядовым в отдельный Кавказский корпус в 44-й егерский полк. Когда полк расформировали, Адама Тржасковского перевели в 60-й линейный Черноморский батальон, а затем — в Навачинский пехотный полк, Тенгинский полк. За безупречную службу А.Ф. Тржасковскому было возвращено дворянское достоинство, и в 1843 году в звании майора его уволили из армии «по домашним обстоятельствам в г. Новохоперск»... В 1856 году он женился на Варваре Федоровне Шешневой, отцу которой принадлежало село Рамонье. У А.Ф. и В.Ф. Тржасковских было пятеро детей, родившихся и крещенных в селе Рамонье: Владимир (1858), Нина (1859), Владислав (1862), Виктор (1867) и Юлия (1869).

Из пяти детей след на воронежской земле оставил действительный статский советник Владимир Адамович Тржасковский, который был членом Новохоперской земской управы, в 1890-е годы служил губернским секретарем, а в начале XX века вплоть до 1917 года был Новохоперским уездным предводителем дворянства, председателем попечительского совета женской гимназии, председателем общества вспомоществования нуждающимся учащимся, председателем и членом еще многих новохоперских комиссий и обществ.

Пока сын — Владимир Адамович — занимался общественной деятельностью, его мать, Варвара Федоровна Тржасковская, управлялась со своим обширным имением. Ей в начале XX века принадлежало 1949 десятин земли, два хутора (Сафроновский и Батыревский), в которых проживало 37 человек, две усадьбы с населением 57 человек, три лесных кордона и небольшой конный завод на 13 лошадей-производителей. В центре имения, в селе Трежесковке, в начале XX века было 186 жителей.

Среди жителей Трежесковки в 1850-х годах была семья Аллилуевых — деда и бабушки Надежды Сергеевны Аллилуевой, жены И.В. Сталина. Ее дед Яков Тимофеевич Аллилуев и бабушка Марфа Петровна принадлежали к дворовым А.Ф. Тржасковского. Яков был кучером, а Марфа — горничной. После освобождения от крепостной зависимости Аллилуевы поселились в селе Рамонье; там у них в 1866 году родился сын Сергей, будущий отец Надежды. Среди жителей села ходили слухи, что Сергей был внебрачным сыном барина, Адама Флориановича. С.Я. Аллилуев в своей книге «Пройденный путь» вспоминал, что с детьми, чьи бедные родители не могли оплачивать школу, летом занималась старшая дочь Тржасковских, приехавшая из Москвы на каникулы; он очень тепло отзывался о ней. Вскоре С.Я. Аллилуев покинет Воронежскую землю и станет профессиональным революционером, сподвижником И.В. Сталина, а затем и его тестем.

ИСТОЧНИКИ

Акиншин А.Н., Ласунский О.Г. Воронежское дворянство в лицах и судьбах. Историко-генеалогические очерки с приложением Перечня дворянских родов Воронежской губернии. — Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2019.

Алферов Г. Построение и освящение нового храма в селе Анне Бобровского уезда // Воронежские Епархиальные ведомости. — 1899. — № 13.

Анна: за веком — век / В.И. Авдеев, С.И. Афанасьев, М.Ф. Генегга. — Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1998.

Барановский Г.В. Архитектурная энциклопедия второй половины XIX века. Том 1. Архитектура исповеданий. — СПб., 1902.

Воронежская историко-культурная энциклопедия: персоналии. — Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2006.

Воронежская энциклопедия: в 2 т. — Воронеж: Центр духовного возрождения черноземного края, 2008.

- Демидова Е.В. Земский деятель В.И. Колобакин // Из истории Воронежского края: сборник статей [отв. ред. А.Н. Акиншин]. — Вып.10. — Воронеж: МОУ ВЭПИ, 2002.
- Дьяков М.Ю., Кригер Л.В. Храмы Воронежской области в архитектурных источниках. — Воронеж: Кварта, 2020.
- Кригер Л.В. Путеводитель по памятникам истории и культуры Воронежской области. — Воронеж: Издательство ВГУ, 2006.
- Кригер Л.В. Усадьбы Воронежской области. — Воронеж, 2011.
- Кригер Л.В. Усадьбы Воронежской области / Изд. 2-е. — Воронеж, 2018.
- Материалы Свода памятников истории и культуры Российской Федерации. Воронежская область. Аннинский, Грибановский, Калачеевский районы: сб.ст. — М.: Рос. ин-т культурологии, 1993. — Вып. 3. — Ч. 1.
- Населенные места Воронежской губернии. Справочная книга. — Воронеж, 1900.
- Полякова М.А. Охрана историко-культурного наследия в Воронежской губернии (1917–1927) // Труды Воронежского областного краеведческого музея: сб. стат. — Вып. 2. — Воронеж, Центрально-Черноземное книжное издательство, 1994.
- Попов П. Тайна аннинских помещиков // Воронежский курьер. — 2005. — 25 июня.
- Попов П.А. Изучение дворянско-купеческих сельских усадеб XVIII — начала XX вв. на основе архивных материалов // Воронежский вестник архивиста. — Воронеж, 2005. — Вып. 3.
- Попов П.А. Усадьба Ростопчиных в Анне: документальные свидетельства и сохранившийся дом // Евдокия Ростопчина в отечественной культуре XIX–XXI вв.: первые Ростопчинские чтения. 15 декабря 2012 г.: сборник материалов. — Воронеж, 2013.
- Прохоров В.А. Вся Воронежская земля: Краткий историко-топонимический словарь. — Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1973.
- Русские провинциальные усадьбы: сб. стат. / сост. Р.В. Андреева, Л.Ф. Попова. — Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2001.
- (Самбкин) Димитрий, архимандрит. Указатель храмовых празднеств Воронежской епархии. — Вып. 2. — Воронеж, 1884.
- Сведения о помещичьих имениях. — Т.1. — Спб., 1860.
- Список населенных мест по сведениям 1859 года. — СПб., 1865.
- Чичерин Б.Н. Москва сороковых годов. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997.
- Щербатов А.П. Воспоминания. — М.: Институт русской цивилизации, 2009.

Владимир Евгеньевич Новохатский родился в 1951 году в селе Новоселовка Воронежской области. Окончил Воронежский государственный университет. Почти 50 лет работает в печати: в районной прессе, редактором газеты «Молодой коммунар», собкором «Парламентской газеты», в журнале «Подъём». В 1978–79 гг. был замредактора Аннинской районной газеты. Автор книги «Было у матери три сына». Лауреат премии администрации Воронежской области по журналистике в номинации «Мастер», премий «Родная речь», «Кольцовский край», награжден знаками «Золотое перо», «Благодарность от Земли Воронежской». Живет в Воронеже.

Владимир Новохатский

ЕГО КИСТЬЮ ВОДИЛА ИСТОРИЯ

(Творческое кредо
художника Александра Курзанова)

Искусствоведы определили некую творческую формулу, характерную практически для любого художника, — это загадка, которую художник задает себе сам. Лет пятнадцать назад мне выпали несколько мимолетных встреч с одним из патриархов воронежского художественного сообщества Александром Михайловичем Курзановым. Обменялись с ним экспресс-мнениями на презентациях и выставках. Неожиданно обнаружили общую привязанность к Аннинской земле. Не скажу, что при этом открылись предо мною загадочные тайны его творчества, но то, что ощутили мы тогда вполне определенную душеобъединяющую тягу к прошлому малой родины и большого Отечества, это уж точно.

Позже при любом удобном случае я всматривался в курзановские работы, и они всегда настаивали на постоянный внутренний диалог с художником. Простыми, незамысловатыми, с первого взгляда, казались его сюжеты... Вот рвется раздольная тройка мимо величавой церкви Рождества Христова — картина «Анна XIX века»... Или вечерние женские посиделки — «Кумушки. Женщины с улицы Чапаева»... Минуты нечастого общения, краткого отдыха после многотрудной, бесконечной сельской страды. Чередой идут исторические полотна: Воронеж, возводящий Русский военный

Александр Михайлович
Курзанов

флот; царь-строитель, жестокий самодержец Петр I; древние воронежские улочки, церкви, купола, народные гуляния; Москва златоглавая, ярмарочная, храмовая; череда проникновенных портретов земляков, поразительные сюжеты человеческого одиночества на склоне жизни — «Одиночество бабки Анюты»...

Талант художника очевиден во всем, сюжеты реальны и осязаемы, будто ментальной картинкой только что изъяты из жизненного контекста. Однако какую же загадку при этой простоте и ясности художник Курзанов задает себе сам? И коль, по определению, творец не может страдать и радоваться в одиночку, к чему он подвигает в таком случае нас, созерцателей его творчества?

Такие вопросы не раз я задавал себе сам. Думаю, что немало размышляли над ними и коллеги Курзанова. Наиболее концентрированно выразил их суть соратник Александра Михайловича не только по творчеству, но и по миропониманию, воронежский живописец Василий Павлович Криворучко, сказав на одном из вернисажей:

— Удивительное зрелище — твои картины, Саша. В них видишь то, что нигде, ни у кого больше не увидишь. Ты показываешь нам старину родного города, отчей земли, неповторимую красоту их исторических памятников, которую мы обязаны запомнить и сберечь. Спасибо тебе за песню о старом Воронеже, за образы удивительных людей, которые жили задолго до нас, так же мечтая, созидая и страдая. В живописи пока никто не сумел воплотить это так, как сделал ты...

Творческий метод А.М. Курзанова, будучи директором Воронежского художественного музея имени Крамского, конкретизировал Владимир Добромиров:

— Пользуясь краеведческими материалами, старинными открытками, в своем творчестве Курзанов начал реконструировать облик прошлого, особенно церковную архитектуру Воронежского края, еще в начале 1970-х. Ничего еще не предвещало глубинных идеологических перемен в обществе. Обезглавленные храмы спали тогда мертвым сном в руинах. Нынче можно удивляться предвосхищению художника, который своими картинами за несколько десятилетий, можно сказать, предугадал процесс духовного возрождения.

К этим словам можно добавить любопытный факт: почти все восстановленные старинные воронежские храмы после реставрации в 1990-е годы предстали

почти в том облике и убранстве, которые были воссозданы живописцем. Вот она, загадка художника, которую мы пытаемся разгадать вместе с ним: воочию разрушенные храмы увидеть уже нельзя, но они продолжают свое существование на картинах в церковных образах-реконструкциях, созданных художником. И ведь некоторые из них, можно сказать, возвращаются в нашу жизнь, как, например, Благовещенский собор в Воронеже. Яркое подтверждение того, насколько взаимосвязаны реальность и искусство и как художественный вымысел, не утрачивая исторической достоверности, становится фактом новой действительности.

Столь же провидчески, с большой долей творческой отваги в годы жесткой цензуры и идеологического контроля Александр Михайлович в 70-х — 80-х годах прошлого века создает целую галерею великих персонажей российского прошлого, не очень лелеемых и поощряемых советской идеологией — князя Юрий Долгорукий и Ярослав Владимирович, петровский сподвижник А.Д. Меншиков и граф Алексей Орлов-Чесменский... Ныне они и многие другие славные персонажи нашей истории служат для молодых примером патриотического служения Отечеству. С другой стороны, Курзанов как художник отдает дань памяти истории Воронежского края, истории Воронежа, издревле защищавшего глубинную Русь от набегов кочевников. Это ощущение причастности к былым временам своего родного края ярко проявляется в его творчестве.

Нужно отметить также, что как человек глубоко нравственный Курзанов не мог спокойно пройти мимо людей обездоленных, страдающих. Таких было немало и в советское время. Целая серия его картин посвящена состарившимся жителям вымирающих деревень, воспитанникам детских домов и обитателям домов престарелых... Все это зачастую оставалось вне поля зрения помпезного официального искусства. А Курзанов государственную проблему неблагополучия этих людей воспринимал как личную, всегда был на их стороне, защищая обездоленный люд. Он написал очень много картин жанрового характера не только о поэзии, но и тяжести крестьянского труда. Ему всегда были чужды черты ложного пафоса, комплиментарной интонации, и, наоборот, органично присуще чувство искреннего сопереживания человеку. Среди работ этого ряда, несомненно, выделяются картины 1980-х годов: «Обед в Урывском доме престарелых», «Баба Поля», «Бабка Марфа», «Дед Федька и бабка Химка» и другие.

Да и не могло быть иначе. Он ведь и сам тонкий колосок этой трудной провинциальной сельской жизни. Человек живого характера, по-спортивному энергичный даже в преклонных годах, ироничный, он весело и с удовольствием комментировал справку о себе, которой я заинтересовался как-то на его юбилейной выставке.

«Родился в Воронеже, но происхождение крестьянское. Все предки мои жили в Новом Курлаке. Здесь их раскулачили, расплыли по всей стране. Родители тоже скитались по СССР, потом работали на стройках в Воронеже, где я и появился на свет. Дошкольное детство прошло в Курлаке под присмотром бабушек... Отец воевал, с фронта пришел израненный. Но нас выручила моя крестная: отдала нам теленка, которого мы продали, купили сруб и поставили избушку в Анне. В 1946 году пошел в первый класс. Отец вспоминал, что в ту осень я все просил его купить мне хотя бы одно яблочко (садов тогда в Анне не было). Он сказал: “Я куплю тебе яблоко, но нам придется продать печку”. Канючить я тут же перестал, потому что понимал — без яблока прожить можно, а без печки — хана... К рисованию всегда тяготел. Из Анны ездил на велосипеде в Новый Курлак брать уроки у талантливого учителя рисования Алексея Васильевича Яковлева... После армии поступил в Рязанское художественное училище. Серьезно

увлекался бегом. Одно время тренировался с лучшим стайером Воронежа и страны Николаем Свиридовым. Выиграл полумарафон, посвященный Сталинградской битве. Тогда на Мамаевом кургане как раз Вутетич возводил скульптурный комплекс “Родина-мать”. Мне интересно, пошел посмотреть. На стройке в меня вцепилась сторожевая псина, хорошо, что ноги не порвала. Отбился. Вышел на старт, помчался, будто неслась за мною собачья стая. На финише был первым. И меня пригласили в Тбилиси, им нужны были бегуны. А я был страшно жадным до учебы. Так стал студентом Академии художеств... В Грузии жилось мне весело, интенсивно, но душа все равно рвалась в Россию. Свою дипломную работу я посвятил знаменитому поэту-земляку Алексею Кольцову... В 1972 окончил академию. Жена Лариса подарила мне дочку Наташу, и мы все переехали в Воронеж...

Ну а тут — родина!..»

Своей малой родине Александр Михайлович Курзанов благодарно отдавал свой талант живописца. В десятках картин перед нами встает прошлое Аннинской земли. Замечательны его жанровые и портретные полотна, ярко и зримо представляющие нам лики и лица родимого края. Творчество самобытного художника было и остается востребованным и у нас в стране, и за рубежом. Его картины хранятся в Воронежском художественном, Архангельском художественном, Рязанском художественном музеях, Острогжской картинной галерее, в частных коллекциях в России, Англии, США, Германии, Италии, Франции, Китая, Индии... Но самой дорогой для него стала картинная галерея, которую в 2002 году Александр Михайлович создал при своей родной средней школе № 1 в Анне. И потом два десятка лет, до самого ухода из жизни, он лелеял свое детище, не только подарил множество своих картин, но и вовлек в этот процесс лучших воронежских живописцев и графиков. Теперь это Аннинская картинная галерея, которая обогатилась полотнами народного художника России М.И. Лихачева, заслуженных художников РФ М.Ф. Ахунова, А.В. Богачева, Н.В. Василенко, Ю.Ф. Внодченко и многих других известных художников. На сегодня это одна из лучших в области живописно-графических коллекций за пределами Воронежа.

Картины художника, рожденные образами малой родины, ее уникальных персон и персонажей прошлого и настоящего, сюда и вернулись, к родным и любимым землякам. В том, наверное, и заключается загадка и предназначение настоящего искусства.

НА УДИВЛЕНЬЕ ГОРОДАМ И ВЕСЯМ

(Чем славится земля Аннинская)

ДУХОВНОЕ ПОЛЕ

«На высоком холме, рядом со старинным усадебным парком, стоит один из самых красивых храмов Воронежского края — церковь Рождества Христова в поселке Анна. Каждый храм необычен и неповторим, но этот покоряет своей особенной красотой, множеством куполов и колокольной, уходящих в синеву. Это дивное сооружение было и остается до наших дней украшением и символом Анны...» — так написал о чудесном храме протоиерей Леонид Патрахин в своей книге «Жемчужина Воронежского края». В окладной книге Воронежской епархии она упоминается в 1724 году. В нынешнем виде церковь заложена 1 июня

1894 года по случаю серебряной свадьбы владельцев аннинского имения князя и княгини Барятинских. Ровно через 5 лет храм был готов к освящению. Так что нынешний год для этой духовной и архитектурной жемчужины Воронежского края по целому ряду причин юбилейный, и встретил его храм во всем своем великолепии.

В Аннинском районе свято чтут православную веру и в постсоветское время сделали очень многое для обновления старых и постройки новых церквей. Сияют куполами и крестами храмы в Садовом, Больших Ясырках, Новом и Старом Курлаках, в Левашовке, Николаевке и Нащеккино. На средства ОАО «Новонадежденское» возведены церкви в поселке Новонадежденский, в селах Васильевке и Софьинка. С помощью аграрно-промышленных предприятий района, спонсоров и верующих были построены храмы в Архангельском, Студеном, Верхней Тойде, Рамонье и во многих других селах. На этой земле прирастает духовное поле. Не случайно глава района В.И. Авдеев за свою духовно-подвижническую деятельность был награжден памятной медалью Русской православной церкви.

БЫЛИ ЛЮДИ В НАШЕ ВРЕМЯ

Главное богатство Аннинской земли — конечно же, люди. Наверное, нет такой сферы, где бы ни звучали их имена. В канун 80-летия Великой Победы у нас есть возможность вспомнить о видном военачальнике, Герое Советского Союза Семене Никифоровиче Переверткине, родившемся в Анне. Под его руководством бойцы 79-го стрелкового корпуса ворвались в центр Берлина, штурмовали рейхстаг и в мае 1945 года водрузили на нем Знамя Победы.

В селе на Битюге встретил свою любовь будущий маршал Победы Георгий Константинович Жуков. В 1920-х годах он участвовал в ликвидации антоновского мятежа. Кроме ратных битв здесь сопутствовала ему семейная удача, когда встретился с Сашей Зуйковой, Александрой Диевной, уроженкой Анны, которая стала его женой. Судьба так распорядилась, что в годы Великой Отечественной войны маршал вновь побывал на родине жены, где разрабатывал и контролировал ход военных операций Сталинградской битвы и Воронежского фронта.

Село Рамонье стало малой родиной Сергея Яковлевича Аллилуева, впоследствии профессионального революционера. Женат он был на Ольге Евгеньевне Федоренко, тоже революционерке. В их семье было четверо детей. Особая судьба выпала на долю Надежды Аллилуевой — она стала женой Иосифа Виссарионовича Сталина, наиболее известного руководителя СССР.

ДРЕВНЯЯ КУЗНИЦА

Аннинская земля открывает краеведам, ученым, историкам-краеведам тайны, уходящие не то что вглубь веков, но даже тысячелетий. Возле села Мосоловка находится памятник археологии — поселение металлургов-литейщиков эпохи бронзы II тысячелетия до нашей эры. Памятников так называемой срубной культурно-исторической общности на территории района открыто более ста, но Мосоловский комплекс — настоящий археологический раритет. Здесь раскопана целая древнейшая литейная мастерская, где изготавливались самые разные предметы и приспособления: плавильные чаши, формы для отливки топоров, ножей, кинжалов, серпов, всевозможные долота и втульчатые наконечники копий... Эти находки помогли ученым реконструировать и воссоздать технологию древнего литейного процесса и изготовления различных изделий, которые свидетельствуют об умении наших предков вести достаточно высоко-

организованное хозяйство. Поселение древних мосоловских металлургов и находящаяся на противоположном берегу Битюга курганная группа включены в перечень объектов исторического и культурного наследия федерального значения.

ОДНА НА ВСЮ ОБЛАСТЬ

В небольшом селе Зеленевка живут предприимчивые люди. На реке Березовке они обустроили настоящую базу отдыха с домиками для туристов и пирсами для лодок, уютным пляжем и обустроенными местами для рыбалки. Насладившись этими прелестями глубинки вдали от шума городского, отдыхающие непременно побывают возле местной экзотической достопримечательности — мельницы «Голландки». Это единственная в Воронежской области «каменная», как ее называют сельчане, кирпичная ветряная мельница.

Правда, сейчас она стоит «без руля и без ветрил», мукой народ радовала еще до революции. Потом взбунтовавшиеся массы, наказывая эксплуататоров, но, как оказалось, еще больше себя (ведь лишились домашней муки!), одну мельницу-голландку разрушили дотла, а во второй только сожгли деревянные конструкции. Так и осталась эта каменная чудо-мельница на многие-многие десятилетия памятником то ли бессмысленности бунта, то ли мастерovitости предков. Каменные мельницы эти принадлежали землевладельцам Нащокиным, возведены были 170 лет назад, но своей монументальностью восхищают и сегодня — громадина прекрасной кирпичной кладки 16-метровой высоты!.. Что и говорить, умели строить в старину.

СЕРЕБРЯНЫЙ РОДНИК

У каждого целебного источника, а их в районе уж точно не меньше десятка, — своя история. О лесном роднике на окраине поселка Суровский бытует такая легенда. К братьям-пчеловодам на пасеку часто приходила мать, приносила продукты. Была она горбата, часто болела, но умела народными средствами врачевать и себя, и людей. Однажды в овраге она обнаружила родник. Утолила жажду, и внезапно, как говорят сельчане, «был ей голос», который поведал, что источник не простой, а целебный. Многих больных она поставила на ноги отварами и настоями на воде из Горбушинского, как его прозвали, колодца.

В советское время, в годы «борьбы с культом», источник даже взрывали. Однако раз за разом родник вновь выходил на поверхность. Сейчас это место обустроили, сделали удобный спуск в овраг, поставили лавочки, сделали крытую купель. Называется он теперь Суровско-Покровский святой источник. И вода в нем действительно особая: экспертиза, которую делали в Москве, показала в ней повышенное содержание серебра.

СВЕТ ОТ ВЕТРА

Подворье Валерия Шлапака — одно из самых приметных в селе Софьинка. Необычный шестиметровой высоты ветряк виден с любой улицы. Но гоняет он воздух не ради забавы, а на пользу хозяину. Был период, когда в селах немало страдали от веерного отключения электроэнергии. Вот изобретательный пенсионер и изготовил самодельный ветрогенератор. Теперь в доме и во дворе у Шлапака всегда видно, как днем. И секрета из своей затеи он не делает: охотно делится проектом и с соседями, и с дальними гостями.

ПЛАТОК ПАМЯТИ

В селе Дерябкино, в местной библиотеке, кроме книг, хранится большой платок, сшитый из множества маленьких платочков. Это «Платок памяти», который напоминает людям об односельчанах-фронтовиках Великой Отечественной войны. Так получилось, что у некоторых жителей Дерябкина, которые хотели поучаствовать в акции «Бессмертный полк», не оказалось фотографий воевавших родственников. Местный женсовет предложил вспомнить другую патриотическую акцию, когда на платочке 40 на 40 сантиметров вышивали фамилию, имя, отчество фронтовика, годы жизни, если погиб или умер, украшали вышивкой. Таких платочков у дерябкинцев набралось 63. Их сшили в большой «Платок памяти», который 9 мая и 22 июня на всенародных митингах выносят к памятнику в честь фронтовиков Великой Отечественной войны.

Сергей Николаевич Подлесных родился в 1986 году в селе Моховое Аннинского района Воронежской области. Окончил юридический и исторический факультеты Воронежского государственного университета. Учредитель и главный редактор краеведческого журнала «Битюг». Автор более 150 научных и публицистических работ. Кандидат юридических наук. В настоящее время работает в сфере образования Воронежской области. Живет в Воронеже.

Сергей Подлесных

КУРЛАКСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ

(Вспоминая учителя
и патриота родного Отечества)

Народная мудрость гласит, что лучшие друзья — это те, которых обретаешь в детстве и юности. Пожалуй, большим везением в жизни каждого человека можно назвать тот случай, когда твой школьный учитель становится для тебя не только наставником, но еще и лучшим другом. Могу сказать совершенно откровенно и точно — мне очень повезло. В моей жизни именно так и случилось: мой любимый школьный учитель, преподаватель немецкого языка, истории родного края Николай Александрович Макаров был моим лучшим другом. Судьба подарила мне возможность быть рядом с ним ровно 25 лет. Николай Александрович Макаров родился 23 сентября 1963 года в селе Новый Курлак Аннинского района Воронежской области, что раздольно раскинулось в Среднем Прибитюжье. Был младшим ребенком в семье. Старшая его сестра, Валентина Александровна, в настоящее время с семьей живет в Анне.

Кстати, в «Воронежской историко-культурной энциклопедии» (2008 г. издания) допущена досадная ошибка. Там написано, что Н.А. Макаров 1964 г.р.¹

¹ Воронежская историко-культурная энциклопедия / Гл. ред. О.Г. Ласунский. Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2008. С. 319.

В 1981 году Николай окончил Новокурлакскую среднюю школу с золотой медалью и поступил на факультет романо-германской филологии Воронежского государственного университета. Здесь его потом оставляли в аспирантуре, однако Макаров поступил на военную службу — в Комитет государственной безопасности (в 1986–1989 годах был переводчиком в ГДР). Наверно, Николай мог бы сделать неплохую карьеру, однако в начале эпохи переломных реформ — в 1989 году — он возвращается в Новый Курлак и устраивается в местную школу учителем немецкого языка. Не раз я спрашивал у своего учителя, почему он «променял» звания, регалии, хорошую должность и, очевидно, перспективное продвижение по службе на рядовую должность учителя в обычной сельской школе. Ответ на этот вопрос можно найти в его статье «Мой Курлак», опубликованной в журнале «Битюгъ» в 2015 году. Вот что писал мой учитель:

«Судьба распорядилась так, что мне довелось побывать во многих зарубежных странах. Я видел и заснеженные Альпы, и красноземные французские поля, и Пиренейскую гряду, и голубую лагуну Барселоны, и средневековые улочки немецких и английских городов. Прекрасные места, замечательные пейзажи — никто не станет спорить.

Но есть один вид, который не заменят для меня никакие красоты. Он открывается, когда я выхожу за ворота своего дома в селе Новый Курлак. Там все просто и непритязательно: сухой луг, череда ветел, болото и вдаль — темный лес. И сложно понять, и совершенно очевидно, почему я могу часами смотреть на все это: Новый Курлак — моя родина»².

В этом был весь Николай Александрович. «Я за свободу выбора. Я вообще за свободу», — говорил мой старший товарищ. Так он и поступил.

В сельской школе Н.А. Макаров преподавал не только немецкий язык, но

также историю родного края, вел краеведческий кружок.

Необходимо отметить, что в Новом Курлаке еще до него были заложены богатейшие краеведческие традиции. Родоначальником краеведческого движения в сельской школе был фронтовик, заслуженный учитель школы РСФСР А.И. Щербаков (1909–1989). Были созданы краеведческий кружок, краеведческий музей. Аким Иванович Щербаков со школьниками даже построил небольшой планетарий. Его начинания подхватила и углубила учитель русского языка и литературы М.М. Микляева (1923–2021), долгие годы возглавлявшая школьное краеведческое движение.

Местными краеведами более чем за семидесятилетний период деятельности кружка собран огромный материал по истории Нового Курлака и окрестных сел — в первую очередь, конечно, по устной истории. В 2013 году Мария Максимовна Микляева в воронежском издательстве выпустила книгу «История сел Новокурлакской волости» — итог всей ее краеведческой работы, длинной в целую жизнь.

Продолжателем дела своих учителей стал Н.А. Макаров. Несмотря на то, что он не имел исторического образования, это не мешало ему профессионально и, что важно, объективно разбираться в историческом материале.

Н.А. Макаров свободно владел четырьмя иностранными языками: немецким, английским, французским, итальянским. Как-то в конце 1990-х годов университетские друзья пригласили Макарова как знающего четыре европейских языка в многодневное путешествие по Европе: Германия, Великобритания, Италия, Швейцария, Франция, Испания... Какие только города и достопримечательности европейской цивилизации не увидел мой учитель. И все же, по его словам, милее простых сельских пейзажей в Новом Курлаке и окрестностях ничего не находил.

² Макаров Н.А. Мой Курлак // Битюгъ. 2015. № 1. С. 3.

Немного застенчивый, но глубоко интеллигентный, культурный и высокообразованный человек, он не позволял себе говорить ничего лишнего, был скромен, постоянно в окружении учеников, причем они интересовались не только вопросами его предметов. Школьники часто записывались в краеведческий кружок только потому, что его руководителем был именно Н.А. Макаров, талантливый педагог и учитель.

Переломным событием в творческой биографии Макарова стало участие его воспитанников во всероссийском школьном конкурсе «Человек в истории: Россия — XX век». Этот конкурс настолько увлек сельского краеведа, что Николай Александрович каждый год готовил с учениками новые работы. Среди организаторов и жюри этого интересного школьного конкурса Н.А. Макаров быстро нашел единомышленников и сподвижников в деле сохранения местной истории. Краеведческие исследования, выполненные под руководством этого уникального педагога, почти каждый год занимали призовые места. А в 2006 году в московском издательстве «Звенья» была даже выпущена книга «Мы все с одной деревни»³.

Работу со школьниками в рамках краеведческих исследований Н.А. Макаров строил всегда демократично, никогда не настаивал на своем мнении, хотя, разумеется, в подавляющем большинстве вопросов мнения учителя и его учеников всегда совпадали. Таков был высочайший авторитет Николая Александровича.

Краевед подавал материал так, что с первой страницы заинтересовывал их судьбами. Вот исследование, посвященное сельскому священнику: «Портрет на фоне событий местного значения». Это — рассказ о судьбе «сельского философа» (да, таких тоже можно найти в селах России): «Ф.А. Иванов: философ из сельской местности»; исследование

«По следам истории рода Кашицыных» посвящено целой семье. И в каждой работе — масса уникального материала по местной истории, своя жизнь, свои житейские сюжеты.

Николай Александрович стремился записать воспоминания максимально большего количества старожилов окрестных сел, чтобы оставить в истории их бесценные воспоминания, чтобы, наконец, имена тех его односельчан, воспоминания которых он записал, остались для потомков.

Кроме широко использовавшихся воспоминаний местных жителей в своих исследованиях краевед много интересных сведений черпал из газет, журналов. Особо ценил периодику периода 1920-х годов, где нередко встречался совершенно уникальный материал. Николай Александрович был убежден в необходимости изучать прошлое страны — в первую очередь, через постижение своей малой родины, ведь как из маленьких кусочков мозаики складывается большая картина, так и из воспоминаний отдельных людей вырисовывается прошлое родного края.

Большой интерес мой учитель проявлял к микропонимии. Им собрано немало названий местных географических объектов. В статье «Улицы Курлака» он собрал все известные неофициальные названия улиц в Новом Курлаке и объяснил их происхождение⁴.

Осенью 2013 года, когда с группой единомышленников мы работали над концепцией краеведческого журнала «Битюгъ», Николай Александрович живо нас поддержал, став членом редколлегии журнала. Редактировал некоторые опубликованные в журнале материалы. Всегда с нетерпением ждал выхода в свет очередного номера.

Мы неоднократно организовывали с ним краеведческие экспедиции по Воронежской области — главным образом, по Среднему Прибитюжью. Особо запомни-

³ Мы все с одной деревни / Сост. Н.А. Макаров, Б.А. Рогинский. М.: Звенья, 2006. 344 с.

⁴ Макаров Н.А. Улицы Курлака // Мы все с одной деревни. М.: Звенья, 2006. С. 301–305.

А. Курзанов. Краевед Н.А. Макаров

лась экспедиция 2009 года в окрестностях села Старая Тойда Аннинского района, когда мы занимались поисками следов закрытого еще в 1760-е года Троицкого Битюцкого монастыря. В той экспедиции мы записали местные предания, передававшиеся из поколения в поколение жителями Старой Тойды.

Еще одной крайне интересной экспедицией в 2008–2010 годах были походы в поисках так называемого Кудеярова городища. Было несколько экспедиций не особо удачных, но в конечном итоге удалось отыскать в лесу под Анной на крутом склоне к Битюгу укрепленное поселение, как уточняют археологи, II–I тыс. до н.э. В 1950-е годах исследованием этого городища занимался аннинский краевед, педагог Г.И. Корнюшин, личность для Прибитюжья легендарная.

Вообще Н. Макаров очень ценил дружеские связи с земляками, поддерживал теплые отношения со многими односельчанами, которых судьба разлучила с малой родиной.

Крепкая дружба связывала Н.А. Макарова с уроженцем Нового Курлака, воронежским художником А.М. Курза-

новым (1938–2022). Кстати сказать, Александр Михайлович Курзанов, написав живописный портрет Н.А. Макарова, подарил картину краеведу. Все годы эта красивая работа висела в его кабинете, дома в Новом Курлаке. Все переводы текстов в книгах-альбомах А.М. Курзанова на иностранный язык выполнил Николай Александрович.

Н.А. Макаров был человеком невероятной выдержки и терпения, всегда уважительно относился к своим оппонентам, доказывая правоту своих взглядов сдержанно, но с должной аргументацией и логично. Николай Александрович отличался широтой энциклопедических знаний. На любой вопрос у него был свой ответ. Как педагог, он умел заинтересовать своим предметом. Ученики его очень любили, и не только за те уроки, которые он доступно вел, знания, которыми он делился, но и просто за доброту и скромность. На мой взгляд, это был эталон школьного учителя и наставника.

С особым уважением мой старший товарищ относился к своим родителям, Александру Ивановичу и Нине Григорьевне. Очень их любил. Чтил память

о своих предках. Очень много Николай Александрович рассказывал о своем геройском прадеде Илье Кузьмиче Макарове, который воевал в Первую мировую войну, став полным Георгиевским кавалером. Жизни Ильи Кузьмича посвящена краеведческая работа племянницы Н.А. Макарова — «Трактат о прапрадеде». 31 августа 2013 г. в отдаленной части с. Хлебородное на местном кладбище (Поповка — в шести километрах на восток от Нового Курлака) И.К. Макарову был открыт памятник.

Трудно без эмоций вспоминать такого дорогого мне человека, наши экспедиции и общие краеведческие работы, обсуждения прошлого родного края и встречи с земляками, старожилыми наших родных сел... Все это теперь осталось только в моей памяти и частично на фотографиях из моего личного архива.

В начале 2021 году я начал обдумывать большое интервью с краеведом и педагогом Н.А. Макаровым. Составлял вопросы. Хотелось подробно остановиться на жизни своего учителя, письменно зафиксировать его оценки по наи-

более принципиальным событиям российской истории. Планировал выйти в отпуск летом и поехать в Новый Курлак. Но судьба рассудила по-своему. Николай Александрович Макаров трагически погиб 5 мая 2021 года. Похоронен в родном селе Новый Курлак...

Говорят, что человек жив, пока живет его дело. История продолжается, и все исследования, которые проводил этот уникальный краевед, в конечном итоге имели важную цель — рассказать землякам правду, пусть порой не совсем удобную, трагическую, чтобы будущие поколения не совершали ошибок своих предшественников.

К сожалению, личный архив краеведа частично утрачен, но остались многочисленные материалы, наработки Николая Александровича, в том числе опубликованные статьи. Но самое главное — подросло новое поколение краеведов, воспитанных этим достойным педагогом. Значит, будет продолжено его дело, и история родного края откроет нам еще много своих увлекательных тайн. Спасибо тебе за все, Учитель.

Галина Васильевна Шатунова родилась в селе Островки Аннинского района Воронежской области. Окончила Воронежский государственный педагогический институт. Была секретарем комитета ВЛКСМ вуза, замдиректора школы, советником областного департамента образования, науки и молодежной политики. Член Союза журналистов России. Автор, редактор, составитель ряда книг документального и краеведческого характера. Лауреат премии «Добронезец». Награждена Почетным знаком регионального правительства «Благодарность от земли Воронежской». Живет в Воронеже.

Галина Шатунова

РОДНАЯ УЛИЦА МОЯ

Очерк

Я родилась спустя почти десятилетие после той Великой войны. Еще были живы и молоды фронтовики. Можно было по их рассказам составить представление о войне. Но мы, юные и бесшабашные, больше верили учебникам, чем очевидцам. В том нет нашей вины, нас так учили. И все-таки понимание того, что война — это горе, что война — это страшно, отпечаталось в нашей детской памяти навечно.

Река Токай, делясь на рукава, образует острова (отсюда и название села — Островки), на одном из которых расположились двадцать домов Заречной улицы. На этой улице я выросла. Вся трагедия войны во всей ее многоликости и многомерности живет на Заречной. Войну можно изучать по судьбам жителей одной только нашей улицы.

Тогда на Заречной жили в большинстве своем женщины. Они носили темные одежды и черные (изредка — белые) платочки на голове. Долгое время я считала, что все женщины старше сорока лет — старушки, и должны одеваться именно так. Это мои впечатления и воспоминания детства.

В доме первом жила тетка Поляха. Наверное, ее звали Полина. Но по-уличному ее называли именно так. У нее не было ни детей, ни мужа. Ее муж, погибший на войне, был братом Героя Советского Союза. Она сажала подсолнухи. Продавала семечки. На то жила. Частенько выпивала. Горе сидело в ней, и она не могла с ним смириться.

Во втором доме жила моя прабабушка Токарева Евдокия Васильевна. По-уличному — Василиха. У нее было пятеро детей: две дочери, старшая из которых, Анна, была моей бабушкой по отцу. Три ее сына — Павел, Иван и Михаил — были на войне. Все вернулись живыми и здоровыми. Иван был полковником госбезопасности. Служил после войны в Германии. Михаил, майор, воевал и в Германии, и на Дальнем Востоке с японцами. Бабушка была суровой, строгой, с достоинством. Ее все побаивались. Наша семья некоторое время жила с ней, в ее землянке. Рядом отец строил наш дом.

Третий дом был бабушки Севастьянихи. Это была саманная землянка, крытая соломой. В доме всегда было чисто и пусто. Мы, дети, ходили к ней за конфетами. Она доставала из кармана фартука конфетки-подушечки и угощала нас. У нее тоже никого не было. Говорят, что семья была зажиточной, за это репрессировали.

Дальше жил брат моего прадеда Токарева Алексея Ильича — Левон Ильич, отменный столяр. Он не воевал по возрасту. С женой Евдокией они проживали тихо. Всегда привечали нас. Помогали моему отцу строить свое жилье.

В доме напротив проживал Рыльков Иван Иванович. Он фронтовик, воевал. Мужики его уважали. У него были золотые руки и крепкое хозяйство. Но его никогда не приглашали на праздники, на митинги, на возложение венков. Почему-то на его дом не прибывали фанерную красную звезду ко Дню Победы, и к нему не приходили с помощью пионеры-тимуровцы. Его жена, тетка Анярка, всегда была почему-то грустной. Много лет спустя я узнала, что ее муж был в фашистском плену. Рыльков Петр Иванович — сын Ивана — вернулся с войны инвалидом, на ноге был свищ. В бане он развязывал рану, и все мужики видели эту страшную метку войны. Ходил с костылем. Рана зажила через тридцать лет в 1975 году, когда ему сделали успешную операцию в Волгоградском госпитале.

В следующем доме жила бабушка Аленка, по-уличному Бутусиха. Ее муж не вернулся с войны. Она одна воспитывала много детей. Один из ее сыновей, Александр, с семьей до сих пор живет на нашей улице.

Далее стоял дом деда Мороза. Не знаю

его настоящей фамилии. Он был стар, не был на войне. Вел свое хозяйство, косил сено, сажал огород. Тем и жил. Все как у всех. Ни в каких особенных событиях не был замечен. Жил бобылем. Думаю, что причиной его одиночества тоже явилась война.

Его соседкой была тетя Саня. Она воспитывала сироту — девочку Шурочку, на улице ее звали Шурёшкой. Тетя Саня умерла от рака.

Напротив стоял пустой дом. Заглянешь в окошко — в комнатах ни мебели, ни посуды — ничего. Но нам, девчонкам и мальчишкам, игравшим в войну с деревянными саблями, автоматами и самолетами, никогда не приходило в голову побить стекла или совершить еще какую каверзу с этим ничьим домом.

На краю улицы жили две старые девы Мироновы, так и не вышедшие замуж. Их женихи полегли на фронте. Миллионы мужчин сгорели в страшном горниле войны. Создавать семьи было просто не с кем. Это тоже печальные последствия войны!

Напротив обосновалась семья Овчинниковых. Дед, Губанов Петр, не был призван на войну. Имел ручную крупорушку. К нему ходили делать рушанку из разного зерна, которую потом парили и получали кашу. Эта семья никогда не голодала. Его сыновья Александр и Николай дружили с моим отцом. Мы с ними немного родня по тетке Серафиме Журавлихе.

Рядышком в саду стоял домик Немой — портнихи, которая умело шила любую одежду. Все пользовались ее услугами. Этого жилища сейчас нет.

На самом берегу реки в маленьком домике в одну комнату жил инвалид с деревянным протезом вместо ноги. Его звали Крёха. Проживал он с женой Марией. Детей у них не было. Оба часто выпивали.

Самый большой дом, с огромным садом, с гаражом под «Волгу», с персональным гектаром под луг был у Героя Советского Союза Хорошилова Семена Ивановича. Он дошел до Берлина. После войны его выбрали председателем нашего колхоза «Ленинский путь».

При нем колхоз креп и развивался. В хозяйстве было 4 молочно-товарных фермы, птицеферма, свиноферма, овцеферма, пасака, сады, 5 тракторных отрядов. На тер-

ритории колхоза было 4 школы, 3 клуба. Почти все, чем был богат колхоз, построили при Семене Ивановиче. В Островках возвели новую среднюю школу с интернатом, которую я оканчивала. В селе были баня, почта, сберкасса, детские ясли-сад, 4 магазина, медпункт, двухэтажное правление колхоза, дом культуры, библиотека, котельная, общежитие для сельскохозяйственных рабочих, столовая, мастерская по ремонту техники и многое другое. Сейчас это — мир, унесенный ветром перемен. По существу, остались только школа и дом культуры. Семен Иванович правил твердой рукой, как на фронте. Награжден как председатель колхоза орденом Ленина. Его и сейчас вспоминают добрым словом — как символ былого благополучия.

Он первым начал строить себе двухэтажный дом, но райком партии вовремя поправил — не возносись высоко!

У него первого на селе появился телевизор. Мы всей улицей помогали ему ставить высокую деревянную антенну. Мужики держали ее на растяжках. В нашей долине долго не ловился телесигнал.

Был Семен Иванович человеком шумным, конфликтным, но конструктивным и доступным для всех. Будучи уже пенсионером, собирал у себя по вечерам или по праздникам соседей. Смотрели телевизор, играли в карты, чаще — в лото. Он не мог без общества. И общество платило ему уважением и любовью.

Пятеро его детей разъехались. Дом рушится. А мог бы стать домом-музеем Героя.

На другой стороне улицы стоял дом моего деда Токарева Афанасия Ивановича. Он ушел на фронт в первые дни войны. Было у него четыре брата: Иван, Николай, Алексей, Михаил. Все ушли на фронт. Вернулся один Николай. Такую страшную дань взяла эта война с нашей семьей.

Жена Афанасия Ивановича, моя бабушка Анна Алексеевна, осталась одна с четырьмя детьми: Василий, мой отец, Мария, Клавдия и Люба. Бабушка болела бронхиальной астмой, работать не могла. Кормильцем в семье стал мой отец. В 1941 году ему было двенадцать лет. Он работал наравне со взрослыми женщинами и мужчинами, не призванными в действующую армию. В се-

мье была корова. Содержать ее было трудно. Заготовка кормов требовала много сил. Но без коровы — не выжили бы. Бабушка Анна Алексеевна умерла в 1952 году в возрасте 47 лет.

Десятилетнюю Любу забрали в детский дом. Она воспитывалась в нем до совершеннолетия. Потом ее направили в Подмоскovie на ткацкое производство, там она получила государственную квартиру и проработала всю жизнь до пенсии. Мария уехала на целину. Клавдия окончила педучилище, стала воспитателем детского сада. Все трое вышли замуж за мужчин, имевших прежде семьи. Мой отец не окончил даже школу-восьмилетку. Он работал. Сначала кормил семью своего отца, потом свое семейство. Государство помогало разными способами семьям ветеранов, оставшихся в живых. А вот семьи погибших были будто за скобками.

В 1954 году Василий Афанасьевич женился на моей маме Логуновой Раисе Егоровне. Один за другим у них родились пятеро детей: Галина, то есть я, Татьяна, Александр, Юрий, Владимир. Жили, как все в деревне, очень скромно. Родители трудились от зари до зари. Дом строили на пустом месте. Все родственники и со стороны деда Афанасия, и со стороны бабушки Анны помогали моему отцу. В родне его звали ласково — Васятка.

Токарев Иван Алексеевич, дядя моего отца, приезжал каждое лето к своей матери Евдокии на родину — в Островки. Он прибывал в военной форме на автомобиле «Победа». Все ждали его приезда как праздника. Он не входил в дом, пока моя мама не снимала со стены иконы. Мама шла на компромисс, торопясь, снимала образа, заворачивала в расшитые полотенца и прятала их на печку. Готовилось праздничное угощение: жарились на одной сковородке картошка, а на другой — яичница с салом. Подавались хлеб, огурцы, помидоры, лук, сало, яблоки. Вот и все угощение. Нам, детям, за столом и при разговорах старших присутствовать не полагалось. Нас звали, когда тетя Шура, жена Ивана, раздавала подарки и гостинцы. Они всегда привозили для нас обувь, одежду, отрезки тканей. Я думаю, что Иван давал моему отцу деньги на строительство дома. Иначе бы дом не построили.

Отец положил на строительство нашего дома все здоровье. Он умер в 1983 году возрасте 54 лет. Его смерть была для меня потрясением. До этого мы не хоронили близких. Когда он лежал в гробу, я не видела ничего, кроме его натруженных рук. Мама одела его в красивый дорогой костюм, такой, что при жизни ему носить не довелось.

Точно так, как Иван, поступали и Михаил Алексеевич Токарев, живший в Семилуках, и его сестра Александра Алексеевна Еремеева из Керчи. Везли все: одежду, обувь, цемент, кирпич, стекло, железо. Из Керчи однажды привезли оцинкованные корыта, чтобы мой отец смог докрыть ими крышу дома. Видимо, все они чувствовали свою ответственность за благополучие семьи умершей сестры и ее погибшего мужа. Спасибо им за все!

Каждый их приезд родня фотографировалась. Все фотографии, сохранившиеся с тех времен, сделаны Иваном Алексеевичем.

Отец моей матери, Логунов Егор Николаевич, пришел с войны раненый. Он жил в селе Плеханово Липецкой области, был председателем сельского совета. Работал председателем колхоза, председателем сельпо. Умер в 1959 году. Мама рассказывала, что он очень радовался, когда я родилась. Я была его первой внучкой единственной дочки. Он возился со мной. Целовал, дарил подарки. Маме, своей дочери, подарил в честь этого события швейную машину марки «Подольская», которая до сих пор цела. На ней мама обшивала свою многочисленную семью. Когда дед умер, мне было три года. Я помню его очень смутно, вероятно, по воспоминаниям моей мамы. Пообщаться с дедом в осмысленном возрасте мне не довелось.

Еще на Заречной улице жили супруги Шеины. Потом их дочь Мария, вышедшая замуж, забрала родителей к себе на улицу выше. Этот дом у них купили мы для своей бабушки Логуновой (Двуреченской) Марии Прокофьевны, переехавшей из Липецкой области в Островки после смерти деда. Я переселилась жить к бабушке. Дом был маленький. В нем помещались стол, сундук, кровать, посудница, и большую часть занимала печка-лежанка. Внук Шеиных — Сапронов Георгий Михайлович, ныне генерал-

лейтенант Российской Армии. По всему выходит, что выросли мы с генералом на одной печке.

Через дом от Шеиных в начале 60-х годов построил дом директор Островской средней школы Губанов Виктор Николаевич. Он учил детей математике. В школе всегда основательно преподавали математику. Выпускник школы, мой брат Токарев Александр Васильевич, окончил Воронежский политехнический институт, защитил кандидатскую диссертацию по сопромату, с распределения работает на Воронежском авиационном заводе, руководит экспериментальной лабораторией, доцент, преподает в ВГТУ, печатается в российских и зарубежных журналах, имеет 6 патентов на изобретения.

На самом дальнем краю улицы жила семья Бахтиных. Их сын, Бахтин Иван Алексеевич, стал профессором математики, преподавателем Воронежского государственного педагогического института (в последствии — университета). С 1979 по 1984 годы я работала секретарем комитета ВЛКСМ и преподавала в пединституте. Мы всегда поддерживали с Иваном Алексеевичем теплые отношения как земляки.

Ни мне, ни моим братьям-сестрам и многим моим ровесникам не довелось сидеть у дедов на коленях, слушать их сказки, преданья, истории о жизни и о войне. Деды не гладили нас по головке, рукой передавая свою любовь, свои силы, свой жизненный опыт и одобрение. Деды не угощали нас гостинцами. Мы не засыпали под их крылом. Мы всегда с детской наивной завистью смотрели на тех, кто идет за руку со своим дедом.

Наши родители выросли без отцов, а мы, их дети, — без дедов. Нам досталась в наследство страшная память о той войне. На сегодня из всех, о ком написаны эти строки, на улице Заречной проживают только моя мама и Александр Токарев (Бутус).

Не дай Бог нам всем — и новым русским, и старым советским — когда-нибудь внезапно оказаться безоружными и беззащитными перед лицом до зубов вооруженного, коварного противника!

Я очень хочу, чтобы на улице Заречной всегда цвели сады, сирень и черемуха, звучали родные и знакомые голоса и счастливый смех наших внуков и правнуков.

Петр Борзунов

ХРИТОНОВЫ И РОССИЯ

Из записок о крестьянских судьбах

КАК ДЕД НИКИФОР ЛОВИЛ СОМА-ВЕЛИКАНА

Стояла хорошая погода. И со своим сенокосом Борзуновы управились за пять дней. На следующий выехали на суходольные и заливные луга Прибитюжья (под селом Старой Чиглой), принадлежащие небогатому помещику.

Договорились убирать из одной трети: две копны хозяину сенокосных угодий, одну — себе.

Покос располагался по пойме реки Битюга — от Барских лугов до Старой Чиглы. Стан сделали на берегу. Как и ранее, не забыли взять из дома рыболовные снасти (сети, вентеря, кубари).

Рыбной ловлей занимался дед Никифор Ефимович Борзунов. Каждый день он кормил артель щербой (ухой) и вареной рыбой.

Однажды помещица Бочарова пожаловалась, что в ее хозяйстве почти ежедневно пропадают гусята. А на мелководье люди не раз видели большого сома. Значит, это из-за него помещица несла урон в поголовье молодняка птицы.

Дед Никифор Ефимович Борзунов (Хрионов) решил поймать сома. Для выполнения задуманного поехал домой, откуда привез якорь-тройчатку (крепкие крючки для крупных рыб). Потом обжарил на костре курицу, которую пожертвовала помещица. Якорь-тройчатку заправил внутри курицы.

Вместо поплавка лесой-бечевой рыболов привязал снопик куги.

Никифор Ефимович на лодке вывез наживку на середину плеса, заглубив ее метра на полтора. А бечевку протянул к берегу и привязал к гибкой молодой ветле, накренившейся над водой.

На сенокосе он (в семье его попросту звали Никиткой) всегда был стогоукладчиком. Но теперь у него появилась еще одна забота: время от времени поглядывать на пучок куги, торчавшей над водой. Однако там все было спокойно.

На следующий день Никифор Ефимович увидел прыгающий пучок. Он то погружался в воду, то всплывал. И рыболов в восторге крикнул:

— Попался!

Не теряя даром времени, он быстро сполз со стога и опрометью побежал к реке.

Вся артель смекнула, в чем дело, и будто по команде устремилась за ним. Предстояло великолепное зрелище.

И точно: большущая рыба будоражила воду плеса. То всплывала, то уходила вглубь. Ветла, к которой была привязана бечева, отчаянно хлестала по воде.

Но дед Никифор тоже не дремал. Он потихоньку начал подтягивать рыбу к лодке. А когда она всплыла на поверхность воды, то все в один голос крикнули:

— Сом!

Он казался похожим на толстое бревно с черным лоснящимся отливом. У многих присутствующих при виде этого великана, как при виде какого-нибудь чудовища, лицо и руки покрылись мурашками.

После короткого отдыха рыба с новой силой принялась вырывать бечеву из рук Никифора. И тогда он послал на стан за топором. Однако лишь к вечеру он подтянул рыбу на близкое расстояние. И тут же дал знак подать топор. А потом в одно мгновение бросил бечеву и резко нанес удар, вложив в него всю силу...

Сом подпрыгнул над водой, упал. Вода забурлила, быстро начала краснеть. Движения сома стали медленными, вялыми. И вскоре сом совсем затих.

Никифор Ефимович подтянул рыбину к берегу, затем с помощью заранее заготовленной деревянной рогатины через жабры и рот протянул вожжи. И вот не-

сколько мужиков выволокли сома на прибрежный песок, а потом потащили к стану. Прикинули, что в добыче более пяти пудов (свыше восьмидесяти килограммов).

Тут же было решено: третью часть сома отвезти в Старую Чиглу, чтобы там продать священникам, лавочникам, учителю и всем, кто пожелает купить. Вторую треть — богачам Старой Тойды. На вырученные деньги купить четверть водки.

Сказано — сделано. И вот уже на стане в двух ведрах начали варить щербу (уху) из сома. Когда она была готова, мужики выпили водки, закусывая сомятиной, луком. Над округой понеслись песни.

Только перед рассветом стан ненадолго затих. Вместо песен вкоре послышался гулкий храп заснувших мужиков.

Оставшуюся сомятину потом ели еще дня два, сохраняя ее в садке, опущенном в воду Битюга.

СЕРЫЕ РАЗБОЙНИКИ

Казалось бы, выгнали скотину на пастбу в поле — и никаких тебе тревог-волнений. Однако это далеко не так.

Гуртовых собак кормили хорошо, но раз в сутки. И только утром. Если же накормить вечером, то они не станут прилежными в исполнении своих обязанностей, их начинает одолевать дремота.

В большинстве случаев волки нападали на гурты овец ночью, к тому же с подветренной стороны, чтобы не сразу почувляли собаки. И пастухи уже знали: если ветер западный, то жди непрошенных гостей с восточной стороны. Старший чабан и вожак собак не спали всю ночь. В те времена волков было много, поэтому они лишь в редкую ночь не нападали на гурты. А частенько приходили даже днем. Причем волк не шел открыто. Обычно он ложился впереди гурта на расстоянии 700-800 метров, и когда овцы находились совсем близко, то быстро вскакивал, хватал одну из них за шею (у челюсти) и быстро убегал с нею, подстегивая хвостом. Небольшую же овцу или ягненка волк забрасывал себе на спину, а потом уходил с добычей в лес или в заросли оврага.

Волки были бедствием для крестьянина.

Они также похищали много жеребят, телят, которые паслись подальше от домов. Истребляли гусей на берегах рек. Нападали и на лошадей: сначала — спереди, стараясь схватить за горло. Если это не удавалось, волк зубами ловил лошадь за хвост и со всей силой упирался ногами в землю. Выбрав момент, когда она сильно напрягалась, он резко отпускал ее хвост. Лошадь падала через голову, волк моментально подскакивал к ней и перегрызал горло.

Зимой хищники подходили к селам, по запаху определяя местонахождение овец. В плетневых или частокольных овчарнях прогрызали себе лаз и проникали внутрь помещения. Там обычно загрызали всех животных, а съедали одну.

Особенно много волков развелось в годы Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн. И с хищниками велась упорная борьба. С 1922 по 1930 года их отстреливали при облавах. Дело же это было простое. В осенне-зимнее время сельские охотники выслеживали в лесу место отдыха волчьей семьи. Потом с двух сторон это место оцепляли бечевой с пришитыми к ней красными флажками (на расстоянии двух метров друг от друга). Длина та-

кой бечевы — до полутора километров. В результате создавали своеобразный «коридор».

На одном его конце в засаде находились охотники — один от другого на расстоянии убойной силы ружья. На другом конце такого «коридора» становились загонщики — молодые мужики, подростки. Они шли в сторону охотников, били в косы, трубили в рожки, свистели, кричали. Напуганные шумом волки стремились убежать, бросались в сторону флажков, но хищников пугал красный цвет. И они устремлялись по «коридору» прямо на охотников, которые встречали зверей меткими выстрелами из ружей.

После Великой Отечественной войны волков истребляли с помощью самолетов. Для этого местный охотник, заметивший стаю (особенно во время гона хищников или пришедших к скирдам соломы на мышкование), звонил по телефону в районный центр. От-

туда сообщали в Воронеж, вызывая самолет с бригадой отстрела. И в таких случаях ни один волк не мог убежать от автоматного или пулеметного огня.

До 1960 года на всей Европейской части бывшего СССР были истреблены почти все волки. А вскоре егеря стали замечать, что увеличился падеж диких животных: лосей, оленей, коз. Оказывается, это больные, слабые, старые, которых раньше серые хищники гоним добывали себе на пропитание. И ученые-охотоведы убедились еще раз, что волк является санитаром в дикой природе, а в итоге проводится естественный отбор. Без него не обойтись. Поэтому пришлось завезти в наши края несколько пар волков из Сибири.

И теперь их количество определяется естественной необходимостью. Лишних отстреливают. Так что порой и волк требует к себе определенного внимания.

ТОНКОСТИ БЫЛОГО СВАТОВСТВА

Сельские парни и девушки дореволюционной России плохо знали друг друга. Только по праздникам собирались на вечеринки, да и то под строгий наказ родителей:

— Ты там недолго, а то по шее получишь! И получали...

Особенно в строгости держали девушек. В случае задержки с вечеринки отец или мать говорили без обиняков:

— Ты что, до своего замужества хочешь принести нам ребенка в подоле и опозорить себя да нас?

Слушая такие слова, дочь готова была провалиться сквозь землю.

Да, в те времена большая часть молодежи имела совесть, девушки не позволяли себе сожительствовать с женихами.

Правда, некоторые парни по ночам ходили к солдаткам. За это им сильно попадало от своих отцов, которые пороли таких сыновей ремнями, вожжами, кнутом. А родня солдаток была особенно жестока — если застигнут такого «ходока», то били его вплоть до увечья. Вот и выходило по известной поговорке: «Или сена клок, или вилы в бок».

В дореволюционной России о клубках на селе крестьяне не имели понятия. В празд-

ничные дни мужики-соседи сидели на дубах, сложенных около хат, вели разговоры на разные темы, в том числе и о войне.

Летними вечерами молодежь собиралась также возле кладок леса — «на улице». Здесь на гармошке, балалайках (в те годы эти музыкальные инструменты были на каждой улице) исполняли русские народные мелодии: «Саратово», «Страдания», «Барыню». Под эти мелодии парни и девчата пели частушки, танцевали, плясали.

На вечеринках исполняли старинные протяжные и шуточные песни.

Нередко молодежь, вечерами веселившаяся вблизи хат, мешала односельчанам отдыхать, за что получала справедливые замечания и совет продолжить развлечение за околицей.

Обычно так и поступали. Тем более что за селом, у реки, было излюбленное место на лужку, где не только пели, плясали, но и активно участвовали в различных коллективных играх под названием «Рыбка», «Третий лишний», «Гуси-лебеди, домой».

В осенне-зимний период парни за плату (от трех до пяти копеек в месяц с человека) снимали у вдов квартиру, а также у «вековух», в свое время не вышедших замуж. Там, в основном по праздникам, взрослые

ребята, девушки собирались «на улицу» — вечеринку.

Нередко для хозяек этих квартир парни завозили дрова из леса. Правда, во время вечеринок в тех хатах было тесновато, зато молодежь чувствовала себя свободно. Ребята часто играли в карты, девушки пели или сидели на лавках, лузгая семечки.

Как правило, на такие вечеринки собиралась молодежь только одной улицы. Пришельцев с другой парни встречали недружелюбно. Нередко случались массовые драки, если «чужаки» начинали ухаживать за дешеными девушками. А когда парни одной улицы одолевали соперников с другой, то победители свободно гуляли на двух-трех.

В те далекие годы считалось, что родители правильно поступали, когда женили сыновей и выдавали замуж дочерей в восемнадцатилетнем возрасте. Это предотвращало разболтанность, развращенность молодежи. И часто не спрашивали согласия: как решили отец с матерью, так и бывало. И в таких случаях говорили: «Стерпится — слюбится».

Однако имелись исключения, когда молодые люди женились или выходили замуж по любви. После свадьбы многие из таких парюбили друг друга до конца своих дней.

Перед сватовством созывали семейный совет из самых близких родственников: братьев с женами, сестер с мужьями, дяди, тети. Мать жениха ставила самовар, все собравшиеся пили чай, обсуждали кандидатуры невест. Причем таких, которые по красоте, уму, трудолюбию соответствовали бы достоинствам парня. Если же таких достоинств у него было не очень много, то было ясно, что о хорошей невесте для него нечего и мечтать. Потому-то при выборе родственников старались помнить о пословице: «Руби дерево по себе». Именно такой рациональный подход к этому делу, как правило, был удачным. Были случаи, когда богатый мужик имел сына с физическими и умственными недостатками. Но, несмотря на это, нередко такой жених зазнавался. А родители все же выбирали для него лучшую невесту на селе — красивую, работающую, умную, часто из бедной семьи. Но это замужество не сулило ей спокойной жизни и счастья. Она слышала упреки, что ее взяли из бедноты. Бежать бы из этой семьи, куда

глаза глядят, да такая, видно, судьба, и гнишь, как рабыня.

Впрочем, в некоторых других богатых семьях к снохе из бедной семьи относились хорошо, за что та старалась отвечать взаимностью. В случаях, когда выдавали за немилого, девушка спокойная смирялась, оставаясь верной женой. А другая в такой же ситуации, напротив, изменяла под разными предлогами, избегала ходить с постылым мужем в гости, в церковь.

Надо также заметить, что до Октябрьской революции 1917 года мужья часто били своих жен, особенно пьяницы, разгульные, несдержанные. Умные, степенные, рассудительные мужики, напротив, жили спокойно.

Итак, наметив на семейном совете невесту, обычно отец, мать, их сын-жених, мать-крестная и «языкастый» родственник брали бутылку водки и отправлялись сватать. Все они, кроме жениха, заходили в хату, а он оставался на крыльце, разговаривал с братьями или другими родственниками невесты.

Узнав о цели прихода гостей, родители невесты просили немного подождать: надо посоветоваться с родственниками. Потом объявляли о своем решении. Если оно было положительным, то сваты просили показать невесту. Вскоре она являлась, не зная, как себя вести от смущения и волнения. Но нередко девушку выручала добрая, находчивая будущая свекровь. Она сажала ее рядом с собой, ласково обнимала за плечи и спрашивала:

— Как тебя зовут? Умеешь ли ты прясть, ткать, варить щи?

— Да, — отвечала та.

И тут на помощь дочери приходила мать:

— Не в обиде будете, свашенька, на нее и на меня. Я всему научила. Она у нас старшая в семье, поэтому всегда первая помощница в доме и в поле. Другой раз жалко бывает дочку, а заставляла делать, чтобы всему научилась. Она всех своих братьев и сестер вынянчила, и они зовут ее няней да почитают...

Будущая свекровь, довольная ответом, отпускала невесту:

— Ну, хорошо, иди, дорогая, по своим делам.

Жест доброты будто согревал душу девушки. Это окрыляло, давало надежду на

мирную жизнь в другой семье, куда предстояло перейти.

От души радовалась и мать, которая обращалась к сватам со словами: «А теперь хотелось бы посмотреть вашего сына».

Когда его звали, он сразу же заходил, снимал с головы шапку или картуз, крестился, глядя на иконы, здоровался.

— Как тебя зовут? — обращался к нему отец невесты.

— Федором.

— Знаешь ли ты, Федор, нашу дочь?

— Да.

— С охотой ли берешь ее в жены?

— С большой охотой.

— Ну, так живи с ней так, чтобы мы, родители, не видели ее слез.

— Так и будет, — обещал Федор.

Если девушку сватали в своем селе, где в основном все знают друг друга, то родите-

ли приходили без жениха. В случае же, когда прибывали с ним вместе, то из уважения к нему родители невесты приглашали в хату. Так было и с Федором.

Однако иногда при сватовстве не все проходило гладко. Например, после согласия отца и матери отдать свою дочь замуж, сваты просили показать «товар лицом». Потом девушку заставляли пройти по хате. И тут острый на язык сват добавлял:

— Сейчас мы посмотрим, не хромя ли ты, молодуха!..

Такие слова угнетали девушку, потому что ситуация была похожа на куплю-продажу. Это отнимало надежду на хорошую будущую жизнь в другой семье. Потому-то, покидая родительский дом, иная невеста лила горькие слезы.

Эх, счастье, за какими ты холмами-горами?..

Министерство культуры Воронежской области

**Государственное бюджетное учреждение культуры Воронежской области
«Журнал «Подъём»**

Директор-главный редактор Щёлоков И.А.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

При оформлении номера используются авторские работы, фотографии из архива редакции журнала «Подъём» и открытых источников.

Авторы присылаемых материалов должны сообщить редакции: краткую биографическую справку; домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан, регистрация); ИНН и номер страхового свидетельства.

Редакция просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала в формате Word.

Корректор Стрельникова Е. С.

Телефоны редакции: директор-главный редактор — 8-903-858-64-12, заместитель директора-главного редактора, шеф-редактор (ответственный секретарь), отдел поэзии — 8-903-858-64-15, отдел прозы, корректор, отдел верстки — 8-903-858-64-09, бухгалтерия — 8-903-858-64-13, производственный отдел — 8-903-858-64-16.

Электронный адрес журнала «Подъём»: podiem@mail.ru

Сайт журнала «Подъём»: <http://www.podiemvrn.ru>

Электронный архив журнала с № 1, 2001 г. по № 6, 2008 г.: <http://www.pereplet.ru/podiem>
ISSN 0130-8165.

Журнал «Подъём»

Главный редактор **И.А. Щёлоков**

№ 9 (720). Подписано в печать 09.09.2024.

Дата выхода в свет: 24.09.2024.

Индекс 73312.

Тираж 1120 экз.

Формат 70x100 1/16. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «School Book». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 20,48 + 0,5 п. л. цв. вкл. Отпечатано с готового оригинал-макета

ГБУК ВО «Журнал «Подъём». Заказ № 1197. Цена свободная. 12+.

Адрес редакции: 394030, Воронежская область, г. Воронеж, ул. Кольцовская, 56а.

Адрес издателя ГБУК ВО «Журнал «Подъём»: 394030, Воронежская область,
г. Воронеж, ул. Кольцовская, 56а.

Адрес типографии: ООО «Пресса ИПФ»:

394006, г. Воронеж, ул. Челюскинцев, 43.

Журнал «Подъём» зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
по Воронежской области

Регистрационный номер ПИ № ТУ36-00661 от 29 июля 2024 г.

Учредитель: Государственное бюджетное учреждение культуры

Воронежской области «Журнал «Подъём»

Выходит при содействии Союза писателей России.

Рассылку журнала осуществляет цех экспедирования печати
Воронежского главпочтамта: 394068, г. Воронеж, ул. Лизюкова, 2, ЦЭП.

Во всех случаях полиграфического брака в журнале обращаться
в ООО «Пресса ИПФ».

Прибитюжье. Земля и небо

Ближайшие публикации журнала «Подъём»

- **Страницы прозы:**
«Житейские истории» Бориса Екимова,
рассказы Виктора Перегудова «Выстрел»,
рассказ Вячеслава Ар-Серги «Дорога на Шурдошур»
- **Стихотворения Юрия Перминова, Игоря Тюленева,
Андрея Попова, Алексея Шаповалова**
- **К 200-летию со дня рождения Ивана Саввича
Никитина – статья доктора филологических наук,
литературоведа Виктора Акаткина «В тебе самом
источник сил...»**
- **Статьи, очерки, рецензии Андрея Авраменкова,
Руслана Солопенко, Вячеслава Лютого,
Анатолия Кряженкова**